

Министерство образования и науки Российской Федерации
Амурский государственный университет

Фольклорно-диалектологический альманах

СЛОВО

Материалы научных экспедиций

Выпуск 10

Благовещенск

2013

161

ББК 822.3(2Рос) – 67

С48

Печатается

по решению ученого совета Амурского государственного университета

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 10 / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. – Благовещенск: АмГУ, 2013. – 252 с.

Выпуск содержит обработанные и научно интерпретированные диалектные и фольклорные материалы, собранные преподавателями и студентами Амурского государственного университета во время научных экспедиций в села Амурской области, а также результаты других исследований регионального языкового материала. В альманахе представлены разделы «Современные лингвистические исследования», «История края. Избранное», «Речевые портреты», «Речевые жанры», «Словарь», «Когнитивная диалектология», «Язык фольклора», «Школа», которые будут интересны не только лингвистам и фольклористам, но и историкам, этнографам, краеведам. К альманаху прилагается компакт-диск, демонстрирующий образцы речи и фольклора, опубликованные в выпуске, а также фото- и видеоматериалы, выполненные во время фольклорно-диалектологических экспедиций.

ББК 822.3(2Рос) – 67

Редакторы: Е.А. Оглезнева, д-р филол. наук
Н.Г. Архипова, канд. филол. наук

Редакция компакт-диска: А.В. Бородатов, Д.Н. Галимова

Ответственный за выпуск: Н.А. Сосина

В оформлении обложки использована фотография Андрея Оглезнева

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-51116 от 04 сентября 2012 г.

© Амурский государственный университет, 2013
© Кафедра русского языка, 2013
© Лаборатория региональной лингвистики, 2013
© Галимова Д., Оглезнева Е., фото

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакторов</i>	7
Современные лингвистические исследования	
<i>Русская диалектология</i>	
<i>Архипова Н.Г.</i> Лексика пищи как системное образование в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области.....	17
<i>Галуза О.Ю.</i> Отглагольные дериваты в системе говоров Приамурья.....	22
<i>Региональные варианты русского языка</i>	
<i>Оглезнева Е.А.</i> Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка.....	27
<i>Кирпикова Л.В.</i> Народно-разговорная речь на Амуре первой трети XX в. (по материалам Словарной картотеки Г.С. Новикова-Даурского)	37
<i>Касимова Е.В.</i> К вопросу об изучении русско-китайского языкового взаимодействия в Дальневосточном регионе в начале XX в.	43
<i>Цзян Ин</i> Русский язык как иностранный в современном Китае (на материале русского языка в г. Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян).....	48
<i>Лексическая семантика</i>	
<i>Неронова М.</i> Наименования птиц в русском языке как семантическое поле	54
История края. Избранное	
<i>Карпов А.Б.</i> Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками (1910). <i>Подгот. к печати Л.В. Кирпиковой</i>	64
Речевые портреты	
<i>Блохинская А.В.</i> Речевой портрет потомка русских и украинцев на амурской земле (на материале речи Марии Васильевны Остапенко, село Песчаноозерка Октябрьского района)....	76
<i>Гордеева С.В.</i> Речевой портрет потомка русских переселенцев в Китай (на материале русской речи Цю Цзиньсю, село Бяньцзян, провинция Хэйлунцзян, КНР).	82
<i>Архипова Н.Г., Белоусова Е.В.</i> Языковая история семьи в условиях поликультурной среды (на материале речи Ивана Михайловича Чан-сы-чана, село Климоуцы Свободненского района)	95
Речевые жанры	
<i>Лагута Н.В.</i> Размышления о языке в речи носителей диалекта.....	107
«У нас говорили, конский молочай».....	114
«Ну, щас говорят по имя, а тогда «моя баба» и все!».....	115
«Это уже вроде так вот поласково говорили».....	115
«Чеванью – фамилия такая, нерусская...».....	116
«Вот так вот в детстве назовут – Хмырь, он и сдохнет Хмырём!»	117
«Они туда семьями выселялись, семьями приезжали, поэтому и зовут – семейские».....	119
«Ну, наши имена по-церковному».....	119
«Говорили, конечно, не так...»	120
«В Николин день родился, значит, Николай назвали»	120
«Потому что ее бьют битком»	122

«Раньше мы родителей звали на «Вы»123

Словарь

МО-МЯ (Сост. Г.М. Старыгина).....125

Н (Сост. Г.М. Старыгина)129

Когнитивная диалектология

Галимова Д.Н. Метафорическое моделирование объектов мира природы в диалектном дискурсе.....138

Калинина Е.Л. Топонимический знак как динамический концептуальный код.....149

Васильев В.П., Васильева Е.П. Примета как культурно-ассоциативный слот метеономического концепта152

Язык фольклора

Фольклорные тексты (из неопубликованных экспедиционных записей, сделанных в с. Новоандреевка Белогорского р-на Амурской обл.) (Сост. Н.Г. Архипова)161

Школа

Алексеева Г.К. «И слово в сердце отзовется»: из опыта работы учителя-словесника по использованию регионального компонента176

Азаренко О.С. Роль фольклорных и библейских мотивов в воссоздании пространства социального зла в поэме А. Ахматовой «Реквием»181

Работы школьников

Шестовец Д. (рук. Богомазова Т.П.) Албазино как форпост Приамурья189

Справочные материалы

Библиографический указатель работ по амурской диалектологии и региональной лингвистике (2005-2012 гг.)194

Диссертации по амурской диалектологии и региональной лингвистике, выполненные преподавателями кафедры русского языка АмГУ (2005-2012 гг.).....215

Дипломные работы по амурской диалектологии и региональной лингвистике, выполненные и защищенные на кафедре русского языка АмГУ (2005-2012 гг.)216

Маршруты фольклорно-диалектологических экспедиций221

Историческая справка о селах.....222

Краткие сведения об информантах228

Собиратели диалектного и фольклорного материала229

Авторы231

CONTENTS

<i>From the editors</i>	7
<i>Contemporary Linguistic Studies</i>	
<i>Russian Dialectology</i>	
<i>Arkhipova, N.G.</i> Food Vocabulary as System Structure in the Dialects of Old Believers (Semeiskie) in the Amur Region	17
<i>Galuzha, O.Yu.</i> Verbal Derivatives in the Dialects of the Priamurye	22
<i>Regional Varieties of the Russian Language</i>	
<i>Oglezneva, E.A.</i> The Far Eastern Regional Varieties of the Russian Language as a Regional Variant of the Russian National Language.....	27
<i>Kirpikova, L.V.</i> Folk Colloquial Speech in the Amur in the First Three Decades of the 20-th Century (based on Word Index by G.S. Novikov-Daurskiy).....	37
<i>Kasimova, E.V.</i> Studying the Russian-Chinese Language Interaction in the Far East at the Beginning of XX-th Century.....	43
<i>Tszyan In.</i> Russian as a Foreign Language in Modern China (based on the Russian Language Use in Heihe, Heilongjiang Province, China)	48
<i>Lexical Semantics</i>	
<i>Neronova, M.</i> Names of Birds in the Russian Language as a Semantic Field.....	54
<i>Local History. Selected paper</i>	
<i>Karpov, A.B.</i> Collection of Words, Synonyms, and Phrases Used by the Amur Cossacks (1910). Edited by Kirpikova L.V.....	64
<i>Speech Portraits</i>	
<i>Blokhinskaya, A.V.</i> Speech Portrait of the Descendant with Russian and Ukrainian Roots in the Amur Region (based on speech of Mariya Vasil`evna Ostapenko, Peschanooziorka village, Oktyabriskiy District).....	76
<i>Gordeeva, S.V.</i> Speech Portrait of the Descendant of Russian Immigrants to China (based on Russian speech of Tsyu Tszin`syu, Byan`tszyan village, Hēilóngjiāng Province, China).....	82
<i>Arkhipova, N.G., Belousova, E.V.</i> Language History of the Family in Multicultural Environment (based on speech of Ivan Mikhaylovich Chan-sy-ghan, Klimoutsy village, Svobodny District).	95
<i>Speech genres</i>	
<i>Laguta, N.V.</i> Reflections on Language in Speech of Dialect Speakers	107
<i>Dictionary</i>	
MO-MYA, Edited by Starygina, G.M.	125
N, Edited by Starygina, G.M.....	129
<i>Cognitive Dialectology</i>	
<i>Galimova, D.N.</i> Metaphorical Modeling of Natural World Objects in Dialect Discourse.....	138
<i>Kalinina, E.L.</i> Toponymy Sign as a Dynamic Concept Code	149
<i>Vasil`ev, V.P., Vasil`eva, E.P.</i> Weather Sayings as a Cultural and Associative Slot of the Metonymic Concept.....	152

Folklore Language

Folklore Texts (first-published field records made in Novoandreevka village, Belogorsk district, Amur Region) (*edited by Prof. Arkhipova N.G.*).....161

Secondary School Teaching Experience

Alekseeva, G.K. «*The Word Will Echo in Your Heart*»: the Russian Language Teacher's Experience with the Local Component of the National Education Standard.....176

Azarenko, O.S. Folklore and Bible Motives in the Space Reconstruction of Social Evil in the Poem «*Rekviem*» by A. Akhmatova.....181

School Children' Works

Shestovets, D. (Supervisor Bogomazova, T.P.) Albazino as the Outpost of the Priamurye189

Reference Data

Bibliographic Index of Works in the Amur Region Dialects and Regional Linguistics (2005-2012)194

Degree Theses in the Amur Region Dialects and Regional Linguistics written at the Russian Language Department, Amur State University (2005-2012).....215

Historical Background about Villages.....222

Brief Information about Respondents228

Collectors of Dialect and Folklore Data229

Authors.....231

ОТ РЕДАКТОРОВ

Немного юбилейное

Настоящий выпуск альманаха – десятый, юбилейный. Первый вышел в 2003 году. Десятый – это своеобразный итог нашей научной и издательской деятельности, определяющий ее вклад в дело изучения русского языка и народной культуры в целом и в Приамурье в частности.

Все наши исследования основывались на собранном «в поле», как говорят диалектологи, материале – материале наших фольклорно-диалектологических экспедиций в села Амурской области. Экспедиционная деятельность началась в 2000 г., когда мы в составе трех преподавателей – Е.А. Оглезневой, З.И. Тахаевой и Н.В. Ивановой (Куриковой) – со студентами 897 группы в количестве 9 человек прибыли на поезде на станцию Черновка Свободненского района, чтобы ответить на вопрос: «А есть ли говор?» На дворе шел уже XXI век. И с этой станции для диалектологов Амурского государственного университета начался путь в настоящую диалектологию и в настоящую науку.

Да, на дворе шел XXI век, а мы в ту первую свою поездку собирали наш материал, как географы и путешественники XIX века: всё писали рукой. На следующий год мы поехали с одним диктофоном на всю команду, который передавали «напавшим на след» хорошего информанта. Это сейчас мы ездим с хорошей цифровой техникой в достаточном количестве и первую обработку материала делаем там – «в поле», перебрасывая информацию в компьютер и делая ее первую систематизацию для обработки.

Вторая экспедиция в 2001 г. тоже в Свободненский район, куда мы ехали, зная, что **ГОВОР ЕСТЬ(!)**, знаменательна решением: все услышанное диалектное и фольклорное великолепие необходимо опубликовать, сделав его достоянием многих людей. Рассказы сельских жителей о нелегкой прожитой жизни, освященные народной мудростью, внутренней чистотой и силой духа, должны стать известными, ибо это есть не что иное, как **народные мемуары**, в которых передана жизнь, прожитая не менее знаменательно, чем жизнь людей известных и великих. В этих мемуарах дыхание прошедшего века и история большой страны, пронесенная и вынесенная на плечах обычных тружеников, которые вместе с этой страной жили и шли с ней шаг в шаг.

Вернувшись из этой экспедиции, будущие редакторы альманаха почти поклялись друг другу вырвать время у стремительно несущейся куда-то жизни и сделать книгу, для начала – хотя бы просто опубликовать собранный фольклор.

Эту первую книгу делали по всем высшим стандартам, которые только были в Благовещенске. Над макетом издания и дизайном обложки работал лучший художник-оформитель Сергей Ладыгин. Он же и подарил нечаянно нам название альманаха – «Слово», удачнее которого сложно что-либо придумать: оно емкое, оно отражает суть нашего труда и оно же знаковое, поскольку «Слово плоть бысть».

Редактировали первый выпуск мэтры редакторского дела – научные редакторы АмГУ Марк Либерович Гофман и Ольга Константиновна Мамонтова. Марк Либерович, знавший украинский язык, давал бесценные консультации по украинскому фольклору, который был

представлен в альманахе в большом количестве. Мы много спорили, молодые редакторы и опытные Мастера своего дела – Мастера ювелирной работы с Его Величеством Словом. Мы многому научились и, редактируя наше издание уже самостоятельно, с самыми сложными случаями до сих пор обращаемся к Ольге Константиновне, за помощь – низкий ей поклон.

В оформлении обложки первого выпуска был использован батик талантливой амурской художницы Елены Сидоровой, ныне живущей за океаном. На батике – «тетка», как мы ее называем по-родственному, в народном костюме. Очень изящная работа, красно-золотая, печально-звучащая. С тех самых пор мы очень трепетно относимся к тому, что размещаем на обложке. Или, если хотите, к тому, чем ее украшаем. Принцип: «каждый следующий выпуск должен быть лучше предыдущего» выполняется неукоснительно.

Мы передаем в своем издании сложную информацию. Во-первых, это информация, представляющая собой **научную** интерпретацию собранного языкового материала. Во-вторых, содержание самих материалов – публикуемых оригинальных диалектных текстов – это, как правило, непростая для восприятия информация, поскольку в значительной своей части это **воспоминания о прожитой жизни**, которая была полна тягот и лишений. При этом мы понимаем, что эта информация непременно должна получить научное осмысление, с одной стороны, а с другой стороны – должна быть донесена до широкой аудитории и прежде всего – школьной и молодежной. Один из способов сделать это – преподнести информацию ярко, красиво, современно.

Именно поэтому мы большое внимание уделяем и обложке, и обязательной цветной вкладке, на которой фотографии современной деревни и ее жителей, различных этнографических артефактов – словом, «уходящей природы», а также фотографии богатой амурской природы, отчасти определяющей и сознание, и бытие сельского жителя, и, конечно, фотографии собирателей – преподавателей и студентов кафедры русского языка Амурского государственного университета, на несколько летних недель становящихся бытописателями, слагающими текстовое полотно жизни из отдельных рассказов ее участников.

Именно поэтому каждый выпуск альманаха сопровождает компакт-диск, включающий образцы речи и фольклора, получившие научную интерпретацию в выпуске, а также фото- и видеоматериалы, выполненные во время фольклорно-диалектологических экспедиций.

Особо хотелось бы сказать о поддержке, которую мы всегда ощущали в нашем университете и без которой ни экспедиции, ни диалектологические исследования в АмГУ были бы невозможны. Это поддержка администрации университета, прежде всего его ректора Андрея Долиевича Плутенко. Мы начали ездить в экспедиции, когда в других университетах перестали это делать из-за отсутствия финансирования. Наш университет находил средства для того, чтобы снарядить экспедицию и способствовать максимальному выполнению задач полевой работы. Нас обеспечивали автобусом, на котором мы объезжали города и веси нашей области в поисках материала и потому за короткий экспедиционный срок успевали сделать очень много. Сопровождавшие нас в экспедиции А.Н. Захаревич, В.С. Рябый, Д.К. Тетерин и В.П. Усаров становились членами большой команды, делающей одно общее дело. Мы нашли понимание в лице администрации, и когда возникла необходимость в создании лаборатории региональной лингвистики, деятельность которой связана со сбором, систематиза-

цией, научной обработкой собранного языкового материала и подготовкой этих материалов к публикации в нашем альманахе. На данный момент по материалам из фондов лаборатории защищено 3 кандидатских исследования и 1 докторское, несколько диссертаций выполнено с использованием фондов лаборатории, в настоящее время на базе лабораторных фондов готовится 3 кандидатских и 2 докторских исследования. Невозможно представить количество исследователей, которые могут использовать опубликованные в альманахе «Слово» материалы из фондов нашей лаборатории в своей научной работе. Наконец, само издание альманаха как яркого, оригинального, соответствующего всем современным требованиям издания невозможно без финансовой поддержки, и наш университет считал необходимым оказывать эту поддержку. Наша благодарность выражается в том, что усилиями коллектива авторов альманаха в университете создано статусное издание, в 2010 г. получившее свидетельство о государственной регистрации и включенное в объединенный каталог «Пресса России», а также в том, что издание и его авторы известны в среде специалистов и деятельность всего коллектива высоко оценена ими.

Уже во втором выпуске издания (2005) определилась его структура, которая обрела постоянный характер. Это способствовало поддержке диалектологических исследований по разным направлениям и их дальнейшей научной разработке. В альманахах входят такие разделы, как «Современные исследования Амурских говоров» (в 2006 г. раздел переименован в «Современные исследования русских говоров и фольклора», а в 2010 г. – в «Современные лингвистические исследования» в связи с расширением тематики публикаций), «Речевые портреты», «Речевые жанры», «Словарь», «Язык фольклора», «Публицистическая страница», «Школа». Позднее появились разделы «Лингвогеография» (2007), «Когнитивная диалектология» (2009), «История края. Избранное» и «Рецензии» (2011).

Коротко охарактеризуем их.

В разделе альманаха «**Современные лингвистические исследования**» представлены научные публикации преподавателей кафедры русского языка и сотрудников лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета, а также ученых из ведущих вузов России и зарубежья. Статьи посвящены проблемам региональной лингвистики, в том числе диалектологии, лингвофольклористики, лингвокультурологии, языку зарубежья, языку современного города и др.

В разделе «**История края. Избранное**» публикуются ставшие уже историческими региональные источники, которые в настоящее время представляют собой библиографическую редкость и недоступны широкому кругу исследователей. Наш альманах способствует их популяризации.

Раздел «**Речевые портреты**» содержит записанные от ярких диалектных личностей тексты и комментарии к ним, демонстрирующие особенности диалектоносителей на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях. Созданные таким образом речевые портреты в совокупности представляют многообразие языкового облика региона в его обусловленности собственно лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

Раздел «**Речевые жанры**» в своей теоретической части показывает тематическое и функциональное своеобразие жанрового наполнения народной речи в Приамурье. Обязательной составляющей раздела являются оригинальные диалектные тексты определенного

жанра и тематики. Именно они интересны не только в лингвистическом, но и в культуроведческом, историческом аспектах: это бесценные сведения о жизни и судьбе простого человека.

В разделе «**Словарь**» содержатся лексикографически обработанные результаты диалектологических экспедиций 2000-2012 гг. в приамурские и призейские села. Большинство опубликованных слов и значений не зафиксировано в вышедшем ранее «Словаре русских говоров Приамурья» (М., 1983 г.; Благовещенск, 2008 г.).

Раздел «**Лингвогеография**» представляет собой опыт научной систематизации диалектных данных, собранных по «Программе собирания сведений для диалектологического атласа русского языка» в селах Амурской области, начиная с 2006 г.

В разделе «**Когнитивная диалектология**» осуществляется анализ диалектного материала в русле актуального и активно развивающегося научного направления.

Раздел «**Язык фольклора**» включает записи фольклорных произведений, бытующих в Амурской области. Это лирические песни, частушки, заговоры, пословицы, поговорки и др. Материалы представлены по тематическому принципу, принятому в отечественной фольклористике, и хронологически датируются серединой XIX (отдельные тексты созданы ранее) – концом XX вв.

В разделе «**Школа**» публикуются материалы методического характера с целью популяризации народной речи и культуры в среде молодежи и воспитания бережного отношения к ним, а также с целью усиления взаимодействия вуза и школ по реализации регионального компонента на уроках русского языка в образовательных программах для средних полных школ.

Одним из ярких разделов альманаха является раздел «**Публицистическая страница**», содержащий интересные материалы, которые, как правило, остаются «за кадром» научных отчетов. Это статьи-воспоминания, статьи-размышления, студенческие зарисовки и дневниковые заметки, очерки, опубликованные ранее в региональной и университетской прессе на тему фольклорно-диалектологических экспедиций и их результатов.

В каждом выпуске имеется **справочный раздел**, который включает историческую справку об обследованных во время фольклорно-диалектологических экспедиций селах, краткие сведения об информантах, а также список собирателей фольклорных и диалектных материалов (и это принципиально важно: подчеркнуть вклад каждого, кто участвовал в непростом деле сбора научной информации, которая с каждым годом становится все более недоступной, поскольку уходит поколение диалектоносителей).

Одним из принципов авторского коллектива альманаха является принцип тематической цельности выпуска. Назовем темы, над которыми целенаправленно работали авторы альманаха и которые последовательно раскрывались в разных разделах одного выпуска: «**Амурское старообрядчество**» (Вып. 4); «**Амурские молокане**» (Вып. 5); «**Русское слово в восточном зарубежье**» (Вып. 6); «**Речевой портрет семьи**» (Вып. 7); «**Русско-китайское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе**» (Вып. 8); «**Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе**» (Вып. 9).

Некоторые статистические данные о нашей собирательской и научно-исследовательской работе, нашедшие непосредственное отражение в альманахе «Слово»:

- начиная с 2000 г., организовано и проведено 16 экспедиции (из них 12 – на территории России, 4 – на территории КНР), материалы которых послужили основой для научных публикаций в альманахе «Слово»;

- за это время обследовано 59 сел (из них 56 – на территории России, 3 – на территории КНР), результаты обследования были использованы в научных публикациях альманаха «Слово»;

- в 10 выпусках альманаха «Слово» опубликовано 210 научных статей и материалов;

- составлено и опубликовано в альманахе «Слово» 1356 дефиниций для словаря амурских говоров; 214 дефиниций для словаря диалектной метафоры; 28 дефиниций для словаря собственно харбинской лексики; 114 дефиниций для словаря старообрядческой лексики;

- обработано и опубликовано более 1570 фольклорных текстов различных жанров.

Среди наград фольклорно-диалектологического альманаха «Слово» золотая медаль «За труд и качество», полученная на Международной выставке-ярмарке «АмурЭкспоФорум – 2010» (г. Благовещенск) в номинации «Краеведение» и диплом на 14 Дальневосточной выставке-ярмарке «Печатный двор – 2010» (г. Владивосток) в номинации «Сборник научных трудов».

Но главным достижением авторского коллектива является признание коллег и наших дорогих информантов. Некоторые отзывы мы решили опубликовать в этом юбилейном выпуске, но не для того, чтобы подчеркнуть исключительность своего издания, а с целью сделать его более популярным, хотя и исключительным наш альманах тоже можно считать: аналогичных научных изданий нам не встречалось.

От редакторов выражаем благодарность за кропотливый труд, энтузиазм и подвижничество авторам разделов альманаха Дарье Галимовой, Нине Лагута, Галине Старыгиной, Алене Блохинской, за техническую поддержку Наталье Сосиной, Артему Бородатову, а всем авторам научных и научно-методических материалов – за участие.

С надеждой на дальнейшую плодотворную работу по освоению языковых сокровищ региона и популяризации народной культуры и народных ценностей, отраженных в Слове,

редакторы альманаха
Елена Оглезнева и Нина Архипова

ОТЗЫВЫ ОБ АЛЬМАНАХЕ «СЛОВО»

Вот некоторые отзывы о нашем альманахе. Они расположены в свободном порядке, без соблюдения хронологической и статусной последовательности, которыми мы сознательно пренебрегли. Пренебрегли, наверное, по той причине, что эти отзывы, собранные вместе, составляют единый рабочий научно-исследовательский контекст, который одновременно обладает свойством линейности и дискретности. Смысловым центром данного контекста является наше издание – фольклорно-диалектологический альманах «Слово», что и обусловило в конце концов его целостность и цельность.

Очень неожиданно было получить этой осенью письмо из **Макариев-Решемского женского монастыря**, что в Ивановской области, от игуменьи Феофании:

Здравствуйте, уважаемые филологи! Впервые выписала ваш альманах на второе полугодие 2012 г., прежде не знала о нем. Честно сказать, он заинтересовал меня не столько филологическими статьями, сколько историческими фактами. Мои предки по материнской линии жили в с. Ключи Константиновского (прежде Тамбовского) района Амурской области. Дедушка Иванов Иван Павлович был репрессирован (расстрелян в 1938 году). Бабушка Иванова (в девичестве Пушкарева) Елизавета Дмитриевна умерла в 1976 году. Прадедушка Иванов Павел Егорович в 30-х годах XX в. ушел за границу в Китай, о дальнейшей судьбе ничего не известно. В селе остался двоюродный брат, но интересы его далеки от родословной. То немного, что мне известно, – бабушка была из казаков и в селе они жили издавна. Семья дедушки прибыла туда позже, к казакам отношения не имела. Отмечалось, что Елизавета Дмитриевна была глубоко верующей. К сожалению, в числе ее детей верующих не было.

В одной из статей альманаха промелькнуло сообщение, что село Ключи формировалось из забайкальских казаков, которые были старообрядцами, высланными в Забайкалье из Нижегородской местности. Очень меня оно заинтересовало. Хотелось бы заполучить историческую справку о селе, а также альманахи, содержание которых так или иначе связано с историей этого поселения, с историей людей, живущих в нем. Буду вам очень признательна.

С глубоким почтением – игуменья Феофания (Губайдулина)

Макариев-Решемский женский монастырь.

Октябрь, 2012 г.

Чуть позже пришло еще одно письмо:

Спаси Вас Господь! Очень признательна вам за обнадеживающий ответ. Желаю вам здоровья, успехов, Божьей помощи во всех делах и начинаниях.

С глубоким почтением и благодарностью, Игуменья Феофания.

На Международной научной конференции в Томске в октябре 2012 г. Е.А. Оглезнева подарила 2 выпуска альманаха «Слово» известному фразеологу и фразеографу **Валерию Михайловичу Мокиенко**, доктору филологических наук, профессору кафедры славянских

языков Санкт-Петербургского государственного университета, который заинтересовался изданием, в частности, лексикографическими материалами, и предложил опубликовать их на сайте Института филологических исследований СПбГУ для того, чтобы ввести данные в более широкий научный оборот. Мы в лице Дарьи Николаевны Галимовой откликнулись на это предложение и получили ответ:

Уважаемая Дарья Николаевна! Спасибо сердечное за бесценный дар. Теперь наши диалектологи смогут Вашими замечательными записями амурской речи насладиться вместе со мной. Желаю Вам и Вашим коллегам успеха в этом нужном и благородном деле.

С почтением, В.М. Мокиенко

Январь, 2013 г.

Одними из самых дорогих для нас стали письма из Отдела диалектологии и лингвистической географии Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН, от **Леонида Леонидовича Касаткина**, доктора филологических наук, долгое время заведовавшего этим отделом, бесспорно первой величины современной отечественной диалектологии, всегда проявлявшего большой интерес к нашим научным исследованиям и изданиям. Общение с Леонидом Леонидовичем было во многом определяющим направления наших научных поисков. Это касается главным образом разделов альманаха «Речевые жанры», «Лингвогеография», а также так называемой «харбинской» тематики, связанной с изучением русского языка в восточном зарубежье, и старообрядческой тематики, связанной с исследованием языка амурских старообрядцев.

Дорогая Елена Александровна!

Вчера получили Вашу посылку. Нас было трое в отделе: я, Ольга Геннадиевна Ровнова и наш новый сотрудник Игорь Игоревич Исаев, и мы тут же начали смотреть тексты, слушать песни и были совершенно очарованы всем этим. Какие вы молодцы! О.Г. Ровнова согласилась написать отзыв и прислать его Вам в начале марта. Мы готовы написать и рецензию для какого-нибудь печатного органа. Возможно, дадим в «Русский язык в научном освещении», но хотелось бы написать уже как о вышедшей и второй части.

Всего Вам доброго.

Л.Л.Касаткин 16.02.2005 г.

И от **Ольги Геннадьевны Ровновой**, кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника Отдела диалектологии и лингвогеографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН:

Елена Александровна, здравствуйте!

Заседание отдела, на котором мы обсудим и утвердим отзыв, у нас состоится не во вторник (сегодня), а только в четверг. Как только все закончится, сразу отправлю по факсу отзыв. Труд ваш, конечно, колоссальный, и он находит среди наших диалектологов живой отклик и поддержку. А то, что вы издадите и звуковое приложение, просто замечательно! Где же вы деньги берете? Если вас поддерживает администрация города¹ – это неслыханно хорошо; так почти не бывает.

Вы сделали замечательную работу!

О.Г. Ровнова 14.06.2005 г.

¹ Нас поддерживает только администрация университета и выкупают собственные средства – средства созданного при кафедре внебюджетного подразделения – Учебно-консультативного центра «Логос».

Наш альманах стал поводом для научной переписки с **Александром Борисовичем Страховым**, главным редактором международного журнала «Палеославика» («PALAEO-SLAVICA»), издаваемом в **Кембриджском университете (США)**, и для дальнейшего обмена изданиями.

Уважаемая Елена Александровна!

Посылаю наш 15-й том. 4 выпуск альманаха «Слово» получил и просмотрел с большим интересом. Вы принялись за большое замечательное дело. В первую голову я имею в виду публикацию народной речи, рассказов этнографического и исторического характера. Жаль, что я не мог использовать в статье о названии хомута свидетельства из вып. 4 (с. 53), ибо наш журнал уже пребывал в типографии. Поскольку среди ваших информантов немало людей с белорусскими и украинскими корнями, то можно было бы ожидать в записях наличие старинных баллад («Мать превращает невестку в дерево», «Брат и сестра», «Сестра отправляет брата» и т.д.). Но, видимо, записывающие не поинтересовались... По собственному опыту знаю, что многое зависит от вопрошателя, и студентов хорошо направлять вопросниками. Но это так, к слову... А впечатление от альманаха хорошее. Было бы замечательно, если бы выпуск альманаха был продолжен и далее.

С наилучшими пожеланиями и благодарностью

Ваш А. Страхов

27.11.2007 г.

А это письмо **из Украины**, из Института украинского языка НАНУ, от Юрия Ивановича Бедношеи, кандидата филологических наук, сотрудника этого института:

Доброго дня, Олено!

Дуже радий вас «чути».

Поздравляю с очередным выпуском альманаха. Вы нашли очень удачную форму издания: в альманахе органично воспринимаются и теоретические материалы, и диалектные тексты, и фотографии, и аудиозаписи... Первые три выпуска я прочитал (и послушал... и даже видео посмотрел!) с большим интересом. Естественно, был бы рад ознакомиться и с четвертым выпуском. Спасибо, что помните обо мне. <...>.

Ще раз дуже дякую! Усього найкращого!

01.08.2007 г.

Кристиан Саппок, наш добрый друг и коллега из **Германии**, который очень искренне расстраивался из-за качества записи диалектной речи, полагая, что она должна быть лучше и что нельзя плохим качеством записи портить уникальный диалектный материал. Именно он консультировал нас по поводу того, какие средства записи звучащей речи необходимо приобрести и делился опытом, как «пишут» своих информантов они с Леонидом Леонидовичем Касаткиным.

Дорогая Лена! Спасибо за письмо! У меня все в порядке. Мы с Л.Л. Касаткиным были в экспедиции, в Леке. И было очень замечательно: хорошие бабушки, которые пользуются теми же диалектными чертами, как в 1910 году, когда Шахматов их обнаружил.

Какие у Вас планы? Вы нашли средства на покупку прибора типа EDIROL R09? Я сам собираюсь пробыть месяц в Кирове в качестве доцента-гостя, чтобы делать со студентами и аспирантами двухнедельный интенсивный курс по компьютерной и полевой практике. Потом лекции. Начинаем в середине октября. Тема проекта: Региональная речь на Вятке. С удовольствием посылаю Вам диск БФФ 9.

Пишите тоже побольше о Вашей работе. Жду выпуск СЛОВО 4 с сильным интересом.

Кристиан. 08.08.2007 г.

Всегда плодотворно для последующего общения участие в международных конференциях, на одной из которых мы познакомились с великолепно говорящей по-русски и не менее великолепно разбирающейся в русской диалектологии **австрийской исследовательницей Марион Краузе:**

*Дорогая Елена, дорогая Нина,
на днях получила Ваш новый альманах. Спасибо большое! Вы, конечно, молодцы!!! Поздравляю!*

Постараюсь при случае выслать вам несколько новых публикаций.

В июне была в Томске. Читала лекции по социолингвистике на стыке с диалектологией.

Только что вернулась с экскурсии со студентами в Екатеринбурге и Кирове. Жизнь интересна, как Вы понимаете. Всего, всего Вам доброго!

Марион. 2007.

От **Ольги Юрьевны Крючковой**, доктора филологических наук, профессора, зав. кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского университета, с которой мы также познакомились на Международной конференции по диалектологии в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН. После совместного доклада Ольги Юрьевны с Валентином Евсеевичем Гольдиным о структуре Диалектного корпуса текстов, создателями которого они являются, мы с Ниной Геннадьевной решили показать им наш альманах и электронное приложение к нему и получили ценные рекомендации, бесценное продолжение общения и обмен научной информацией.

Уважаемая Елена Александровна!

Рецензию и «Жанры» наш лаборант вышлет Вам в ближайшее время. Альманах получили. Большое спасибо. Будем изучать. Диск очень хорошего качества.

Всяческих удач Вам и Вашему замечательному коллективу!

С наилучшими пожеланиями

О.Ю. 14.09.2007 г.

Маленькое письмо от друзей и коллег из Томска одному из редакторов:

Привет, пропаша! Мы тебя ждали с Зоей Ивановной летом, а ты так и не появилась. Большое спасибо за альманах. Восхищаюсь работоспособностью, терпением, упорством.

2008 г.

И ОЧЕНЬ ДОРОГОЕ ПИСЬМО
от нашего информанта Михаила Власовича Хлыстова,
жителя с. Черновка Свободненского района Амурской области

Здравствуйтесь! Лена, Нина, дорогие мои, сердечно благодарю вас за ваше внимание. «Слово» ваше получил², да так неожиданно, что просто растерялся от такого подарка и не знаю, как вас отблагодарить. Это случилось на другой день начала мной нового года жизни, то есть четвертого года в девятом десятке. Очень благодарен вам и предлагаю по возможности заглянуть в мой глухой угол. Угощу на диво!

М.В. Хлыстов

29.11.2006 г.

Вот такие очень разные и очень значимые для нас отзывы, которые поддерживают и позволяют быть уверенными в нужности и ценности нашего дела.

Эти письма-отзывы – тот самый контекст, о котором мы сказали в самом начале и в котором мы существуем уже более десятка лет, и он обязывает не снижать набранной высоты. Этот же контекст позволяет ощущать радость после преодоления неизбежных трудностей, связанных и с экспедиционной, и с издательской деятельностью, он же дарит счастье общения с коллегами-единомышленниками, со студентами – единомышленниками и, конечно, с информантами. А также счастье от результата – очередного выпуска красивой книги с непростым содержанием, называемой

АЛЬМАНАХ «СЛОВО».

Комментарии к письмам Е.А. Оглезневой

² Речь о 2-м выпуске, где опубликованы рассказы М.В. Хлыстова, выдающегося, колоритного нашего информанта.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В разделе представлены публикации разнообразной тематики, в основном – региональной, касающейся особенностей функционирования русского языка в Дальневосточном регионе. Традиционно публикуем результаты диалектологических исследований, касающиеся особенностей словообразовательной системы говоров (статья О.Ю. Галуза), системной организации одной из тематических групп лексики в говорах амурских старообрядцев (статья Н.Г. Архиповой). Народно-разговорная речь (не только диалектная) начала XX в. анализируется Л.В. Кирпиковой по материалам опубликованной Словарной картотеки дальневосточного краеведа, знатока Амурского края Г.С. Новикова-Даурского. Специфика регионального существования обуславливает возникновение понятия региолект, которое на дальневосточном языковом материале разрабатывается в статье Е.А. Оглезневой. Отражение русско-китайского взаимодействия в русском языке Дальневосточного региона в начале XX в. рассмотрено в статье Е.В. Касимовой. Об изучении русского языка в приграничном с Россией Китае – городе Хэйхэ провинции Хэйлуцзян – статья китайской исследовательницы Цзян Ин. И, наконец, статья русской исследовательницы из Японии Н.Ю. Нероновой о наименованиях птиц в русском языке как семантическом поле возвращает читателей в лоно русского национального языка в его взаимодействии уже с другими языками – славянскими.

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

УДК 800.86/87; 801.3

Н.Г. Архипова

ЛЕКСИКА ПИЩИ КАК СИСТЕМНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ГОВОРАХ СТАРООБРЯДЦЕВ (СЕМЕЙСКИХ) АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена тематической группе «Пища», функционирующей в современной русской речи амурских старообрядцев. Осуществлен системный анализ наименований данной группы.

Ключевые слова: диалектная лексика, амурское старообрядчество, семантическое поле, лексико-семантическая группа, системные отношения, синонимы

The article is intended to describe the thematic group «Food» in the contemporary speech of the Amur Old Believers. The author has carried out a system analysis of the words related to the group.

Key words: dialect vocabulary, Amur Old Believers, semantic field, lexico-semantic group, system relations, synonyms.

Самое пристальное внимание диалектологов в последнее время направлено на ту часть словаря говоров, которая номинирует определенные формы народной культуры местного населения, при этом особый интерес представляют недостаточно изученные в лингвистическом отношении номинации предметов материальной культуры – артефактов, в том числе наименования пищи, одежды, построек, орудий труда и т.п., поскольку именно они являются основными источниками информации о повседневной жизни и деятельности человека.

Одним из самых важных и самых древних компонентов материальной культуры любого этноса является пища. Ее специфику определяют социально-экономические условия, память и преемственность поколений, многочисленные межэтнические контакты. Изменяясь во времени под влиянием различных общественно-исторических и природных преобразований, пищевые пристрастия в то же время отличаются известной устойчивостью, традиционностью, способностью приспосабливаться к изменяющимся реалиям действительности. В жизни человека пища выполняет различные социальные и обрядовые функции.

Особого внимания заслуживают наименования пищи, принадлежащие к числу древнейших единиц и богато представленные в говорах семейских. Эта лексика пока не подверглась детальному анализу, хотя накопился значительный по объему языковой материал, требующий своего описания и систематизации.

Наименования пищи рассматриваются в пределах не одного, а целого ряда старообрядческих говоров Амурской области, которые характеризуются генетическим тождеством, общностью развития, единым языковым строем. Они образуют систему систем (макросистему), в которой каждый конкретный говор выступает по отношению к ней микросистемой. Кроме того, большая часть лексики питания бытует повсеместно, имеет единую территорию распространения (Амурская область), и уже на этом основании названия пищи, функционирующие в различных старообрядческих говорах, могут быть рассмотрены в рамках одной тематической группы (ТГ).

Объектом исследования послужили наименования пищи, представленные в говорах старообрядцев (семейских) сел Заган, Желтоярово, Гуран, Грибовка, Новоандреевка и др. Амурской области. Основными источниками материала стала картотека «Словаря амурских говоров», хранящаяся в лаборатории региональной лингвистики при кафедре русского языка АмГУ, включающая материалы диалектологических экспедиций 2000-2011, в ходе которых было обследовано более 50 населенных пунктов Амурской области, в том числе и старообрядческих. Было выделено около 200 лексических единиц – наименований пищи, в том числе напитков, – зафиксированных в говорах семейских сел.

Основной сферой хозяйственной деятельности большинства крестьян, в том числе и семейских, Дальневосточного региона в середине XIX – первой четверти XX в. было земледелие и связанное с ним тягло-молочное скотоводство, преваляровавшие в степных или лесостепных районах Приамурья и Приморья. В тайге и горных массивах основной доход приносили охота, рыболовство и другие таежные промыслы [1, с. 130 – 132].

Старообрядцы в своей хозяйственной деятельности стремились вести комплексное хозяйство, с успехом применяя как принесенные сюда традиционные приемы, так и традиции аборигенных и других народов Дальнего Востока. Помимо этого, семейские занимались пчеловодством, рыболовством и лесным (заготовка древесины и изделий из нее, производство дегтя и др.) промыслом, охотой. Охотились на боровую и водоплавающую птицу, разнообразных копытных (изюбрь, коза, олень, лось, кабан и др.) и пушных (белка, колонок, лиса, соболь, медведь и др.) зверей, которыми изобиловали местные угодья [1, с. 138].

Совершенно иные, чем на родине, социально-экономические, демографические и экологические условия жизнеобеспечения крестьян заставили основную массу семейских приспособлять свои этнические и хозяйственные стереотипы, традиции и психологию, свой

аграрный календарь к местным природным особенностям, в иных случаях расширять сферу хозяйственной деятельности или даже менять ее. Это позволило в короткие сроки создать крепкие хозяйства и внести существенный вклад в становление здесь русской земледельческой культуры, в освоение края.

Влияние местных природно-климатических условий, этнокультурной среды, этнорегиональных процессов и историко-культурных связей русских с другими народами нашли отражение в основных элементах материальной культуры (поселение, жилище, одежда, пища) старообрядцев.

Основа традиции в способах заготовки, обработки и хранения продуктов питания дальневосточных старообрядцев была общерусской, с превалированием севернорусской и южнорусской, с заимствованиями от русских урало-сибирского-алтайско-забайкальского регионов. Некоторые черты сформировались уже в Дальневосточном регионе в результате приспособления к местным природным условиям, под влиянием других восточно-славянских (белорусов и украинцев), восточно-азиатских (китайцев, корейцев) и аборигенных народов [1, с. 150 – 160].

Стойкому сохранению традиционных особенностей в пище старообрядцев во многом способствовали большая роль натурального уклада в их хозяйстве и повсеместное бытование духовой, так называемой русской печи. Состав пищи во многом зависел от регионального происхождения семьи, религиозных воззрений, хозяйственной направленности ее основной деятельности, степени зажиточности, природной среды. Конфессиональные традиции более стойко, чем этнические, способствовали сохранению старинных блюд, режима питания. Обширные земельные угодья Дальнего Востока и местная природа, богатая зверем, рыбой и полезными растениями, позволяли русским старообрядцам иметь обильный и высококалорийный стол. Структура питания базировалась на многоотраслевом хозяйстве, сочетавшем земледелие с животноводством, как повсеместно у русских, а в Дальневосточном регионе, помимо этого, – и со значительной ролью охоты, рыболовства, пчеловодства, собирательства дикоросов и морским промыслом [1, с. 251].

Таким образом, старообрядцам удалось приспособить как общерусские, так и выработанные в Западной и Восточной Сибири традиции к условиям Дальневосточного региона, к навыкам коренных жителей и в материальном быту.

Известно, что словарный состав языка не представляет собою механическую совокупность изолированных друг от друга слов. Наиболее полное и всестороннее описание лексические единицы получают в семантических полях и лексико-семантических группах (ЛСГ). Границы семантических полей могут варьировать в зависимости от избранного принципа классификации. Что касается количества единиц поля, то оно колеблется от сравнительно ограниченного до очень большого. Лексические единицы входят в семантические поля на основании того, что у них есть общая, объединяющая их сема, или архисема [2, с. 19 – 36].

Отбор диалектного материала выявил более тысячи лексем СП «Быт» в говорах семейских, которые можно распределить по нескольким ЛСГ: «Пища»; «Хозяйственные постройки и утварь»; «Дом и домашняя утварь»; «Одежда и обувь»; «Предметы рукоделия»; «Растения, ягоды, грибы»; «Орудия промысла»; «Животные, птицы, рыбы» и т.д. Единицы названных СП объединяются единым признаком – прямым отношением к называнию предметов

жизненного уклада, повседневной жизни человека. Но при этом каждая лексико-семантическая группа отличается своеобразием и представляет интерес для исследования.

Лексико-семантическая группа «Пища» является довольно многоэлементной (около 200 лексем словаря). Данную лексико-семантическую группу можно разделить на несколько микрогрупп:

- общие наименования пищи: *печенка, жрачка, жратва, харчи*;
- наименования мясных (рыбных) продуктов и блюд: *плетка, стегно, строганина*;
- наименования молочных продуктов: *простокваша, варенец, кисляк др.*;
- наименование хлебобулочных изделий: *жолок, коник, калач, липучка, литовка, саечка, сгибень, солодуха, толокно, тарочка, шамочка, шадья, шанешка и др.*;
- наименование напитков: *квас, ботвинья, чекушка и др.*;
- наименование овощных блюд: *бабка, гарбузня, драники, деруны, дерн, картофляники, лапуны, малыга, оладки, тошнотики, дровера и др.*;
- наименование продуктов, используемых для выпечки и изготовления теста или напитков: *здора, закваска, квасники, кулага, опара и др.*

Микрогруппой с наибольшим количеством элементов является группа лексем со значением «Наименование хлебобулочных изделий» (38% от общего количества лексем). Это свидетельствует о важности называемых продуктов и изделий как пищи семейских: «*А как жеть, стряпали с творогом-то. А как же! Шанюшки делали. Вот раскатаешь пышки, например, вот так раскатаешь, сюда ложишь творох, и вот так вот заворачиваешь и как-нибудь делаешь этот рисуночек, это назывались шанюшки. А то пирожки, а пирожки с капустой, с картошкой*» [3, с. 79 – 80]. Блинов было несколько видов, отличающихся по вкусовым качествам: «*Блины толстые, девчата, и бывают кислые блины, а блинчики обязательно пресны и тоненьки-тоненьки. Это блинцы называется*» [3, с. 79 – 80].

Часто в рассказах старообрядцев встречается упоминание о похлебке, приготовленной из муки, – *солодухе*. Причем рассказывают о солодухе как о блюде, которое уже почти не готовят сейчас. Делали солодуху в основном из солодовой муки и воды. Иногда в нее добавляли картошку, яйца, крупу. Состав похлебки во многом определялся степенью достатка семьи. У других крестьян (не семейских) блюдо, приготовленное по такому же принципу, носило иное название – *затируха, затирка*.

ЛСГ «Пища» в говорах старообрядцев (семейских) характеризуется структурной организованностью, проявляющейся в наличии полевого ядра и периферии. Все отобранные диалектные слова имеют общую сему «пища человека», которая часто не отражена в дефиниции, но вполне очевидна. Ядро ЛСГ образуют понятия, обозначающие конкретные предметы, употребляемые в пищу, например, *гарбузня* – каша из тыквы с молоком; *дерн* – лепешка из тертого картофеля; *бульбашиник* – блюдо из размятого вареного картофеля, заправленного молоком, маслом, жиром, шкварками, обычно запекаемого в русской печи; *вахрушка* – разновидность хвороста: кондитерское изделие в виде цветка мака из сладкого теста, зажаренное до хрупкости в жире; *молыга* – каша из кукурузы; *маковка* – разновидность хвороста: кондитерское изделие в виде цветка мака из сладкого теста, зажаренный до хрупкости в жире. На периферии ЛСГ находятся однозначные слова, денотативно соотносящиеся с качествами пищи: *алякуши (калякуши)* – «плохо приготовленное кушанье»; *недопёка* – непропе-

ченная пища. К периферии ЛСГ также относятся однозначные слова, денотаты которых обозначают ингредиенты приготовляемых блюд: *амулявка* – рыба; *бруква*, *калёнки*, *мешанка*, *парёнки*, *скрипулька* – обработанные овощи; *квасник* – лепешка из солода для приготовления кваса; *здора*, *закваска*, *кулага*, *опара*, *зелёнка*, *зель* и др.

На периферии ЛСГ находятся понятия, обозначающие способы приготовления пищи: *чебухать* – сбивать масло; *булукать* – толочь и др.

Диалектные слова, входящие в ЛСГ «Пища», вступают в парадигматические отношения: на основании интегрального и дифференциальных семантических признаков они объединяются в микрополя.

Главным элементом стола семейских до сих пор является хлеб, хлебобулочные изделия и другие изделия из муки. Это подтверждается количественным содержанием ЛСГ «Наименования хлебобулочных и мучных изделий». Данная группа является самой многоэлементной и составляет 65,3% от всех наименований пищи. На втором месте по числу элементов находятся наименования овощных блюд, преимущественно из картофеля (15,9% от общего количества наименований пищи), а также мясных (рыбных) блюд – 11,6% от общего количества лексем, обозначающих пищу. Более малочисленными являются наименования первых блюд – 7,2% от общего количества наименований пищи.

Непрерывным атрибутом существования семейских была особая религиозность, нашедшая отражение в кулинарии старообрядцев (семейских) и связанная, главным образом, со свадебным и похоронным обрядами. Диалектные названия обрядовых кушаний, приготовляемых на свадьбу, не отличаются разнообразием. Везде в свадебном обряде обязательно присутствует хлеб-каравай, функция которого – использование в качестве пищи, заменяется символической, имеющей непосредственную связь с идеей плодородия, достатка. *Сгибень*, *кутья* и *блинцы* – диалектные наименования блюд, традиционно приготовляемых на похороны.

Основным типом системных отношений в наименованиях пищи является синонимия. Полные синонимы встречаются единично (например, *хорис* – *преснушки* – *цветок* – *маковка* – *вахрушка* – разновидность хвороста; кондитерское изделие в виде цветка мака из сладкого теста, зажаренное до хрупкости в жире). Чаще всего значения лексем пересекаются, но не совпадают полностью. В наименованиях хлебобулочных и мучных изделий это проявляется наиболее часто: *творожанка* (ватрушка с творогом) – *шаньга* (ватрушка с творогом, ягодами, картофелем); *саечка* (изделие из дрожжевого теста, по форме напоминающее трубочку) – *тарочка* (*тарка*) – изделие из дрожжевого теста в виде небольшой булочки; *коврига* (хлеб из ржаной муки) – *калач* (хлеб, имеющий форму кольца) – *каравай* (круглый хлеб) – *панка* (хлеб); *толокно* (кушанье из муки; при приготовлении муку толкут палкой) – *мацеклейка* (кушанье в виде каши из муки с молоком).

Неполные синонимы встречаются также в наименованиях первых блюд и блюд из овощей: *бухулер* (бульон с мясом, сваренным большими кусками) – *шуля* (мясной бульон); *драники* (жареные лепешки из тертого картофеля и кукурузной муки) – *деруны* (жареные лепешки из тертого картофеля); *картофляник* (блин из толченого картофеля, обжаренный на масле и залитый сметаной) – *бульбичные лепешки* (лепешки из размятого вареного картофеля).

Лексика питания занимает значительное место в старообрядческом диалектном словаре, характеризуясь при этом не только многочисленностью, но и большим формально-

содержательным разнообразием, развитой дифференциацией наименований. Структурное своеобразие изучаемой ТГ состоит в наличии многочисленных лексико-семантических групп, подгрупп и микрогрупп, больших по объему и многообразных по системным отношениям, между которыми существуют разнообразные взаимопереходы и взаимоперекрещивания. В связи с этим тематическая классификация данных наименований имеет многоступенчатый, иерархический характер. Лексика питания в старообрядческих говорах представляет собой системное образование, при этом основными отношениями лексических единиц в пределах данной ТГ являются отношения родо-видовые, синонимические и вариативные. В анализируемой ТГ активно происходят разнообразные процессы: исчезновение одних и появление других лексем, перемещение слов из активного запаса в пассивный и наоборот, изменение семантического объема лексических единиц и др., – все это обуславливается как экстралингвистическими факторами, так и собственно языковыми процессами. Специфику исследуемой ТГ составляют многообразие принципов и способов номинации (ведущим из которых является суффиксация), наличие универсальных семантических переходов, актуальность мотивации, преобладание лексем с прозрачной этимологией. В пределах исследуемой ТГ наблюдается большое количество древних наименований, выделяется значительный пласт общеславянской лексики и так или иначе адаптированных заимствований. Большую часть наименований пищи составляет лексика общерусская, севернорусская и южнорусская, кроме того, выделяется лексика узколокальная, в том числе прежде не зафиксированная письменными источниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Маньчжурии / Ю.В. Аргудяева. Владивосток: ДВО РАН, 2008. 400 с.
2. Новикова Н. С. Тематическая группа как семантический компонент текста // Лексикология. М.: РЯНШ, 1985. № 5.
3. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 4. Амурское старообрядчество: языковой аспект / под ред. Е. А. Оглезневой, Н. Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2006. 179 с.

УДК 800.86/87; 801.54

О.Ю. Галуза

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ДЕРИВАТЫ В СИСТЕМЕ ГОВОРОВ ПРИАМУРЬЯ

В статье рассмотрен фрагмент словообразовательной системы русских говоров Приамурья, а именно существительные, прилагательные, наречия, образованные от глаголов, с точки зрения их структуры и семантики.

Ключевые слова: русские говоры Приамурья, диалектное словообразование, дериват, глагол, отглагольное словообразование

The paper considers the structure and semantics of the word-formation fragment, particularly including nouns, adjectives, and adverbs, derived from verbs, presented in Russian dialects of the Amur Region.

Key words: Russian Dialects of the Priamurye, Dialect Word-Formation, Derivative, Verb, Verbal Derivation.

В говорах Приамурья отглагольные производные обнаруживаются в сфере тех же частей речи, что и в литературном языке: имен существительных, имен прилагательных, глаго-

лов и наречий. Наиболее многочисленны имена существительные, образованные от глагольных основ. Вторую позицию по количеству отглагольных дериватов в словообразовательной системе говоров занимают глаголы, далее следуют прилагательные и наречия. Мы предпринимаем попытку рассмотреть лексику, мотивированную глаголами, не только с точки зрения дериватологии, но и через призму языковой картины мира.

Необходимость изучения диалектного словообразования обусловлена важностью коммуникативной функции словообразования в диалектной речи, ролью словообразования в пополнении словаря, в объективации языковыми средствами знаний человека о мире [1, с.10], которые складывались веками и нашли отражение в распределении слов по лексико-семантическим группам и тематическим классам [1, с.35].

В нашем случае отнесение производных к тому или иному тематическому классу, лексико-семантической группе (ЛСГ) напрямую связано со значением словообразовательного типа. Обнаружилось, что на продуктивность того или иного словообразовательного типа, на словообразовательный потенциал глаголов оказывает влияние, помимо прочих факторов, связь семантики мотивирующей и мотивированной единицы с реальной действительностью. У глаголов, отражающих процессы активной, целенаправленной деятельности человека, процессы, относящиеся к важным сферам жизни и быта, природным явлениям, словообразующие возможности выше, чем у глаголов, называющих явления иного порядка.

Отглагольные существительные в амурских говорах образуются от глаголов разных ЛСГ в соответствии с закономерностями, имеющими общерусский характер. Специфика заключается в отсутствии нормативных ограничений. Производящими являются как общерусские, так и диалектные основы глаголов. Наиболее распространены в говорах следующие группы отглагольных имен существительных.

1. Существительные со значением «лицо – производитель действия»: *закупатель, подлизник, вершилщик, бормотун, пужало, курик, ходак, болтомоха, выпиваха, жач (жнец), крутень*. Данные слова имеют прозрачную внутреннюю форму за счет сохранения семантики мотивирующих глаголов.

2. Существительные со значением «субъект – производитель действия», которые могут быть как одушевленными, так и неодушевленными: *пищуха* (рыба, издающая звуки, похожие на писк), *будунка* (бодучая корова), *парунья* (курица-наседка), *ползушка* (растение), *плавун* (поплавок), *трескучка* (дерево). Связь с семантикой исходных глаголов у этих слов также налицо.

3. Существительные со значением «орудие действия»: *трепак* (то, чем треплют лен, коноплю), *сапка* (то, чем сапают, т.е. пропальвают), *тюкавка* (то, чем тюкают), *скрепитель* (то, чем скрепляют), *режик* (то, чем режут), *копаруля* (то, чем копают).

4. Существительные со значением «устройство, приспособление для совершения действия»: *цедок* (то, через что цедают), *вешала* (то, на чем вешают вещи), *волокуша* (приспособление для перевозки соломы), *давок* (то, с помощью чего придавливают), *доянка* (то, во что доят).

5. Существительные со значением «предмет, являющийся объектом или результатом действия»: *квасило* (кислое тесто), *надевашка* (стеганый жилет), *стежёнка* (стеженная куртка), *заглотыш* (рыболовный крючок), *варёха* (вареная пища), *плетешок* (плетеный пояс).

6. Существительные со значением «место действия»: *пасина* (то, где пасутся животные), *опалина* (то, где опалили траву), *каталка* (горка, с которой катаются), *сидушка* (место для сидения).

7. Существительные со значением «отвлеченное действие или состояние»: *огрѣбка* (огребать), *полотьѣ* (полоть), *занимание* (заниматься), *упивание* (упиться).

От глагольных основ образуются в говорах также безаффиксные имена существительные: *верша* (вершить), *выдерга* (выдергивать), *подтай* (подтаять), *насад* (насадить) и др. Образование подобных лексем в изучаемых говорах – живой процесс и продуктивный способ пополнения словарного состава.

Отглагольные дериваты в сфере имен существительных образуются от глаголов разных ЛСГ: движения, состояния, звучания, говорения, поведения, физического действия, которые так или иначе связаны с деятельностью человека, его мироощущением, отношением к окружающей действительности. Производные существительные дают представление о предметной картине мира, окружающей носителя говора.

Вторую позицию по количественному составу среди отглагольных образований в говорах Приамурья занимают **префиксальные глаголы**. И нельзя не согласиться с тем, что в разнообразии приставок таится разнообразие смысла, и чудесная выразительность речи в значительной мере зависит от них.

Наиболее продуктивными в амурских говорах являются глаголы с приставкой **ЗА-**, некоторые из них рассматривались Н.А.Клепицкой [2]. Общее значение приставки – «достижение результата» – реализуется в глаголах, отражающих процессы сельскохозяйственной деятельности, бытовые ситуации, взаимоотношения между людьми, явления природы. Например: *Когда завершат (закончат укладку сена) стог, ветреницы положат, чтобы не сносило. Кто-нибудь затравит (сожжет) сухую траву. Вам, матушка, что заварить (сварить) лапшу или борщ? Земля зачичеревела (затвердела), лопату в землю не вобьешь. Захмурилось (покрылось тучами) небо.* Результатом действия, как показывают данные примеры, является внешнее изменение объекта или субъекта.

Встречаются также дериваты с частным значением «доведение объекта до нежелательного состояния при совершении действия, названного мотивирующим словом»: *Заперкачили (замучили непосильным трудом) молодуху, робит, как конь, а им все мало. Пауты, оводы задавили (одолели, замучили) скот. Стекло-то какое, захлестнуть (убить) друг друга можно.* Замечено, что такое значение появляется при одушевленном объекте.

В соединении с глаголом движения приставка **ЗА-** может выражать значение «попутно, мимоходом, ненадолго»: *Его все нет, опять куда-то закочевал (зашел). Эта гуранка часто захлѣстывает (заходит) ко мне.*

Многочисленны примеры, в которых приставка **ЗА-** имеет начинательное значение. Оно характерно для глаголов звучания, говорения, состояния (человека и природы), движения: *Она, дева, так высоко заголосила (запела), прямо за душу берет. Ну чего ты загнусела? (заговорила невнятно). Говори толком. Схоронил брата и загорился (начал тосковать). Заморочало, начало морочать (пasmурнеть), морочает на дворе. Ну что заселендил (забегал)?*

Приставка **ЗА-** может замещать другие приставки, например: приставку **С-** (заварить «сварить». *Что заварить лапшу или борщ?*), приставку **ОБ-** (завить «обвить». *Завейте кругом головы косу*), приставку **ВЫ-** (зарезать «вырезать». *Зарезаешь в бревне отверстие*).

Префикс **ЗА-** может употребляться и в качестве вторичного в глаголах с двойными приставками: *запросватать, запомирать, запродать, запризнать*. В подобных случаях приставка лишь подчеркивает семантику мотивирующего глагола или усиливает интенсивность действия. *И меня вскоре запросватали. Все я запродала, надо мне и картошку запродать. Еще запризнают его за зверя*. Однако в глаголе *запомирать* **ЗА-** выражат начинательное значение. *Ноччу запомираю, дак ты меня холодной водой окатишь*.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о высокой продуктивности приставки **ЗА-**, многообразии выражаемых ею значений, широкой сочетаемости с глаголами разных лексико-семантических групп.

Значительную по объему группу составляют глаголы с приставкой **НА-**, в которой чаще всего, как и в литературном языке, в говорах проявляется сема «множественность, большое количество, многократность, интенсивность»: *наробить* (приготовить в большом количестве), *накочевать* (приехать на жительство в большом количестве), *напучкать* (намешать чего-либо много), *напосылать* (прислать много), *натропить* (сделать тропу, многократно проходя по одному месту), *натерять* (растерять, роняя неоднократно), *набуцкать* (сильно побить, нахлестать).

Хозяева наробят на столы-то всего полно. Это уж украинцы сюда накочевали. Напучкаю вот эдак побольше сливок в картошку. Мать много одежды напосылала мне. Там уже козы натропили стежку к реке. Складывали сено, натеряли там во дворе. Я набуцкаю тебя, что жить не захошь.

В ряде глаголов приставка **НА-** выражает значение «полнота, достаточность действия»: *Напиляют* (напилят) *дров, навозят, и всю зиму без заботы. Мать накачат* (наглядит) *белье к бане. Намыкали* (приготовили *льняное волокно для прядения*) *с мамой конопля, сделали мычки*.

Префикс **НА-** может замещать приставки **ПО-**, **ВЫ-**: *насохнуть* (высохнуть), *настробовать* (потребовать). *Глухо же, видишь, земля насохла. Председатель у нас строгий, настребует че, не отступится*. То есть сочетаемость данной приставки с мотивирующими глаголами в говорах шире, чем в литературном языке. Все глаголы называют жизненно важные понятия.

Характерны для амурских говоров глагольные лексемы с приставкой **С-/СО-**. Основные значения приставки совпадают с литературным языком: «удаление» (*сжить* – прогнать, *скочевать* – переселиться, уехать), «уничтожение» (*сохотничать, сострелить* – убить зверя на охоте), «однократность» (*скрикнуть* – позвать), «достижение результата» (*сдумать* – вспомнить, *сморгать* – увидеть), «доведение до крайнего предела» (*сдичать* – лишиться рассудка). *Мы его все равно сверзили, сжили с места. Их там утопило, они в третий раз скочевали сюда. Дед сейчас сохотничат вам. Сучонка моя хорька подняла, а я его сострелил. Ребята меня скрикнули. Как сдумаю-сдумаю: плоха жизнь была*.

Диалектное значение приставки – «проявление действия в слабом или скрытом виде». *Тут он его скараулил* (подкараулил). В этом случае префикс **С-/СО-** замещает приставку

ПОД-, может также замещать приставки **ИС-** и **ЗА-** (*сколоть* – исколоть, *схотеть* – захотеть), употребляясь в несвойственном литературному языку значении. *Сорняк это, когда серпами жали, все руки сколешь. Я не схотела так замуж, а убогом побежала.*

Довольно часто употребляются в говорах глаголы с приставкой **ОТ-**. Они встречаются в таких сферах деятельности, как охота, сельское хозяйство, строительство, быт. Наряду с известными в литературном языке значениями «удаление, отделение от чего-либо» (*отстрельнуть* – отскочить рикошетом, *отгрудить* – отгрести, отбросить), «результативность действия» (*отточковать* – сделать отметку на бревне при обмере и строительстве, *отсулить* – пообещать подарить), приставка **ОТ-** выражает не свойственные ей в литературном языке значения и употребляется в качестве синонима-заменителя приставки **РАС-** со значением «начало действия» (*отсветать* – начать светать, рассветать), приставки **ВЫ-** со значением «исчерпанность действия» (*отлечить* – вылечить), приставки **О-** со значением «изменение качества объекта» (*отстудить* – немного охладить, остудить), приставки **У-** (*отгостить* – угостить).

Таким образом, префиксальный способ образования глаголов является наиболее продуктивным в говорах Приамурья. В качестве мотивирующих чаще используются общерусские (66%) и реже (34%) диалектные глагольные лексемы. Префиксальные глаголы в большинстве случаев принадлежат к той же ЛСГ, что и образующие их беспрефиксные. Набор приставок в основном тот же, что и в литературном языке. Однако многие приставки употребляются в несвойственном им значении благодаря неограниченным сочетаемым возможностям морфем в диалекте. Обнаруживается тенденция к замещению одних приставок другими при одинаковых производящих. В результате префиксы-заменители функционируют в говорах как семантические варианты общерусских префиксальных морфем, образуя с ними в то же время синонимичные ряды на морфемном уровне (от- = рас-, за- = с-, о- = по-, при- = у- и др.), а на лексическом уровне имеют место словообразовательные (*отсветать* – *рассветать*, *заварить* – *сварить*, *остареть* – *постареть*, *пристать* – *устать*).

Рассмотренные нами префиксальные глагольные лексемы употребляются чаще в таких сферах деятельности, как сельское хозяйство, охота, строительство, в бытовых ситуациях. Многие глаголы своей семантикой подчеркивают свойственные данной местности природные явления. В приставочных отглагольных дериватах отражается своеобразие микромира носителей диалекта, той языковой среды, в которой они находятся. Продуктивность образований с приставками напрямую связана со словообразовательной активностью производящих глаголов, которая определяется их употребительностью, сочетаемостью, особенностями семантики. А глагольные префиксы способствуют более точной и образной передаче многообразных нюансов внеязыковой действительности.

В образовании **отглагольных имен прилагательных** действует тенденция к суффиксальному способу словообразования. Выявленные нами дериваты можно разделить на два основных типа.

1. Прилагательные со значением «склонность, пригодность, способность быть субъектом действия»: *бежкий* (который быстро бежит), *уросный* (который *уросит* – капризничает), *переходчивый* (который переходит от одного к другому, заразный), *урочливый* (который *урочит*, способен сглазить), *гнусливый* (который *гнушит*, плачет), *вертячий* (который вертится,

неустойчивый), *замазулистый* (который замазался, грязный), *трекнутый* (который *трекнулся*, сошел с ума). Большая часть этих прилагательных сочетается с личными именами существительными, характеризуют лицо по каким-либо качествам, особенностям поведения. Мотивирующими нередко являются диалектные глагольные основы.

2. Прилагательные со значением признака, возникающего как результат процесса, «такой, который был его объектом»: *кваский* (который квасили), *дробный* (который дробили), *стежёный* (который стежили), *бросовый* (который бросили). Данные прилагательные сочетаются с существительными, обозначающими неодушевленные предметы, которые подвергаются какому-либо действию.

Наречия, соотносимые с глаголами, в говорах Приамурья немногочисленны, как и в литературном языке. Они совмещают в себе значение процессуального признака, названного мотивирующим глаголом, со значением наречия как части речи, образуются суффиксальным и префиксально-суффиксальным способом чаще от бесприставочных глаголов. Например: *кидком* (от кидать), *сыном* (от сыпать), *лезком* (от лезть), *таском* (от таскать), *сидня* (от сидеть), *потрясом* (от трясти). Многие наречия в контексте употребляются с мотивирующим глаголом: *Сидня сидят без отдыха, без перерыва, никуда их из дому не пушают. Уж ногу-то таском таскал. Тут вишни-то сыном насыпали.*

Одним из факторов, вызывающих интерес к изучению словообразовательных возможностей глагола является то, что «особым образом организованная семантическая структура глагола, приходит в процессе деривации в состояние динамики, происходит своеобразная актуализация глагольной семантики» [3, с.43], которая, на наш взгляд, объясняется не столько внутриязыковыми причинами, сколько связью глагольной семантики с внешним миром, значимостью процессов, обозначаемых глагольной лексемой, в жизни человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диалектные различия русского языка. Словообразование. Вып. 1. Кемерово, 1991.
2. Клепицкая Н.А. Глагольные образования с приставкой за- (на материале русских говоров Приамурья) // Народные говоры Дальнего Востока. Хабаровск, 1989.
3. Грушко Н.Е. Семантика производных существительных, мотивированных глаголами физического действия // Проблемы грамматики и словообразования сибирских говоров. Красноярск, 1982.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

УДК 801:316

Е.А. Оглезнева

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ РЕГИОЛЕКТ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РЕГИОНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена региональному варианту русского национального языка, функционирующему на Дальнем Востоке, а именно в Приамурье. Рассмотрены фонетические, грамматические, лексические особенности данного варианта и факторы, их обусловившие.

Ключевые слова: региональный вариант языка национального языка, Дальний Восток, региолект, регионально окрашенная лексика, лексические регионализмы, заимствования из китайского языка

The article is targeted at the regional variant of the Russian National Language functioning in the Far East, namely in the Amur Region. The study considered phonetic, grammatical, and lexical features of this variant together with the factors that caused them.

Key words: Regional Variant of National Language, Far East, Regional Varieties, Regional Vocabulary, Chinese Borrowed Words.

Язык представляет собой живую, динамично развивающуюся субстанцию, самым непосредственным образом реагирующую на жизнь общественную, жизнь социальную. Не развиваются лишь мертвые языки, утратившие коллектив носителей, или обслуживающие особую, часто довольно закрытую сферу коммуникации, например, религиозную.

Развитие языка в его социальной обусловленности в первую очередь проявляется на самом подвижном уровне языковой системы – лексическом. Именно на основе наблюдений за лексикой языка делают выводы о произошедших в языке изменениях. Гораздо более консервативны другие языковые уровни, но и они реагируют на движение жизни, предоставляя варианты, актуальные для разных коммуникативных сфер и ситуаций, и, как следствие, своей совокупностью определяя состав форм существования национального языка и дифференцируя эти формы.

Формы существования национального языка не являются неизменными. Они исторически складываются и меняются. Современный этап развития русского языка также демонстрирует ситуацию изменения состава и облика традиционно выделяемых форм существования национального языка: литературной формы, просторечия, диалекта, жаргона.

Еще в начале 90-х гг. XX в. Ю.Н.Караулов в докладе на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики», отвечая на вопрос «Что такое “русский язык”?», назвал восемь его разновидностей, которые можно считать формами существования русского языка, или сферами его бытования: это «незвучащий, мертвый язык, существующий лишь в письменной форме и зафиксированный в древнерусских и старорусских текстах, а также в текстах нового времени, т.е. XVIII и, вероятно, отчасти XIX веков (1), диалектный русский язык (2), язык художественной литературы, прозы и поэзии, а также язык прессы (3), разговорная литературная речь и просторечие (4), научный и научно-технический язык (5), русский язык, используемый в машинной среде, в информационных и вычислительных системах (6), неисконная русская речь, т.е. речь людей, для которых русский язык не родной (7)». «И последнюю, восьмую форму существования русского языка, – отмечал Ю.Н.Караулов, – мы можем видеть в языке русской эмиграции. Конечно, язык наших эмигрантов эпохи перестройки как будто ничем не отличается от современного языка метрополии, и все же здесь намечаются некоторые особенности, связанные прежде всего с новыми условиями актуализации русской речи за рубежом. Я уж не говорю о языке первой и второй (послевоенной) эмиграции, который архивировал и консервировал своеобразные черты того и другого периода в его эволюции, черты, многие из которых на исконной русской почве ушли в небытие» [1, с. 7-8]. Ю.Н. Караулов подчеркнул, что все перечисленные им «ипостаси – вместе и по отдельности – есть русский язык, и это никакие не стили, а формы его существования, в большей или меньшей степени взаимодействующие одна с другой и составляющие каждая объект определенной отрасли русистики [Там же, с. 9].

В последние годы в отечественной лингвистической литературе активно развивается понятия «региолект», «региональные варианты языка». Эти понятия стали актуальными по разным причинам, среди которых явственностью и определенностью отличаются следующие: 1) городская речь, в том числе литературная, как в центральных, так и в провинциальных городах испытывает влияние окружающих город диалектов; 2) русский язык в разных регионах России, обладает спецификой вследствие языковых контактов с представителями народов соседних государств и коренных народов; 3) русский язык в регионах, отличается самобытностью вследствие своеобразной реализации словообразовательных и семантических моделей и тем самым демонстрирует богатый потенциал своей системы.

В связи с этим возникает вопрос не только о существовании такого языкового явления, как «региолект», или «региональный вариант языка», но и о характере взаимоотношений региолекта с другими вариантами и формами существования языка, а также о составе региональных вариантов русского языка. Закономерно возникает вопрос и о существовании дальневосточного региолекта русского национального языка. Настоящая работа представляет собой попытку ответить на некоторые из этих вопросов.

Понятие региолекта в литературе возникло в 90-е гг. [2; 3]. К вопросу региональной формы речи, лексических регионализмов, их связи с диалектами русского языка обращались такие лингвисты как В.И. Трубинский, А.С. Герд, В.И. Беликов, А.П. Майоров и др. [2; 3; 4; 5].

В.И. Трубинский считает региолекты «новыми диалектами», новыми достаточно крупными территориально-системными образованиями, не повторяющими классического диалектного членения русского языка [2, с. 157]. В своей работе исследователь рассматривает процесс становления современных русских региолектов, анализируя избирательность наследования региолектом тех или иных диалектных черт [Там же, с. 157-162].

А.С. Герд предложил термин *региолект* для именованя речи жителей средних и малых городов, в дальнейшем ученый занимался вопросами положения диалекта среди других форм существования языка, в том числе региолектной, выявлением специфических черт последней [6, с. 48-50]. Так, он определяет региолект как особую форму устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, но развились новые особенности [Там же, с. 48]. «Это особый тип языкового состояния, который является сегодня основной формой устно-речевого общения больших групп русских как на селе, так и в городах и поселках городского типа», – указывает исследователь [6, с. 48].

В.И.Беликов собирает [7; 8; 9] и исследует лексические регионализмы, в частности в сопоставлении с литературной нормой, многие из которых также можно рассматривать как составляющую региолекта [4; 8].

Более того, понятие региолект нашло отражение в литературе по социолингвистике: «основные носители региолекта – местная городская интеллигенция, служащие административных учреждений. От местного, территориального диалекта региолект отличается тем, что в нем явно проступают следы диалектных влияний, смешанные с городским просторечием и жаргонами» [9, с. 231].

Известны труды Пермской социолингвистической школы, принявшей идею существования региолекта. Так, Е.В. Ерофеева видит в региолекте промежуточный идиом, который

может проявлять в большей или меньшей степени черты «перемешанных в нем идиолектов» [10, с. 100]. Она также постулирует положение о двойственной природе языка города (язык города по сути может быть отождествлен с региолектом). Язык города гетерогенен, поскольку рождается «при столкновении разнородных языковых образований и имеет социальное расслоение» (с одной стороны), но (с другой стороны) взаимодействие этих разнородных языковых образований «приводит к возникновению некоторой гомогенной языковой структуры, характерной только для данного города» [т.е. региолекта – *Е.О.*] [Там же].

Существует опыт рассмотрения региолекта в ряду эволюционных изменений языковых вариантов [11]. При этом региолект понимается как особое языковое звено в группе переходных неустойчивых явлений. Региолект – это звено в системе языковых состояний, находящееся в постоянном движении, в отличие от диалекта, который в течение определенного исторического периода (напр., феодального) настолько устойчив, что приравнивается к понятию «язык». По мнению М.А. Бородиной, более открытые системы региональных говоров/языков (=региолектов) занимают большее пространство, чем более замкнутые системы территориальных диалектов [11, с. 30].

Начало формирования региолектов не стоит связывать лишь с современным периодом. Не случайно, думается, пермские социолингвисты рассматривают в непосредственной близости (но не тождестве!) понятия «язык города» и «региолект». Возникновение городского пространства, своеобразие городского устройства в каждом отдельном городе, а также творческий языковой потенциал горожан изначально обуславливают факт возникновения такого явления как региолект. Кроме всего прочего, данный языковой вариант – региолект – поддерживается и административным членением с его (пусть относительной в век информационных технологий) автономией, подкрепленной российскими расстояниями.

Не случайно региональность языкового существования ярче всего проявляется и обладает безусловной очевидностью на дальней периферии России.

Особо хотелось бы отметить работы русистов Бурятии, которые занимались изучением языковой специфики своего региона (в частности, книгу А.П. Майорова «Введение в лингвокраеведение Бурятии» (2010), где рассматривается региональный вариант национального языка на примере русского языка в Бурятии, на котором, кстати, говорит большая часть населения этой республики. «Образованные люди говорят нередко по-разному, – пишет А.П. Майоров, – и причина этого кроется не в особенностях языковой личности, индивидуальности речи говорящего, а в другом. К сожалению, не всегда учитывается то, что образованные люди говорят не совсем одинаково на разных территориях распространения русского языка» [12, с.7]. И далее в своей книге А.П. Майоров рассматривает региональные варианты разноуровневых языковых единиц: в области артикуляции и интонационно-ритмических структур, в области грамматики и словообразования, в области лексики (*улан-удинский – улан-удэнский (регион)*), в частности заимствования из бурятского языка вследствие межъязыкового взаимодействия.

В 2010 г. вышел «Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» Г.В. Зотова, подготовленный к печати его учениками из Северо-Восточного государственного университета (Магадан). Именно региональной, а не диалектной лексики, ибо этот словарь включает слова, которые используются не только в местных говорах, но во всем регионе [13].

В подтверждение принятия идеи региональной окрашенности языка, в том числе и литературной его формы, процитируем Л.Л. Касаткина, известного отечественного фонетиста, диалектолога, одного из авторов вышедшего недавно «Большого орфоэпического словаря русского языка», который в теоретическом разделе к этому словарю употребляет сочетание слов «территориальные разновидности **литературного** [выделено мной – *Е.О.*] языка» [14, с. 938], характеризуя орфоэпические варианты и тем самым в общем-то снимая дискуссионность вопроса о существовании региональных вариантов языковых единиц.

Понимание безусловного права на жизнь у таких понятий как «региолект», «регионализм», «регионально окрашенная лексика», «региональная норма» возникает при проекции их на реальную жизнь русского национального языка и на Дальнем Востоке. Наблюдения за дальневосточной речью в течение длительного времени (на основании источников на протяжении более чем ста лет) свидетельствует о его специфике по сравнению с русской литературной речью и с русской речью в других регионах России.

Эта специфика связана с несколькими факторами:

1) с диалектным влиянием, проникающим в различные сферы речевой коммуникации и обуславливающим довольно широкое распространение некоторых диалектных лексем, а также диалектных фонетических особенностей;

2) с наличием в региональной речи особых терминологических лексических систем, обусловленных развитием актуальных для региона промыслово-хозяйственных и других областей деятельности;

3) с геополитическим фактором, определяющим, например, источники заимствований из других языков в регионе;

4) с возможностями самой языковой системы, ведущим к своеобразной, своеобразной реализации, что проявляется, например, в лексических новообразованиях.

Что же специфичного в дальневосточном региолекте русского языка, или в дальневосточном варианте русского национального языка? Что позволяет говорить о нем именно как о варианте языка?

Фонетика. Фонетические особенности в региолекте обусловлены, как правило, диалектным влиянием (работы Трубецкого, Гердта, Букринской и Кармаковой и др.) [2; 3; 6; 15]. Однако современная речь жителей дальневосточных городов почти лишена диалектных черт в произношении, которые всего лишь 20 лет назад в ней были совершенно очевидны. Яркий пример – произношение г-фрикативного вместо г-взрывного, предписываемого литературным стандартом; произношение названия реки Зея с твердым согласным [з], который не смягчается перед переднеязычным, что также не соответствует литературному произносительному стандарту. Эти произносительные особенности связаны с влиянием южно-русских и украинских говоров, носители которых в большом количестве присутствовали в регионе и способствовали распространению отмеченных произносительных вариантов.

В произношении и интонировании дальневосточная речь, по нашей собственной же мифологии, «самая правильная». При этом обычно сравнивают наше произношение с произношением москвичей, где гласный [а] более открытый и интонационный рисунок несколько отличен от нашего. Есть объяснение нашей «правильности», и оно имеет свой резон. В ситуации разнодиалектного взаимодействия, которое происходит на территориях позднего

заселения, к которым относится и Дальний Восток, сильнее проявляется ориентир на единую, осваиваемую поголовно в школе в XX в. литературную норму, и это весьма значимо для более успешной коммуникации.

Грамматика. Региональные грамматические варианты представляют собой чаще всего реализацию внутренних законов языкового развития и, изредка встречаясь в речи носителей литературной формы языка, в значительной степени присущи носителям просторечия. Ср.: *накладывать*, но *наложИть* – такие употребления соответствуют литературной норме, и *налАживать* и *налОжить* – распространенные в употреблении варианты в нашем регионе.¹

Лексика. Самый интересный, пожалуй, уровень, демонстрирующий действительное своеобразие, и самый очевидный. Здесь необходимо говорить о так называемой «регионально окрашенной лексике». Под **регионально окрашенной лексикой** мы понимаем слова, которые используются на той или иной территории, независимо от того, городская она или сельская. Данная лексика не фиксируется в современных словарях, так как не принадлежит к общерусской².

Выделяются две основные группы регионально окрашенной лексики:

1) **заимствованная лексика:** а) непосредственные заимствования из других языков, главным образом, из китайского: *фувуюань*; б) актуализированные общерусские заимствования: *фанза*.

2) **собственно русская лексика:** а) возникшая в результате словообразовательных процессов с использованием словообразовательных механизмов русского языка: *чумизник*, *помогайка*, *ответка*; б) возникшая в результате семантического развития исходного значения – полисемии: *остров*, *кирпич*.

Все лексемы, относимые нами к регионально окрашенным, характеризуются повторяемостью и разной степенью частотности. Они были собраны по разным источникам: во-первых, это записи разговорной речи, Интернет-опросы, анкетирование жителей Дальневосточного региона и других регионов, выполненные студентами филологического факультета Амурского госуниверситета, занимавшимися с 2009 по 2012 гг. в научном семинаре «Региональные разновидности языка: региолекты, диалекты, пиджины», и школьниками гимназии № 25 г. Благовещенска под руководством автора этой статьи; во-вторых, средства массовой информации (местные газеты, региональные интернет источники (информационные порталы, блоги и др.), демонстрирующие такую лексику как неотъемлемую часть словарного состава жителей Дальневосточного региона, Амурской области в частности. Любой из лексических регионализмов можно проиллюстрировать текстовой реализацией.

См., например, использование лексического регионализма *помогайка*: *Народное правительство города Хэйхэ запретило торговцам трогать россиян. В торговых центрах Хэйхэ развешаны документы, в которых на русском и китайском языках написано о том, что продавцам нельзя хватать российских туристов за руки, подталкивать их к прилавкам и так далее. Кроме того, «помогайкам» и продавцам, предлагающим купить носки или белье с рук прямо на улице, запрещено приставать к покупателям. Некоторые туристы уже*

¹ В Бурятии отмечены такие же варианты как региональные [12, с.15].

² Исключения составят экзотизмы, которые являются принадлежностью общего словаря, в региолекте же они теряют статус экзотизма из-за частотности употребления и расширения своей семантической структуры.

успели ощутить на себе эффект этих ограничений. «В апреле мой друг был в Хэйхэ и заметил, что «**помогаек**» действительно стало намного меньше, – рассказал директор Института Конфуция БГПУ. – Цель этих ограничений – свести на нет инциденты между нашими туристами и местными жителями» (опубликовано на информационном портале «Амур.инфо» 18 мая 2012 г.)

Приведем примеры современной регионально окрашенной лексики, или лексических регионализмов в более дробной классификации, отражающей непосредственные источники заимствования и способы их возникновения.

I. Лексические регионализмы, возникшие в результате заимствования из китайского языка, и собственно русские образования от них:

КУня. 1. Девушка, молодая женщина. 2. Обращение к девушке, молодой женщине китайской национальности на рынке или в сфере услуг. *Используется в городах Благовещенске и Хэйхэ (КНР).*

КамбЭй. Предложение выпить до дна алкогольный напиток. *Используется при застолье с китайцами.*

МЭйю. Указание на отсутствие чего-либо: нет, отсутствует, не имеется. *Употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры.*

Ни хАо. Китайское приветствие: здравствуйте. *Употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры.*

ПухАо. Китайское оценочное слово: плохо. *Употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры.*

ПушИ. Выражение отказа: не нужно, не надо.

СЕсе. Китайское выражение благодарности: спасибо. *Употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры.*

ФАнза. Жилище, квартира невысокого качества.

ФуюАнь, фувуюАнь. 1. Обслуживающий персонал: горничные в гостинице, официанты в ресторане и т.п. 2. Обращение к обслуживающему персоналу – горничным, официантам и т.п. *Употр. в городах Хэйхэ (КНР) и Благовещенске (в сфере услуг, оказываемых китайцами, или как оценочное обращение в русской речи).*

ФуюАнька (ласк.), **фУйка** (пренебр.), **фУя.** То же, что **фуюань, фувуюань.**

ХанА. Китайская водка.

ХАо. Китайское оценочное слово: хорошо. *Употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры.*

ЧисанЧИ (вариант **ТисанЧИ**). Название блюда китайской кухни «Три свежести» (в буквальном переводе).

ЧифАн. Китайская еда; блюда китайской кухни.

ЧифАнька. Кафе китайской кухни.

ЧифАнить. Есть китайскую еду – блюда китайской кухни.

ШангО. Оценочное слово со значением одобрения. *Находится в пассивном употреблении.*

И некоторые другие.

**II. Лексические регионализмы, возникшие в результате заимствования
из русско-китайского пиджина:**

ДрУга. Обращение к лицу китайской национальности на рынке или в сфере услуг. *Употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры.*

КапитАна. 1. Начальник. 2. Обращение к начальнику. *Употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры.*

МадАма. 1. Женщина. 2. Обращение к женщине. *Употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры.*

ХулигАна. Хулиган, разбойник. *Оценочное. Употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры.*

III. Лексические регионализмы, возникшие в результате полисемии:

Кирпич. Человек, перевозящий товары из Китая.

Остров. Зона свободной торговли, располагающаяся на острове на реке Амур.

Отсветить. Сделать ксерокопию.

Свечка. Многоэтажный одноподъездный дом.

Фонарь. Человек, помогающий за определенную плату перевозить товары из Китая в объеме, дозволенном к вывозу.

И другие.

IV. Лексические регионализмы, возникшие в результате словообразования:

Блага, Благ. Неофициальное название города Благовещенска.

Зареченск. Неофициальное название города Хэйхэ (КНР), располагающегося на противоположном от г. Благовещенска берегу реки Амур.

Китайка. Кафе китайской кухни.

Киты. Китайцы.

Маршрутка. Маршрутное такси, микроавтобус.

Микрик. Микроавтобус, используемый как маршрутное такси.

Отсветка. Ксерокопия.

Полторашка. Пластиковая бутылка емкостью 1,5 литра.

Помогайка. Название китайского помощника, навязчиво предлагающего свою помощь.

Тралик. Троллейбус.

Хабара. Неофициальное название г.Хабаровска.

Хитроград. Неофициальное название г. Биробиджана.

И другие.

Студентка филологического факультета АмГУ Юлия Атрощенко, занимавшаяся изучением регионально окрашенной лексики, составила текст с использованием этой лексики – текст, который не будет понят до конца представителями других регионов России – носителями русского языка, поскольку им не известно значение многих использованных там слов. Вот отрывок из этого текста: «Свой сотовый она приобрела у **китов**, когда ездила **фонарем** у знакомого **кирпича**. На **остров** девушка ездила часто и знала в лицо всех назойливых **помогаек**. То в такси зазывают, то **чифаньку** какую-нибудь навязывают...».

Регионально окрашенная лексика может быть рассмотрена с точки зрения системных – парадигматических – отношений, свойственных любой лексической системе.

Во-первых, лексические регионализмы вступают в отношения **синонимии** как с общенародными лексическими единицами, так и с диалектными и другими регионально окрашенными лексемами (*дом – фанза – хата*), во-вторых, они вступают в отношения **семантического и формального варьирования** (*кирпич – кирпич; хана – ханжа – ханшина* и т.д.), в-третьих, лексические регионализмы могут находиться в **мотивационных отношениях** друг с другом и с общерусскими лексемами, причем эти отношения могут быть представлены как морфо-семантической структурой слова, так и его лексико-семантической структурой (*отсветить «ксерокопировать» – отсветка «ксерокопия»; свечка «палочка из жирового вещества с фитилем внутри, служащая источником освещения» [16, с. 691] – свечка «высотный одноподъездный дом»*).

Важным свойством лексических регионализмов является их реальная и потенциальная **вариативность**, обусловленная в целом теми же причинами, что и вариативность диалекта: некодифицируемость, ненормативность, преимущественно устная форма бытования (в письменной речи – в СМИ – они присутствуют как вкрапления, отсылающие к более известным в некодифицированной сферах языка наименованиям). Ярким примером этого явления может послужить заметка, опубликованная в начале XX в. в одной из благовещенских газет, которая, с одной стороны, отражает забавный факт особого регионального существования («из истории амурского пьянства»), а с другой стороны, выступает примером языкового существования в регионе, связанного с функционированием заимствованной из китайского языка лексемы, варьирующей уже в пределах одного небольшого текста:

«Источник маньчжурской ханшины

16 ноября на реке Амуре против Станичной улицы у переправлявшихся в этом пункте китайцев в 4 часа вечера отобрана и вылита в яму до сорока лонков ханшины. Узнав об этом радостном событии, некоторые любители до выпивки из окрестных жителей с жадностью накинулись на источник, ложились на животы и пили, таскали ведрами, котелками, бутылками, черпали ковшами и т.п. Одним словом, дошли до состояния добравшихся к хорошему корму свиней. В результате – до поздней ночи здесь раздавались песни, производилась пляска, ругань и драка. В числе упившихся с неба свалившейся Ханой наблюдались дети и подростки. На завтра, т.е. в воскресенье, 17 числа, многие из накануне упившихся ходили опохмеляться и за недостатком ханшины, исчезнувшей за ночь, лизали лед языками, ели снег и т.п.» Амурская газета. № 126. 20 ноября 1902 г.).

Подобные примеры варьирования могут быть приведены и с использованием более современных лексических регионализмов: *фуюань* (варианты *фувуюань, фуюанька, фуюа, фуйка*), *чисанчи* (вариант *тисанчи*) и некот. др. Это позволяет рассматривать вариативность как важное свойство региолекта, обусловленное особенностями его возникновения и существования.

В целом проведенный анализ регионально окрашенной лексики в лексической системе русского языка дальневосточников упрочивает ее позиции в словарном составе региона и обеспечивает право быть идентификатором особого регионального варианта языка, в нашем случае – дальневосточного региолекта.

Анализ регионального языкового материала на протяжении более ста лет позволяет утверждать, что **региолект – это историческое явление**. Различные лингвистические источники, начиная с конца XIX в. и заканчивая началом XXI в., демонстрируют регионально окрашенную лексику и, следовательно, свидетельствуют о региональной специфике национального языка, которая, полагаем, была, есть и будет.

Мы не одиноки в таком убеждении. Так, в 2011 г. в Москве вышел «Словарь русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье», автором которого является А.П. Майоров. И этот словарь содержит (цитирую – *Е.О.*) «лексику, характеризующую **региональный вариант национального языка** восемнадцатого столетия... В словаре использован уникальный материал рукописных памятников деловой письменности» регионального происхождения [17].

Региолект как историческое явление наглядно проявляется уже составом местных лексических заимствований, характерных для разных периодов его существования. Состав региональных заимствований более ранних периодов определяется по письменным источникам: периодическим изданиям, мемуарной и художественной литературе и др. В качестве вспомогательного источника выступают записи диалектной речи, сделанные в селах региона, в том числе и Амурской области. Это главным образом заимствования из китайского языка.

Подробный анализ состава лексических заимствований в регионе и динамику этого состава на протяжении XX в., особенно подробно – в его первой половине, осуществлен нами в работе «Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования», опубликованной в журнале «Русский язык в научном освещении» в 2008 г. [18].

Все приведенные нами факты могут служить доказательством регионально обусловленной специфики русской речи в Дальневосточном регионе и позволяют говорить о существовании региолекта как одной из форм языкового бытия, одном из его вариантов, в данном случае – о существовании дальневосточного региолекта.

P.S. Нам хорошо известно о региональных вариантах других языков: например, о британском, американском, канадском и австралийском вариантах английского языка. Нам известно о влиянии китайских диалектов на литературный путунхуа, что опять же ведет к порождению его вариантов. Мы также знаем о многочисленных заимствованиях из русского языка на Северо-Востоке Китая, что обусловлено довольно тесным, хотя и дискретным на протяжении XX в., русско-китайским взаимодействием в регионе. И этот факт свидетельствует о региональной специфике китайского языка на приграничных с Россией территориях, и он позволяет говорить о его региональной вариативности. Поэтому мысль о региолектах как наддиалектных языковых формах, актуальных для современности несмотря на процессы глобализации и интернационализации многих сфер жизни, необходимо развивать в разных аспектах, а сами региолекты описывать и изучать, видя в них разные лики одного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности. Доклады на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». М., 1991. С.4-11.
2. Трубинский В.И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Межвузовский сборник научных трудов. Псков, 1991. С. 156-162.
3. Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб., 1995.
4. Беликов В.И. Сравнение Петербурга с Москвой и другие сообщения по социальной лексикографии // Русский язык сегодня. Вып. 3. Сб. статей. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: 2004. С. 23–38.

5. Майоров А.П. Безударные гласные после мягких согласных в забайкальском региолекте XVIII в. // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 5. / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2007. С. 55–61.
6. Герд А.С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. Вып. 1. М.: Азбуковник, 2001. С. 45-52.
7. Форум «Городские диалекты»: <http://forum.lingvo.ru/actualtopics.aspx?bid=26>
8. Беликов В.И. Литературная норма и лексические регионализмы. Доклад в Институте русского языка им. В.В.Виноградова. 23.11.06 г.
9. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 439 с.
10. Ерофеева Е.В. Вероятностные структуры идиомов: социоллингвистический аспект. Пермь, Изд-во Перм. ун-та, 2005. 320 с.
11. Бородина М.А. Диалекты или региональные языки? // Вопросы языкознания. 1982. №5. С. 29-34.
12. Майоров А.П. Введение в лингвокраеведение Бурятии: учеб. пособие для студентов вузов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2010. 114 с.
13. Зотов Г.В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А.А. Соколянского. Магадан, Изд-во СВГУ. 2010. 539 с.
14. Каленчук М.Л., Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI в.: норма и ее варианты. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 1008 с. (Фундаментальные словари).
15. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Диалект – региолект – региональный вариант литературного языка // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докладов Международной конференции 27-28 октября 2012 г. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2012. С.17-19.
16. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995.
17. Майоров А.П. Словарь русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 584 с.
18. Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении. 2008. Вып.16. С.119-136.

УДК 800.86/87

Л.В. Курникова

**НАРОДНО-РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ НА АМУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.
(по материалам Словарной картотеки Г.С. Новикова-Даурского)**

В статье анализируются материалы Словарной картотеки известного краеведа Г.С. Новикова-Даурского как регионального лингвистического источника для изучения народной разговорной речи Приамурья в начале XX в.

Ключевые слова: народно-разговорная речь, Приамурье, Словарная картотека Г.С. Новикова-Даурского, разговорно-просторечная лексика, жаргонная лексика

The empirical data for the analysis was taken from the Word Index of a well-known local historian G.S. Novikov-Daurskiy. This linguistic information is viewed as a unique local linguistic source for studying folk colloquial speech in the Priamurye in the beginning of the 20-th century.

Key words: Folk Colloquial Speech, the Priamurye, Word Index by G.S. Novikov-Daurskiy, Colloquial Words, Slang.

В биографических вехах Григория Степановича Новикова-Даурского прошедший 2011 год особый. Исполнилось 130 лет со дня его рождения и 50 лет со дня смерти. С годами значимость подвижнической деятельности Г.С. Новикова воспринимается все объемнее. Он

известен как журналист, археолог, дальневосточный краевед, музейный работник. Звание «Даурский» стало признанием его заслуг, а Амурскому областному музею присвоено имя Г.С.Новикова-Даурского.

Особое место в наследии краеведа занимают «Записи по словарю старожилого забайкальского населения и амурских казаков с примерами» – таково обозначение словарной картотеки ее составителем, Григорием Новиковым.

Уместно напомнить о судьбе картотеки.

Еще в первые десятилетия XX в. (1913-1914 гг.) нерчинский юноша стал записывать жаргонную лексику приисковых рабочих Забайкалья. На Амур Г.С.Новиков переехал в 1914 г. Судя по картотеке, первые записи речи амурцев сделаны в станице Черняево в 1926 г. Основные записи велись с 1928 по 1934 гг. в казачьих станицах и крестьянских селах по Амуру и Зее.

Словарная картотека Г.С. Новикова-Даурского (далее СКД) хранится в Амурском государственном архиве вместе с другими материалами краеведа [1]. Об истории СКД, ее особенностях см. статьи Л.В. Кирпиковой [2; 3; 4], В.В. Пирко [5], И.А. Стринадко [6]. Эти авторы подготовили СКД к печати [7], снабдив материалы картотеки лексикографической выверкой по двум словарям литературного языка: «Толковому словарю русского языка», известному по имени его редактора Д.Н. Ушакова (СУ) и «Словарю русского языка» С.И. Ожегова (СО-85), а также «Словарю русских говоров Приамурья» (АС-83) [8; 9; 10].

Словари дают два вектора наблюдений: вектор одновременности (СКД – СУ) и вектор временной последовательности (СКД → АС-83; СКД → СО-85). Остановимся на первом векторе – векторе одновременности. Особенно важны сведения СУ, так как время подготовки СУ и СКД совпадает. Это один языковой срез – первая треть XX в.

Цель статьи – рассмотреть, насколько материалы Словарной картотеки Г.С. Новикова-Даурского помогают дополнить картину русского речевого употребления в социальной среде, мало ориентированной на нормативные формы национального языка. Наблюдения не претендуют на полноту и исчерпанность темы. В лексикографическом плане рассматривается часть слов из СКД (буквы Б, В, З, К, П) и степень её отражения в СУ, а также характеризуются лексические единицы, типичные для бытового общения, и их контекстное окружение. Поддержку в выборе направления находим в исследовании Н.А. Лукьяновой «Экспрессивная лексика разговорного употребления» [11]. Не перечисляя достоинств названной монографии, отметим важный для нас аспект – изучение разговорного употребления лексики в единстве литературного языка и диалектного.

Словарная картотека Г.С. Новикова-Даурского – фактически единственный источник, который дает представление о народно-разговорной речи русских жителей Приамурья начала XX в. Ее материалы содержат основные признаки лингвистического источника, это:

- лексикографические карточки с толкованием слов и примерами употребления (не всегда);
- паспортные записи (указание места фиксации слова, года, часто отражена на карточке и фамилия информанта);
- этнографические и культурно-исторические сведения, запечатленные в слове;

– данные об особенностях консонантизма и вокализма русской речи в Приамурье первой трети XX в., сведения о грамматических особенностях.

В статье намеренно сохраняется понятие «народно-разговорная речь». Оно используется обычно историками языка, в отличие от принятого в современном литературном языке функционально-стилевого подхода. Выбор в пользу понятия «народно-разговорная речь» оправдан, так как подчеркивает социальный аспект дальнейших оценок (бытование в определенной среде – народная) и ее устный характер (непринужденное, свободное общение – разговорность).

Исторические достоинства СКД, естественно, принимаются с некоторыми оговорками. Составитель картотеки никогда не учился в школе, был самоучкой, но его многолетние наблюдения, интерес к народной речи и записи достойны внимания. Это языковая личность, сформировавшаяся в Забайкалье и Приамурье на рубеже XIX-XX вв. [12].

Надо сказать, что диапазон речи социальных слоев, отраженных в картотеке, значителен: жаргон рабочих приисковых артелей, казачий говор, речь крестьян-амурцев, речь приказчиков, секретарей, солдат и др.

СКД ориентирована на устную бытовую речь названных групп населения, и эту речь Г.С. Новиков фиксировал «по Далю» и с позиции сибирских бытописателей, о чем свидетельствуют его заметки в карточках. Подготовка же «Толкового словаря русского языка» (СУ) велась с позиций нормативных требований литературного языка и с ориентацией, в основном, на письменные источники.

Вот выборка из СКД, которая позволяет судить, насколько материалы картотеки совпадают или разнятся с данными СУ. Буквы Б, В, З, К, П.

Буквы	СКД: кол-во слов	СУ: пометы				СУ без помет	СУ всего со- отв. СКД
		обл.	прост.	разг.	спец.		
Б	261	17	8	14	9	15	63
В	197	12	15	10	1	18	56
З	216	12	9	12	5	10	48
К	277	32	11	7	18	15	83
П	304	38	21	14	18	49	140
	1255	111	64	57	51	107	390

Из 1255 слов СКД на довольно многочисленные буквы алфавита только 390 слов отражено в словаре литературного языка (СУ), то есть 31 %. Около 19% из них, 232 слова, в СУ сопровождаются пометами *обл.*, *прост.*, *разг.* Областных – 111, что составляет 10 % от общего числа слов на эти буквы.

Что же остальные 865 – почти $\frac{2}{3}$ лексических единиц? Часть карточек содержит ссылки на сибирских бытописателей Анучина и Станиловского. Это слова областные, сибирские. Часто в карточки другими, свежими чернилами написаны примеры употребления и даже место записи – амурские станицы и села. Следовательно, они и амурские.

Таким образом, помимо областных, в карточках оказываются в соседстве разговорно-просторечные, жаргонные слова и частично нейтральные – то есть лексика обширного регистра русского национального языка – «по Далю».

Эта лексика в СКД используется самим составителем и в толкованиях лексических единиц. Так, *болтомéля* в СКД поясняется как «болтуша, хлопуща, вруша, врач, ботало осинное, пустомеля, болтун». Лишь два последних слова СУ отнесены к разговорным. Остальные следует считать диалектными. Некоторые лексемы толкуются через словесный ряд, включающий семантически разноплановые единицы.

Вот два примера.

Балахры́ска – «халда, ветрена, полудурье, пустерьга, вендерка, пустая, легкомысленная (о женщинах, главным образом о девицах)».

Балахры́стить – «бездельничать, лодырничать, ветрогонничать, полы пинать, шевяники пинать».

Принцип толкования двух родственных слов одинаков – в словесном ряду близкие, но не однозначные единицы; в толковании существительного содержится негативная оценка характера и образа жизни женщины, а при толковании глагола составитель подчеркивает отрицательное отношение человека к труду, делая это не только с помощью общерусских единиц, но и диалектных фразеологизмов и глаголов.

Вероятно, Г.С. Новиков-Даурский не оставлял работы над картотекой и в 40-50 годы XX в. Об этом свидетельствуют замечания в карточках. Он ввел помету «дальневосточное слово» в карточках на А и Б – *ДВсл.*: *Ашка* (при обращении к ребенку) – «хороший, славный» (иногда *ашенька*) *Ты у меня ашка. ДВсл.*; *Арка́ть* – «дразнить, вызывать на ссору». *ДВсл.* Появилось и сокращение «*Т.с.р.яз.*», то есть «Толковый словарь русского языка». Следовательно, составитель сверял амурские записи по СУ. Вот как выглядит карточка, на которой имеется такое сокращение:

арта́читца – «упрямиться, стоять на своем, не соглашаться» *Все пьют, один Степаныч артачитца. Т.с.р.яз., ДВсл.*

Тематический диапазон лексики в картотеке непосредственно связан с образом жизни и мировосприятием названных выше социальных групп населения, но этот вопрос в работе специально не рассматривается.

Общий анализ картотеки позволяет отметить следующее.

Предметная лексика (слова с идентифицирующим содержанием) получает в СКД детальное толкование, часто это развернутые характеристики предмета с выделением его основных признаков. К примеру, карточка на слово ичиги выглядит так:

ичиги – «кожаные сапоги без каблуков, не пропускающие влагу». Далее Г.С. Новиков цитирует Анучина и Станиловского: «Обувь без подметок. Кожаные туфли без каблуков и подметок. Енис. Анучин. Подвязываются у щиколотки ремнями (оборками) или под коленями. Прибайк. Станиловский». И вновь за цитатами Г.В. Новиков описывает *ичиги*, отсылая после комментария к двум синонимам: «Сапоги на мягкой (прошивной без стельки) подошве, без каблуков или прошивными «подпятниками», т.е. по одному листку кожи на месте каблуков. См. *бахилы, брó дни*».

Примеры употребления в речи предметной лексики эпизодичны.

Характеристика лиц, оценка человеческих поступков (предикатные слова) в СКД сопровождаются, как правило, иллюстративным речевым контекстом [4]. Это глаголы, прилагательные, оценочные существительные, зафиксированные в минимальных высказываниях.

Контексты содержат яркие показатели устной речи: экспрессивность, эмоциональность, оценочность, даже некоторую прямолинейную грубоватость. Например:

– *Ну, паря, и пэ́нтюх же ты, ничево тебе не растолма́чишь, как пень.*

– *Вот телепе́нь-то, стоит да ша́ры пучит, а ничево не понимает.*

Любопытно, что в одной карточке представлены два синонимичных слова *пэнтюх* и *телепень* с общим толкованием «тупой, простоватый, бестолковый», негативно характеризующие лицо. В СУ первое слово сопровождается пометами *прост.*, *бран.*, *ирон.*, а второе отнесено к областным. Оба выступают смысловыми центрами высказывания. Высока и плотность использования экспрессивной лексики в этих предложениях.

Налицо и грамматические средства выразительности: междометия, обращения, частицы. Частицы усилительно-выделительные к слову в препозиции – *и*, постпозиции – *же*, указательная – *вот*.

Сравните в других фразах:

– *Ох уж и канифолит тебя Ванюха за это ...*

Г.С. Новиков толкует слово *канифолить*: «бесчестить кого бранными словами». На основе специального значения (СУ: натирать канифолью) у глагола в говорах возникло переносное значение неодобрительного плана, но сочетание междометия *ох* и частицы *уж и* создают атмосферу сочувствия собеседнику.

Помимо общерусских частиц используются и диалектные: *адали* – «словно, как бы, как будто, почти как» (Г.С. Новиков-Даурский относит его к монгольским заимствованиям); *ажно* – «даже, так что, аж». *Ажно оторопь взяла. ДВсл.*; *ить* – «ведь». *Ить вот како делото.* Н. Кумара, местн. урожд., старик, 1931 г.

В иллюстративных материалах СКД частотны обращения *па́ря* и *дева*. Внимательный наблюдатель, Г.С. Новиков замечает: «Девушки, женщины при обращении друг к другу почти всегда говорят *дева*, так же как и мужчины – *паря*». Судя по замечаниям составителя и примерам употребления, *дева* и *девка*, а также *девонька* («обращение одной женщине к другой, хотя бы и замужней») были лишены в амурском словоупотреблении социальных коннотаций, свойственных русскому литературному языку начала XX в. *Паря* в забайкальских и амурских говорах своеобразно смягчает тональность речи, почти утрачивая свойства обращения, что обнаруживается в приведенном выше высказывании (*Ну, паря, и пэнтюх же ты...*).

В СКД очень выразительны бытовые реплики со словами общего рода, такими как разговорно-просторечные *до́ка*, *рева*, *мямля*, *нюня*, *мурло*, *пустомеля* и т.п. Этот ряд дополняется областными, жаргонными и разговорными словами, но с довольно ясной внутренней формой: *гре́за* – «шалун, бедокур (о детях)», *косы́га* – «косоглазый (бранное прозвище)», *потё́ма* – «(прозвище) плохо видящий, близорукий», *вяньгу́ша* – «плакса, ханжа». Мотивация этих выразительных единиц обеспечивается глаголами, прилагательными как местного распространения, так и общерусскими, да и общим смыслом фразы. Так, *гре́за* мотивируется глаголом *грэзить* – «шалить, бедокурить, проказничать», *вяньгуша* – *вя́ньгать*, «т.е. хныкать, плакать, жаловаться на бедственное положение», *вредá* – по общерусскому глаголу *вредить*, прилагательным *вредный* и *зловредный*; *сухорда* – «(прозвище) сухощавый».

См., например, представленные Г.С. Новиковым слова и контексты:

Галда́ – «крикливый». *Уж ты, галда, загалда́, загалди́шь, дак не рад тебе буди́шь*. Н.-Покровка, 1932, ст-ха.

Сухорда́ – «(прозвище) сухощавый». *Сухорда́ ты сухорда – кости да шкура*. Гуран. Клипова. 1931 г.

Вреда́ – «зловредный». *Вот вреда́-то все наперек делает*. Бессарабка. Карбушев.

Галёра – «то же, что и шпана. Хулиганская братия (хулиганский лексикон)». *Наша галёра дома не сидит* (из хулиганской частушки). Благовещ. Сергеевка.

Ну и рёва этот Микушка, ревьёт и ревьёт. Будет кричать-то, ревун-крыкун. Гуран. Клипова.

Характеризующие свойства этих слов таковы, что в разных предложениях они выступают не только в роли сказуемых, определений, обращений, но и подлежащих, дополнений.

Ср.: *Эта гмыра исподтишка подведёт другова. Наша галера дома не сидит. Этого ненажору не накормишь. У этого выжимули в крещение льду не выпросишь*. Синтаксические функции слов общего рода и их семантика позволяют легко переходить в прозвище.

Подчеркивая своеобразие слов общего рода в русском языке, В.В. Виноградов писал: «В категории общего рода преобладают эмоционально окрашенные слова, проникшие в литературный язык из живой устной речи и иногда носящие резкий отпечаток фамильярного и даже вульгарного стиля» [13, с. 68].

Словарная картотека Г.С. Новикова-Даурского существенно дополняет сведения о границах распространения и функционирования наименее исследованного пласта русской народно-разговорной лексики первой трети XX в.

Даже элементарный цифровой подсчет (выборочно – на 5 букв алфавита) позволяет судить о том, что Г.С. Новикову-Даурскому удалось представить целый спектр народно-разговорной лексики средних слоев русского населения, лишь частично показанный в «Толковом словаре русского языка».

Высказывания, которые особенно часты в бытовых ситуациях, где дается оценка лицу, используются Новиковым-Даурским в качестве иллюстративного материала к лексическим единицам. Дополнительную выразительность придают фразам такие средства субъективной модальности, как междометия, частицы, обращения.

Заслуживает особого внимания стремление Г.С. Новикова-Даурского в попутных замечаниях определить экспрессивные возможности слова (бранное, прозвище, унижительное, шутовское, ругательное), социальную атмосферу (хулиганский лексикон), объект оценки (о детях, о женщинах) и т.п. Новиков-Даурский не копирует систему стилистических оценок, разработанную составителями «Толкового словаря русского языка», а выступает при создании своей Словарной картотеки как самобытный исследователь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амурский областной государственный архив, фонд 958.
2. Кирпикова Л.В. Словарная картотека Г.С. Новикова-Даурского как лексикографический и лексикологический источник // Амурский краевед: Информационный вестник. №2. Благовещенск: Амурский областной краеведческий музей, 1991. С. 20-25.
3. Кирпикова Л.В. К истокам слова (о лингвокраеведческой деятельности Г.С. Новикова-Даурского) // Приамурье – форпост России на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Амурский областной краеведческий музей, 2007. С. 349-353.

4. Кирпикова Л.В. Мир предметов и оценок в речи амурцев начала XX века (по материалам картотеки Г.С. Новикова-Даурского // Музеи – центры координации краеведческой работы. Благовещенск: Амурский областной краеведческий музей, 2002. С. 182-185.
5. Пирко В.В. Просторечная лексика в словарной картотеке Г.С. Новикова-Даурского // Приамурье от первооткрывателей до наших дней. Материалы региональной научно-практ. конференции. Благовещенск: Амурский областной краеведческий музей, 2003. С. 103-107.
6. Стринадко И.А. Обращения в речи амурцев конца XIX – начала XX в. // Музеи-центры координации краеведческой работы. Благовещенск: Амурский областной краеведческий музей, 2001. С. 169-171.
7. СКД 2003 – Словарная картотека Г.С. Новикова-Даурского / Подготовка к печати Л.В. Кирпикова, В.В. Пирко, И.А. Стринадко. Вст. ст. и ред. Л.В. Кирпикова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003.
8. СУ – Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н.Ушакова т.т. I - IV. М., 1935-1940.
9. СО – Ожегов С.И. Словарь русского языка, изд. 17. М., 1985.
10. АС – Словарь русских говоров Приамурья. Под ред. Ф.П. Филина. Сост.: Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятин, Н.П. Шенкевец. М.: «Наука», 1983.
11. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск: Наука, 1986.
12. Кирпикова Л.В. О языковой компетентности русской личности начала XX в. (на материале словарной картотеки Г. С. Новикова-Даурского) // Памяти В.И. Даля. Материалы международной научной конференции. Хабаровск: ХГПУ, 2002. С. 43-51.
13. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972.

УДК 801:316

Е.В. Касимова

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ РУССКО-КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ В НАЧАЛЕ XX в.

В статье представлен опыт описания региональной языковой специфики на Дальнем Востоке, проявившейся в наличии территориальных языковых особенностей в русском языке дальневосточников, а именно заимствований из китайского языка, в функционировании контактного языка – русско-китайского пиджина, в бытовании русского языка в приграничном Китае

Ключевые слова: региональная языковая специфика, Дальний Восток, русско-китайский пиджин, заимствования из китайского языка, русский язык зарубежья

The article is aimed at describing the language situation in the Far East. There are territorial variations in the Russian language in the Far East. First, there is a number of loan-words from the Chinese language into Russian. Second, there is a contacting language, Russian-Chinese Pidgin in the area. Speaking the Russian language tends to become a more common thing in the Chinese Border Areas with Russia.

Key words: Language Situation, Far East, Russian-Chinese Pidgin, Chinese Loan-Words, Russian Language in the Chinese-Russian Border Areas.

История взаимодействия народов России и Китая и их культур насчитывает несколько веков, и на каждом этапе это взаимодействие носило свой, особенный, характер. При этом исследование русско-китайского языкового взаимодействия представлено лишь единичными исследованиями.

В данной статье представлена попытка описать специфику русско-китайского языкового взаимодействия на Дальнем Востоке России в один из временных срезов, а именно в начале XX века. Материалом для исследования послужила «Амурская газета» [далее – АГ]. Это

первая частная газета г. Благовещенска, «политический, общественный и литературный орган», как определяют ее издатели, выходила с 1 июля 1895 г. по 22 февраля 1906 г. – сначала еженедельно, а с 1902 г. – три раза в неделю.

Свое научное внимание к изучению межъязыковых контактов при тесном соприкосновении нескольких языков в речевой практике обращали многие лингвисты: В.И. Беликов, Л.М. Грановская, Е.А. Земская и др. [1; 2; 3]. Непосредственно исследование русско-китайского языкового взаимодействия представлено в работах А.Г. Шпринцына, В.И. Беликова, А.Яблонской, Е.В. Перехвальской, Ян Цзе [4; 5; 6; 7; 8]. Комплексно тема разработана в ряде монографий и статей Е.А. Оглезневой [9; 10; 11; 12; 13]. Примечательно, что в большинстве случаев эти исследования носят междисциплинарный характер, находясь на стыке сразу нескольких наук: лингвистики, культурологи, психологии, социологии и др. Именно в таком междисциплинарном, суживающемся до социолингвистического, звучании является особенно актуальным изучение языковых контактов, возникающих на приграничных территориях Дальнего Востока России и севера Китая.

В современном состоянии исследование этой темы осуществляется по трём основным направлениям, которые отражают естественные пути развития русско-китайского языкового взаимодействия и представлены следующими языковыми вариантами. Подчеркнем прежде, что это варианты русского языка или созданные на базе русского языка.

Во-первых, это вариант русского литературного языка, сформировавшийся на Дальнем Востоке России и испытавший влияние китайского языка или в плане китайских заимствований, или в плане использования «китайского материала» для создания собственно русских новообразований региональной тематики. Этот вариант можно обозначить как **региональный вариант русского языка, или дальневосточный региолект**.

Например:

*«Владивостоку» пишут со ст. Модами, что на знаменитой **Манджурке** дня не проходит, чтобы кто-то кого-то не убил, кто-то кого-то не обворовал. Ну и сторонушка!»* (АГ № 26 от 03.03.1902г.), где **манджурка** – Китайско-Восточная железная дорога;

*«Однажды ехавший по границе отряд казаков встретился с одиноким **манзой**, по видимому, рабочим, перешедшим нашу границу, ... но вдруг неожиданно **манза** заговорил на чистом русском языке»* (АГ № 11, 14.03.1899г.), где **манза** – китаец.

Во-вторых, это контактный язык на основе русского, используемый как средство межэтнического общения в среде смешанного населения в основном в ситуациях торговли – **русско-китайский пиджин**. Он использовался на приграничных территориях России и Китая.

В-третьих, это одна из форм существования русского языка, сложившаяся и функционирующая в среде эмигрантов на восток – в Китае – и их потомков. Это **русский язык в восточном зарубежье**.

Несмотря на то, что названные нами варианты русского языка специфичны и их специфика является следствием соприкосновения и взаимодействия их с китайским языком и культурой китайского народа, каждый из вариантов по-своему уникален и характеризуется степенью проникновения (влияния) китайского языка, ситуаций бытования, функциями, социальными характеристиками своих носителей.

В центре нашего внимания – **вариант русского национального языка, сложившийся, функционирующий и развивающийся на территории Дальнего Востока**, в частности, в Приамурье. Для именованя этого варианта актуален термин «**региолект**», возникший в 90-е гг. XX в. в работах В. И. Трубинского [14] и А. С. Герда [15]. Дальнейшая разработка указанного понятия продолжена в работах В.И. Беликова [16], А.П. Майорова [17], Е.А. Оглезневой [18] и некот. др.).

А.С. Герд предложил термин «региолект» для именованя речи жителей средних и малых городов, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, но развились новые особенности [15, с. 48]. Несмотря на то, что термин «региолект» и явление, которое он называет, ещё не является общепризнанным в современной лингвистике, можно говорить о его праве на жизнь. Наблюдение за речью дальневосточников в течение длительного времени делают очевидной её специфику по сравнению с кодифицированной русской литературной речью и с речью жителей других регионов России. Эта специфика, как уже было упомянуто, связана в большой степени с геополитическим фактором – соседством с Китаем.

Регионально окрашенная лексика, свойственная дальневосточному региолекту русского национального языка, отражает процесс этнокультурного взаимодействия русского и китайского народов на Дальнем Востоке, их взаимный опыт [9, с. 44]. В результате русский язык дальневосточников, независимо от их социального статуса, рода занятий, возраста его носителей, пополняется новыми лексическими средствами, необходимыми для выражения местных реалий, поэтому обладающий собственной языковой спецификой дальневосточный вариант русского национального языка может рассматриваться как один из его региолектов [18, с. 122].

Однако межнациональные контакты на территории региона – не единственный фактор, формирующий дальневосточный региолект русского языка и обуславливающий его специфику. Следует принимать во внимание и диалектные особенности, оказывающие значительное влияние на процесс становления и качественные характеристики региолекта, и собственные региону сферы деятельности, определяющие разветвлённость тех или иных терминологических систем, и т.п. См., напр.:

«Овчинно-шубный завод М.С.Ромова-сын в Тюмени. Известные качеством: шубы, полушубки, дублёнки, ... пимы, бродни, рукавицы кожаные и вареги от дешёвой цены» (АГ № 8 от 19.01.1903г.), где **бродни** – вид обуви, сапоги [19], а **вареги** – большие вязаные рукавицы [19];

«...Многие охотники с выпаданием снега не раз ходили на ходовую козу, но, в большинстве случаев, неудачно» (АГ № 133, дек.1902г.), где **ходовая коза** – косуля [19].

Начало исследованию дальневосточного региолекта русского языка положено в статье Е.А. Оглезневой «Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования» (2008) [18]. Здесь автор выделяет особые, характеризующие данную языковую вариант явления (заимствования, активизация экзотической лексики, развитие синонимии), рассматривает состав и характер заимствований в разные периоды русского языкового существования в Дальневосточном регионе, способы адаптации заимствованной лексики. В качестве материала используются письменные источники: книга путешественника, экономиста и этнографа А.А. Кауфмана «По новым местам. Очерки и путевые заметки. 1901-1903» [20], а также периодическая печать.

Именно периодика является богатейшим источником изучения региональных особенностей русского языка в Дальневосточном регионе. Это подтверждает и дальнейшее исследование на материале одного из самых популярных и авторитетных периодических изданий рубежа XIX-XX вв. в Приамурье – «Амурской газеты», которая распространялась не только в Благовещенске и Амурской области, но и по всей России и даже за границей [Подробнее см. 21, с.136].

Жанровое разнообразие материалов (выдержки из других газет, официальные документы, объявления, опровержения, сообщения, письма читателей, рекламные объявления, театральные заметки, фельетоны и др.) обуславливает наряду с некоторыми другими факторами активное использование в языке газеты специфической лексики. Это в первую очередь экзотизмы, в частности, заимствованные из китайского языка.

Под иными факторами, позволяющими считать «Амурскую газету» региональным лингвистическим источником и отражением регионального варианта русского национального языка, мы подразумеваем следующее.

Во-первых, наиболее полное отражение в материалах «Амурской газеты» повседневных реалий жителей Амурской области конца XIX в.:

*«В магазине Юн-Хо-Зан получен вновь большой выбор разнообразных товаров: китайские и японские шёлковые материи: **фай**, **креп**, **фуляр**, **канфа**, **гарнитур**, **фанза**, **чечуча**»* (АГ № 25 от 23.06.1896 г.);

*«Цены на товары первой необходимости в Хабаровске существуют несколько выше благовещенских. Так, например: ... мука-**майза** (китайская) стоит 1 руб.60 коп. пуд»* (АГ № 67 от 16.06.1904 г.)

*«Тот, кто не был в Маньчжурии, конечно не знает, что такое китайский **гаулян**»* (АГ № 29 от 12.03.1904 г.).

Во-вторых, отражение в «Амурской газете» значительных изменений в истории российского государства и на Дальнем Востоке в частности, и, соответственно, отражение этих процессов в языке дальневосточников:

*«... Для некоторых посланников очевидно, что китайское правительство желает сохранить внешний нейтралитет при помощи **боксеров**, которых японские агенты в течение долгого времени снабжали оружием и обучали военному делу»* (АГ № 25 от 03.03.1904 г.);

*«Капитан артиллерии **Бедряга**, производивший с охотничьей командой третьего полка съёмку в 10 верстах от Сементина (близ Мукдена) убит шестью пулями. Залп сделан **хунхузами** из **фанзы**»* (АГ № 26 от 03.03.1902 г.).

Таким образом, язык периодической печати Приамурья, в частности «Амурской газеты», являлся своеобразным отражением и «фиксатором» живого разговорного языка дальневосточников, проникавшего в те сферы, которые традиционно обслуживает литературный язык.

Наличие довольно большого числа лексических заимствований из китайского языка, значительное количество топонимов, связанных по происхождению с маньчжурским языком или языками автохтонных народов, обилие слов узкопрофессиональных, относящихся к специфическим для региона промыслам и видам деятельности, а также отсутствие каких бы то ни было грамматических способов выделения этих слов (кавычки, курсив, сноски, толкова-

ние и т.д.) позволяют сделать вывод о повсеместном их распространении и общеизвестности. При этом наличие указанной лексики в материалах «Амурской газеты» нисколько не снижает её стилистического уровня.

Дальнейшее описание дальневосточного региолекта русского национального языка с учётом всех формирующих его факторов: диалектного влияния, влияния местных промыслово-производственных терминологических систем, языков и диалектов автохтонных народов и народов соседних регионов (в частности, Китая), и, возможно, других, а также исследование его динамики на протяжении всего периода существования этого варианта русского национального языка – одна из перспективных задач региональной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов В.И. Русские пиджины // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. Сб. статей. М.: МГУ, 1997. С. 90-108.
2. Грановская Л.М. Русский язык в «рассеянии»: Очерки по языку русской эмиграции первой волны /Л.М. Грановская; отв. ред. М.В. Ляпон. М.: ИРЯЗ, 1995.
3. Земская Е.А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. / Отв. ред. Е.А.Земская. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. С.19-340.
4. Шпринцын А.Г. О русско-китайском диалекте на Дальнем Востоке // Страны и народы Востока. Вып. IV. 1968. С. 86-100.
5. Беликов В.И. Русский этнолект дальневосточного пиджина // IV Всесоюзная конференция востоковедов «Восток: прошлое и будущее народа». Тез. докладов и сообщений. Т.1. М., 1991. С. 26-29.
6. Jablonska A. Jezyk mieszany chinsko-rosyjski w Mandzurii [Текст] / A. Jablonska // Przegląd orientalistyczny. Warszawa, 1957. № 2 (22). С.157-168.
7. Перехвальская Е.В. Части речи в русских пиджинах // Вопросы языкознания. 2006. № 4. С. 7-26.
8. Ян Цзе Забайкальско-маньчжурский препиджин: опыт социолингвистического исследования // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 67-74.
9. Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: АмГУ, 2007.
10. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009.
11. Оглезнева Е.А. Явление грамматической интерференции при русско-китайском двуязычии (на материале речи представителей восточной ветви русского зарубежья) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. Вып. 2. Ч. II. С. 279-286.
12. Оглезнева Е.А. Русская периодика восточного зарубежья в первой половине и середине XX в.: о динамике общественно-политического дискурса // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 314. С. 26-33.
13. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье в первой половине XX в.: к вопросу о своеобразии // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 6. С. 135-150.
14. Трубинский В.И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Межвузовский сборник научных трудов. Псков, 1991.
15. Герд А.С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2001.
16. Форум «Городские диалекты»: <http://forum.lingvo.ru/actualtopics.aspx?bid=26>
17. Майоров А.П. Введение в лингвокраеведение Бурятии: учеб. пособие для студентов вузов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2010.
18. Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении, 2008. № 2 (16). С. 119-136.
19. Словарь русских говоров Приамурья. М.: Наука, 1983.
20. Кауфман А.А. По новым местам. Очерки и путевые заметки. 1901-1903. СПб, Издание Товарищества «Общественная польза», 1905.

21. Суховой Е.В. Региональные особенности в лексике амурской газет конца XIX в. (на материале «Амурской газеты» 1896-1899 гг.) // Проблемы региональной лингвистики. Материалы международной научной конференции 21-22 октября 2010 г. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. С. 136-142.

УДК 801:316

Цзян Ин

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ (на материале русского языка в г. Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян)

В статье рассматривается положение русского языка в приграничном с Россией Китае, факторы, обусловившие особый статус русского языка в данном регионе, и проблемы, связанные с обучением русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: русский язык в Китае, функции русского языка, русский язык как иностранный, методика, методология

The article focuses on the status the Russian language has in the Chinese border areas with Russia. Together with this, it discusses the factors that caused the special attitude towards the Russian language in the region, and problems associated with teaching Russian as a foreign language.

Key words: Russian Language in China, Russian Language Functions, Second Language Acquisition, Language Teaching Methods.

Русский язык, который является государственным языком Российской Федерации, а также одним из официальных языков ООН, в КНР официально признан одним из языков национальных меньшинств Китая.

Обучение русскому языку в Китае впервые началось в 1708 г. Это примерно на 150 лет раньше, чем обучение другим европейским языкам. С тех пор прошло уже более 300 лет [1, с. 106]. Русский язык выступает в качестве средства межнационального общения в политике, экономике, культуре, дипломатии и т.д. Русский язык сыграл важную роль в истории развития взаимоотношений между Китаем и Россией. В последнее десятилетие во многих провинциях, городах и особенно в городе Хэйхэ с его уникальным географическим положением на первый план вышло обучение русскому языку как иностранному.

Город Хэйхэ находится в северном районе Китая – административном центре провинции Хэйлунцзян. За рекой Амур – российский город Благовещенск. Хэйхэ является единственным Китайским пограничным городом, наиболее близко расположенном к центру одного из субъектов Российской Федерации – городу Благовещенску Амурской области. Масштаб развития Хэйхэ в последние годы впечатляет. Он функционирует как крупный, многосторонне развивающийся первый открытый город Китая, площадь которого 66803 кв. км. На территории провинции проживают представители разных национальностей: хань, мань, дауры, орочоны и др. – всего 32 национальности. Население провинции – 1 700 тысяч человек, в г. Хэйхэ население 140 тысяч человек [2]. Уникальное географическое положение и активное русско-китайское взаимодействие последних десятилетий способствуют тому, что Хэйхэ можно считать передним краем в деле обучения русскому языку в Китае.

Обучение русскому языку в г. Хэйхэ представлено двумя разновидностями: специализированное и неспециализированное образование.

Специализированное образование имеет две ступени: обучение русскому языку в средней школе и обучение русскому языку в вузе. В данный момент в г. Хэйхэ набирают группы по изучению русского языка в качестве иностранного во всех средних школах. Чтобы поднять свой уровень русского языка, учащиеся средних школ активно общаются с учащимися средних школ России, что не только повышает их интерес к учебе, но и способствует развитию культурных связей между двумя странами.

В последнее время обнаружилась тенденция к снижению количества учащихся, желающих изучать русский язык как иностранный, в пользу английского языка. Среди основных причин этого следует назвать следующие: во-первых, расширение функций английского языка в мире, что обусловлено процессом глобализации; во-вторых, быстрое устаревание и несвоевременное обновление содержания методического обеспечения, сопровождающего обучение русскому языку.

Наметившееся явление, которое может быть рассмотрено как проблема, многоаспектно. Рассмотрим **факторы**, обусловившие существующее положение дел с русским языком в приграничном Китае.

1. В последние годы в торговых отношениях с Россией наметился некоторый спад даже в г. Хэйхэ, несмотря на преимущество географического положения и богатейшие природные возможности приграничного региона. Торговля с другими странами начала вытеснять торговлю с Россией. Возникли перспективы внешней торговли г. Хэйхэ и провинции Хэйлунцзян с другими странами, поэтому естественно начала уменьшаться потребность в людях, способных вести коммуникацию на русском языке. Люди, изучающие русский язык, не чувствуют перспектив своего развития в этом направлении, и стремление учить русский язык начало резко падать.

2. В последние годы чрезвычайное развитие получили информационные и компьютерные технологии, они стали общедоступными. Этот процесс также поспособствовал падению престижа русского языка в Китае, в частности, в приграничном, поскольку область применения русского языка в мировом информационном пространстве довольно узкая. Получается, что в годы быстрого и резкого роста объема информации, в годы развития и внедрения компьютерных информационных технологий изучать русский язык становится невыгодно. Кроме того, у китайских студентов, изучающих русский язык, отмечаются трудности восприятия информации на русском языке в Интернет-коммуникации. Студенты, которым преподают русский язык, жалуются на то, что во время использования компьютерных технологий на занятиях они испытывают трудности: безотрывно смотрят экран, но не понимают. Таким образом, невостребованность русского языка в эпоху всеобщей информатизации и компьютеризации также приводит к падению числа людей, изучающих русский язык.

3. Во время набора учащихся в некоторых вузах существуют ограничения, касающиеся экзамена по иностранному языку, и это наблюдается даже при наборе в аспирантуру: некоторые вузы не принимают экзаменовавшихся по русскому языку как иностранному. В апреле 2001 г. Министерство просвещения КНР указало на то, что во время приема в вузы нельзя ограничивать набор, требуя от поступающего результатов сдачи экзамена по какому-либо определенному иностранному языку. Но в том же 2001 г. в ряде вузов Китая были ограничения для сдавших государственные экзамены по иностранному языку, в частности по русско-

му языку. Это снизило активность преподавателей русского языка и учащихся, изучающих русский язык. Чтобы поступить в хороший вуз, сильные в русском языке ученики вынуждены изучать другой иностранный язык. Это привело не только к тому, что учащимися было потрачено время на изучение предмета, не пригодившегося для поступления в вуз, но и многие талантливые ученики были брошены на полпути в изучении выбранного ими иностранного языка – русского. Этот фактор также приводит к тому, что изучающих русский язык становится меньше и меньше.

4. Необходимо в качестве отрицательного фактора назвать то, что учебные пособия по русскому языку как иностранному, которые используются в настоящее время в Китае, существенно устарели. Содержание пособий не соответствует современному положению дел в российском обществе. Сейчас на занятиях по русскому языку в средней и высшей школе пользуются учебниками, которые выпускались Издательством высшего образования в 2000 г. В вузах часто пользуются пособием «Основной курс русского языка в вузах», которое выпущено Издательством высшего образования в 1998 г. (всего 4 части) [3]. Многие тексты в этих пособиях находятся в отрыве от современной обстановки. Их содержание носит общий, неконкретный характер, а предложенные упражнения большей частью рассчитаны на механическое запоминание. Пособие не удовлетворяет потребностям студентов в приобретении речевых и коммуникативных навыков, актуальных для современных сфер жизнедеятельности, в то время как предлагаемое в учебных пособиях содержание находится в отрыве от реальной действительности и большинство сведений, представленных там, используется в практике общения очень редко, а результатом этого в конце концов является то, что можно обозначить словосочетанием «немой русский язык». В этом смысле преподавание русского языка как иностранного в Китае далеко отстоит от новой коммуникативной концепции преподавания иностранного языка вообще и от тех новаторских идей в преподавании иностранного языка, которые активно продвигаются сейчас в Китае.

5. Если говорить непосредственно о нашем приграничном с Россией городе – городе Хэйхэ, в котором объективно больше, чем в других городах Китая, изучающих русский язык, то необходимо отметить, что многие школы не обращают должного внимания на обучение русскому языку: не во всех школах есть преподаватели русского языка, отсутствуют лингафонные кабинеты для обучения русскому языку, кабинеты мультимедиа технологий, материалы для обучения и справочные книги в достаточном количестве для самостоятельной работы учащихся и т.д. Это дает учащимся, которые учатся русскому языку, ощущение некоторой отверженности и, конечно, гасит активность в изучении русского языка как у преподавателей, так и у обучающихся. Трудно бывает в таких условиях вести эффективное обучение, учащиеся пассивно относятся к занятиям. Вследствие недостаточности активных форм обучения возникает ситуация пассивного получения знаний, что ведет к снижению интереса, любознательности. Кроме того, возможные в перспективе ограничения при поступлении в вуз, связанные именно с экзаменом по русскому языку как иностранному, также приводят к уменьшению активности учащихся [4, с.136-137].

Безусловно, важную роль в обучении русскому языку играет Хэйхэйский университет. В этом высшем учебном заведении в настоящее время осуществляется набор на специальность «Русский язык», где можно получить образование по полной и сокращенной програм-

мам обучения. В университете существует два вида подготовки по русскому языку: преподавание русского языка и русский язык в торговой сфере. В настоящее время общее число студентов, изучающих русский язык в Хэйхэйском университете, – 1606 человек, в том числе студентов, обучающихся по полной программе обучения – 1323 человека, а по сокращенной программе обучения – 283 человека. Хэйхэйский университет является одной из важнейших баз по подготовке специалистов по русскому языку в Китае.

Однако в последние годы в процессе обучения русскому языку в Хэйхэйском университете возникли некоторые **проблемы**, среди которых можно выделить следующие.

1. Проблема набора учащихся. В городе Хэйхэ в некоторых средних школах наметилась тенденция к прекращению обучения русскому языку как иностранному, поэтому количество изучающих русский язык с каждым годом будет снижаться. Кроме того, качество преподавания также становится хуже, возможно, вследствие объективного несоответствия современным требованиям к преподаванию иностранного языка. Такое положение дел непременно повлияет и на развитие изучения русского языка в вузе, в частности, в Хэйхэйском университете. По мере того, как область применения английского языка становится все шире и шире, количество тех, кто изучает русский язык с целью поступить в учебное заведение и затем выехать за границу и т.п., уменьшается и начинает постепенно перемещаться из внутренних районов страны в пограничную область, из города в село. В результате того, что отсутствовала возможность изучать русский язык в школе, большинство студентов на факультетах русского языка начинает учиться русскому языку с нуля. Это существенно влияет на качество обучения способных студентов, изучавших русский язык до вуза. Обучение русскому языку в средней школе в том состоянии, в котором оно сейчас находится, вызывает беспокойство у родителей и общественности.

2. Проблема преподавательских кадров. Количество преподавателей молодого и среднего возраста преобладает, но, несмотря на то, что у них есть высшее образование, они уступают преподавателям старшего поколения по своим знаниям, квалификации и опыту. Кроме того, немногие преподаватели стажировались за границей. Следовательно, они недостаточно знают культуру и действительные современные реалии России. На занятиях у таких преподавателей недостает живого отношения к предмету преподавания, и статус этих преподавателей неизбежно снижается. В некоторых вузах штат преподавателей русского языка не укомплектован: отсутствуют постоянные преподаватели русского языка, для преподавания приглашаются преподаватели из других университетов. Опытных преподавателей катастрофически не хватает.

3. Проблема методики и методологии обучения русскому языку как иностранному. Отметим следующие аспекты этой проблемы. Во-первых, преподаватели русского языка в вузах не имеют достаточных знаний о закономерностях функционирования языковой системы и системы русского языка в частности. Они часто не сознают то, что особенности языковой системы и изменения в грамматике и лексике во многом обусловлены особенностями современной культуры и политической обстановки. В основе обучения языку должно быть знание основных закономерностей этого языка и особенностей его функционирования. Преподавателю русского языка, как и преподавателю любого другого языка, нельзя иметь упрощенное представление о языке и воспринимать его только как средство передачи внешней

информации. Для того чтобы подготовить хорошо говорящих на языке студентов, необходимо знакомить их с теоретической информацией о русском языке, сложившейся в русской лингвистике. Во-вторых, преподавателями русского языка по объективным и субъективным причинам редуцируются цели обучения. Некоторые преподаватели считают, что главная и порой единственная цель занятий по русскому языку – подготовить студентов для чтения и понимания текстов на русском языке, а формирование умений слушать, говорить, писать, переводить – не важно. Преподаватели, безусловно, заинтересованы в максимально положительном результате своих учеников на экзамене, поэтому в первую очередь организуют работу учащихся по освоению разнообразных аналоговых экзаменационных тем, стараются выработать привычку мышления, необходимую для успешной сдачи экзаменов. В-третьих, существует явное несоответствие между небольшим количеством часов, отведенных на занятия по иностранному (русскому) языку, и большим объемом информации, предусмотренным для освоения, что также негативно влияет на качество обучения русскому языку как иностранному.

4. Проблема учебных планов студентов, обучающихся по специальности «Русский язык», и качества их реализации. Эта проблема касается главным образом обучения русскому языку студентов, изучающих русский язык как иностранный, а не получающих специальность, связанную с русским языком как сферой будущей профессиональной деятельности – так называемых «не специализированных» студентов. В вузе занятия по русскому языку проводятся только на первом и втором курсах, и после экзаменов по русскому языку обучение заканчивается. Таким образом, после окончания института освоенный студентами запас слов сильно уменьшается, а способность к устной речи заметно снижается. Кроме того, при реализации учебных планов по специальности «Русский язык» использование оборудования мультимедийного обучения не развито в достаточной степени, соответствующей требованиям современного учебного процесса (как, например, при обучении английскому языку), очень мало источников мультимедийного обучения. Недостаточность количества часов на занятия по русскому языку приводит к тому, что преподаватель успевает выполнить лишь основные задачи обучения, а времени на то, чтобы вести многообразную учебную деятельность по предмету, не хватает. Рациональная составляющая доминирует в преподавании, что приводит к снижению интереса у студентов в изучении языка и не обеспечивает максимально высокий результат обучения. Сложившуюся ситуацию необходимо, на наш взгляд, менять.

5. Проблема недостаточно высокого методического обеспечения. Методические пособия по русскому языку как иностранному используются много лет, и хотя по уровню сложности их можно считать удовлетворительными, содержание этих пособий является архаическим. Им, образно выражаясь, недостает дыхания жизни. Кроме того, для этих пособий характерен и недостаток выразительности, образности, вследствие чего они не способны в должной мере вызвать интерес студентов к изучению русского языка. К недостаткам вузовских пособий по русскому языку как иностранному можно отнести и следующие. Во-первых, это слишком высокая сложность представленного в них языкового материала на первой ступени обучения. Большое количество текстов в первой части синтетического курса русского языка в вузе и их высокая информативная насыщенность [5] плохо соединя-

ются с уровнем сложности языкового материала в пособии для средней школы, и это превышает посильную нагрузку студентов. Много трудных для понимания мест, содержание которых студенты могут правильно и полностью уяснить только после объяснения преподавателя, и, таким образом, преподаватель вынужден обращаться к модели обучения «принудительный откорм уток»: преподаватель объясняет, а студент слушает. В такой ситуации трудно осуществлять интерактивную деятельность на уроках. В связи с этим напрашивается вывод о том, что трудность выбранного для изучения материала в вузовском пособии по русскому языку должна быть благоразумно восходящей. Например, можно уменьшить количество новых слов и сократить количество трудных в языковом отношении случаев, но в пределах разумного увеличить объем текста. Во-вторых, не вполне обоснованным является объяснение новых слов дефинициями китайского языка. Это только обращает внимание на значение слова в китайском языке, легко приводит к вредной привычке студентов «зазубривать» материал и изучать русский язык через мышление на китайском языке. Все это не благоприятствует обучению общения на русском языке. Новые слова, на наш взгляд, должны объясняться на двух языках, в действующих же учебниках лишь некоторые новые слова объясняются на русском языке. В-третьих, грамматика в действующих вузовских пособиях по русскому языку всё ещё выступает скучной формой, ограничивающей всякое употребление, и превращает управляемую и мобильную грамматическую систему русского языка в окостенелое правило. Было бы целесообразно сосредоточить обучение на часто употребляемых грамматических формах и конструкциях и именно им отвести первое место в практике обучения русской речи. В-четвертых, отсутствие у действующего пособия комплексного мультимедийного сопровождения для аудиторных и внеаудиторных занятий обусловили доминантность аудиторного обучения и уже на этой базе развертывание самостоятельных занятий студентов преподавателем. В-пятых, представленные в пособии образцы устной речи не смогли отразить все особенности современной русской речи. Они (включая тексты на слушание и говорение) по преимуществу принадлежат письменной речи. Отсутствие живой, образной, в том числе и бытовой, речевой стихии не благоприятствует формированию навыков хорошей устной речи у студентов.

Завершая обзор положения дел, связанного с изучением русского языка в приграничном с Россией китайском городе Хэйхэ, и рассмотрев ряд возникающих в связи с этим проблем, отметим, что в Хэйхэ существуют также частные школы, в которых осуществляется обучение русскому языку. Для них характерен непродолжительный срок обучения, акцент на получение навыков устной речи, ориентация на сферу торговли.

Подчеркнем также, что обучение русскому языку в Хэйхэ в сравнении с таким же обучением в других провинциях и городах внутри страны имеет ряд преимуществ. Приграничное с Россией расположение и активные международные контакты в известной мере решают проблему отсутствия языковой среды, необходимой для формирования высокого уровня владения иностранным, в нашем случае – русским языком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фу Кэ История обучения иностранным языкам в Китае. Издательство иностранных языков в Шанхае. Шанхай, 1986.
2. <http://www.heihe.gov.cn>.
3. Тун Цан Основной курс русского языка в вузах в 4 т. Издательство высшего образования. Пекин, 2000.

4. Гу Цзяци История и современное положение обучения русскому языку в Китае // Образование для взрослых в Китае. № 3. 2011.

5. Хэ Хунмэй, Ма Бунин Новый синтетический курс русского языка. Издательство высшего образования. Пекин, 2004.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

УДК 801.3

Н.Ю. Неронова

НАИМЕНОВАНИЯ ПТИЦ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ

В статье представлен анализ семантического поля «Наименования птиц» в русском языке. Привлечен большой сравнительно-сопоставительный материал по данной группе наименований из других славянских языков.

Ключевые слова: лексика, наименования птиц, семантическое поле, вариантность, семантическая структура

The paper presents the analysis of the semantic field "Names of Birds" in the Russian language. The study involves data of the same the semantic field from other Slavic languages for comparative purposes.

Key words: Vocabulary, Names of Birds, Semantic Field, Variation, Semantic Structure.

Одним из перспективных направлений изучения лексической системы русского языка принято считать детальное описание отдельных ее подсистем, или (используя терминологию Й. Трира, Ю. Караулова, Л.А. Новикова и др.) семантических полей.

Руководствуясь этим положением, мы выбрали объектом нашего исследования семантическое поле, объединяющее в русском языке слова, служащие для наименования птиц.

Возникновение или развитие того или иного семантического поля обусловлено как собственно языковыми, так и экстралингвистическими факторами.

Общепризнанно, что лексическая система языка представляет собой отражение в человеческом сознании объективного мира, его связей, взаимоотношений. Отражение объективного мира в лексико-семантической системе языка связано, по словам Л.А. Новикова, с его «языковлением, представлением в единицах различных категорий слов» [1, с. 73].

В лексике на первый план выступает познавательный аспект языка, поэтому любое объединение слов в системе лексики формируется как результат обработки нашим сознанием материала реальной жизни.

При этом по количеству понятий, слов, связанных с миром вещей, с природой и ее явлениями, можно с известной вероятностью судить об их значимости в жизни определенного языкового коллектива.

Номенклатура животных является одной из существенных составляющих для лексики любого языка, потому что жизнь любого народа на протяжении веков всегда связана с окружающим животным миром.

В доказательство этого факта возможно сослаться на количество используемых в русском языке наименований птиц³, отличающихся разнообразием даже применительно к обозначению одних и тех же птиц и представляющих собой довольно богатый и детализированный словарь, отражающий представления русского человека об окружающей его природе.

При описании лексики, используемой в русском языке для наименований птиц, мы будем исходить из понятия «семантическое поле», которое имеет свою историю становления как в зарубежном, так и в отечественном языкознании.

Исследователи утверждают, что словарный состав языка представляет собой не механическую сумму изолированных друг от друга в лексико-семантическом отношении отдельных классов слов, а упорядоченную совокупность компонентов, имеющих внутреннюю структуру [См. 3; 4; 5 и др.].

Одно из свидетельств системной организации лексики – это возможность распределения ее по семантическим полям. Поэтому мы опираемся на точку зрения тех исследователей, которые считают, что лексико-семантическое поле – это основная структурная единица языка, т.е. явление языковое, в отличие от тематической группы, которая относится к явлениям предметного порядка [6, с. 5].

Семантическое поле как способ отражения (или единица отражения) характеризуется социальной, историко-генетической и индивидуальной обусловленностью, т.е. в значительной мере национально, считает Ю.Н. Караулов [7, с. 269]. Поэтому «поле» должно быть наиболее чувствительно к изменению внешнего мира и само должно быть изменчиво, обладать способностью к разворачиванию при каждой новой актуализации [6, с. 275].

Проблема «поля» – одна из самых сложных и по-разному понимаемых в современном языкознании. Достоинства и недостатки «полевых теорий» основательно раскрыты в целом ряде лингвистических исследований (см. работы О.С. Ахмановой, 1954; А.А. Уфимцевой, 1961; В.В. Виноградова, 1977; Ф.П. Филина, Д.Н. Шмелева, 1964; Г.С. Щура, 1974; Ю.Н. Караулова, 1976, 1982; Л.А. Новикова, 1984; И.А. Стернина, 1984, 1985; А.Н. Кузнецовой, 1986, и др.).

Многомерность понятия «поле», нашедшая отражение в терминах «понятийное поле», «семантическое поле», «смысловое поле», «лексическое поле», «лингвистическое поле», связана не только с терминологической недифференцированностью, она является следствием различного подхода к выделению более или менее общих объединений (классов, групп, рядов, парадигм и т.д.) лексических единиц ономаσιологического (от понятия) и семасиологического (от слова) подходов [8, с. 59].

В первом случае основой группировки является их тематическая принадлежность, способность выражать определенную, чаще абстрактную «тему» или понятие; во втором – учитываются связи между словами, вытекающие из их конкретного лексического значения. В своем исследовании мы придерживались ономаσιологического подхода. Однако, как подчеркивает Ю.Н. Караулов, если за основу взят семасиологический подход, то ономаσιологический выступает как его необходимое дополнение.

В качестве рабочего определения «семантического поля» мы принимаем определение, данное в лингвистическом энциклопедическом словаре: «Поле – совокупность языковых

³ По данным орнитологической литературы – их свыше 600 [2].

(главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда даже формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [9, с. 380].

Примером одного из таких полей (предметного) может служить поле наименований птиц, в границы которого в процессе исторического развития вовлекаются все новые элементы, возникающие как результат заимствования (ВАЛЬДШНЕП, КОЛИБРИ, МАРАБУ, МАРТЫН, ФЛАМИНГО и др.), или позднейшего по сравнению с наименованиями славянского и древнерусского происхождения словообразования (БЕГУНОК, БУРЕВЕСТИК, ДУБРОВНИК, ЗЕЛЕНУШКА и др.), или такие, за которыми закрепляется модифицирующее значение, возникшее первоначально в силу синтагматической позиции этих элементов (ГОРИХВОСТКА, ТРЯСОГУЗКА).

Мы рассматриваем наименования птиц как *семантическое поле*. Учитывая специфику рассматриваемых единиц семантического поля названий птиц, заполнение его может идти:

I. Группами, формируемыми по тем или иным экстралингвистическим признакам, т.е. характеру денотатов.

II. Группами, выделяемыми на основании лингвистических признаков.

По характеру денотатов могут быть выделены самые разнообразные группировки названий птиц:

а) сухопутные⁴ птицы (БЕГУНОК, ВИТЮТЕНЬ, ВОРОБЕЙ, ОРЕЛ, ПОПОЛЗЕНЬ, ТРЯСОГУЗКА, ФИЛИН и др.)⁵ и водоплавающие птицы⁶ (АЛЬБАТРОС, БАКЛАН, ВЬЮРОК, ГАГАРА, ГУСЬ, НЫРОК, ШИРОКОРОТ, ФЛАМИНГО и др.);

б) певчие⁷ (ДРОЗД, ЗАВИРУШКА, ИВОЛГА, КАНАРЕЙКА, КИВИ-КИВИ, МАЛИНОВКА, СОЛОВЕЙ и др.) и не певчие (МАРТЫН, МУХОЛОВКА, ПЛАВУНЧИК, ПОДОРЛИК и др.);

в) домашние, или живущие в непосредственной близости к жилью человека (ВОРОБЕЙ, ВОРОНА, ГАЛКА, ГОЛУБЬ, ИНДЮК, КУРИЦА, ПЕТУХ, СЕЛЕЗЕНЬ, СОРОКА, СКВОРЕЦ, УТКА и др.), промысловые (КУРОПАТКА, РЯБЧИК, ТЕТЕРЕВ, УТКА, ФАЗАН, ЧИРОК и др.) и хищные (ОРЕЛ, ПЕРЕПЕЛЯТНИК, САПСАН, СОВА, СОКОЛ, ЯСТРЕБ и др.);

г) по территории обитания могут быть выделены: лесные, полевые, болотные (ВАЛЬДШНЕП, ВЫПЬ, ИБИС, ДЯТЕЛ, КЛЕСТ, КУКУШКА, ПОЛЯШ, ЦАПЛЯ и т.д.);

Количество возможных группировок птиц по экстралингвистическим признакам может быть практически неограниченным.

Исходя из лингвистических признаков наименования птиц, можно группировать наименования следующим образом:

По происхождению:

⁴ Точнее, летающие или передвигающиеся по суше.

⁵ Здесь и далее иллюстративный материал мы будем приводить, соблюдая алфавитную последовательность наименований.

⁶ Некоторые из них могут летать и передвигаться также по суше.

⁷ Любая из птиц способна издавать какие-нибудь звуки различной степени благозвучия, поэтому деление птиц на певчих и не певчих тем более условно.

– общеславянские⁸ (ДЕРГАЧ, ДЯТЕЛ, ДРОЗД, КОРОСТЕЛЬ, КУЛИК, ЛЕБЕДЬ, ОРЕЛ, СОЛОВЕЙ и др.);

– восточно-славянские⁹ (ВЬЮРОК, ГУМЕННИК, КЕДРОВКА, КРАЧКА, ПОМОРНИК, СЕРПОКЛЮВ и др.);

– собственно русские (ВЫПЬ, ГЛУПЫШ, ТИРКУШКА, ТРАВНИК, ЮЛА и др.);

– заимствованные наименования птиц (ВАЛЬДШЕНП, ГАРШНЕП, КАКАДУ, МИНОРКА и др.).

По наличию или отсутствию мотивировочных признаков:

– наименования птиц, имеющие легко выделяемые мотивировочные признаки (ЗЕЛЕНУШКА, КУКУШКА, ЛАЗОРЕВКА, ПЕРЕСМЕШНИК, ФИФИ, ЩЕБЕТУНЬЯ и др.);

– наименования птиц с затемненными¹⁰ мотивировочными признаками (ВОРОН, ГОЛУБЬ, ДРОЗД, ДЯТЕЛ, ИВОЛГА, ПИГАЛИЦА и др.);

– наименования птиц с невыделимыми¹¹ мотивировочными признаками (АИСТ, БАКЛАН, ОРЕЛ, САПСАН, СВЯЗЬ, ЯСТРЕБ и др.).

По наличию детерминации по признаку пола:

– наименования птиц, имеющие корреляты по признаку пола (ИНДЮК – ИНДЮШКА, ОРЕЛ – ОРЛИЦА, ПАВЛИН – ПАВА, ПЕРЕПЕЛ – ПЕРЕПЕЛКА, ПЕТУХ – КУРИЦА, СЕЛЕЗЕНЬ – УТКА, СОЛОВЕЙ – СОЛОВЬИХА, ТЕТЕРЕВ – ТЕТЕРКА, ФАЗАН – ФАЗАНКА, ХОХЛАЧ – ХОХЛУША, ФАЗАН – ФАЗАНКА, ЩЕГОЛ – ЩЕГЛОВКА и др.);

– наименования птиц, не имеющие коррелятов по признаку пола (ГАЛКА, ЖЕЛНА, КАЗАРКА, КАНЮК, КРОНШНЕП, ПЕГАНКА, ПУНОЧКА, ТИРКУШКА и др.).

Применительно к языковому материалу рассматриваемого нами семантического поля наименований птиц мы берем во внимание предложенную Н.С. Трубецким [13, с. 83] и подробно разработанную Ю.Н. Карауловым, Л.А. Новиковым, А.В. Бондарко классификацию лингвистических оппозиций:

1. Нулевая оппозиция¹² – то же, что эквивалентная дистрибуция, ей соответствуют сравнимые, полностью совместимые по объемам, равнозначные (или тождественные) понятия: МАЛИНОВКА – ЗАРЯНКА, РОНЖА – КУКША и др.

2. Привативная оппозиция¹³ – первые ее члены характеризуются наличием, а вторые – отсутствием признака: БЕРЕГОВУШКА (то же, что песчаная ласточка [14, т. 1, с. 487]) – ЛАСТОЧКА (маленькая птичка отряда воробьиных, БАС, 4, 75), ВОРКУН (воркующий голубь [14, т. 2, с. 459]) – ГОЛУБЬ (птица отряда голубиных [14, т. 3, с. 216]), ПЕСОЧНИК (самый малый прибрежный куличок, [14, т.9, с. 1085]) – КУЛИК (болотная птица с длинным

⁸ К их числу мы относим наименования, имеющие однокоренные соответствия в других славянских языках, данные подкреплены материалами этимологических словарей А.Г. Преображенского, М. Фасмера, П.Я. Черных [10; 11; 12].

⁹ Наименования, имеющие однокоренные соответствия в украинском и белорусском языках и не имеющие их в древнеславянском; данные подкреплены материалами этимологических словарей.

¹⁰ К их числу относим те, по поводу этимологии которых в литературе предмета не существует определенных точек зрения.

¹¹ Наименования, происхождение которых до сих пор не выяснено или имеет противоречивые точки зрения.

¹² Нулевая оппозиция – или отношение равенства между множествами. Элементы таких множеств одинаковы [8, с. 57].

¹³ Привативная оппозиция, или оппозиция строго включения. В этом отношении находятся родовые и видовые наименования [8, с. 58].

клювом и длинными ногами [14, т. 5, с.1818]), отношения таких слов (родо-видовые отношения лексических единиц) принято называть *гипонимией*.

Таким образом, основываясь на логико-семантической субординации, можно утверждать, что БЕРЕГОВУШКА – будет гипонимом по отношению к ЛАСТОЧКЕ, ПЕСОЧНИК – по отношению к КУЛИКУ, ТУРМАН – по отношению к ГОЛУБЮ, а с точки зрения обратного отношения – ЛАСТОЧКА будет выступать как гипероним по отношению к БЕРЕГОВУШКЕ, КУЛИК – ПЕСОЧНИКУ, ГОЛУБЬ – ВОРКУНУ или ТУРМАНУ, а гипонимы, подчиненные логически одному и тому же гиперониму, выступают по отношению к друг другу как согипонимы (БЕРЕГОВУШКА и КАСАТКА – виды ласточек)¹⁴. Оппозиция таких членов отражает отношения совместимых понятий, но привативная оппозиция может также отражать и отношения несовместимых понятий: ЛАСТОЧКА – НЕ ЛАСТОЧКА, т.е. все остальные птицы.

3) Эквиполентная оппозиция¹⁵ – оба члена которой логически равноправны, т.е. не являются ни двумя ступенями какого-то признака, ни утверждением или отрицанием признака. Это можно проиллюстрировать следующими примерами: КУРИЦА – ПЕТУХ, СЕЛЕЗЕНЬ – УТКА, СОЛОВЕЙ – СОЛОВКА.

Между двумя типами оппозиций (эквиполентной и привативной) существует тесная взаимосвязь. Она, в частности, проявляется в том, что каждый член эквиполентной оппозиции входит в привативную оппозицию с одним и тем же третьим, немаркированным членом, который служит логическим основанием данной оппозиции и который, следовательно, нейтрален к противопоставлению по дифференциальным компонентам составляющих его членов. Например, ПТИЦА – ГЛУХАРЬ – ГЛУХАРКА, ГУСЬ – ГУСАК – ГУСЫНЯ¹⁶. В этих и подобных примерах между первым и вторым, первым и третьим членами каждой оппозиции будут привативные отношения, а между вторым и третьим членами – эквиполентные. При этом параллельные дериваты находятся в эквиполентных оппозициях по отношению друг к другу и в привативных – по отношению к производящей семеме.

Помимо системных отношений, реализующихся в различных видах оппозиций, между единицами (членами), составляющими поле, могут существовать и отношения, системно не организованные, а основанные лишь на явлении *вариантности*. Причем оно может проявляться как на лексическом, так и на формально-грамматическом уровне. «В этих отношениях ярко проявляется отсутствие строгого изоморфизма в целом и в каждой единице в частности» [15, с.12], т.е. одно и то же значение может быть манифестировано другим, семантически равным ему, комплексом звуков, например, МАЛИНОВКА (неб. перелетная птичка сем. дроздовых, зарянка [14, т. 6, с. 531]) – ЗАРЯНКА (название небольшой певчей птички пестрого оперения с красной грудкой, малиновка [14, т. 4, 874]), ДЕРГАЧ (коростель [14, т.4, с.174]) – КОРОСТЕЛЬ (птица семейства пастушковых [14, т. 5, с. 1457]), РОНЖА (лесная птица

¹⁴ Гипонимия, по мнению Л.А.Новикова, является важными смысловыми отношениями, посредством которых структурирован словарный состав языка. Эти отношения самые общие и универсальные при анализе и построении семантических полей [1, с. 241].

¹⁵ Эквиполентная оппозиция соответствует совместимым перекрещивающимся понятиям [8, с. 58].

¹⁶ ГУСЬ – дикая и домашняя крупная водоплавающая птица семейства утиных с длинной шеей [14, т. 3, с. 398], ГУСЫНЯ – самка гуся (там же), ГУСАК – гусь-самец [Там же].

семейства врановых, то же кукша) – КУКША (лесная птица отряда воробьиных [14, т. 5, с.1808]), ПЕТУХ (дом. птица [14, т. 8, с.340]) – КОЧЕТ¹⁷ (обл. петух [14, т. 5, с.1552]).

В наших материалах функционируют некоторые из названий птиц, различающиеся по морфологической структуре и употребляющиеся для наименования одной и той же птицы (иначе – варианты образования).

Следуя терминологии, используемой Ф.П. Филиным, данные образования представляют собой формально-грамматические варианты слова, а в лингвистической литературе подобные слова получили название лексико-морфологических, словообразовательных вариантов [16, с. 38].

Словообразовательные варианты наименования птиц, отраженные словарем, можно разделить на две группы:

– варианты наименования, словарем дополнительно не маркируемые: РЯБЧИК – РЯБЕЦ, СВЯГА – СВЯЗЬ, СИВОВОРОНКА, СИВОРОНКА, СИЗОВОРОНКА, СИЗАРЬ – СИЗЯК, ТОПОРИК – ТОПОРОК;

– варианты наименования, сопровождающиеся стилистическими, территориальными и темпоральными пометами: ГАЛКА – ГАЛОЧКА(разг.), ЗУЕК – ЗУЙ (обл.), ЛАСТОЧКА – ЛАСТОВИЦА (устар.)¹⁸, СОКОЛ – СОКОЛИХА (разг.) – СОКОЛИЦА (нар.-поэт.), ФАЗАНКА – ФАЗАНИХА (разг.).

Необходимо сразу же оговориться, что, определяя центр и периферию семантического поля наименований птиц, нам пришлось руководствоваться не только лингвистическими критериями, но и привлекать данные экстралингвистического плана. Мы сочли возможным выделить следующие критерии для отнесения названий тех или других птиц к центру семантического поля:

1. Отнесенность наименований птиц к домашним или тесно связанным с жизнью человека (ВОРОБЕЙ, КАНАРЕЙКА, ПЕТУХ, СКВОРЕЦ и др.).

2. Наличие словообразовательных вариантов и производных, а так же и вариантов в форме другой части речи:

ВОРОБЕЙ – воробка, воробейчик (разг.), воробушек (разг.), воробьишка (разг.), воробья, воробьиный, воробьенок, воробьята;

ВОРОН, ВОРОНА – воронок, вороненок, воронята, вороний, воронье;

ГЛУХАРЬ – глушец, глухарек (ласк.)¹⁹, глухарка, глухаренок, глухариный;

ГАЛКА – галка (укр., бел.), гавка (болг.);

ГЛУХАРЬ – глухар (укр.), глушэц (бел.), gluzzec (польск.), глухар (болг.);

ГОЛУБЬ – голуб (укр., бел.), golab (польск.), гъльб (болг.);

ДРОЗД – дрізд (укр.), дрозд (бел.), drozd (польск.), дрозд (болг.);

КРЕЧЕТ – кречет (укр.), крэчет (бел.), krzeczot (польск.), кречет (болг.);

ЛАСТОЧКА – ластівка (укр.), ластаука (бел.), jasolka (польск.), ластовица (болг.);

ИНДЕЙКА – индюк, индюшка, индюшиный, индюшонок;

¹⁷ Хотя БАС наименование КОЧЕТ маркирует пометой “обл.”, тем не менее повсеместность этого наименования позволяет ставить его в один ряд с наименованием ПЕТУХ.

¹⁸ В словаре XI-XVII вв. к наименованию ЛАСТОЧКА приводятся варианты наименования ЛАСТКА и ЛАСТВИЦА, а в Российском Целлариусе – ЛАСТИЦА [17].

¹⁹ Здесь и далее воспроизводим пометы, содержащиеся в словарных статьях БАС

КАНАРЕЙКА – канареечный, канареечка (ум.-ласк.);
КУРИЦА – курочка (ум.-ласк.), курка, курчонка (прост.), куриный;
ПЕРЕПЕЛ – перепелка, перепелица, перепеленок, перепелиный;
ЯСТРЕБ – ястребок, ястребиный и др.

3. Присутствие в других славянских языках наименований с теми же корнями:

ВОРОБЕЙ – верабей (бел.), wróbe (польск.), вробец (болг.)²⁰;

СИНИЦА – синица (укр., бел.), синигер (болг.);

СОРОКА – сорока (укр., бел.), sroka (польск.), сврака (болг.) и др.

4. Наличие у наименований птиц противопоставленности по роду (оппозиция «он» – «она»).

ГОЛУБЬ – ГОЛУБКА;

ГУСАК – ГУСЫНЯ;

ГЛУХАРЬ – ГЛУХАРКА;

ДРОЗД – ДРОЗДИХА;

ОРЕЛ – ОРЛИЦА;

ПЕРЕПЕЛ – ПЕРЕПЕЛКА;

ПЕТУХ – КУРИЦА;

СЕЛЕЗЕНЬ – УТКА и др.

5. Присутствие наименований птиц в пословицах, поговорках и фразеологических оборотах:

ВОРОБЕЙ – «воробью по колено», «стреляный воробей», «бить из пушек по воробьям»;

ВОРОН – «ворон ворону глаз не выклюет»;

ГУСЬ – «хорош гусь», «гусей дразнить», «как с гуся вода»;

ЖУРАВЛЬ – «журавль в небе», «шагать как журавль»;

КОРШУН – «налететь коршуном», «кинуться коршуном»;

КУЛИК – «каждый кулик свое болото хвалит»;

КУРИЦА – «денег куры не клюют», «мокрая курица», «писать как курица лапой», «слепая курица», «курица не птица, баба не человек»;

КУР – «попал как кур во щи»;

КУКУШКА – «променять кукушку на ястреба», «кукушка кукует – горе вешует» [22];

ПЕТУХ – «пустить петуха», «ходить петухом»;

СИНИЦА – «лучше синица в руках, чем журавль в небе»;

СОРОКА – «сорока на хвосте принесла», «трещать как сорока»;

ТЕТЕРЯ – «сонная тетеря» и др.

При определении центра и периферии в семантическом поле наименований птиц нами также учитывались и такие моменты как достаточная распространенность наименований в условиях бытования русского языка, прозрачность их семантической структуры, функциональная значимость в жизни человека.

Но прозрачность семантической структуры наименований в ряде случаев не дает нам возможности вынести названия птиц в центр семантического поля, так как соответствующие

²⁰ Все инославянские материалы использованы по данным словарей [18; 19; 20; 21].

наименования не имеют ни производных, ни противопоставленности по полу, ни однокоренных соответствий в других славянских языках. По этой причине такие наименования как КАМЕНУШКА, КАМЫШЕВКА, ЛАЗОРЕВКА, ПИСКУЛЬКА, ПОРУЧЕЙНИК отнесены нами к периферии семантического поля. Таким образом, в центр поля мы имели возможность отнести следующие наименования птиц²¹: АИСТ, ВОРОБЕЙ, ВОРОН, ВОРОНА, ГАЛКА, ГЛУХАРЬ – ГЛУХАРКА²², ГОЛУБЬ – ГОЛУБКА, ГРАЧ, ГУСЬ, ДРОЗД – ДРОЗДИХА, ДЯТЕЛ, ЖАВОРОНОК, ЖУРАВЛЬ – ЖУРАВЛИХА, ИНДЕЙКА, КАНАРЕЙКА, КОРШУН, КРЕЧЕТ, КУКУШКА, КУР – КУРА, КУРИЦА, ЛАСТОЧКА, ЛЕБЕДЬ – ЛЕБЕДКА, ОРЕЛ – ОРЛИЦА, ПЕРЕПЕЛ – ПЕРЕПЕЛКА, ПЕТУХ, РЯБЧИК, СЕЛЕЗЕНЬ, СИНИЦА, СКВОРЕЦ, СНЕГИРЬ, СОВА, СОЛОВЕЙ – СОЛОВЬИХА, СОКОЛ, СОРОКА, ТЕТЕРЕВ – ТЕТЕРКА, ТЕТЕРЯ, УТКА, ЩЕГОЛ – ЩЕГЛОВКА, ЯСТРЕБ.

Следовательно, все оставшиеся за пределами этого перечня наименования птиц отойдут к периферии поля.

Но среди названий, отнесенных к периферии, можно выделить такие, которые тяготеют к центру, представляют собой хотя и слова уровня периферийного среза, но обладают частью приведенных выше критериев, давно отражены лексикографической практикой, имеют в исторических словарях варианты названия, являются довольно распространенными в русском языке: БЕКАС, БЕРКУТ, ВЫПЬ, ГАГА, ГАГАРА, ГОГОЛЬ, ГУМЕННИК, ДЕРГАЧ, ДУПЕЛЬ, ЗИМОРОДОК, ЗЯБЛИК, ИВОЛГА, КАЗАРКА, КАСАТКА, КЛЕСТ, КЛУША, КОРОСТЕЛЬ, КРЯКВА, ЛУНЬ, НЫРОК, ОЛЯПКА, ОРЛАН, ПАВЛИН, ПЕНОЧКА, ПОПОЛЗЕНЬ, ПОПУГАЙ, ПУНОЧКА, СВИРИСТЕЛЬ, СОЙКА, СТРИЖ, УДОД, ФАЗАН, ЧАЙКА, ЦАПЛЯ, ЧИБИС, ЧИЖ и др.

Из состава наименований, отнесенных нами к периферии необходимо, как нам кажется, выделить еще одну группу. Особо следует остановиться в аспекте определения центра и периферии анализируемого нами семантического поля на месте в нем наименований птиц, заимствованных из различных европейских и тюркских языков. В процентном отношении это всего 9% от объема наименований птиц, представленных в русском языке. Группа сравнительно поздних заимствований в названиях птиц неоднородна и по времени заимствования, и по характеру языков источников:

АЛЬБАТРОС (франц., нем.); БАКЛАН (тюрк.); БАЛОБАН (тюрк.); ВАЛЬДШНЕП (нем.); ГАРШНЕП (нем.); ГРИФ (греч.); КАКАДУ (нем.); КЛИНТУХ (нем.); КИВИ-КИВИ (австрал.); КОЗОДОЙ (нем.); КОЛИБРИ (исп. из кариб.); КРОНШНЕП (нем.); МИНОРКА (исп.); МАРТЫН (франц.); МАРАБУ (араб., франц.); ПИНГВИН (анг. от лат., франц.); РОНЖА (балт.); РЕМЕЗ (нем.); САПСАН (тюрк.); САРЫЧ (тюрк.); СТЕРХ (герм.); ТАНАГРА (греч.); ТУРАЧ (тур.); ТУРМАН (нем.); ТУРПАН (нем.); ФЛАМИНГО (порт. из лат.); ФРЕГАТ (франц.)²³.

²¹ Не все названия, включенные в центр поля, обладают всеми выше перечисленными критериями. Некоторые не располагают к наличию производных (ДРОЗД, КУЛИК, ЛАСТОЧКА, СОРОКА, УТКА), но имеют наличие коррелятов по полу или входят в состав половиц, поговорок, фразеологизмов, и вообще осознаются носителями русского языка как часто употребительные.

²² В тех случаях, когда названия самки и самца имеют в БАС ограничительные маркировочные пометы типа "разг.", "обл.", мы подобные названия не приводим.

²³ Отсылки на источник заимствования взяты нами из словарных статей БАС, словаря В.И. Даля, словарей иностранных слов, диссертационного сочинения Д.С. Сетарова.

Но эту группу, как мы уже говорили выше, нельзя рассматривать как однородную. Такие наименования птиц, как АЛББАТРОС, БАКЛАН, ВАЛЬДШНЕП, ГРИФ, КАКАДУ, ПИНГВИН, САПСАН, ТУРМАН, ФЛАМИНГО, широко известны по произведениям художественной литературы, получили отражение в исторических словарях (БАКЛАН, ГРИФ – Словарь 1847 г., Словарь XI-XVII вв., КАКАДУ – Словарь 1847 г.), зафиксированы в словаре В.И. Даля.

Анализ наименований птиц, зафиксированных в лексикографических источниках русского языка, позволяет сделать следующие выводы.

Существительные – наименования птиц в русском литературном языке являются семантическим полем, имеющим центр и периферию. Семантическое поле наименований птиц относительно замкнутое, так как названия существующих птиц уже издавна и хорошо известны человеку. Но, с другой стороны, это поле пополняется за счет того, что многие названия птиц постепенно получают дифференцированные наименования для самцов и самок и редкого появления экзотических иноязычных наименований птиц.

Все семантическое поле наименований птиц структурировано таким образом, что центр его составляют наименования, отвечающие определенным критериям: наличие вариантов и производных; присутствие в других славянских языках наименований с теми же корнями, что свидетельствует о восхождении наименований к общеславянскому языку; наличие наименований птицы в пословицах, поговорках и фразеологических оборотах; наличие противопоставленности по признаку пола; отнесенность наименований птиц к домашним или тесно связанным с жизнью человека.

Семантическое поле «Наименования птиц» обладает достаточно четко осознаваемым центром и периферией. Центр поля составляют не столько названия домашних птиц, сколько широкий круг наименований птиц традиционных, играющих большую роль в укладе, жизни и обычаях человека, являющихся для него обрядовыми и фольклорными героями. Птицы, окружающие человека, столь разнофункциональны по своей роли в жизни человека (АИСТ, ГАГА, КЕНАРЬ, КОРШУН, ПАВЛИН, ПУНОЧКА, СОЛОВЕЙ, СТРАУС, ТЕТЕРЕВЯТНИК, ЯСТРЕБ и др.), что в отличие от семантического поля наименований животных, ядро которого составляют многочисленные наименования домашних животных, семантическое поле наименования птиц четко выраженного ядра не имеет.

В удалении от центра поля находятся наименования птиц, в которых соответствующие критерии ослабевают. На самом краю периферии поля остались малоизвестные и заимствованные экзотические наименования птиц.

Специфическими чертами семантического поля наименований птиц являются:

– отсутствие в нем специальных названий для детенышей птиц, в отличие от семантического поля наименования животных (кроме УТЕНОК И ЦЫПЛЕНОК);

– возможность несовпадения названий одних и тех же птиц в общерусском языке и его диалектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.
2. Птицы СССР: Справочник-определитель географа и путешественника (Флинт В.Е., Беме Р.Л., Костин Ю.В., Кузнецов А.А.). М.: Мысль, 1968.
3. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски изследования в чест на академика Стефан Младенов. София, 1957.

4. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
5. Стернин И.Я. Лексическое значение слова в речи. Воронеж. 1985.
6. Каверина О. Типы семантических отношений в лексико-семантическом поле. Балашов, 1999.
7. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
8. Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки, 1972. №1. С.57-68.
9. Кузнецов А.М. Поле // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н.Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
10. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986.
12. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 томах. Т. 2. М., 1999.
13. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / Под ред. С.Д. Кацнельсона. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.
14. Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. М. – Л., 1950 – 1965. Т. 1– 17 (БАС).
15. Кузнецова Э.В. Русская лексика как система. Свердловск, 1982.
16. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филина. М.: Советская энциклопедия, 1980.
17. Российский Целлариус, или Этимологический Российский Лексикон слов Франциска Голтерофа. М.: Изд-во Московского ун-та, 1771.
18. Большой русско-польский словарь / Под ред. А. Минович и др. Москва – Варшава, 1970. Т.1 – 2.
19. Русско-белорусский словарь / Под ред. акад. АН БССР К.К. Атрахович. Минск, 1982. Т.1 – 2.
20. Русско-украинский словарь / Гл. ред. М.Я. Калинович. Киев, 1962.
21. Русско-болгарский словарь / Под ред. С. Влахова и Г.А. Тагамлицки. София, 1986. Т.1 – 2.
22. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1 – 4. М., 1989.

ИСТОРИЯ КРАЯ. ИЗБРАННОЕ

Предлагаем нашему читателю первую публикацию материалов об особенностях говора амурских казаков «Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками (кроме пословиц, поговорок и шуток)». Его автор Ахил (именно так!) Бонифатьевич Карпов, бывший казак Амурского войска, хорунжий, для своего времени и для казачьей службы был достаточно подготовленным. Он получил специальное образование: закончил Оренбургскую военную прогимназию, а затем курс Оренбургского казачьего конкретного училища.

Мы не располагаем сведениями о том, как записки простого казака, но любителя Слова, тонкого наблюдателя над речью амурцев, в начале XX в. оказались на страницах сборника отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Важно, что они и в начале XXI в. поражают точными филологическими толкованиями слов, детальными этнографическими зарисовками казачьего быта и казачьих промыслов.

Материалы А.Б. Карпова не были использованы при составлении словника «Словаря русских говоров Приамурья». Тем большую ценность приобретает публикуемое здесь поистине уникальное собрание «слов, синонимов и выражений».

Графика, орфография и пунктуация современные. Сохранена авторская стилистика, а также особенности произношения и употребления грамматических форм начала XX в. (напр., манджур, кэта, по реке Амуру).

Благодарим Лидию Васильевну Кирпикову за предоставленные материалы и их подготовку к печати.

А.Б. Карпов
СБОРНИК СЛОВ, СИНОНИМОВ И ВЫРАЖЕНИЙ,
УПОТРЕБЛЯЕМЫХ АМУРСКИМИ КАЗАКАМИ
(Кроме пословиц, поговорок и шуток)

**Впервые опубликовано: Сборник отделения русского языка и словесности
Императорской Академии наук, Том 87. Санкт-Петербург. 1910. С. 1-20.**

Речь амурского казака настолько своеобразна и так пестрит оригинальными и ему только свойственными словами, что понять его свежему, только что приехавшему человеку из России, весьма трудно, а подчас прямо-таки невозможно, в особенности если речь касается охоты или какого-либо случая из казачьей обыденной жизни. На Амуре существует рассказ, что один из губернаторов амурских (из немцев), сам не особенно хорошо говоривший по-русски, ездил в казачьи станицы с переводчиком. Этому легко можно поверить, если принять во внимание значительное количество своеобразных слов с особенностью казачьего говора. Я привожу ниже обычную казачью фразу, с которой может встретиться каждый вновь приезжий: «Лоньсы мы с братаном по елани сундалой хлыняли, а в пади адали гуран ^{взр} вел!» Эту фразу едва ли поймет любой сибиряк, а не только россиянин. В переводе она зна-

чит следующее: «Не так давно (лоньсы) мы с двоюродным братом (с брата́ ном) по редколесью (елани) вдвоем верхом на одном коне (сундалой) ехали полурьсью (полурьсью– хлыня́ли), а в лошине (пади́) все равно (адали́) дикий козел (гуран) закричал (взревел)». Кроме этого, Амурцы к каждому глаголу будущего времени изъявительного наклонения совершенного вида всегда прибавляют частицу -КА, напр.: посмотрю-ка, подумаю-ка и т. п., заменяют почти всюду в конце этого глагола букву Ж буквою Д и букву У буквою Ю, так, вместо: я посижу – я посидю-ка, я погляжу – я поглядю-ка и т.д. Иногда говорят вместо Ч букву Ц, напр., «Я хочу цаю!», но буква Ц произносится мягко, средне между Ц и Ч; кроме этих резких особенностей, существует еще много неуловимых отличий, которые трудно передать; разговорная речь казака пестрит вставными словами вроде «паря» (парень, брат), «однако» и т. п.

В настоящий сборник слов вошли только те слова, которые особенно бросаются всякому вновь прибывшему на Амур, но количество этих слов будет еще значительнее, если сюда прибавить слова чисто сибирские; мною же помещены только те из них, кои принадлежат или только одним Амурцам или же имеют у них большое употребление.

А

Адали́ – все равно. «Что ревешь, адали́ зверь!»

Ажно́ – так что. «Ударил в стену, ажно́ стекла зазвенели!»

Арамүзм – наколенники. Бывают летние, из замши, сделанной из кожи оленя, и зимние, меховые. Делаются от щиколоток во всю длину ног, принадлежность охотничья: летом, чтобы не рвать штаны о колючки и сучья, а зимою – для тепла.

Анады́сь – недавно. «Да анадысь проехали».

Б

Барахло́ – вещи, не стоящие денег, рвань, рухлядь. «Стану я всякое барахло поднимать!»

Бат – узкая длинная долбленая лодка; весьма валкая и неустойчивая. Казаки на ней великолепно справляются; особенно искусно они на бата́х поднимаются вверх по течению Амура на шестах, упираясь ими у берега и дно реки; лодка идет чрезвычайно быстро, особенно если седоков двое. Бат – единственная лодка, имеющаяся у амурских казаков.

Бич – кнут; слово кнут у казаков совершенно не употребляется.

Беру́т – вечнозеленая, низкая трава, растущая по увалам в тайге; любимая пища кабанов.

Бежа́ть – ехать (и в прямом смысле бежать). «Это кто пробежал!», то есть проехал на лошади или в возке на лошадях. – «Станичный прибежал», то есть приехал станичный атаман.

Брата́н – двоюродный брат.

Бурело́м – деревья, поваленные бурей; обычно так называют целые площади поваленного леса.

Бу́тор – то же, что скарб; разные мелкие хозяйственные вещи. «А много же у тебя всякого бутора!»

Бык – кроме прямого значения – утес, но утес большой, массивный, круто и резко входящий в течение реки. Так называют по реке Амуру почти все утесы. Бык – самец изюбр или сохатый (смотрите эти слова).

В

Вале́жник – сваленные бурей, пожаром или временем деревья; в тайге существуют целые обширные пространства с таким валежником; по нему не только проехать на лошади, но и пройти пешему невозможно. Валежником называются и отдельные ветви и стволы деревьев в тайге, лежащие на земле.

Валежина – отдельно упавшее дерево.

Всплыл – кроме прямого значения – встал на дыбы, на задние ноги. «Я, паря, к медведю, а он как всплывет, черная немочь (см. это слово), да на меня!»

Всячи́на т.е. разное. «О, паря, со мной всячина бывала!», т.е. с ним было много разных случаев.

Г

Гнус – мошкара, мошки, клещи. В тайге с июня по октябрь невозможно ходить, настолько много там в это время мошек, комаров и клещей. От их укусов нет никакого спасения, у непривычного человека руки и лицо распухают в сплошной волдырь. Нет ничего мучительнее быть в это время в тайге. Для лошадей и других животных устраивают на это время «дымоку́рь», около которых и стоят животные, – «гнус» боится дыма и не тревожит их.

Голе́ц, гольцы́ – отдельно стоящие высокие вершины гор, но не покрытые лесом (голые).

Го́лок – звук, происшедший от чего-либо, но звук громкий, напр., ружейный выстрел. «Ишь го́ло к-то раздался – это, паря, должно, Иван стрелил!»

Гура́н – самец дикой козы (козули).

Д

Ди́вно – много. «Много еще ехать осталось?» – «Да, дивно!»

Е

Ела́нь – место в тайге, в горах, на ровном месте (плато), где лес сравнительно редок, без заросли, так что видно деревья сравнительно на значительное расстояние, но при этом это место должно быть сухо, без болот, в противном случае оно называется «марь» (см. это слово).

З

Зай́мка – хутор.

Зате́с – так называют в тайге метки на деревьях, сделанные для того, чтобы не сбиться с пути. Топором, на ходу, стесывается с деревьев часть коры вместе с древесиной, и на стволе остается белое пятно древесины, видимое всякому издали. В местах пересеченных эти затесы делаются с обеих сторон дерева (для переднего и обратного пути); при поворотах еще

и сбоку, к тому направлению, куда идут. При затесах легко пройти всю (самую пересеченную) тайгу, не рискуя сбиться с пути.

Затура́нчик – особого рода напиток, приготовленный из чая. Амурцы пьют чай кирпичный (прессованный) как самый дешевый. Затуранчик готовится в котле, куда всыпают известное количество накрошенного кирпичного чаю, кипятят, прибавляют много молока, поджаренной на масле муки, соли известное количество (по вкусу) и иногда коровьего масла. Без этого напитка Амурский казак немислим, он у них всегда имеется в котле наготове; это его любимая пища, а иногда, у бедных и единственная. Такой же напиток, но несколько иначе приготовленный, называется «сливанчик».

Зае́здок – перегородка в реке у берега реки Амура, длиною сажень 20 или более поперек течения реки (в мелких речках через всю реку). Делается зимою; вбиваются кольца один около другого на четверть аршина или ближе; нижняя часть колева вбита в землю, а верхняя примораживается ко льду: в стороне вниз по течению, в конце этого заездка, делается прорубь, над нею шалаш. Казак, сидя в темном шалаше, видит, как подо льдом рыба, которая, поднимаясь по течению вверх, встречает перегородку из колева, и ищет выхода, и идет к концу перегородки, и проходит мимо проруби, где ее бьет острогою казак. В мелких речках заездок делают поперек всей реки и в середину его вставляют одну или две «морды», куда и заходит рыба (такие, с мордами, заездки бывают летом).

Зимовьё – грубо сбитое из бревен, низкое, с одним или двумя окнами, с плоскою крышей строение, приспособленное в тайге для житья там зимою (не всегда, а только временно).

Зверь – крупные дикие животные – изюбр, лось, медведь и проч. «Зверья ныне у нас много!»

Зверовщи́к – охотник за зверьем.

Зуба́тка – рыба кэта (Лосось – *Salmo*). Кэта во время ее весеннего хода в р. Амур, приближаясь к верховьям Амура выше Благовещенска, страшно худеет, теряет в весе, и у нее появляются на боках фиолетовые пятна и длинные зубы во рту, благодаря последнему обстоятельству она в верховьях Амура носит название зубатки.

И

Изю́бр – благородный олень (*Cervus elephus*), в Западной Сибири – *марал*. Производится на него охота не столько из-за мяса, сколько весною, в мае, из-за молодых рогов (панты) (см. это слово), очень ценных.

Инжинга́н – молодой дикий козленок, в большинстве еще сосунец, не достигший годового возраста, имеет своеобразные темные полосы вдоль туловища на светло-желтом фоне, тогда как взрослая коза (козу́ля) имеет темно-желтую сероватую сплошную окраску.

Иноро́дец – так зовут всех русских подданных на Амуре, платящих «ясака», как-то: ороконы, тунгусы, якуты, гиляки и проч.

К

Ключ – ключ от замка, ключ-родник и мелкие речки в тайге. Слово родник казаку неизвестно. Всякая безымянная речка (неглубокая, неширокая), похожая на ручей, называется ключом.

Кобы́лка – бранная и отчасти шутливая кличка приисковых рабочих, а особенно «хищников». «Наша кобылка все знает!» – говорят про себя рабочие на приисках.

Козу́ля – дикая коза; самец-гурáн, молодой козленок-инжиган.

Коро́ва – кроме прямого значения, самка сохатого и изюбра.

Кукура́ – сушеное на солнце (вяленое) мясо изюбра или другого зверя, слегка подкопченное над дымом костра и нарезанное на кусочки. Запас мяса на черный день. Обыкновенно готовится тунгусами, якутами и ороचनाми.

Л

Лабáз – помост из прутьев, сучьев, жердей и другого материала, устроенный на дереве, вблизи солонца (см. это слово), где находится охотник в ожидании прихода зверя к солонцу.

Лоны́сь – прошлое время, раньше. «Лонысь я ему говорил, а он все не делает!»

Лопáть – одежда, всякая одежда вообще. «Лопати-то у него много!», т.е. у него много одежды.

Лу́нуло – т.е. выстрелило. «Как ружье-то лу́нуло, так от го́лка (см. это слово) аж лист посыпался!»

Леси́на – одинокое дерево.

Ле́тось – прошедшим летом.

М

Марь – болотистая, с большими высокими кочками (иногда доходят до аршина высоты и более) местность в тайге, изредка покрытая отдельными деревьями, но преимущественно лиственницами. Марью называется не всякое болото, а только занимающее более или менее большое пространство. Ходить по мари почти невозможно, т. к. если идти, перепрыгивая с кочки на кочку, то страшно утомишься и много не пройдешь; но идти же между кочками, доходящими иногда выше пояса, трудно: кочки стоят очень близко между собою и обрастают густою, высокою травой, так что пройти между ними почти невозможно. Особенность таежных гор та, что мари лежат не только по долинам, но и по скатам и вершинам гор, что можно объяснить только вечной мерзлотой почвы, оттаивающей целое лето.

Ма́тка – самка зверя, но крупного: изюбря, лося.

Мо́рок, мо́рочно – туман, туманно.

Н

На́ледь – горные, неглубокие таежные речки, в зимнее время, при морозах (достигают до -30°C) в мелких местах промерзают до дна, между тем вода из родников выше по реке продолжает идти; не имея выхода, вода эта в конце концов проламывает где-либо выше промерзшего места лед и идет сверх льда по речке таким образом, что старый лед служит дном для новой струи воды; эта-то струя и называется наледь.

На уту́р дава́й! Это выражение употребляется казаками тогда, когда нужно, например, плот, идущий по реке, направить так, чтобы передняя (вниз по реке) часть его оказалась бы сзади, а задняя впереди. Тогда говорят: «На утур давай!» и, задерживая переднюю часть, заднюю стараются спустить по течению в сторону и плот перевернуть концами обратно. Это делается для того, чтобы миновать впереди лежащий камень или мель, а также утес у берега;

при этом повороте достигается то, что плот отходит от первоначального направления в сторону на расстояние, равное длины плота. Так же делают с лодкой в случае, если она ударится передней частью в камень; тогда немедленно корму отбивают в сторону, и лодка, повернувшись кормой вперед, сходит с камня. Это называется «дать на ут́ур».

О

Обу́тки – обувь вообще.

Одна́ ко – самое распространенное слово у амурских казаков. Это не отрицание, равносильное слову но (противительному союзу), а слово, вставляемое всюду в смысле: «мне кажется», так, например, сидит казак, потом вдруг встает и говорит: «Однако, пора обедать!» или: «Однако, погода хорошая!»; «Однако, мы далеко уехали!» и т.д.; почти каждая фраза казака начинается этим словом.

Орочо́н – так называют в верховьях Амура (выше Благовещенска) кочующих оленных (имеющих домашних оленей) тунгусов. Все крещены.

Оторопь, оторопе́ть – испуг, жуть; испугаться, сделалось жутко. «Иду по ельнику, а медведь-то предо мною и всплыви (см. это слово). На меня аж оторопь напала!», т.е. испугался.

Отсто́й – так обыкновенно называются в тайге утесы (стоящие на р. Амуре, на берегу, носят в большинстве название «бык» за весьма малыми исключениями, например, «Кумарский утес»). Если утес этот имеет острую вершину и трудный доступ до вершины, он называется «утес»; если же вершина его имеет площадку, то «отстой». Название это происходит от того, что на подобном утесе звери (лоси, изюбри и пр.), спасаясь от волков, находят свое последнее убежище; они, преследуемые волками, взбегают на площадку утеса, становятся спиной к отвесному его обрыву, а головою к волкам, и так защищаются по несколько дней. Но тогда волки зверю, решившему отстояться от них (отсюда «отстой»), не дают спать, по очереди его беспокоя; утомленный зверь в конце концов забывает осторожность и обычно сваливается с утесов к его подошве, где и разбивается насмерть, что волкам только и нужно. Так же всякий зверь, преследуемый промысловыми собаками, старается спастись на отстое.

Отпа́док – ложбина, входящая в другую ложбину, но в большую, чем отладок. Главная тогда будет называться «падь», а меньшая – «отладок».

Охо́та на трубу́ – охота на трубу производится осенью, когда у изюбров течка и самцы издают особый рев, сзывая самок. Самец, услышав в соседстве рев другого самца, идет к нему навстречу и вступает с ним в бой. Пользуясь этим, охотник, вооруженный особого рода деревянной трубой, кричит («ревет») в трубу, подражая голосу самца. Изюбр никогда не пройдет мимо, а, как по шнуру, выйдет прямо на предполагаемого соперника – охотника; в этот момент охотник, чтобы остановить зверя, нарочно ломает заранее положенную под ногу сухую ветку, отчего зверь мгновенно останавливается, как вкопанный; охотник ловит этот момент и стреляет в зверя.

П

Падь – ложбина между отрогами гор или малыми горами; безразлично, какой бы ширины она ни была, но, конечно, до известных пределов (так в несколько верст ширины уже не будет падь, а луг или марь, смотря по свойству почвы). Падь обычно всегда является ло-

жем речки или ручья. Когда падь небольшая, то она называется «паду́шка» или «отпа́дою», если впадает в большую падь и не длинна (очень скоро кончается).

Пал – степной или лесной пожар.

Пал – быстро сел на коня: «Смотрю, зверь-то на уход пошел – я пал на коня да за ним!»

Па́льма – длинный, четверти две длиною, нож, отточенный с одной стороны и посаженный на длинную, аршина в два, рукоятку. Служит вместо рогатины и для обрубания в тайге сучьев, мешающих проехать верхом или пройти. **Пальма** – необходимая спутница ороchon и тунгусов.

Панты́ – весенние свежие рога изюбра, еще покрытые пухом. Ценный товар, сбываемый в Китай, где из него приготавливают особое лекарство. Цена на Амуре от 10 и более за фунт рогов, смотря по их величине и свежести. Чем моложе, т.е. чем меньше они окостенели, тем дороже. Охота производится в мае или скрадыванием зверя или карауля его на солонцах.

Паня́га – легкая дощечка длиною с аршин и шириною вершков 5-6, носится сзади, за плечами, на двух ремнях (как солдатский ранец). К этой доске привязывается особыми ремнями тот груз, который предполагается нести с собою. Принадлежность охоты у якутов и тунгусов.

Па́ря – брат, братец, товарищ; слово которое то и дело вставляется при разговоре казаков между собой, как и слово «однако». «Да ты, паря, смотри, однако, пора обедать!»

Перева́л – место в горах, служащее водоразделом двух речек, ручьев и т.д., но такое, по которому можно переехать или легко пройти пешему (перевалить из одного бассейна реки в другой).

Плута́ть, заплута́ться – сбиться с дороги, заблудиться в тайге, не знать, где находишься.

По́кать – район склона местности известной реки, напр., Зейская покать, Селемджинская покать, т.е. известный склон гор бассейна какой-либо реки. «Три дня ехали с Амура пока перевалили в Зейскую покать!», т.е. три дня ехали от р. Амура, пока достигли до первого ручья бассейна реки Зеи (например, от станицы Черняевой путешествуя на север).

Полови́нка – замша, выделанная из кожи изюбра. В продажу эта замша поступает не цельной шкурой, а разрезанной пополам вдоль, почему называется половинкой. Это название сделалось нарицательным для замши. Половинки приготавливаются очень искусно ороचनाми. «Лучше нет арамуз, как из половинки!»

Поро́нная винтовка (ружье) – т.е. такая винтовка, которая бьет зверя наповал или же всегда делает раны смертельными, что, вероятно, зависит от калибра ружья и от силы заряда пороха. Из иной винтовки, как ни старается казак убить зверя, но только ранит его, и зверь уходит, а из другой – пуля, попавшая в такое же место, останавливает зверя на месте или же бьет его наповал. Тоже и с дробовыми ружьями.

Про́мысел, промы́слить – охота за зверем, убить зверя.

Пушн́на – мех, но дорогой, напр., лисы, соболя, хорька, выдры и т.п.; изюбра же или сохатого будет уже шкура.

Пятно́ – вообще середина мишени, цели; стрелять в пятно, т.е. стрелять в то место, в которое нужно попасть. Обычно на охоте пятном служит белый кружок древесины какого-либо дерева, очищенный топором от коры.

Р

Рассо́шина – место соединения двух падей, вернее гора, находящаяся между ними у самого их соединения. (Вероятно, от слова *расходится*, т. к. падь расходится на две пади).

Ре́зка – вырезка в прицеле ружья, которую казаки для точной стрельбы делают очень узкой и неглубокой, переделывая для этого у берданок казенные прицелы на свои, как более приспособленные для точной стрельбы, чем первые.

Реве́ть – кричать, кликать, взревел – вскричал. У амурцев слово «ревёт» заменяет собою и слово «кричит», и слово «кличет», последнего у них нет совсем, так, например, если его зовет голосом (кличет) сосед, а он не слышит, то другой ему говорит: «Слышь, паря, тебя Иван ревет!» «Ваше благородие, вас барыня ревет!», т.е. зовет (если барыня действительно кричит его благородию, а тот не слышит). Если же казака посылают сходить за кем-либо, то он уже не говорит ему, что его «ревут», а что «зовут» или «просят придти».

С

Са́йба – площадка, сделанная из жердей среди ветвей дерева от земли на 4-5 аршин где-нибудь в глухом незаметном месте в тайге, среди зарослей ельника или в другом глухом месте. На эту полку кладут запасы провизии, излишние вещи, ненужные для длительного перехода, покрывают все это корою от берез (берестянкую – берёстою) от дождя, обкладывают ветвями и уходят; это будет сайба, т. е. место, где хранится запас провизии или вещей. Если на этой площадке нет вещей (она пуста), то говорят, что тут «была сайба». Так хранятся вещи у всех бродячих охотничьих племен р. Амура: ороchon, тунгус, якутов и др. Украсть из сайбы что-либо считается величайшим грехом. И никогда ни один ороchon не позволит себе этого даже при самой крайней нужде; самое большое, что он *может* сделать без греха – это взять в случае крайнего голода несколько провизии из запаса, если она там есть; но и тогда ороchon считает долгом впоследствии непременно вернуть взятое. Казаки следуют примеру ороchon и других инородцев и тоже никогда не позволяют себе брать что-либо оттуда, если случайно встретятся где-либо в тайге с сайбою.

Сажáнки – особо скрепленные две палки; обыкновенно делаются из березы. Длина сажанок около 2 ¹/₄ аршин. Палки эти в своем конце, отступя от края вершка на три, скрепляются болтом (обыкновенно гвоздем), так что при раздвигании их в верхней части делается угол, в который вкладывается винтовка для стрельбы. Нижние концы сажанок заостряются, а внутренние стороны, соприкасающиеся друг с другом, стесываются. Хорошо сделанные сажанки очень легки, удобны и имеют вид легкой круглой палки. Необходимая принадлежность охоты у казаков и ороchon.

Сестре́ница – двоюродная сестра.

Си́дба – место, где охотник сидит, подкарауливая зверя, ночью у солонца. Сидба устраивается на земле, на сухом месте, и закрывается кустарником или нарубленными ветвями.

Скрасть – подкрасться, подойти незаметно на охоте к зверю. «Стал я его скрадывать, а он учуял да им пошел щелкать!» (т.е. убежал).

Слива́нчик – то же, что затуранчик, но приготовленный немного иначе.

Следи́ть – идти по следу, соследи́ть – выследить, найти местопребывание того, кого выслеживали, по его следам, оставленным на почве или на ветвях. Амурские казаки замечательные «следопыты» особенно в тайге. Они не хуже любого тунгуса никогда не растеряются в тайге, всегда возьмут должное направление, и порою достаточно какой-нибудь срубленной ветки, легкого следа на земле, старого пятнадцатилетнего затеса на лиственнице или сосне, покрытого мхом пенька, срубленного дерева, чтобы казак без ошибки определил, кто тут и когда прошел. Если затесы стоят далеко друг от друга, порою на четверть версты, скажет, что тут прошел тунгус или ороchon, смотря чем сделан затес; если затесы часто, он без ошибки, скажет, что это сделал русский. Не говорю про следы зверей – он их изучил до тонкости – но вообще способность амурца ориентироваться в тайге замечательна: если зверь ранен, то он вам скажет, куда попала пуля; ему стоит взглянуть на ветки, на место, где зверь останавливался. Знаменитый «Следопыт» Купера, пожалуй, позавидовал бы в этом случае не одному казаку-амурцу.

Снаря́д – все, чем заряжается ружье, т.е. порох, пуля (или дробь) и пистоны (или кремь). «Рад бы зверовать, да снаряда нет!», т.е. пошел бы на охоту, но нет ни пороха, ни пуль. Порох же и пули, а также пистоны – все это, в отдельности, называется собственными именами.

Солонéц – место в тайге, обыкновенно болотистое, где имеется соленая грязь. Солонцы бывают и искусственные, где охотниками нарочно рассыпается соль. Звери (изюбры, козы, сохатые) любят посещать эти места и по ночам едят грязь, если она с солью. Вслед за ними, иногда, на солонцы караулить зверей приходят тигры и медведи. На солонцах обычно происходит охота весною за «пантaми» (см. это слово), а иногда и ради мяса все лето.

Сóпка – высокая отдельная гора.

Сохáтый – лось (*Alces palmatus*).

Сóшки – упорки для ружья во время стрельбы, по прикрепляемым к цевью ружья посредством болта; при спокойном состоянии ружья и при переездах сошки прикладываются к ружью и концы привязываются к нему ремешком. Теперь встречаются реже – их заменяют более «сажа́нки» (см. это слово).

Спарíть – прицелиться так, чтобы одной пулей убить двух зверей (обычно коз), т.е. выбрать момент для выстрела тогда, когда звери будут стоять один за другим. Но спарить, т.е. убить двух зверей на одну пулю, можно только из сильно бьющего ружья, напр., берданки, или очень слабых зверей, как напр., коз.

Старáтели – приисковые рабочие, которые работают в одиночку (стараются) при промывке золота. Обычно они моют те пески, которые считается мыть на машине убыточно; моют они в особых деревянных, плоских, круглых, больших чашках, так называемых «лотках».

Стукато́к – т.е. частый стук, но произведенный каким-либо зверем в тайге или вообще животным. «Как он бросился на уход-то, только стукато́к пошел!», т.е. когда зверь побежал от охотника, то по тайге раздался стук от его бега (от топота и от трещанья ветвей).

Стя́г – жердь, но непременно толстая, солидная; меньшего размера будет называться «стяжо́к». «Как он его хватит стягом-то – так на месте и решил!» (т.е. убил).

Сундало́й – ехать вдвоем на одном коне. «Да мы с ним сундало́й ехали!».

Т

Та́бор – место стоянки где-либо в тайге или в поле.

Табак ника́нский – т.е. табак китайский; ника́нами зовут казаки и манджуры китайцев, поселившихся среди манджур или по свободному правому берегу Амура – это переселенцы из внутреннего Китая.

Тайга́ – под словом тайга казаки и инородцы подразумевают все пространство (весь Амурский край), покрытое лесами, причем если в тайге есть и поля, и обширные болота – все равно все это будет носить общее название тайги; тайгу делят по бассейнам рек: так, тайга по р. Буреe носит название Бурейской, по р. Зее – Зейской и т.д.

Тва́рь – презрительное имя всех манджур и китайцев. Казак редко скажет слово манджур, а всегда тварь. «Вишь твари-то сколько ползет!» – говорит казак, показывая на толпу идущих китайцев. Это презрительное отношение к китайцам, вероятно, вызвано их страшною нечистоплотностью (никогда не моются и не меняют белья), а также их вечно грязным, рваным видом, их какою-то пришибленностью, трусостью перед опасностью, а также, вероятно, и разницею в религиозных убеждениях.

Ти́гра – тигр, зверь очень распространенный в Хинганских горах по р. Амуру и в Уссурийском крае. «Ишь, тигра-то прошла!» – скажет казак про тигра, оставившего след на земле.

Тожно́ – тогда, недавно.

Торбаза́ – обувь, сделанная обыкновенно из шкур, снятых с ног оленя (изюбра или сохатого); шьются вверх мехом с подошвою из половинки (см. это слово) и с длинными голенищами, всегда почти выше колена. Обычно надеваются сверх унтов (см. это слово).

То́роз – лед по реке, но такой, который осенью, под напором другого льда, весь переломался и застыл (замерз) не ровно, а ребрами или же целыми холмами.

Ту́ез – бурак, цилиндрическая, сделанная из березовой коры (бересты) посуда, с деревянным дном и такою же (вставною) крышкою. Обыкновенная дорожная принадлежность, в которой возят коровье масло или что-либо другое в этом роде.

Тунгу́с, тунгу́сы – бродячее охотничье племя, родственное орочам; отличаются от орочей тем, что большею частью живут в северных пределах Амурской области и ездят на конях, а не на оленях (орочоны – оленные тунгусы).

Тяни́гус – длинный подъем в гору, но не крутой, а постепенно незаметно идущий в гору. «Скоро ли до станицы-то доедем?» «Да дивно еще осталось, вот тянигусом-то проедем, так еще верст с десять будет!»

У

Ува́л – скат цепи или хребта, гор. «Да тут, под хребтом, по ува́лу-то, всегда изюбры пасутся!».

Ужа́сть – в смысле много (то же, что «дивно»). «Козы́ ужась сколь было!», т.е. коз было очень много. Ужась в смысле ужаса. «Как медведь-то его по лицу хватить, ужась на него смотреть стало!», т.е. страшно смотреть на него стало.

У́лово – водоворот в реке. У́лово образуется обыкновенно ниже утесов – быков по р. Амур, выступающих иногда в реку на несколько десятков сажен; за ними по течению образуются большие и глубокие тихие места, где вода всегда крутится. Самые опасные места для плотов и барж, так как выбраться из улова трудно, иногда и невозможно совсем.

Ума́н, ума́ны– голени ног козы, изюбра и др. зверей; казак, убивший зверя (кабана, козулю), первым долгом отрезает голени (уманы) ног и кладет их в костер на угли. Сваренный в костях уманов мозг составляет одно из любимых блюд казака. Ловким ударом ножа он сварившиеся уманы разбивает вдоль кости и вынимает мозг.

Унты́ – меховые чулки, шьются обыкновенно из меха козули, шерстью внутрь; на них, для дороги, надеваются «торбаза». Унты иногда делаются и как самостоятельная обувь, тогда к ним пришиваются подошвы из дубленой кожи или половинки (замши).

Уповод – время от одной еды до другой, или от одного обычного в известное время отдыха до другого такого же отдыха; например, от утреннего чая до обеда. «Гонялся за козулей – целый уповод провел» – т.е. потерял почти полдня.

Ухо́д, на ухо́д– т.е. уходить от кого-либо. «Я было к нему, а он как пошел на уход, только и видел его!».

Ф

Фа́рт, фартóвый– счастье, счастливый. Слово счастье почти совершенно не употребляется. «Ну и фартовый же ты, паря!» – т.е. счастливый; не фарті́т – не везет. «Не фартит сегодня: ни одного зверя не видел!».

Х

Ха́ншин– китайская водка, очень крепкая, делается из хлеба (чумизы, гаоляна и проч.). Благодаря неимению в Китае акциза очень дешева. Напиток сильно распространенный среди жителей Амурской области. Вино это не очищено (не ректифицировано) и имеет сильный си-вушный запах.

Ханши́нничать– пьянствовать.

Ханщи́нник– пьяница. «Опять наши ребята **ханова́ть** пошли!» – т.е. пить ханшин.

Хи́щник, хи́щники– так называются в тайге «вольные старатели», т.е. лица, занимающиеся тайною добычей золота, не имея на это право и обычно на чужих, уже давно заявленных площадях с золотом.

Хлыня́ть– ехать полурысью, полушагом; то же, что ехать грунью, грунцой.

Хозя́ин. В тайге, по убеждению тунгусов и всех бродячих народов Амура (а также и у амурских казаков), каждому месту имеется хозяин – дух. От него зависит удача или неудача в охоте. Потому инородцы всегда стараются умиловить хозяина места и обычно в дар ему вешают на ветвях дерева какую-либо ленту или лоскуток материи. У каждого солонца есть свой дух. Крик филина они считают криком хозяина места, где он кричит. Казаки по своему суеверию, особенно охотники, придерживаются таких же взглядов. Все, что казаку непонятно среди глухой, суровой» и дикой тайги, все он объясняет существованием или делом хозяина места.

Хребéт– основная цепь каких-либо гор или верх длинной горы, тянущейся на несколько верст. «Вон за тем хребтом и будет речка Сутар!».

Хуйту́н – ветер; слово инородческое, но часто употребляется и казаками. Холодный северный ветер часто называется **хи́уз** и **си́вер**.

Хунху́з – китайский разбойник. «Ну, и хунхузя же ныне развелось – как тараканов!».

Ц

Цёлик – мушка у ружья (винтовки). Казаки у своих охотничьих винтовок мушки (целики) делают тонкими и у таких ружей, как винтовка Бердана, грубую казенную мушку заменяют своею, тонкою, более удобною для точной стрельбы; соответственно этому изменяют и прицел (см. «резка»).

Ч

Черемша́ – дикий чеснок. Очень полезное растение при цинге.

Чёрная нёмочь – бранная кличка медведя.

Чу́ять – чувствовать, всчуять – почувствовать, тоже почуять. «Я к медведю, а он всчуял, да и пошел на уход!».

Ш

Шу́га – осенний лед на реке, который, двигаясь постепенно по реке, делается плотнее и, наконец, замерзает. То же весной – когда лед разбит и идет льдинами.

Шамáн – жрец верования шаманизма, распространенного в Восточной Сибири. У казаков более распространено слово «шаманить» – т.е. в смысле, ворожить, колдовать, но в шутовском духе. «Ты что-то, паря, как я вижу, шаманишь!» – т.е. ворожит или что-либо шепчет (колдует).

Ша́нга – круглый пшеничный хлеб, особо приготовленный.

Шибарши́ть, шибарча́ть – шуршать. «Я сижу, он сзади, черная нёмочь, идет, да так тихо, аж не зашибаршит!» – Я сижу, а сзади идет медведь, да так тихо, что не слышно (не шуршит, не шумит, не стукнет).

Ши́тко – очень скоро.

Шпанá – бранная кличка приисковых рабочих.

Ю

Ю́рта – конусообразное жилище бродячих инородцев. Вначале делается конусообразный остов из жердей, который или обкладывается шкурами или обтягивается полотнищем; сверху оставляется отверстие для выхода дыма.

Юртóн – то же, что юрта, но так иногда называют одни деревянные остова юрт, брошенные на старых становищах. По поверьям ороchon, взять палку из брошенного юртонá – значит иметь неудачу в промысле.

Я

Яса́к – по́дать, платимая инородцами Восточной Сибири правительству натурою – пушшиной (мехами), что производится и до сих пор.

Подготовлено к печати Л.В. Кирпиковой

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПОТОМКА РУССКИХ И УКРАИНЦЕВ НА АМУРСКОЙ ЗЕМЛЕ

(на материале речи Марии Васильевны Остапенко,
село Песчаноозерка Октябрьского района)

В статье представлен речевой портрет жительницы села Песчаноозёрка Октябрьского района Амурской области М.В. Остапенко, типичной представительницы амурских крестьян, которая является примером органичного сочетания двух разных культур: отцовской – русской и материнской – украинской, что нашло свое отражение в ее языке.

Ключевые слова: речевой портрет, амурские говоры, русско-украинское языковое взаимодействие, русско-украинское культурное взаимодействие

The article presents the speech portrait of M.V. Ostapenko, a resident of the Peschanoozerka village, Oktyabrskiy District, the Amur Region. The woman is a typical representative of Russian peasants. Her father was Russian and her mother was Ukrainian. The origin of her parents is reflected in her language.

Key words: Speech Portrait, Amur Dialects, Russian-Ukrainian Interaction, Russian-Ukrainian Cultural Interaction.

*«...Материн отец из Киева,
а отцов из этого – ... Саратов-город...»*

Предлагаемый читателям в данной статье опыт речевого портретирования продолжает украинскую тему наших публикаций (см. выпуск альманаха № 9 (2011), посвященный славянском языковому взаимодействию в Дальневосточном регионе) и «украинскую» серию речевых портретов, начатую там.

Героиня нашего речевого портрета – жительница села Песчаноозёрка Октябрьского района Амурской области Мария Васильевна Остапенко – по своей биографии и обусловленным ею особенностям речи типична для нашего региона: она представляет собой пример органичного сочетания двух разных культур: отцовской – русской и материнской – украинской, что нашло свое отражение и в ее языке – русском языке.

Остапенко Мария Васильевна родилась в 1919 г. в селе Песчаноозёрка Октябрьского района Амурской области и всю свою жизнь прожила здесь. Работала в колхозе. Имеет 3 класса образования.

По рассказам Марии Васильевны, ее деды по материнской линии приехали из Украины, родители отца – из Саратова. Отец ей запомнился своим особым «саратовским» пением, а дед – тем, что помогал ей в тяжелое военное время и обучал ее украинскому языку. В речи Марии Васильевны до сих пор сохраняются украинские диалектные вкрапления на всех уровнях языковой системы. Диалект же, на котором она говорит, безусловно идентифицируем как русский.

*Остапенко Мария Васильевна, 1919 г.р.
Амурская обл., Октябрьский р-н, с. Песчаноозерка.
Записала Е.А.Оглезнева, 2010 г.
Обработала А.В.Блохинская, 2012 г.
Комментарии: А.В.Блохинская*

1. Ну, и так и жили кой-как!

Как жила? Добра не видела. У беде-е, ув бе-едности, у пережива-аниях вся жизнь прошла. Отца у нас взяли. Нас семеро осталось, дед восьмой, мать девьятая. И ничего в колхози... В колхози чё? Трудодень запишут, а ко... ни копейки не платили ничего. И вот иди в колхоз. У кого было какое там средство немного, розбиуались. Ну, чё! В колхоз иди – ни копейки денег. Нужно соль, спички, мыло – всё купить, керосин: света не было, много палили керосина. А ето... А денег ни копейки. А хлеб, шо кровь пальцев ба: ураммы на трудодни. Ну, как же так! Сталин тада у нас же был улавой. В тридцать восьмом уду. Он два уда: тридцать сдьмой и восьмой, ночью закрытая машина, это, тройка какая-то, ездили по ночам. Приедуть до брыгадира, вызовут ночью: «Давай выдавай вредителей, а то тебя увезём». А откуда та машина, он не знаить. «Выдавай». А он: «Но етих (?), все работают, никто...». Хорошо работали. А зерна уже много стало в колхозе, стали много машин: тракторов с Америки, всё зерно вывозили. Нам ничё не было, всё за технику вывозили. А нам шо? Кровь с пальца пропадёт, упадёт. Ну, и так и жили кой-как!

Отец держал коро-ову. Там подросток еще был у коровы, и кобыла одна, и молодая была кобыла уже. Подпрягал до той старой кобылы: на прястяжку запря... подпрягал. Ездили, ездил. Один раз за яудой ездили. Уорбыль де-то там за нашим районом. Называется тайуа – уорбыль. И там сестра друая жила, самая старша отцова. Поехали за уолубицей туда. А там уже выбито всё, вырвано. И мы токо зря. А уолод был у тридцать третьем уду, уо-олод. И у их ничего не было, и у на-ас. Оны жили село у нас за речкой здесь Преображеновка. Жили бауато, сынов много было. Уже два сына на отделе было. А ещё и дома и дочки, и сын были. Дом у их цинком, весь дом, это в тридцать третьем уду, ни у кого дома не обшивали, улиной мазали на зиму, к зиме. А железом – никто, а он жил бауа-ато. Оббил железом до-ом, большой был, семья больша была, сынов много. Работали хорошо, сеяли. А потом... нет, они, их не успели раскулачить. Они сбежали, дом бросилы, такой дом большой, обшитый, хороший, ещё новый, не старый. Оне стали вбеуать. Продали свою скотинку там, куда-то сбыли, и въехали за наш раион. Молодые – по-разным местам, а старики въехали. А мы ото к ним за уолубицей ездили. И тоже тётка устала: нечего варить, укропа на оуороде сорвала, и заварила кипятком и подаёт на стол. И у нас дома ничё нету, и дороуой мы, чё-то там картошки какие-то может были, дороуой съели. А там у их ничего и картошки не было. Ой, боже мой! <...> Так мать ото болтушку той мукой заварит чуть-чуть. И мы приехали и с этого уорбыля, шо за уолубицей ездили. Приехали, болтушку мать наварила. А молоко было: корова была. И ото так. А сеял отец, кобылёнка была, а сосед был поляк у нас. Тоже лошадёнка. И они вдвоём плух запрягали и пахали себе земли. Там немножко для себя сеяли и пшеницы, и овса. Ещё и пшено своё было. Это просо сеяли. Из проса делали эту пшёнку, крупу. В Ивановке была такая это... пшёнорушка – рушили пшено. Каша была своя. Было,

мать летом уедут у поле, там картошку сажали и оуурцы, җарбузы, дыни. У поле, де-то за три километра или четыре километра. Пшени-ицу, когда уже косили, ну, браты ещё были у отца, два брата было. Так один уже въехал, а один ещё был здесь. Техника была, и молотилка была. Ну, токо эта молотилка, долҗо мучилися без молотилки. А потом сем хозяев собрались и молотилку купили. Своя уже молотилка, пшеницу молотили. Из пшеницы делали зерно. Овёс молотили, и җречку молотили той молотилкой. И была косилка уже их совместная. Три брата их было. И нас уже одного брата отделили, а наш отец второй, а третий остался и с стариками, родители: дед и бабка были, третий остался в доме. А нам второй дом построили, мы токо немноҗо пожили, и начали кулачить. Омбар так нэбольшой построили у нас для отца зерно сыпать. А в колхоз сгонять начали. Уонять отца и всё. Он: «Я боюсь: я один рабочий. У меня... не прокормлю свою семью». Ну, чёҗо? Ну, чё? Раскулачили. Коров было две. Только стянулися, семья большая. Стянулися. Дед у нас был уже. Одиннадцать человек было. Ну, чё? Продали корову, кобылу в колхоз унали. Омбар у колхоз увезли, и больше нечегу. Кинулися продавать, а у нас ото скотинку ту взяли, омбар, ну, и чё, до весны. А весной пришло это... розрешение забрать нам. Ошибка: продали бедного. Ошибка. Ну, чё, мы корову забрали. Женщина купила одна. Забрали корову. А лошадь с упряжкою в колхоз так и пошла. Омбар тоже нэ вернули. Ну и всё. Всё равно җоняють ув колхоз, заставляють.

2. Откуда родители приехали

– Мария Васильевна, а расскажите про своих родителей. Вот откуда они приехали сюда?

Родители. Материн отец, мать из Киева. Лошадя-ами. На лошадях. Два брата и сестра. Ехали целый җод. И мать моя рождёна дороҗой. И никаких документов ниуде не сделали. И сюда приехали. Вот безурамотность. Ни одноҗо, ни одной буквы ништо нэ знали. И мой отец, мать уже тех родителей тоже не учёные. Это уже када мы начали рожаться. Брат у меня старший три класса, наверно, проучился. И я в третьем училась. На... осталась ещё на второй җод и бросила. Уже помощницей была в колхози. Нет, ещё колхоз, нет, в колхози не были. <...> А отцов отец из этого-о ... Саратов җород. Там ещё как-то поють по-своему, не так как наши. Он пел по-своём, по-саратовском. И тут пели кой-када. <...>

– Как они говорили?

По-украински җоворили. Ведро – цэбэрко. И всё. Я мноҗо-мноҗо слов знаю. По-украински научилась у деда. Мноҗо слов. А писать ничё не умели, не, нет. А бабка, вот я была, вроде, Лиза, Лизавета бабка была. А нэ знаю, с какоҗо җорода бабка. <...>

– Мария Васильевна, а вы по-украински можете говорить?

Мноҗо слов знаю.

– Какие?

Цэбэрко. А потом... Чё-то как раз уши заткнуло. Чё-то я. Ничё. Из җоловы всё выпало.

– Вот кукушку как называлась?

Кукушкой вроде называли.

– Зозулей не называли?

Ой, не. Наверно, это, зозуля. Вон как. Забуваю все слова, забуваю уже. Улухая. Зозулей звали. Кукушку. Цэбэрко. Макитра. У нас эти были, җоршки литые такие. Как ведёрком сде-

лано. Называли байдарá, вроде. А по-украински – макитра. А потом Катрю, Катя же дочка была, Катэрина. Катэрина была, Сонька была. <...>

3. Как свадьбу раньше играли

– *Мария Васильевна, а свадьбу раньше как играли?*

Да как. Былò иурають, иурають, а потом напоследе, пойду-уть, одна пойдёт воды два ведра наберёт через порох упа-ала, вылила ту воду, разлила. Потом печку поковвыряють, невесту заставляють мазать, может или нет мазать. Улину намесять и всё невестку заставляють мазать.

– *То есть воду разольют – невеста должна собрать.*

А дружки собирали сразу, дружки, за стол перед свадьбой дружок соби... перед свадьбой. Уйльце называлы. Из сосны ветку поставлять.

– *Как называли гилица?*

Уйльце. Делали на свадьбу уйльце. А сосны, де-то брали сосну. Кое-де в Песчанки была сосна, а потом из тайги привозили. Ну, и это уйльце поставять, а укро... эти шишки напекуть, какие-то такие тарочки – шишки, и накладывают вкружом этой уйльцы, кружом уйльца. А подружки поють. Да как запою-уть! «Летять гуси и два ...» Не. «Летять утки и два гуся». Ой, плачть она сидить. Я ту песню немножко знаю. Летят утки, два гуся. Ой, подружки... Не. Как-то ж она... Невеста ждёт же... Ой, подружки... Как она, шо. Не дождусь.

– *(Дочь): Кого люблю не дождуся, наверно.*

– Ага. Ой, подружки, не дождуся. Кого люблю не дождуся. Так она ждала жениха ждала. Подружки, кого люблю не дождуся. Одна уолосом, а те басом. Ой, плачть по т... этой. Какие госты было заплачуть. А потом было так. Свадьба. Какие ближние сосе-эди, полный дом налезуть – свадьбу смотреть. Так былò, им када дадут выпить и-и шишку эту дадут закусить из-под ёлки из-под той. Уйльца, уйльце. И пели хорошо, и катали. Тоже венчали в церкви. Возили в церков венчать. <...>

– *Марья Васильевна! А катали? Это как «катали»?*

На кошеву. Запрягут лошадей. Кошэв мноуо, в каждом дворе кошева была.

– *А что это такое кошева?*

Сани то сани, а то кошева, таким коробом сделано. Сани – они как-то роскидались: отводины эти, были там оуло... палки торчали в стороны, а кошева, як коробом сделана. Молодых у кошеву.

– *На полозьях сани, да?*

А если бедные, если бедные так уже молодых у кошеву, а у сани запрягали, других людей катали.

– *Люди катали, да?*

Катали, ага.

– *(дочь): На лошадях же.*

На лошадях.

– *Лошади катали?*

Да. Днём вроде катали. Утром в... выпьют ото, вечером гуляють, а потом утром соберутся, попьют, погуляють, а потом катали. Да вот, Тоня, на твоёй свадьбе тоже катали. Так, отца да матер токо.

– (дочь): Ну да, катали.

Катали нас и з отцом, катали. А сваха наша убежала. Да у ней сани или тележка была у ней. Нас посадили, санки были у нас вроде.

КОММЕНТАРИЙ

Фонетика

1. В речи информанта под ударением различается 5 гласных фонем: /a/, /o/, /и/, /y/, /э/.
2. На месте этимологического **h** под ударением произносится гласный [e]: *дед, хлеб, песню, себе, две*.
3. Фонемы /a/ и /o/ в первом предударном слоге после твердого согласного различаются. Фонема /o/ в безударных слогах реализуется как [o], то есть наблюдается оканье: *отца́, восьмо́й, роди́тели, го́лосом, попью́ть, подру́жки, оны́, сто́роны, корóву, в колхо́зи, мо́лотилка, без мо́лотилки, два го́да*. В некоторых словах в безударной позиции на месте /a/ произносится [o]: *розби́у́лися, омба́р, разреше́ние*.
4. После мягких согласных гласные в первом предударном слоге произносятся по модели иканья: в б'иде́, вр'иди́телей, д'ивья́тая.
5. Отмечается удлинение ударных фонем: *беде-е, ув бе-едности, у пережива-аниях, коро-ову, го-олод*, что обусловлено эмоциональностью речи информанта.
6. Звонкий заднеязычный по способу образования является щелевым: *немно́го, разби́у́лися, гра́ммы, гла́вой, доро́гой, иура́ють, гуля́ють, го́сти, го́ворили, го́род, оуру́цы, га́рбузы, запря́жали, дру́гих, мно́го, до бры́гадира*. В слабой позиции происходит позиционная мена [γ] на [x]: *дене́х, плух, через по́рох*. В окончаниях родительного падежа прилагательных, местоимений мужского и среднего рода произносится согласный [в]: *ничево́, у ково́, бедново́*.
7. Фонема /в/ реализуется в звуках [в] и [у], [ув]: *у беде, ув бедности, у переживаниях, у тридцать третьем го́ду, у поле, в колхо́зи, в колхо́з, ув колхо́з, у коше́ву*.
8. В речи реализуются две аффрикаты /ч/ и /ц/ в соответствии с нормой русского литературного языка: *учёные, ничё, уи́льце, помо́шницей*.
9. Отмечается утрата /j/ в интервокальной позиции: *старша, бо́льша, раион*.
10. Наблюдаются единичные случаи употребления твердых согласных перед гласными переднего ряда: *оны́, броси́лы, нэбо́льшой, нэ верну́ли, нэ знали, называ́лы*. Но: *они́, катали, не до́ждуся*.
11. Отмечаются случаи употребления твердых губных и губно-зубных согласных на конце слова на месте мягких фонем: *церков, сем хозяев*.
12. На месте литературного *што* произносится: *чё, шо*
13. Отмечены случаи произношения [x] на месте [к] перед согласным: *никто́, трахто-ров*.
14. Перед притяжательным местоимением *их* не происходит вставки согласного *н* после предлога *у*: *у их ци́нком*.
15. Зафиксирован случай произношения йотированного гласного после согласного: *де-вья́тая*.
16. Слово *где* реализуется как *де*: *де-то, кое-де*.
17. Отмечаются случаи употребления стяженных форм: *токо́, ничё, када*.

18. Слово *поставят* произносится с вл: *поставлят*.

19. Слово *забываю* произносится как *забуваю*.

Ударение

20. В ряде случаев отмечается отклонение от акцентологической нормы русского литературного языка: *было́, сорва́ла, нача́ли, се́мью, упряжско́ю, люблю́*.

Морфология

21. Существительные муж. р. ед. ч. в П.п. имеют окончание -и: в *колхози*.

22. Существительное *сын* имеет формы мн. ч.: *сыны, сынов*.

23. Существительное *мать* имеет форму Им.п. – *матерь, мать*.

24. Существительное *брат* имеет форму мн. ч. Им.п.: *браты́*.

25. Отмечается употребление стяженных форм прилагательных и местоимений наряду с полными: *сестра дру́гая, самая старша́я, семья́ большо́я, старенька́, в соленую́ воду*.

26. Местоимение *они* имеет формы: *они, оны, оне*

27. Глаголы в форме 3 л. мн. ч. имеют на конце [т’]: *трудоде́нь запи́шут, прие́дут до брыгади́ра, вызову́т ночью, все работаю́т, картошки́ какие-то може́т были, уеду́т у поле, уо́няють ув колхоз, заста́вляют, пою́т*.

28. Глаголы в форме 3 л. ед. ч. заканчиваются на [т’]: *он не знаи́ть, по́даёт на стол, одна по́йдёт, набе́рёт*.

29. В возвратных глаголах употребляется постфикс -ся после гласного: *мучили́ся, стяну́лися, не дожду́ся*.

Словообразование

30. Отмечается случаи употребления наречий с приставкой *по-*, оканчивающихся на -ом: *по-своём, по-саратовском*.

Синтаксис

31. Частотны случаи употребления неопределенно-личных предложений: *трудоде́нь запи́шут, а ко... ни копейки́ не платили́ ничего; один раз за я́годой ездил; работали́ хорошо, сеяли*.

32. Предлог *до* употребляется вместо предлога *к*: *прие́дут до брыгади́ра, подпряга́л до той старой кобы́лы, до нас подъе́хал*.

33. Предлог *с* употребляется вместо предлога *из*: *тракторо́в с Америкы́, нэ знаю́, с како́у о́города*

34. Отмечена конструкция с кратким причастием: *и мать моя́ ро́ждёна доро́гой*.

35. Наблюдаются нарушения в координации числа подлежащего и сказуемого: *никто́ нэ знали́, мать летом уеду́т у поле*.

36. Отмечен единичный случай употребления предлога *з* на месте *с*: *нас и з о́тцом*.

Лексика и фразеология

37. Употребляются диалектные лексемы и фразеологизмы, в том числе и украинского происхождения.

Байдара – литой горшок, по форме напоминающий небольшое ведро

Болтушка – блюдо из муки и воды

Вкругом – вокруг

Гарбуз – тыква (ср. укр. *гарбу́з*)

Гильце – сосновая ветка, используемая в свадебном обряде
Голубица – голубика
Горбыль – тайга
Дружки – подруги невесты
Зозуля – кукушка (ср. укр. *зозу́ля*)
Из головы всё выпало – ничего не помню
Катать – возить жениха и невесту по деревне
Кошева – сани, сделанные в форме короба
Кровь с пальца упадёт – немного, чуть-чуть.
Кулачить – раскулачить
Макитра – см. байдара (ср. укр. *макітра*)
Напоследе – в конце, напоследок
Отвѣдины – боковые брусья у саней
Подросток – телёнок
Подпрягать – запрягать добавочных лошадей
Прястяжка – запряжка лошадей сбоку в помощь основной лошади
Рожаться – рождаться
Стянуться – объединиться
Тарочки – сдобные мучные изделия; выпечка
Цэбэрко – ведро (ср. укр. *цебѣрка*)
Шишка – вид обрядовой выпечки в форме сосновой шишки
Як – как (ср. укр. *як*)

УДК 800.86/87; 801:316

С.В. Гордеева

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПОТОМКА РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В КИТАЙ
(на материале речи Цю Цзиньсю,
село Бяньцзян, провинция Хэйлунцзян, КНР)

В статье осуществлено речевое портретирование потомка русских переселенцев в Китай – Цю Цзинсю, в русской речи которой наблюдаются черты интерференции под влиянием китайского языка, ставшего для нее основным.

Ключевые слова: социально-речевое портретирование, русский язык в Китае, диалектно-просторечная форма языка, билингвизм, интерференция

The article presents the speech portrait of the descendant of the Russian immigrants to China, Ms. Tsyu Tszin`syu. The speech analysis shows the signs of interference caused by the Chinese language, which is the first one for the speaker.

Key words: Social Speech Portrait, Russian language in China, Dialect, Colloquial Speech, Bilingualism, Language Interference.

Одним из направлений исследования русского языка зарубежья является социально-речевое портретирование, позволяющее выявить типические и специфические черты речи

эмигрантов и проследить, с одной стороны, тенденции развития языка вне метрополии, с другой – степень его сохранности.

Основы речевого портретирования заложил представитель Московской социолингвистической школы М.В. Панов, создав ряд фонетических портретов деятелей русской культуры XVIII-XX вв. [1]. Более широкое осмысление портретирования как прием лингвистических исследований получило в работах Т.Г. Винокур [2], Т.И. Ерофеевой [3], Е.А. Земской [4; 5; 6], Т.М. Николаевой, [7], Н.Н. Розановой и М.В. Китайгородской [8], Л.П. Крысина [9] и др. В последнее время создано немало речевых портретов представителей различных социальных групп, среди них и выходцы из эмигрантской среды. Так, Е.А. Земская исследовала языковые личности западной ветви русской эмиграции [4; 5; 6]. Е.А. Оглезневой представлена «портретная галерея» русских харбинцев [10, с. 171 – 283].

В настоящее время социально-речевое портретирование остается актуальным и перспективным направлением изучения языка. Речевой портрет представляет собой характеристику разных уровней языковой системы в речи личности и дает возможность целостного типологического осмысления речи. Это, несомненно, представляет огромный интерес и дает хороший материал не только для анализа языковой компетенции портретируемого, но и для выявления типичных речевых особенностей группы, в которую он входит.

В данной статье мы предприняли попытку создать речевой портрет потомка русских эмигрантов первого поколения, проживающего в приграничном селе провинции Хэйлунцзян (КНР). Материалом для анализа послужили записи русской речи, сделанные в селе Бяньцзян в 2011 и 2012 гг. Исследование социально-лингвистических характеристик портретируемого позволит проследить судьбу языка русских эмигрантов в российско-китайском приграничье, а также поможет выявить основные особенности и степень сохранности языка в настоящее время.

Цю Цзиньсю (Мария), жительница села Бяньцзян уезда Сюнькэ, потомок смешанного брака: мать русская, отец китаец. Таких семей в селе, как и во многих других приграничных с Россией селах Китая, было немало. Отец Марии Цю Чжун У переселенец из провинции Шаньдун, мать Матрёна тоже родом не из Приамурья: *Моя мама шибко далёко // Далёко / не тута / не къ берегу // Далёко / далёко / не знаю //* (представленные здесь и далее примеры речи информанта хранятся в фоноархиве лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета [11]) [ФА, 2011, РДК 1/6]¹. *Она мама далёко / када... как говорит (кит.: мировая война) / война бы́ла / большая война бы́ла // Му́жи совс"эм / мужики совс"эм / вс"о на войну // Там шибко война большая // Оттудова она суды / не знаю как //* [ФА, 2012, РДК 1/4]. По словам родственников Марии, в России у Матрёны был русский муж, погибший во время Первой мировой войны, и двое детей, с которыми она приехала в Приамурье.

Родители Марии познакомились в России: *Там познакомились / на русской стороне //* [ФА, 2012, РДК 1/4]. Отец, как и многие другие китайцы, торговал с русскими, некоторое время жил и работал на левом берегу Амура. В конце 20-х гг. Матрёна ушла в Китай вместе с мужем-китайцем, тогда ей было двадцать пять лет. В 1930 г. в селе Бяньцзян родилась Ма-

¹ Условное сокращение [ФА, 2011, РДК 1/6] обозначает: ФА – фоноархив, 2011 – год записи, РДК 1/6 – фонд «Русские деревни Китая», номер дневника и страницы в дневнике.

рия – Маруся, – так звала её мать. Она была третьим ребенком в семье: *Два брата / я ... третья // Ишо моя (кит.: младшая сестра, как сказать?) сестра // <...> Брат / как зовуть / один Алёша / Алёша / помер // С"иц"ас один / С"тё / С"тё / С"тёнк"а // <...> – А младшую сестру как звали, вашу сестру? – Таня // Она в Сюнькэ // [ФА, 2011, РДК 1/1].*

В детстве Мария и другие дети владели двумя языками, с матерью говорили по-русски, с отцом по-китайски: – *Вы с отцом по-китайски говорили? – По-китайтсы // Ответ тоже маленьк"о по-русски // <...> Я ма́ленькам када / мама вc"о по-русски разг... // С"иц"а с вc"о позабыла // [ФА, 2011, РДК 1/2].* В быту присутствовали как китайские, так и русские привычки: сучили пряжу, катали «катанки», вязали «шалюшки», рукавицы, пекли блины, хлеб, ели вареники со сметаной, солили грибы, квасили капусту, детей качали в зыбке. Мать Марии была православной: – *А мама верила в Бога? – Мама / вер"ила / она тоже вер"ила // <...> Это Христо́... мама... я ишо ма́ленька бы́ла / мама менé.. менé ишо / мене говорéла / Христо // – Ну вас не крестили? – Крестéла / крестéла / я крэ"ишо"на <...> мои дети нет // Только я крэ"ишо"на // [ФА, 2011, РДК 1/4-5]. Крестик ес" / крестик ес" / а куды положила / забыла / крестик ес" // (православной церкви в селе не было, мать крестила детей сама). Раньс"э делали / када мама бы́ла // Яиц"ки красны и зелёны / вc"аки тада (о Пасхе). У мамы / у мамы бы́ла икона // Бы́ла икона икона / потом внуц"ка / моёго брата девоц"ка вэ"ила // – Ну, а мама дома крестилась, молилась? – Молилась <...> Ц"асто // Утром встане.../ – А вас не учила молитвам? – Уц"ила / я забыла // Мене уц"ила / забыла // [ФА, 2012, РДК 1/23].*

Замуж Марию отдали совсем молодой: *Семнадцать годов мама меня.../ замуж // [ФА, 2012, РДК 1/25].* Николай, муж Марии, тоже был наполовину русский, метис (умер в 2008 г.). Родился он в России в 1926 г., в двухлетнем возрасте был привезен в Китай. История семьи Николая во многом схожа с историей семьи его жены. Мать – русская (Сашка) из села Коршуновка Амурской области, отец – китаец (Фан Юэнь), переселенец из провинции Шаньдун, некоторое время живший и работавший в России и даже имевший русское имя Аркашка: *«Отес" китайтсем /, русска мать // Оны жили в Коршуновке // [ФА, 2011, РДК 1/6] <...> Моёго мужа мама / Сашка // спомнила // <...> Мужа отес" / он ... Аркашка // Русско / русско имя // [ФА, 2011, РДК 1/7].*

Спустя годы родители мужа Марии ездили в Россию, пытались отыскать русских родственников, но никого не нашли: *Он (отец мужа) думает пос... / пойдём в Ко"ршуновке по.../ поускаем / ес" ишо кого там / брат или ц"оли / ес" или какие / нету // Искали / не нашли / нету // Только старый-старый один старик" говорит" када (кит.: мировая война, как сказать?) оны уехали туды (кит.: ушли в солдаты и не вернулись) // Тама / Ко"ршуновке / там / (кит.) Поярк"о"вка / Поярк"о"вом (кит.) и не нашли / нету // (кит.: два старших брата) два брата / ни один нетула // Один старик" гвэ"рить / на войну пошли / на войну пошли / да и не ...// [ФА, 2011, РДК, 1/6].*

Мария тоже была в России около десяти лет назад и пробыла там 10 дней: *Ез"дила...// Када уже.../ прошло десять годов // Десять день там бы́ла // [ФА, 2011, РДК, 1/5]. – Вам там понравилось? – Понэ"равилось // Понэ"равилось.../ понэ"равись с"иц"ас не можнола / дети все тута // <...> Дом тута / дети тута / уже с"иц"ас восемсят больше годов / куда ишо // Только дожидай тута // [ФА, 2011, РДК, 1/9].*

У Марии и Николая родилось семеро детей, их русская бабушка всем внукам дала русские имена: Витя, Миша, Люба, Валя, Вера, Надя, Феня. Витя в настоящее время проживает в Шанхае, Надя и Миша – в селе Бяньцзян, с матерью, Люба – в Сюнькэ, остальные дочери – в Хэйхэ. Витя (1952 г.) и Надя (1967 г.) русского языка не знают. Люба (1960 г.), Валя (1962 г.), Вера (1964 г.) и Феня (1969 г.) выезжают работать в Россию и могут говорить по-русски, особенно хорошо, по словам Марии, владеет русским младшая – Феня (она изучала язык в школе). - *Они хорошо говорят по-русски? – Хорошо // Ай / моя девоц"ка ой / хорошо / хорошо / она хорошо // Моя маленькая девоц"ка / она када в школе / в школе уц"илася // Она хорошо / хорошо // Эти три / када там / на русской стороне это ... / мало-мало уц"ила / по-уц"илися // А эта маленька (кит.: лучшие всех) // Оц"инь хорóшо / хорошиó // [ФА, 2011, РДК, 1/4].* Миша (1956 г.) тоже работал в России два года, но языком не владеет, знает лишь отдельные слова. Все дети состоят в браке с китайцами. Из восьми внуков Марии лишь сын третьей дочери Веры (20 лет) связан с русским языком достаточно тесно, работает в России вместе с матерью, дочь Нади (15 лет) хочет говорить по-русски, она изучала язык в школе, но не так давно бросила учиться. Мария сетует на то, что внучка непослушная, слишком много времени проводит за компьютером: *Не слушаеть // Только надо хороше́нько бить //– А раньше детей били? - (кит.: нет) // Мене сем // Два это ... сына / пять доц"ик // Ни одну я не била // Слушають оны // Эта не слушаеть // [ФА, 2012, РДК 1/31]. <...>До полноц"и играла // Утром встанеть / кушать не надо / скорей...// [ФА, 2012, РДК 1/25].* Раньше не было ни времени, ни денег не то, что играть, а даже учиться: *Раньс"э ... один время ес" играть ишо // Не-е-е // в школу (кит.: ходили) / школу ходили / школу ... только три года // Деньги нету / мамы деньги нету / только три года // [там же].*

Многие семьи в селе жили бедно, приходилось много работать: *Раньс"э / мама / как говорить... тоже бédны были ишбо / не так как с"о равно это / ишбо ... бедно / жи́ло бедно // Себе ... хватá... / мало-мало хватáеть и ладно // [ФА, 2011, РДК 1/3]. С"иц"ас с"о отдыхаем // Раньс"э / вец"ир ноц" нету / с"о работа // <...> Ай / ноц"ью / так до половины ноц"и // [ФА, 2012, РДК 1/7]. Два...три ц"уса утром / три ц"уса вставай / мало-мало скорей кушать-кушать / на пашню // [ФА, 2012, РДК 1/26]. Крестьяны / с"о крестьяны [ФА, 2012, РДК 1/4]. Жители села держали скот, работали в поле, ловили рыбу: *Рыбу ловили // <...> С"эткы<...> На вудоц"ки ес" / ес" мало / с"о с"эткы // лодка / на лодке// [ФА, 2012, РДК 1/6].* В лесу собирали грибы, ягоды, орехи: *Орешки тут были // Раньс"э были // Ягоды / ворешки / вс"о // С"иц"ас нетула // (кит.: сейчас одни поля) <...> Ниц"о нету // Раньс"э (кит.: от Хэйхэ до Сунью было много лесов, сейчас ничего) с"о порубили // <...> Раньс"э я ишо (кит.: собирать) гру... грибы // Я ишо ходила собирала // [ФА, 2012, РДК 1/28]. <...> Раньс"э вс"о было / грубы / ягоды были / гълубитса / яблоц"ки / (кит.: черемуха, как сказать) <...> ти'иромуха / ти'иромуха // Раньс"э вс"о бы́ло // Эта ти'иромуха... (кит.: из черемухи муку делали и пекли из нее) // [ФА, 2012, РДК 1/30].* В зимнее время шили обувь и одежду: – *А что шили, платье или штаны? – Плат'т'а / юбки / с"о по-русски // [ФА, 2012, РДК 1/29]. Раньс"э бедно-бедно // Раньс"э тухли / с"о сами // <...> Раньс"э нету / не было ти'о одеть / купить / ес" / деньги нету / сами // [ФА, 2011, РДК 2/12-13].**

Несмотря на занятость, русские женщины находили время, чтобы собраться вместе, – разговаривали, пели частушки, отмечали русские праздники: *Ц"асто / оттуда русски / тада*

*русски же́ны много было/ оны вместе ходили гулять / плясать / потом мало стало // <...>
Нет / вец"ир нет / када съббота... / воскресен'н'э // Воскресен'н'э / Паска / Новый год / токо
так // <...> Как / как говорят / мужики раньс"э китаец"ы шибко вредные / оны́ не люби́ть
/ штоб вместе // <...> – А песни пели? – Песни ... пели // Оны русские / только русские //
Русские вмес'с'э придуть и плясать / песни петь // [ФА, 2012, РДК 1/6]. В памяти Марии еще
живы частушки, которые она слышала в молодости:*

*У-ха – у-ха – у-ха-ха /
ц"эм я девис"а плоха /
на мне юбка новая /
сама ц"эрньбровая//*

[ФА, 2012, РДК 1/35]

*Коля-Коля дрова колет /
колет, ветоц"ки кладёт //
Коля розовой рубашке /
он по улис"э идёт // [Там же].*

В 30-50-е гг. XX в. в селе Бяньцзян было много русских женщин, часто звучала русская речь. Однако настало время, когда по-русски старались не говорить, а называть себя русским было опасно, – время Культурной революции: *Было / было / было // Я забыла / какой год
прямо по-русски / никто не... / нельзя говори́ть / низя говори́ть люди как по-китаец"ы пря-
мо... // С какого года я забыла врэзу / низя говори́ть // [ФА 2011, РДК 1/5].*

Постепенно русских в Бяньцзяне становилось все меньше: *Раньс"э тут мною было //
Ес" по́мерли / ес" ... туды ... вернулись // <...> Му́ жи.. мужика не надола / не надо / сами /
сами ушли // Одна / ой одна / как звать её / она две доц"ки / она взяла / с"о пошли туда// [ФА
2012, РДК 1/4]. Китаес" / один китаецс / я помню / коло нас жил один китаецс / баба его
убежала / две девки / уже девки уже большие / и девки с"э...// Девцоц"ки с мамой с"э убежали
// Этот муж / (кит.: пойдет на берег) / на берег / пойдёт на берег / там сидить / плац"ить
// Её девцоц"ки... / (кит.: одну дочку звали Золото, другую – Серебро) // На берег пойдёт /
сидить: (кит.: Ай-а-а! Мое золото, мое серебро!) / плац"ить / плац"ить / плац"ить / оны по-
ехали и не придёт // Када ... (кит.: после освобождения в 1949 г. две девушки) / пришли су-
ды спрашивать его / папа ес" / нету / помер // Оны пришли / помер // [ФА 2011, РДК 1/9].*

Матери Марии, Матрены, не стало более сорока лет назад. Но материнский язык Мария помнит, хотя практически не использует (в селе почти не осталось людей, способных общаться на русском языке): *Это русска деревня с"иц"ас аҫа / а русский совсем мало // Вс"о
умерли / с"о умерли // Нихто по-русски не гово́рять // с"о забылося // Раньс"э мною было /
ишо хорошо / а с"иц"ас с"о забыла// [ФА, 2011, РДК 1/2]. Ай, Господи / Боже мой / с"о поза-
была // [ФА, 2012, РДК 1/34].*

Объект речевого портретирования в нашем случае – языковая личность, для которой русский язык не является основным. На протяжении жизни языковая компетенция информанта менялась и на данный момент представляет собой билингвизм с доминантой китайского языка, что во многом обусловлено объективными факторами [12]. Несмотря на неблаго-

приятные условия, материнский язык Марии сохранился, однако от нормированного литературного русского языка его отличает ряд особенностей. С одной стороны, мы имеем диалектно-просторечную устную форму языка, что связано с крестьянским происхождением матери Марии – Матрены, от которой был усвоен русский язык. Характерные черты диалектной речи и элементы просторечия сохраняются на всех уровнях языковой системы нашего информанта.

С другой стороны, русский язык Марии – это интерферируемый язык. Длительный языковой контакт, пассивное использование русского языка при активном применении китайского привели к нарушению норм первого под влиянием второго – к интерференции [13].

Рассмотрим подробно фонетические, лексические и грамматические особенности речи данной языковой личности.

Фонетика

В речи Марии частотны случаи вариативности. Это проявляется как в реализации отдельных фонем, так и в фонетическом и акцентном облике словоформ. Вариативность может быть вызвана различными причинами, с одной стороны это может быть связано с изменением позиции звуков в слове в потоке речи, с другой - с взаимодействием различных языковых пластов: диалектного, внутри которого также имеются варианты, разговорного, просторечного, плюс влияние системы китайского языка при наличии лишь устной формы речи.

В области вокализма наблюдается аканье: $г[a^b]ршóк$, $не\ разг[d^b]вáриваю$, $к[d^b]рóва$, $б[a^b]лóто$, $б[d^b]р[a^b]на́$, $см[d^b]рóдина$, $[a^b]г[a^b]рóд$, $с[d^b]лóма$. В некоторых случаях звук [а] выступает в качестве реализации фонем <э> и <у>: $караси́н$ (керосин), $се́мачки$ (семечки), $табарéтка$ (табуретка).

Встречаются и примеры различения фонем <о> и <а> в безударных слогах: $n[o]чeмú$, $дéл[o]$, $бы́л[o]$, $в[o]дá$, $г[o]в[o]ри́т$ (Зл., ед.ч.), но системными такие случаи назвать нельзя.

После мягких согласных в безударных слогах отмечается иканье: $[u]но́нский$, $уб[u]жа́ли$, $ч[u]ты́р[u]$, $т[u]ле́жка$, $м[u]двéдь$, $в[u]дрó$, $воскр[и]се́н'н'э$, $б[и]щé$ $се́[u]ли$, $с[и]стра́$, $пл[и]са́ть$, хотя встречаются случаи яканья и еканья: $в[э^u]дрó$, $кр[э^i]ши́она$, $н[э^i]$ $об[э^u]жали$, $ч[а]сно́к$, $ч[а]сы́$, $жа́ички$, $жа́зык$. А в лексемах *говорить*, *крестить* в глагольном суффиксе между согласными наблюдается произношение [э] на месте [и]: $гово[r'э]ть$, $гово[r'э]ла$, $крес[t'э]ла$.

В области консонантизма присутствует произношение [г] взрывного наряду с [γ] фрикативным, причем в одном и том же слове может употребляться как тот, так и другой звук: $огорóд$, $два\ гóда$, $к\ бéрегу́я\ года$, $горшóк$, $ра́дуга$, $нагрéть$, $сапоги́$, $мно́го$, $град$, $погóдно$ $но́ [γ]реб$, $я́ [γ]ода$, $мно́ [γ]о$, $[γ]од$, $не\ бо[γ]а́ты$, $телé [γ]а$, $не\ [γ]овóрить$ (Зл., ед.ч.), $о[γ]орóд$, $пои[γ]ра́й$. В позиции конца слова и перед глухим согласным <г> реализуется как [x]: $четвéр[x]$, $бéре[x]$, $төрó [x]$, $но́ [x]ти$.

Фонема <к> в слабой позиции часто произносится как [к^x] или [x]: $лу[к^x]$, $сне[к^x]$, $язы́ [к^x]$, $старíк [к^x]$, $фа́рту [к^x]$, $потни́ [к^x]$, $пра́здни [к^x]$, $бы [к^x]$, $до́ [x]тор$.

Фонема <ф> реализуется в речи звуками [ф], [x], [к]: $[ф]а́ртук$, $ко́ [ф]та$, $шка[ф]ы́$, $во [x]то́рник$, $ту́ [x]ли$, $[к]у[ф]а́йка$.

Фонемы <в> и <в'> также имеют различные реализации, произносятся как губно-зубные [в], [в'] и [ф]: $медведь$, $вечер$, $бравый$, $трава$, $ванна$, $веник$, $двадцать$, $де[ф]ка$, $ли-$

то[ф]ка, морко[ф]ка, свекро[ф]ка; как билабиальный [w]: [w]месте, Коршуно[w]ка, [w]погреб, [w]ода, [w]нуки, де[w]ка, годо[w], кро[w] (кровь), [w]олк, [w]одку пили; как неслоговой [ʏ]: к[ʏ]асить, [ʏ] хате, [ʏ]сё [ʏ] карты играть, [ʏ]месте. Частотны также случаи обнуления [в] в таких словах, как свёкр, свекровка, свечки, вкусно, свёкла, всё, кувшинка (кувшин), вспомнила. Фактически данные слова произносятся как сёкр, секровка, сечки, кусно, сёкла, сё, кушинка, спомнила. При этом мягкий свистящий [с'] звучит как шепелявый [с"]. Подобное произношение фонемы <с> также наблюдается в лексемах сено, сейчас, сетка.

Вообще речи Марии свойственно использование так называемых шепелявых согласных. Это может быть обусловлено как особенностями диалектного произношения [14; 15], так и интерференцией под влиянием китайского языка [16, с. 47-49, 57-58].

Так, аффриката <ц> реализуется в речи не только как [ц], о[ц]а, паль[ц]ы, мельни[ц]а, япон[ц]ы, но и звуками [тс], [с"] и [ц^х]: китае[тс], огур[тс]ы, пере[тс], голуби[тс]а, кури[с"ы], оте[с"], китае[с"], рукави[с"]ы, по ули[с"э], со[нц^х]е.

Что касается аффрикаты <ч>, то на ее месте произносятся звуки [ц"] или [тш']: ябло[ц"]ки, карто[ц"]ки нет, нянь[ц"]ила, дево[ц"]ка, ложе[ц"]ки, с[иц"]ас, [ц"]улки, ту[ц"]и, [ц"]исто, кала[ц"]ики, не хо[ц"и]ть у[ц"]иться, [ти']ушки, [ти']етвёрта, [ти']еромуха.

Шипящие фонемы <ж> и <ш> твердые: [жэ^вна], [мужык], [жэ^ншина], [шы^бко], [иши^отка], [иши^о], кре[иши^о]ны. Слово приезжают произносится как прие[жж]ают; мужчина – как му[иши]ына; дождь и дождик, соответственно как до[ш], до[жж]ик.

Фонема <ш> реализуется в речи Марии преимущественно как звук [ш]: больше, школа, шкаф, все прошло, каша, шибко, орешки, пшеница, мошк^а, но в отдельных словах на месте [ш] произносится [с"]: ва [р'ус"]ки (варежки), ра^{нь}[с"]е (раньше).

Вибрант [р] присутствует в речи информанта как в естественном для русского языка звучании: жарко, бра^вый, по^мерли, ведро^о, нагр^еть, дрова^а, укр^опал^мв^рзнет, так и как [р^л] и [л']: не[л']чатки, не пон[р^л]авилась, ве[р^л]ила. А [л]: лени^вые, мельница, злой, тел^ега, ф^лото, пали^т, – очень часто реализуется как [л] апикально-десенной: бе[л]ая, уме[л]а, у^лы, сто[л], буты[л]ка, мы[л]о, на [л]одке, котё[л], иго[л]ка, ко[л]одец, позабы[л]а, мо[л]и[л]ась, зе[л]ёны, бы[л]о.

Кроме того, речи Марии свойственны следующие фонетические черты:

1) мягкое произношение возвратных постфиксов глагола: позабыло[с'а], учили[с'], поучили[с'а], молила[с'], вернули[с'а];

2) произношение мягких заднеязычных в окончаниях прилагательных: японс[к'иу], малень[к'иу] китайс[к'иу], но в некоторых случаях произношение маленьк[ай], маленьк[ам] в Т.п., русск[ый].

3) произношение твердого согласного на месте мягкого: о[ны], ве[р^о]вка, не ве^е[ру], [су]ды, от[су]да, че[р^о]муха, не[р^э]в^очик, бр^о[вы], б[ру]хо, се[р^о]жж, вода го[р^а]ча го[р^а]ча, се^е[мац"]ки;

4) добавление [j] в абсолютном начале слова перед [е]: [je]то, [je]та, [je]ти, [je]тот;

5) произношение в существительных двойного мягкого согласного на месте согласного с [j]: воло[с'с'а], пец"е[н'н'э], пла[т'т'э], подпо[л'л'э], воскрес[н'н'э];

6) протетический [в]: восенью, на вудоц"ки, вон, ворешки;

7) ассимилятивное озвончение [с] в слове если: е[з]ли, е[ж]ли;

8) на конце слов произношение сочетания [ст]: *мо[ст], хво[ст], кре[ст]*, но также произношение [с'], точнее [с"] на месте сочетания [с'т']: *шер[с"], е[с"]*;

9) употребление местоимений *кто, никто* в формах *кого, никого* вместо местоимений *что, чего, ничего*: *бабушка **кого** говори́ть, она тоже понима́ить; ты хошь**кого** хвори́шь; вы **кого** хо́шите; малéнько соль положи́ть, больш**а**и**кого**; **никого** не надо, возьми́ её*;

10) огласовки местоимений: [ц"о] – что, [ниц"о] – ничего, *туды, куды, суды* – туда, куда, сюда, *отсэдова* – отсюда, *тута* – тут, *тама* – там;

11) замена [к] на [х] в сочетаниях [кт]: *кто, ни**х**то*;

12) Произношение твердого губного на конце слов: *се[м], кро[w], пря[м]*.

Многие из вышеперечисленных особенностей находят отражение в русских говорах [14, 15, 17] и наглядно демонстрируют диалектную основу речи Марии.

Также довольно широко представлен в речи фонетический эллипсис (*када, ничё, сёдня, тада, не́када, гврит, пийсят, восемсят, низя*), характерный для русской разговорной речи и просторечия, однако присутствуют и полные формы (*нельзя, только, сколько*).

Наблюдается вариативность ударения в словах: *бы́ло – былó, говори́ть – гово́рить, тепло́ – тёпло, положи́ть – поло́жить, моего́ – моёго*. Отмечено также наличие единственного варианта ударения, не характерного для литературного языка: *спáла, бы́ла мама, бы́ла война, по́мерла, пау́ки, глыбо́ко, в горóде*.

Темп речи в целом небыстрый, но изменяется в зависимости от темы и возможности выразить ту или иную мысль. Используются приемы звукового выделения некоторых семантически значимых участков высказывания через интонацию, увеличение силы звука, повышение или напротив понижение тона и удлинение гласного: *Она зовёт меня / Маруся //* (пауза, звательная интонация, повышение тона) [ФА, 2011, РДК 1/7]; *Русска бабушка и русско имени даёть //* – *А бабушка нянчила их? – Ня-а-ниц"ила, ай //* (повышение тона, утвердительная интонация) [ФА, 2011, РДК 2/3]; *Не касается / ниц"о не касается //* *Ты хошь **кого** хвори-аешь / или де-еньги нету / не-е / не касаются / ниц"о не касаются //* *с"о сами / с"о сами //* [ФА, 2011, РДК 2/3]; *Твори́х / пельмени / ишо сметаны //* – *А простокваша, что-нибудь такое? – Простокиша»* (увеличение силы звука) [ФА, 2011, РДК 1/3]; *Одевали не так / как с"иц"ас / новое / да / **с"о** но́во / но́во / раньс"э нет //* *Раньс"э роде как тока.. пра-а-зник / може / када пра-азник / но́во ходи́ / Это ново наде**а**-ать / ново //* *Потом праздник пройде́ть / положить / старое //* *Переменять хорошее платье //* *Не так как с"иц"ас //* *С"иц"ас хоро-шо-о люди живут //* (объяснительная интонация) [ФА, 2011, РДК 1/3].

Лексика

Диалектно-просторечная форма речи Марии находит отражение и в лексическом составе, где наряду с общенародной нейтральной и разговорной лексикой: *морковка, град, стирать, переводчик, котел, картошка, соседка, познакомились, амбар, ленивые, сани, сарай, кушать, баран, пашня, нянчить, колодец, школа* и др., – присутствуют диалектные и просторечные элементы: *баба, чушка, простокíша, зы́бка, барану́ха, шалю́шка, тыкву́шка, за́тирки* (ткань, которая кладется на шкаф, защищает от пыли), *потни́к* (матрас), *телéга* (такси), *у́лы, хáта, но́нче, ка́танки, куфа́йка, ку́рыцы, коёто, чего), далёко, кашва́, бра́вый* (красивый), *зуди́тся, бру́хо, кувши́нка, лито́вка* (коса), *вида́ла, по́мерла, бре́шитц* (о собаке), *приста́ла* (устала), *слыхáла* и др., находящиеся за пределами литературного языка:

Творо́х / пельмени / ишо сметаны / <...> простокі́ша / wc"o умею / wc"o // [ФА, 2011, РДК 1/3]. У меня / у меня сем // Ай / прям беда // Ай / сем / сем / сем // Пять дево́ц"ик / два ... два это ... два сына / два сына // Пять дево́ц"ик / только эта ти'итвѣрта с ... я... дома // Я с"ас с ... / я с"ас к'оло её // <...> Моя маленька дево́ц"ка / я мало-мало прыхворала / она ход... / пришла / три но́ц"и посмотрела мама // [ФА, 2011, РДК 1/4]. Бабушка ко́го говорить / она тоже понимает / понимает // [ФА, 2011, РДК 1/5]. Моя мама нет / моя мама шибко далёко // Далёко / не тута / не к берегу // [ФА, 2011, РДК 1/6]. Дом тута / дети тута / уже с"иц"ас восемят больше годов / куда ишо // Только дождидай тута // [ФА, 2011, РДК 1/9]. – И женщины убежали? – Женшыны / женишыны // Китаес" / один китаец / я помню / ко-ло нас жил один китаец / баба его убежала / две девки / уже девки уже большие / и девки все... // [ФА, 2011, РДК 1/9]. Вот курыцы / а там ти'ушки / посмотрите // [ФА, 2011, РДК 1/10]. Красна / эта яйцы (красные - несушки) [ФА, 2011, РДК 1/11]. Раньс"э это ... там мой сын / ты видáла мой сын / там вот его дом // [ФА, 2011, РДК 2/2]. А тут эта / как ... эта зыбка // С"иц"ас нету зыбка // Есь? // Нетула // [ФА, 2011, РДК 2/4]. Ну тебе нонче сколько лет // <...> Молодая / Ой не похóдить / не похóдишь // [ФА, 2011, РДК 2/10]. – Куфайка / носили / было // <...> – А на ноги что? – Улы <...> – А вот валенки носили или катанки? – Катанки // А были мало / мало // <...> – А платки, на голову платок или что? – Платок^x / шалюшка // [ФА, 2011, РДК 2/16-17]. – Отдохните. – Ниц"о ниц"о / не пристала ишо // [ФА, 2012, РДК 1/6]. Тут кашъва нет / не было / только телега // А зимой сани // [ФА, 2012, РДК 1/30]. С"одня только третий дѣн // [ФА, 2012, РДК 1/21]. Погода кака // Завтри хоро-шая погода // [Там же].

Анализируемый тип речи имеет особенности гендерного плана, что выражается в выборе тем для разговора: здоровье, семья, домашний быт, а также в наличии в речи значительного количества деминутивов, выполняющих как функцию оценки явлений, так и номинативную функцию: *малéнько, шалю́шка, тькву́шка, хороше́нько, рубáшечки, помалéньку, рукави́чки, ло́жечки, я́блочки, яй́чки, теле́жка, кала́чки, оре́шки, ша́почка, ча́шечка*. Активно используются в речи Марии и термины родства: *мама, папа, отец, девочка, девка (дочь), дочь, дочка, сын, муж, мужик (муж), баба (жена), мужина мать, мужин отец, тетя, бабушка, зять, сваха, внук, внучка, свекровка, свёкра (свёкр)*.

В речи присутствует и религиозная лексика, хотя в достаточно ограниченном количестве: *крестик, кре[ишо]на, Христо (Христос), крест[и³]ла, крест, крестó, икона, молилась, Господи, Боже мой*.

Также следует отметить наличие в речи вкраплений из китайского языка, главным образом, имен собственных: топонимических названий городов (Хэйхэ, Буши, Сюнькэ, Шанхай, Харбин), сел (Шандаоган, Сядаоган, Бяньцзян, Чэлу), рек (Хэйлунцзян); имен и фамилий.

Лексический запас информанта недостаточен для свободной коммуникации на русском языке, что заметно при общении и выражается в затруднении при формулировке высказывания, частых переходах на китайский язык. Из-за отсутствия ситуаций общения на русском языке многие русские слова забылись, пополнения лексического запаса новыми словами также не происходило.

Грамматика

На грамматическом уровне в речи информанта отмечены следующие особенности:

1) [т'] в окончаниях глаголов 3 л. ед. и мн. ч. настоящего и простого будущего времени: *живу́ть, малюмало хватáеть и ладно, приезжа́ют, хо́четь, уме́ют, говоря́ть, понима́еть, ду́маеть, пла́четь, продаю́ть, вы́моеть, поспра́еть, кукушка куку́еть, (собака) бре́шеть, приду́ть, едя́ть, утром вста́неть, то́питя др;*

2) довольно частое употребление окончания -е у возвратного местоимения и личных местоимений 1 и 2 л. ед.ч. в Р.п. и В.п.: только *мене* обманывать; *мама мене* говорела Хри-сто; *моя девочка чуть на тебе* походить; *мене* учила; *у мене* ничё не было; *себе* не видать; *мене* сем: два сына, пять дочек;

3) совпадение формы Тв.п. личного местоимения 1 лица ед.ч. я с формой родительного падежа: *мене* будеть ухаживать.

4) употребление личного местоимения 3 л. м.р. ед.ч. И.п. в форме [w]он наряду с он (единичный случай), личного местоимения мн.ч. И.п. в форме оны (часто): *оны́* всё не пони-мають; *оны́* вместе ходили гулять, плясать; ни одну я не била, слушают *оны́*;

5) употребление просторечного варианта местоимений их: ихний: *ихний* дедушка;

6) широкое использование стяженных форм прилагательных, местоимений, числительных: *четвёрта, кака́, жёлта, боу́ты, ру́ска, бе́дны, но́во, ма́ленька, плоха́, кра́сна, дли́нны, така́, не хоро́ше;*

7) употребление глагольного постфикса -ся там, где нормы предписывают использо-вать -сь: *позабыло[с'а], поучили[с'а], вернули[с'а];*

8) формообразование, не характерное для нормированного литературного языка: *дён, ни сколь, яйцы, в прошлом го́де, тридцать годо́в, в по́гребу, крестья́ны, му́жи, цыплёнки, сы́ны, ж[э́]ны, до́чи* (вместо: дней, ни сколько, яйца, в прошлом году, тридцать лет, в погре-бе, крестьяне, мужья, цыплята, сыновья, ж[о́]ны, дочери).

9) употребление словообразовательных суффиксов, частиц и связок китайского языка: *дома сидиба* (吧[bā] – фразовая частица со значением побуждения или предположения); *пер-вая ши брат* (是[shì] – глагол-связка со значением бытийности); *мамы нетула, уже русский нетула, трава нетула* (了[le] – модальная частица, показатель изменения ситуации, обстоя-тельств); *китайцы е есть так делают, на улице е есть подполье* (也[yě] – наречие со значе-нием тоже, также) [18].

В области синтаксиса нередко наблюдается отрывистость повествования, недосказан-ности, нарушение синтаксических связей. Это проявляется в неправильном употреблении форм падежа, числа, рода имен существительных прилагательных, числительных и место-имений, некорректном использовании видо-временных форм глагола, тяготении к употреб-лению инфинитива, неправильном выборе предлогов и некоторых других особенностях.

Так, например, при выборе формы падежа наблюдается:

1) употребление формы И.п. имен существительных, числительных, прилагательных и местоимений вместо форм косвенных падежей:

И.п. вместо Р.п.: *Моя мама* детей сколько (вместо: у моей мамы); *Уже русский нетула* / *всё по-китайски* (вместо: русских); *Феня тож одна дочь* (вместо: у Фени); *Два брата ни*

один нетула (вместо: ни одного); *комары много* (вместо: комаров); *Деньги нету – ничё нету* (вместо: денег); *Я раньше коса така длинна-длинна была* (вместо: у меня).

И.п. вместо Т.п.: *За китайский муж суды приехали* (вместо: за китайским мужем); *Только эта четвёрта с я дома* (вместо: со мной); – *Мария, с кем живете вы? – Моя девка* (вместо: с моей девкой); – *Палочками будете мешать? – Ага / палочки //* (вместо: палочками).

И.п. вместо В.п. *Куфайка носили* (вместо: куфайку); *Ты посмотри наш... моя чушка* (вместо: на мою чушку); *Брат как зовут* (вместо: брата).

И.п. вместо П.п. с утратой предлога: – *На чём висела? – Веровка* (вместо: на верёвке); *Шанхай один, тута один* (вместо: в Шанхае); – *А где живут? Дочь Харбин / тама / Харбин / там учится* (вместо: в Харбине).

2) Р.п. вместо Д.п.: *её сказала* (вместо: ей сказала).

При выборе формы числа:

1) употребление формы числа, не соответствующей норме: *десять день там была* (вместо: дней); *творох, пельмени, ишо сметаны* (вместо: сметана); *моя дочи* (вместо: мои); *раньсе моя волосы длинны-длинны* (вместо: мои).

2) несогласованность по числу подлежащего и сказуемого: *молодые не хочеть //* *Все хочеть погулять* (вместо: не хотят); *ети три када там на русской стороне мало-мало учили* (вместо: учили).

При выборе формы рода:

1) несоответствие родовых флексий в сочетаниях словоформ: *первая брат, мальчиков две, мёд было, тута школа есть маленький, один корова*;

2) употребление личных и притяжательных местоимений одного рода вместо другого: *мой муж, её мама тута Коршуновке; этот муж на берех поидеть на берех / там сидеть / плачеть //* *Её девочки...*; – *Глаза голубые у него почему? – Она на неё (бабушку) похóдить; у моёй ... брата, у его есь; её жена в прошлом годе по́мерла.*

При употреблении глагольных форм:

1) использование инфинитива вместо личной формы глагола:

/ её тёти говорить / (вместо: сказали); *Каша есь / есь / варить / есь //* (вместо: варим); – *Что из нее делаете? – Жарить //* (вместо: жарим); *Квасить в хате / положить в хате / есь квасить //* (вместо: квасим, кладём); *Если хочешь кушать / покупать* (вместо: покупай); *оны не любят / штоб вместе* (вместо: они не любят); *я сейчас ничё не делаю: спать, погулять, походить, приду* (вместо: сплю, погуляю, похожу, приду).

2) неправильный выбор личной формы глагола:

чё наварить / чё и едят // (вместо: наваришь); *восенью бобы убирай и оставить это //* (вместо: убираем и оставляем) – здесь и инфинитив; *када вырастешь большие – замуж – о дочерях* (вместо: когда вырастут).

3) использование несоответствующей видо-временной формы (как правило, формы настоящего времени вместо прошедшего):

Говорить // *Он по-русски умеет //* (муж уже умер); *Маленькие дети все по-китайски говорят / ну и мы тоже по-китайски //* (про себя и мужа в молодости); *Она (мать) зовёт меня / Маруся //* (матери не стало более сорока лет назад); *Раньсе машины нету / всё руками*

//; *Раньше тут есь русская бабушка; Они поехали и не придёт* //; *её звать Гарнёшка, высокая-высокая* (о русской женщине, жившей когда-то в селе).

4) смешение вида глагола: *поискаем, купутили* (вместо поищем, покупаем).

При выборе той или иной части речи также возникают ошибки, в частности вместо наречия используется имя существительное: *(телевизор) вечер смотрю* (вместо: вечером); *Нет / сейчас нету / осень есь* (вместо: осенью).

Кроме того, отмечено употребление притяжательных местоимений вместо личных: *моя свекровка глаза как ваши* (ср. у моей свекровки глаза, как у вас); *а у мамы как твоя* (ср. а у мамы, как у тебя).

При построении предложений наблюдается:

1) Нарушение синтаксических связей, отрывочность повествования, неполнота высказываний: *И не боуаты / и не ... / тоже пашни* //;

Я забыла какой год / прям по-русски / никто не ... / нельзя говорить / низя говорить / люди как по-китайски прямо ... // С какого года я забыла вразу / низя говорить / говорить / тебе китайс"ы ...//;

По-русски кресто' / ес" это... сиц"ас // <...> Не знаю сиц" ... / я уже два года не ходила смотреть / не знаю / сиц"ас ес" не кресто // Раньс"э када хоронили поло ... / и был / было//.

Моя мама .../ она (нрзбр.) / они раньс"э жили шибко бедно / она работала так / (кит.) бараны (кит.) – Пасла? – Ага... корова // – Как пастух? – Пастух / как с"о равно пастух, ага <...> Трудно-трудно было // Када захоц"ить спать – на пашне / на поле / маленько там // Шибко-шибко ...//

2) Неправильный выбор предлогов: *Её муж бедно / усё у карты играет / за это она убежала* // (вместо: из-за этого, поэтому); *Мой большой сын имени / в имени Витя* // (вместо: по имени); – *В китайской школе? – С китайской* // (вместо: в); *Далёко / не тута / не к берегу* // (вместо: не у берега). Нередко опускается предлог *в* с пространственно-временным значением: *В городе есь / Хэйхэ//; Харбин / там учится//; Нет / нет / она сейчас / школе сейчас* //; *А это тут / Китае / Китае //; хозяйстве чушки / коровы.*

Таким образом, исследование грамматического уровня речи информанта показывает наличие значительных отклонений от морфологических и синтаксических норм русского литературного языка. Наблюдается нарушение синтаксических связей, необоснованные замены нормативных грамматических форм другими, не соответствующими норме. Также отмечается формообразование, не характерное для литературного языка. Несоответствие нормам обусловлено, с одной стороны, сохранением усвоенных в детстве диалектно-просторечных особенностей речи, с другой, – длительным влиянием китайского языка и постепенным забыванием материнского языка вследствие недостаточного его использования.

Анализ речи Марии дает представление об особенностях и степени сохранности русского языка первого поколения метисов, проживающих в приграничных районах провинции Хэйлуунцзян (КНР). На данных территориях в начале XX в. селились представители крестьянства, люди, не имеющие образования, носители устной, диалектно-просторечной формы речи. Смешанные браки, доминантный статус китайского языка, неблагоприятная общественно-политическая обстановка в годы Культурной революции не способствовали сохранению и распространению русского языка среди потомков русских эмигрантов. Постепенно

русский язык забывался, уходя в пассивный запас тех, кто получил его в наследство непосредственно от русских матерей. Наша героиня Мария – одна из последних представителей первого поколения метисов, сохранивших материнский русский язык. На всех уровнях ее языковой системы наблюдаются отклонения от норм русского литературного языка. В речи присутствуют диалектно-просторечные особенности, воспринятые от матери, и изменения, обусловленные частичным забыванием русского языка и интерференцией под влиянием языка постоянного места проживания информанта – китайского. Русский язык Марии – это своеобразная мозаика из осколков, в которой, как в зеркале, отражается сложная судьба переселенцев из России и история жизни (или выживания) русского языка как символа их национальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2002.
2. Винокур Т.Г. Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук. М., 1989. С. 361-370.
3. Ерофеева Т.И. Речевой портрет говорящего // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990. С. 90-91.
4. Земская Е.А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. / Отв. ред. Е.А.Земская. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001 а. С.19-340.
5. Земская Е.А. Речевой портрет эмигрантки первой волны (к вопросу об объяснительной силе теории естественной морфологии) // Русский язык сегодня. Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Азбуковник, 2000. С.100-121.
6. Земская Е. А. Речевой портрет эмигрантки первой волны (третье поколение) // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15). С. 196-207.
7. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция. Москва, 20-23 мая 1991г. Доклады. 4.2. М., 1991. С. 69-74.
8. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет: фонохрестоматия. М.,1995.
9. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. № 1. М., 2001. С. 90-106.
10. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009.
11. Русский язык переселенцев в приграничный Китай в середине XX в.: Фоноархив лаборатории региональной лингвистики Амурского госуниверситета. Благовещенск, 2011, 2012.
12. Гордеева С.В. К вопросу о языковой компетенции русских и их потомков в китаеязычной среде (на материале речи потомков русских переселенцев в приграничный Китай) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 363. С. 16–19.
13. Виноградов В.А. Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 197.
14. Юмсунова Т. Б. Фонетическое и морфологическое своеобразие говоров старообрядцев Забайкалья // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1999, № 4, (<http://www.philology.ru/linguistics2/yumsunova-99.htm>).
15. Колобова Э.А. Забайкальские говоры // Энциклопедия Забайкалья, (<http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=2006>).
16. Спешнев Н.А. Фонетика китайского языка. Учебное пособие. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1980.
17. Игнатович Т.Ю. Забайкальские диалекты в условиях современных интеграционных процессов (<http://rudocs.exdat.com/docs/index-261130.html>).
18. Котов А.В. Новый китайско-русский словарь. М.: «Русский язык - Медиа», 2004.

ЯЗЫКОВАЯ ИСТОРИЯ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

**(на материале речи Ивана Михайловича Чан-сы-чана,
село Климоуцы Свободненского района)**

В статье рассматривается языковая компетенция представителей одного семейного рода, основателями которого стали китаец и гольдка. Осуществлено речевое портретирование одного из наиболее ярких представителей рода И.М. Чан-сы-чана, жителя села Климоуцы Свободненского района Амурской области, в область языковой компетенции которого входят русский и китайский языки.

Ключевые слова: речевой портрет, межэтническое взаимодействие, языковая личность, русский язык, китайский язык, языковая компетенция, языковая интеграция

The article deals with the study of one family language competence. The founders of the family under investigation were a Chinese and a Gol'dka. The speech of the most prominent family member, I.M. Chan-sy-chan, the resident of Klimoutsy village in the Svobodny District, who is equally fluent both in Russian and Chinese, has been portrayed.

Key words: Speech Portrait, Interethnic Interaction, Language Identity, Russian Language, Chinese Language, Language Competence, Language Integration.

Интерес к китайской теме в русской культуре особенно велик в наши дни, когда сотрудничество двух дружественных держав приобретает все большие масштабы.

Дальний Восток представляет собой довольно пеструю в этнонациональном и этнокультурном плане территорию. Как отмечает Е.А. Оглезнева, в послереволюционное время российский Дальний Восток оставался чрезвычайно разнообразным по национальному составу регионом, где активно контактировало разноязычное население: славянское – переселенцы и их потомки из России, Украины, Белоруссии; азиатское (так называемые «восточники») – китайцы и корейцы; аборигенное – нанайцы (гольды), удэгейцы, эвенки и др. [1]. Численность пришлого китайского населения была значительной и постоянно менялась вслед за изменениями в российском обществе и в отношениях между Россией и Китаем.

Стабильной формой межэтнического взаимодействия в Дальневосточном регионе являлся смешанный русско-китайский брак.

Ассимиляция иммигрантов-китайцев в иноязычной и инокультурной среде России была в принципе неизбежна, поскольку они постоянно находились в этой среде, адаптировались к ней и не исключали для себя возможности стать гражданами другой страны. Процесс ассимиляции иммигрантов есть не что иное как процесс перехода человека на новый язык и, как следствие, формирование новой языковой личности, владеющей новым языком и адаптирующейся к культуре той страны, в которой он находится. Что касается сохранения родного языка и культуры иммигрантов, то это зависело от их возраста во время иммиграции, идеологической обстановки и дальнейших усилий по сохранению коренного языка и культуры в стране иммиграции.

Многонациональный род Чан-сы-чан – наглядный пример сосуществования в одной семье китайской и русской культур, что было вполне закономерно для российского Дальнего Востока.

Генеалогическое древо рода Чан-сы-чан (на июнь 2012 г.) состояло из 131 человека, включая детей до одного года: всего 59 мужчин и 72 женщины.

Основателями рода можно считать Антонину Михайловну Тичен, по национальности гольдку, и Михаила Чан-сы-чана – по национальности китайца.

Антонина Михайловна в 1910 г. родилась в селе Чугуевка Чугуевского района Приморского края, умерла в 1986 г. в России.

Михаил Чан-сы-чан родился в 1890 г. в провинции Шаньдун (Китай), умер в 1957 г. в России.

Пятеро их детей (Иван, 1935 г.р.; Михаил, 1940 г.р.; Федор, 1942 г.р.; Любовь, 1945 г.р.; Надежда, 1948 г.р.) имеют ярко выраженную азиатскую внешность: смуглый цвет кожи, черные прямые волосы, большие скулы и характерный разрез глаз. Все дети Михаила и Антонины получили среднее образование. Китайским языком владеет только старший сын Иван Михайлович.

Представители третьего поколения рода (в основном 1960-х гг. р.) также имеют выраженную азиатскую внешность, но уже сглаженную славянскими чертами. Это обусловлено тем, что члены семьи женились на славянках или выходили замуж за славян (обычный выбор – блондины и блондинки с голубыми глазами).

Большинство представителей третьего поколения рода также имеют среднее образование, занимаются сельским хозяйством, если проживают в селе, и задействованы в сфере производства, если проживают в городе.

Иван Михайлович Чан-сы-чан, старший сын Михаила и Антонины, имеет пятерых детей: Юрия – 1958 г.р., Константина – 1960 г.р., Николая – 1962 г.р. (умер в 1983 г.), Сергея – 1964 г.р., Андрея – 1966 г.р.

У Михаила Михайловича Чан-сы-чана, второго сына Михаила и Антонины, – трое детей: Валерий – 1966 г.р., Виктор – 1967 г.р., Евгений – 1968 г.р. Валерий, старший сын Михаила Михайловича, владеет китайским языком. Это приобретенная языковая компетенция, связанная с прохождением военной службы в специализированных войсках.

Федор Михайлович Чан-сы-чан, третий сын Михаила и Антонины, имеет шестерых детей: Галину, Татьяну, Алексея, Ольгу, Сергея, Наталью.

Дочери Михаила и Антонины, Любовь Михайловна Чан-сы-чан имеет двоих детей: Андрея и Александра; Надежда Михайловна Чан-сы-чан – троих детей: Елену, Светлану, Владимира.

Четвертое поколение рода (1980–90-х гг. р.) – это многочисленные дети, подростки и молодежь в возрасте до 29 лет разного уровня образования. Несколько человек изучали китайский язык в специализированных языковых школах и в университете.

Семья Михаила Чан-сы-Чана и Антонины Тичен была создана в 1935 г. в селе Чугуевка Чугуевского района Приморского края России. Село Чугуевка находится недалеко от Китая, и многие китайцы еще до революции приезжали на заработки на российскую территорию.

Михаил Чан-сы-чан был наркоторговцем и старателем на золотом прииске, «купил» свою жену Антонину Тичен за долги ее семьи, также связанные с торговлей наркотиками.

У Михаила Чан-сы-чана родственники и первая семья остались в Китае, в Россию он приехал один на заработки. В Китае у него остались дети от первого брака. Примерно в 1930 г. в Россию приезжала его сестра, некоторое время жила здесь, но вскоре вернулась назад, в Китай.

О предках Антонины Михайловны известно лишь то, что у нее была бабушка, известно также о трех братьях Антонины: Василии, Кузьме, Трофиме. Информации о матери не сохранилось, кроме того, что именно мать была инициатором «продажи» дочери за долги наркоторговцу, и в своих рассказах Антонина Михайловна старалась никогда не упоминать о ней.

В Приморье, в селе Чугуевка, в 1935 г. родился первый сын Антонины и Михаила – Иван, остальные дети родились уже в Амурской области.

До 1936 г. семья поддерживала связь с Китаем, шла личная переписка, поскольку у отца там осталась первая семья, сестры.

В 1957 г. семья Михаила и Антонины собиралась покинуть Россию и уехать в Китай (в то время заговорили о закрытии государственной границы между Россией и Китаем). Михаил Чан-сы-чан подавал запрос в Москву на получение виз, но перед самым отъездом, 31 мая 1957 г., он внезапно умер. Семья осела в посёлке Коболдо Селемджинского района Амурской области (прииск «Семертак»), где в то время старшие сыновья занимались золотодобычей. В Селемджинском районе семья проживала до конца 1957 г.

В конце 1957 г. семья подверглась репрессиям и была депортирована в посёлок Экимчан, затем в посёлок Февральск. В 1965 г. многодетная семья в поисках школы для трех несовершеннолетних детей – Любви, Надежды, Федора – переехала в село Климоуцы Свободненского района Амурской области.

Антонина Тичен вышла повторно замуж за Сергея Гаофа, китайца по национальности. Совместных детей у них не было.

История данного рода интересна не только в этнокультурном отношении, но и в языковом. В рамках семейного рода произошло столкновение нескольких языков. В область языковой компетенции представителей рода входили следующие языки: русский, украинский, китайский и, предположительно, гольдский (нанайский). Русским языком владели и владеют все члены рода Чан-сы-чан (Иван, Федор, Любовь, Надежда, Михаил и др.). Разговорной формой китайского языка из представителей второго поколения рода владеет только Иван Михайлович, старший сын Антонины и Михаила: он является старшим ребенком в семье и лучше других сохраняет семейные традиции, в том числе языковые. В период его детства и юности открытых гонений на китайцев не было, и, поскольку для матери и отца русский язык не был родным, в семье говорили по-китайски.

Другие представители второго поколения на китайском языке не говорили, что обусловлено проживанием семьи на русскоязычной территории, в русскоязычной среде, и другими социальными факторами.

Третье поколение рода не владеет китайским языком. Это связано, по мнению членов семьи, с презрительным отношением к китайцам со стороны русского населения: «Я до чет-

вертого класса была Чан-ун-чан, а потом поменяла – мне сказали поменять... Раньше презирали. Вот это вот (муж) и то презирал, все время обзывал: – Фазанка!» (Белоусова В.В.).

Четвертое поколение рода в большей своей части не владеет китайским языком, только несколько представителей этого поколения знают китайский язык, поскольку изучали его специально, но не в семье (например, Белоусова Елена Валерьевна получила высшее образование на восточном отделении факультета международных отношений Амурского государственного университета).

Иван Михайлович Чан-сы-чан знает и сохраняет в своей памяти традиции родителей. Например, так рассказывает о встрече Нового года: «У них (китайцев – авт.) праздник китайский на март, вроде, Новый год, китайский. Отец... был у него друг один на кирпичном заводе, когда я с ним еще работал на кирпичном заводе, Чю его звали, он старше отца был, друзья они были хорошие. Вдвоем работали: он и отец. Фамилия Чю, а вот имя не помню. Хороший мужик был. Как Новый год, я помню, отец соберет нас и мы идем в гости, он (Чю – авт.) нас ждет: подарки, деньги, это нам дает. Сидим кушаем».

Иван Михайлович помнит слова китайского языка и факты из прошлого: так, он описывал китайский праздник Весны, который отмечали в семье. Китайцы (друзья Михаила Чан-сы-чана) собирались в доме родителей, готовили пельмени, играли в китайские карты (предположительно, игра «Го» – авт.). В его речевом обиходе китайские слова («фанза» – хата, «куня» – девушка, «дэда» – отец и т.д.).

Китайская лексика была усвоена информантом в семье и в настоящее время выявляется в воспоминаниях Ивана Михайловича о прошлом. Например: *А помнишь, что выращивали родители на огороде? – Лука много выращивали, капусту, лобу. Это редька китайская.*

Многие лексические единицы в произношении информанта сохранили свой исконный фонетический облик ($t^{(x)}$ а тян – кашеная соя, $t\dot{e}$ зэ – пельмени, $t^{(x)}$ удо – картошка).

Таким образом, языковая личность Ивана Михайловича Чан-сы-чана представляет собой вариант языковой интеграции: иммигрант принимает новую культуру и хочет войти в новое общество и вместе с тем стремится сохранить свою идентичность и не потерять связи с родной культурой. Знание родного – китайского – языка является одним из основных условий сохранения культурной и национальной идентичности, а по национальному признаку Иван Михайлович считает себя китайцем.

Третье поколение рода не знает китайского языка и китайских традиций. Представители этого поколения говорят о себе как о русских, соблюдают русские традиции и обычаи.

Четвертое поколение рода обладает приобретенной национально-культурной компетенцией. Это обусловлено экстралингвистическими факторами: проживанием в пограничном с Китаем российском городе, частыми контактами с представителями соседнего государства в повседневной жизни и т.д.

Таким образом, семья Чан-сы-чан представляет собой интересный пример языковой истории, естественно возникшей в поликультурном регионе. Михаил и Антонина – основатели рода, владели китайским и гольдским языком соответственно как родными языками, но находились в среде русского языка. Языком семейного общения был русский, а вне дома коммуникация происходила на русском языке. Из пятерых детей только старший сын сохранил китайский язык: в детстве он общался с родителями только на китайском языке, до

настоящего момента помнит лексику китайского языка, строит предложения на китайском языке в соответствии с нормами китайской грамматики, фонетики и просодики, однако основным его языком является русский язык – язык социальной среды, а китайский язык перестал быть востребованным в повседневном общении. Для всех остальных представителей большой семьи единственным и основным языком коммуникации стал русский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оглезнева Е.А. Русско-китайское взаимодействие на Дальневосточных территориях России: Историко-лингвистический очерк // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 8, специальный. Русско-китайское взаимодействие в Дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2010. С. 6-25.

ТЕКСТЫ И КОММЕНТАРИИ

Чан-сы-чан Иван Михайлович, 1935 г.р.

Амурская обл., Свободненский р-он, с. Климоуцы

Записала Е.В. Белоусова, 2010-2011 гг.

Обработали Е.В. Белоусова, Н.Г. Архипова, 2010-2011 гг.

Комментарии: Н.Г. Архипова, Е.В. Белоусова

«Я, считай, первый, кто русский язык учить начал»

– *Что ты² помнишь с самого начала?*

– Бабушек и дедушек не знаю. Китайцы, я не вспомню, откуда чего? Граница была открыта, они и шли.

Отец был китаец. Приехал из Китая, провинция Шаньдун, а мать была приморская, они там и сошлись, в Приморье. Мать по национальности гольдка. Матери было шестнадцать лет, когда она меня родила. Отец очень хороший был, трудолюбивый.

Отец задаст вопрос по-китайски – я ему отвечаю. Как могу, так отвечаю.

– *А что спрашивал?*

– Ну что, «Где?», «Как?», «Мож, подать чё?»

– *А вас как звал?*

– Куня – это девка, сёза⁽⁹⁾ – это парень. Баба Тоня второй раз вышла замуж, мы его не звали дядя Серёжа, мы звали его «дэда» - по-китайски отец.

– *Мать говорила по-русски?*

– Мать говорила по-русски и по-китайски. С отцом по-китайски говорила, а с нами – по-русски: она нам скажет – мы ответим ей. Я по-китайски ничего уже! Раздыбал (забыл – авт.). Я не разговаривал уже давно. Еще бы год-два с отцом (прожили – авт.) – я б лучше говорил. А так с отцом работал в тайге зимой, я с ним только работал: зимой дрова, дрова, дрова, лес, и чурками катали.

А летом – на кирпичном заводе работали, вдвоем с отцом работали. Китайцев там мало был – двое или трое, остальные были все русские.

² Е.В.Белоусова, записавшая беседу, – представительница рода в четвертом поколении, поэтому употребляет в беседе «ты» родственное.

Как весной, так дрова пилим, колем – деньги зарабатываем, летом – кирпичи.

– *Золото китайцы добывали?*

– Все с золотом раньше все китайцы были. Я помню, в Коболдо (Селемджинский район – авт.) отец с одним китайцем рыл золото. Того китайца так потом и завалило в яме: шор пробили, отец сам хотел идти – тот не пустил, он старше был, сам пошел, полез в эту яму, там пока работал, завалило его. Полностью яму завалило, ну что отец один там сделает – так и похоронили там. Так золото рыли они долго, вдвоем. Раньше золото легко было сдать, бонны были. Раньше старателями все назывались, старались сами вот и старатели.

– *А как семья жила?*

– Как они жили, я мало помню, во время войны все плохо жили: отец все время на работе, как уйдет с рассветом – мы спим, приходит – мы ложимся спать. Мало видали мы его во время войны. То уедет, то там заработает, то там заработает. Увезет меня лук продавать. Так вот и жили. Зимой нарубит табак, мешок-два и уезжает к этим, к тюремщикам, в лагеря продавать – продаст там, видишь, два-три мешка хлеба (плачет – авт.). Туго было. А потом еще национальное преследование.

– *С русским как общались? На русском языке?*

– Пытались они. Где с русскими – потом стали понимать, и он (отец – авт.) стал понимать немного. Общались по-русски.

– *А помнишь слова, какие китайские отец произносил, как вещи называл?*

– Отец вообще мало говорил, молчаливый был. Он только чё, когда за столом сидит, говорил: «*Мя^(е)нь бао* – это «хлеб подай». *Не^(ю) най*, – это «налей молока». Налей молока мене. Вот так и понимали помаленьку. Сейчас забывать стал эти дела.

– *А какой отец по характеру был?*

– Хороший отец был, спокойный, трудолюбивый. Мама рассказывала, она утром спит, он в четыре утра, уже пол-оурода вспахал, окучит, прополет и на работу уйдет, мы его не видим.

– *А что в огороде выращивали китайского традиционного?*

– Лобу, капусту, лук, лука все время много садили! Лобу для себя садили. А ты видела китайскую капусту? Длинная такая, высокая, листья широкие, длинные, вкусная такая!

– *А что готовили?*

– Жарили, тушили эту капусту, китайское блюдо. Лоба тоже китайская была, укропы, петрушки эти. Китайцы всё сеяли. А лук – как весна, так на базар. Я ходил. Отец наготовит, наготовит – навяжет мне, и я пошел на базар. На базаре день-полдня просидишь, поторуюешь.

– *Как относился к девочкам в семье?*

– Ко всем одинаково относился, всех любил! Три парня было и две девчонки, три даже было, третья померла – ошпарилась, Валя. А вот Люба, Надя... уважал их сильно. Любил всех своих детей.

– *А про китайскую семью рассказывал что-нибудь?*

– Баба Тоня рассказывала Анне (жене И.М. – авт.), а я с отцом был все время, мать-то нам об этом не говорит. Мы учимся себе, работаем.

– *Дядя Ваня, а ты умеешь писать по-китайски?*

- Не-е, я даже знать-не знаю.
- *А дед (отец – авт.) писал?*
- Да, дед писал, дед писал! Он письма писал туда, в Китай своей жене по-китайски всё и(е)роглифами... А говорил постоянно только по-китайски. Только по-китайски. А на работе, когда в стороне, с чужими, он говорил по-русски, как мог. И то мало говорил по-русски. Кто знает, тот его и понимает, а кто не знал, тот и не понимал, что он там скажет.
- *А как одежду называл, помнишь?*
- Не помню, забывать стал. Я даже не скажу сейчас. Даже не припомню.
- *А инструменты, вот золото мыли, как что называл?*
- Лоток. Это по-русски, а по-китайски не знаю.
- *А животные, кошки-собаки?*
- Я знал раньше, сейчас не помню.
- *Вспомни, как день ваш проходил, что делали?*
- Сразу где хозяйство. Пойдем, огород садим, где воды принести, где дрова принести, домой приготовить – вот это все мы делали сразу, а потом уйдем. И уходим, гуляем, она (мама – авт.) нам наказывает: в такое-то время придите домой, будем работать опять.
- *А мама говорила на гольдском?*
- Нет, только на китайском – с отцом.
- *А ты все понимал, что они с отцом говорили между собой?*
- Нет, не все. Я много-то и не разговаривал, дома не бывал: то там, то там. Они все сами разговаривали. Сейчас я уже не помню, о чем они говорили – о хозяйстве.
- *Какие праздники китайские отмечали?*
- У них праздник китайский на март, вроде, Новый год, китайский. Отец... был у него друг один на кирпичном заводе, когда я с ним еще работал на кирпичном заводе, Чию его звали, он старше отца был, друзья они были хорошие. Вдвоем работали: он и отец. Фамилия Чию, а вот имя не помню. Хороший мужик был. Как Новый год, я помню, отец соберет нас и мы идем в гости, он (Чию – авт.) нас ждет: подарки, деньги, это, нам дает. Сидим кушаем.
- *Что кушали?*
- Пельмени они готовили, соляночки все делали, картошку. Пампушки особенные были у них. По китайским рецептам делали, баоцзы они делали, фаршированные. А пампушки пустые были. Баоцзы вкусные, хорошие были, с фаршем делали их, парили. Пельмени они делали, большинство любители были. Посидят... Но выпивать они не выпивали. Они не пили, так посидят, поговорят меж собой, и мы потом домой идем. Песен не пели. Я такого не слышал. Я знаю, что когда они там соберутся, китайцы, четыре-пять, в зимнее время делать нечего, вот они сидели в карты играли. Карты такие интересные были, такие узенькие, длиной такой (показывает, около 25 см – авт.), пачка большая такая, вот они играли. Карты не знаю, как назывались. Ой, там и(е)роглифов всяких-разных. Как они понимали, не знаю. Наши вот карты мы берем шесть штук и все, а они – аж в руки не вмещается. Они узенькие такие, веер как положит себе. И гадай, какой-чѐ давать!?! Долго они играли в это дело.
- *Не на деньги играли?*
- Не знаю, денег мы не видали. Палочки какие-то лежат. Денег не было там. Это в зимнее время, а больше не играли никогда – работа да работа.

– *А почему у вас русские имена?*

– Ну, потому что мы среди русских были, все вокруг русские, говорили по-русски, вот отец решил так назвать. Меня он Т^(х)ушин называл, Т^(х)ушинка. Это китайский «Иван». Это я помню, как он звал меня. А младших никак не называл. Я только один его понимал.

– *А звал тебя сыном?*

– Не, он понятия не имел такого «сын», он по имени крикнет и все, а там больше никак не называл.

– *А национальные блюда еще какие готовили?*

– Так мало продуктов было. Вот они три-четыре китайца соберутся, у кого что есть и готовили: раз-раз-раз, пельмени сделали, отметили (праздник – авт.), покушали и разошлись. Вот это они часто делали. Собирались кучкой так. Пельмени *тэзэ* назывались.

– *А ингредиенты?*

Мука – ме^(я)нь, вроде, мясо, не помню как даже. Картошка называлась т^(х)одо. Чеснок растили, но мало... Они делали солянки, потом, эту квашеную сою делали – т^(х)а тьян – соленая, кислая така. Ее, правда, много не съешь, но помаленьку – вкусная такая. Аппетит придает. Это делали они. Это и приправа была... фасоль, ее и сейчас растим китайскую, она только тушится. Лоба – это по-китайски.

– *Вы болели в детстве?*

– Болели гриппом, корью болели. Все болели корью.

– *Родители знали рецепты лекарств? Чем лечили?*

– Отец больше делал, у него первое лекарство было: вот заболит человек, нагреет водки, перцовки – наливает полстакана-стакан: «Выпей!» Прямо через силу выпьешь, одеваешь курточку и в постель, пропотевашь на нет. Наутро смотришь – всё, здоровый! Пива не было раньше, кваса тоже.

– *А что пили?*

– Чай-то постоянно пили, молоко пили. Когда в тайге работали, снег разгробешь, чайник поставишь на костер, снег разгробешь, нарвешь бруснички, в чайник кинешь – такой вкусный чай! Пообедаешь, попьешь и опять работаешь. Вот это мы постоянно делали с отцом.

– *А как отец бруснику называл?*

– А в Китае не было брусники. Только здесь, на Дальнем Востоке была. Так и говорили брусника.

– *А другие растения, ягоды?*

– А другие-то тут не росли.

– *А домашних животных как называл? Быка, корову, свинью?*

– Это все по-китайски говорил, но я уже не помню, как. О скотине он все с матерью говорил. А мать нам говорила по-русски: идите то накормите, идите то накормите. Вот мы делали.

– *А откуда мать китайский знала? Она выучила пока с отцом жила?*

– Нет. Их этот язык (гольдский – авт.) он же сходный. Как у украинцев с русскими. А Приморский край там все гольды были, все гольды. У гольдов и(е)роглифы тоже, как у них (китайцев – авт.). Говорили, но мать была неграмотная.

- *А отец?*
- Отец у меня писал и читал по-китайски. Были китайские газеты. Наверное, с границы привозили, передавали, по-моему, в то время уже передавали газеты с Китая.
- *А ты их понимал? Умел читать?*
- Нет, я только видел. Даже сам дед потом, баба Тоня на него ругалась: «Ты ж одни заголовки только читаешь, а мы деньги тратим!»
- *А дорого было выписывать газеты?*
- Не помню я.
- *А ты видел китайские деньги?*
- Нет. Никогда. Юани они звались, но не видел никогда. А покупали на боны. Обменивали. Боны – это золото. Это были наши местные деньги. Раньше все на золото рассчитывались. Это сейчас можно на любые деньги поменять. Раньше никто и не знал, какие деньги были.
- *А всегда родители в селе жили? В городе никогда не жили?*
- Нет, никогда. Всегда в селе жили.
- *А гонение со стороны властей было?*
- Не, нас не гоняли, но наблюдали всегда. Тайком, вообще, ничё не говоря, посмотрят, проверят что к чему. И все... Относились раньше плохо, русские, в большинстве подозревали всегда. В институт было не поступить, в техникум не поступить.
- *А сколько лет вы учились вообще и где учились?*
- Я – четыре (класса – авт.), а эти, Мишка пять кончил, Любка с Надькой – семь. А Федька вроде и тех не кончил.
- *Учились в русских школах?*
- В русских, в русских. Мне досталось больше. Я старший. Школа дальше не пошла мне. Работать-работать мне надо было. И учеба трудно шла, не помогал никто – я первый. Сам всё. Мать неграмотная была, отец нерусский. Кто б помогал? Считаю, первый, кто русский язык учить начал. А если б отец жил, общался бы, школа-школой, а то с отцом все время был.
- *А охотой или рыбалкой занимались с отцом?*
- Отец не любитель. Только любил рыбачить. Сетки, сетки и сетки ставил.
- *А как снасти называл по-китайски?*
- Это я не помню. Он рыбачил, сетки сплетет сам... Я умею плести сетки. Ну как плести? Челнок делается, и сидишь плетешь, вяжешь. Лески не было. Нитки десятый номер были. Покупали.
- *А нитки не путались?*
- Не, сетки вяжут и им ничё. Собираешь их спокойно, попл(а)вки, грузила...
- *А одежду национальную у матери и отца помнишь?*
- Не, не видал. Мы жили так: кто что мог, тот так и одевался. Так и ходили... Что они купят меж собой, мы и не знаем. И все. В то время все одинаково ходили.
- *А сейчас не отмечаете китайский новый год?*
- Не-а, раньше старики собирались. К китайцу тому Чию ходили. А Ин Жен Фу к нам ходил. Тоже друзья были отца. У них тоже семьи была, они тоже в Китай собирались – ста-

рые. В пятидесятые годы они почти все уехали, бросили своих русских жен и уехали. Тогда же можно было, давали вызов и уезжали. Деду тоже дали согласие, он должен был на границе стоять. А мать всегда спрашивала: «Ну, как я там буду, там жена твоя и я. Как будем?» – «Вы будете как сестры. У нас, в Китае, разрешено». И мать согласилась, документы собрали, и тридцать первого мая должны были быть на границе, а отец как заболел и все. Они написали куда-то, им дали три месяца отсрочки, а он и помер. В общем, они не успели. А китаец был, Вася, он уехал. Письма писал оттуда. Вот они уехали в Китай, а там в 60-е годы была голодовка, они в основном что ели – сяоцизу, чумизу. Чумиза крупа такая была, китайский ячмень. Мать говорила, это ее слова: «Вовремя он сдох! Хоть я с ним и хорошую жизнь прожила». Она сразу не хотела ехать, он ее уговорил.

КОММЕНТАРИИ

Фонетика

1. В речи информанта под ударением различается 5 гласных фонем <a>, <o>, <y>, <э>, <и>: *ма́ть, пото́м, тут, не́бо, пи́ли*.

2. Произношение гласных неверхнего подъема после твёрдых согласных совпадает с литературной нормой, лишь в ряде случаев встречается произношение [o] на месте /o/ в безударной позиции, что свидетельствует о наличии рудиментов оканья: *пойдем, понеси*.

3. После мягких согласных гласный в первом предударном слоге произносится по модели иканья: *т[и]бя, м[и]ня*.

4. Фонема /г/ реализуется как взрывной [г]: *[г]одика, при[г]нал, о[г]ород*, и как фрикативный [γ]: *тор[γ]ует*.

5. Сочетание [кт] произносится как [кт]: *кто*.

6. Долгая глухая шипящая фонема произносится твердо – [ш:]: *е[ш:]о, [ш:]авель*.

7. Фонема /в/ реализуется по-разному: в позиции между гласными – губно-зубной [в], в начале и в конце слов, а также перед глухими преимущественно как [ў]-неслоговой: *ко-ро[в]а, коро[ў], ў нашей деревне*. Однако эти особенности несистемны: например, *[ў]сё* и *[фсё]*.

8. Аффриката /ч/ произносится мягко: *[ч']еловек, от[ч']ество*.

9. Слово «что» произносится как *што* и *чё*.

10. Регулярно встречается диэреза на стыке согласных: *тр'и(ð)цат', ко[г]да, и[е]роглифы*.

Необходимо отметить, что вышперечисленные особенности речи информанта несистемны, в одних и тех же позициях может проявляться вариативность, обусловленная тем, что, хотя информант всю жизнь является жителем села, но ближайшее окружение – дети, родственники – являются носителями литературного языка, который, безусловно, оказывает нивелирующее воздействие на диалектную речь информанта. При произношении китайских слов в речи Ивана Михайловича соблюдается фонетический и просодический стандарт китайского языка: *Мя^(e)нь бао; Не^(to)най*.

Морфология

11. У существительных м.р. в Р.п. ед.ч. нередко встречается флексия –у: *с колхозу, из дому, из лесу*.

12. Частотны постпозитивные частицы **-то** и **-ка**: *я-то, отец-то, он-то, мой-то*.
13. В В.п., Р.п. и Д.п. встречается употребление личного местоимения 1 лица в форме *мене*: *он мене говорил*.
14. Отмечено употребление стяженных и нестяженных форм прилагательных: *хорошая, дорогая, крепкая, маленька, ширóка*.
15. В возвратных глаголах на месте литературного **-сь** часто использует постфикс **-ся**: *родилися, женилися*.
16. Отмечено употребление существительных женского рода в форме мужского: *шор – шора*.
17. Встречается употребление существительных *Singularia tantum* в форме множественного числа: *Лоба тоже китайская была, укропы, петрушки эти*.
18. Отмечены случаи употребления неодушевленных существительных в форме одушевленных: *лука садили*.

Синтаксис

19. Отмечено наличие чужой речи в авторском тексте: *«Мя^(e)нь бао – это «хлеб подай»*. *Нё⁽ⁿ⁾ най – это «налей молока» – так говорил*.
20. Наличие неполных предложений: *«Мука – ме^(s)нь, вроде, мясо, не помню как даже»*.
21. Отмечено ненормативное для литературного языка предложное управление в словосочетаниях, например: *кому с вас, пошла **по** детей, принесу с лесу дров*.

Лексика и фразеология

22. На лексическом уровне в речи информанта отмечается просторечная, диалектная и специальная лексика:

Боны – денежные эквиваленты

Голодовка – голод

Зваться – называться

Знать – помнить

Катать чурками – заготавливать лес короткими бревнами, чурками

Наказать – дать наказ, напомнить

Пампушки – приготовленные на пару круглые сдобные булочки

Помаленьку – немного

Помереть – умереть

Пустой – без начинки (об изделии из теста)

Раздыбать – забыть

Рыть золото – заниматься кустарной золотодобычей шахтенным способом

Сдохнуть – умереть

Скотина – (собир.) домашние животные и птицы

Слыхать – слышать

Собраться кучкой – собраться вместе

Сойтись – создать семью, жениться

Стараться – заниматься промыслом старателей, добывать золото кустарным способом

Туго – трудно

Тюремщик – надзиратель в тюрьме

Шор – горизонтальная шахта в горной породе, предназначенная для добычи золота

23. В рассказах о прошлом на русском языке отмечена китайская лексика:

Баоцзы – приготовленные на пару круглые пирожки с мясо-растительной начинкой

Куня – девушка

Лоба (лобо) – редька китайская

Мя(е)нь бао – хлеб

Нё^(ю) най – молоко

Сёзэ – юноша

Т^(х)а тян – квашеная соя

Т^(х)удо – картошка

Т^(х)ушин – китайское мужское имя

Тё зэ – пельмени

Юань – наименование китайской денежной единицы

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЯЗЫКЕ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ДИАЛЕКТА

В статье рассматриваются записанные в Приамурье диалектные тексты, содержащие размышления диалектоносителей о своей речи, с точки зрения их смыслового наполнения и особенностей структуры. Отмечена актуальность концептуальных оппозиций «раньше – сейчас» и «свой – чужой» в текстах указанной тематики.

Ключевые слова: амурские говоры, диалектная коммуникация, метаязыковая функция, традиционная речевая культура, языковая личность

Dialect texts recorded in the Priamurye is the empirical data for the study. The texts contain dialect speakers' reflections on their speech, its content and structure. The texts analysis suggests the importance of cognitive oppositions "before – now", "own – alien".

Key words: Amur Dialects, Dialect Communication, Metalanguage Function, Traditional Speech Culture, Language Identity.

«Рефлексивность языка (т.е. возможность мысли и речи о языке с помощью его же лексико-грамматических средств) – это одна из тех семиотических универсалий, которая отличает язык людей от языка животных» [1, с. 21], поэтому изучение способов реализации метаязыковой функции языка, как представляется, относится к числу перспективных направлений лингвистических исследований. Кроме того, подсистемы одного и того же языка могут различаться составом и функциями метаязыковых средств [см. 2]. Диалектный язык является одной из семиотических подсистем национального языка и, следовательно, может характеризоваться своеобразным набором и функционированием текстовых показателей рефлексивности. Факторами варьирования могут быть социолингвистические, культурно-языковые и индивидуально-психологические особенности речи.

До настоящего времени рефлексивность диалектной речи изучалась в основном в аспекте метаязыкового сознания коллективной и, реже, отдельной языковой личности носителя диалекта. Большой вклад в разработку данной проблемы внесли представители Томской и Саратовской лингвистических школ (работы О.И. Блиновой, А.Н. Ростовской, Е.В. Иванцовой, Л.Г. Гынгазовой, Т.А. Демешкиной, В.Е. Гольдина, О.Ю. Крючковой и др.). Данное исследование метаязыковых средств диалектной речи проведено нами на материале записей русских говоров Приамурья, сделанных в ходе диалектологических экспедиций 2000 – 2010 гг. преподавателей и студентов Амурского государственного университета в села Амурской области. В качестве метаязыковых нами рассматривались как прямые (эксплицитные) оценки речи, так и различные вставные дискурсивные компоненты, поэтому проявление метаязыковой функции в данном случае понимается широко и включает, вслед за Н.Б. Мечковской [1, с. 20-21], широкий круг явлений: 1) высказывания поясняющего характера; 2) «текущие» вставные характеристики речи, даваемые самим говорящим (вводные клише);

3) все лексико-грамматические средства, с помощью которых люди говорят о языке: средства различения «своей» и «чужой» речи, обозначения процессов и участников речевого общения, названия проявлений речи, языковедческая терминология, языковая игра.

Проанализированный материал показал, что метаязыковая функция реализуется в диалектной речи прежде всего в виде элементов поясняющего характера, средств, маркирующих речь по шкале «своя» – «чужая», а также в виде дискурсивных элементов вводно-модального характера. Другие виды языковой рефлексии менее частотны. На наш взгляд, это объективно, поскольку появление различных оценок речи связано с нарушением ее автоматичности, обусловленным особыми условиями общения.

1. В первой группе рассмотрим собственно рефлексии о языке:

*М.К.: Сейчас перядача ийшла по телевизяру, я ў хату уйшла, украинский язык и русский. Дак вот ўсё равняли. Один каже: русский нравится, а други – украина. **Один мужик ўвора:** яны ж ти самыя, токи **о це** вы языки, **о це** крывлаете.*

– Что делаете?

*М.К.: Наши ... **русские говорят по-русски, а это по-украински: «о це, хаце, маце».** Вот оны там спорыли. Выпиwali там, сядели за столом.*

– А вам больше русский или украинский нравится?

М.К.: Я русская. У мене паспорт, чисто русская.

– А у вас в речи много украинских слов.

*М.К.: А ты знаешь, моя Уаля училась у одиннадцатом классе, так ёй оценку снижали. От пятоуо класса. **Як я ўомону, такь ёна и пиша. Понял? И учитель мене вызывал. Ну шо, я уж ўвораю, своей рэчи не изменю.** Вот таки, деточки, дяла (М.К. Плакса).*

Метаязыковая функция реализуется через 1) номинацию говорящего (*один мужик, русские, они*), 2) метапоказатели – формы глагола *говорить* (*говоря, говорят*), синоним – *гомонить*, 3) элементы вводно-модального характера (*дак вот, о це, ты знаешь*), 4) дейктические показатели *ёй, своей, таки*, 5) оценочную лексику *кривляете*, 6) передачу чужой речи *это по-украински: «о це, хаце, маце»*, 7) эксплицированную оценку собственной речи *я уж ўвораю, своей рэчи не изменю*.

2. Очевидно, что общение диалектоносителя с диалектологом представляет собой особую коммуникацию, при которой автоматизированный характер речи неизбежно нарушается. Результатом и одновременно показателем особых условий общения, показателем того, что коммуниканты владеют разными культурно-речевыми кодами [2], становятся метавысказывания поясняющего характера, например:

– *А родители по-белорусски разговаривали?*

М.В.: Да сначала то, а потом уже чё ж, смешалось...

– *А не понятно, Михаил Власыч, смотрите, все приехали с Украины, с Белоруссии, а говорят тут все по-русски, Почему?*

М.В.: Ну потому, все же от русских! Ну смесь же идет!

– *Михаил Власыч, ну смотрите, десятый год, Советского Союза никакого нет, приезжают украинцы, белорусы и начинают говорить по-русски?*

М.В.: И ... и находили все общий язык! (М.В. Хлыстов).

Или:

Мать моя, значит, э, фамилия у ей – Никимюк. Вот это, как называют это, не знаю я, а отец-то – Банькóвский. Это уже поляк, наверно. Вот, а-а, мать, я не знаю уже как, как называется, их...

– Да кто его знает... <...>

А.К.: Как-то, как-то уо́бряют, что и все больше были: Фесю-ук, Тарасю-ук, Корнелю-ук, Сидорю-ук. Вот такие всё фамилии были́. Всё на «ю», вот. А таких-во фамилий вот был, был: Банько-о́ўский, Высо-оцкий, Баро-оўский, во-он, Кудёверский. Пять фамилий таких было только (А.К. Сергиенко).

Показательно, что носитель диалекта, осознавая наличие у своего собеседника иного речевого кода, в ходе дальнейшего общения самостоятельно, без дополнительных запросов, «де-автоматизирует» (О.Ю. Крючкова) свою речевую деятельность. Например:

Да, места у нас ничего, красивые. Голубика у нас есть, где марь хорошая, так ее много растет. Марь – это болотистое место, сыроватое. И грибы у нас есть: маслята, рыжики, красноголовки, подберезовики по-другому, боровики еще, волнушки, грузди (А.И. Тюмин).

3. Оценка собственной или чужой речи носителем диалекта является важным лингвистическим материалом, иллюстрирующим языковое чутье говорящего, его коммуникативные установки и интенции, специфику речевого поведения. В оценках речи проявляются и рефлексивная сторона речевой деятельности, и функция речевого воздействия, и содержательные признаки некоторых концептов, в частности, таких, как «язык» / «речь»:

*Родители приехали, а я-то тут-то, что ж, родился, вырос. Уже к тому времени тут... пошло вот так всё, смешано разговор большинство был. Мордву понимали, вот жили мы, четыре семьи мордвы... пять было, чувашей три семьи было, значит, нас, понял? Русских четыре семьи, белору-усов пять семей. Вот в деревне начилí, значит, постепенно размножа... ну. Все же на... **общим языком**, кто как ..., понимали друг друга, и вот один от одного. И всё! И пошло! (М.В. Хлыстов).*

Хотя оценки речи не являются и не могут быть в целом частотными метаязыковыми элементами [2], в условиях общения диалектоносителя и диалектолога – носителей разных культурно-коммуникативных кодов – число оценочных суждений о речи неизбежно увеличивается вследствие нарушения автоматизма общения, свойственного естественной коммуникации. При этом оценки речи в рассказах диалектоносителей могут быть вызваны как прямыми запросами диалектологов, так и возникать спонтанно, свидетельствуя об активности речевой рефлексии говорящих в естественных условиях их речевой деятельности:

*За Николаевкой есть дорога, ее **называют царской**. Рассказывали, что только **царь** мог по ней ездить (Е.Ф. Хабарова).*

В оценках речи ярко отражаются принятые в сельской культуре нормы речевого поведения. Метаязыковые оценки-высказывания в речи представителей традиционной речевой культуры отличаются особой организацией, имеют обычно не дефиниционный, а описательно-повествовательный характер [5]. Объяснение/пояснение эксплицирует ситуации, связанные с толкуемыми словами, понятиями; соответственно этому типичной тактикой метаязыкового пояснения является приведение примеров, что связано с преобладанием практического знания у участников диалектной коммуникации. Реже метаязыковое пояснение включает элементы дефиниционного характера. Рефлексия по поводу своего и чужого речевого кода,

осознание имеющихся различий выражается маркированием используемых номинаций метавыражениями типа «мы называем», «у них называется»:

– А говорите по-белорусски?

М.В.: Не. А они то же самое, понима(е)шь, ну маленько изменяй, чего нет. И что **мы го(в)орим**: «картошка», **они**: «бу-ульба», как они как, как она у них там.

– Ну а вы ее как: «картошка» или «бульба»?

М.В.: А ну всякое, **как назову, так и пойдет** (М.В. Хлыстов).

Оценки речи появляются в текстовых фрагментах, вербализующих значимые для говорящего концепты. Так, для сельских жителей актуальной является оппозиции **сельский житель – горожанин, русский – нерусский (местный – приезжий)**, что стимулирует обсуждение и оценку культурных, поведенческих, бытовых различий между представителями этих социальных групп. Заметное место среди объектов рефлексии занимают оценки речи, фиксирующие противопоставленность языка, речевой манеры, речевого поведения «своих» и «чужих». Речь противоположной группы иногда получает по принципу «свое» – «чужое» отрицательную оценку, характеризуется как непонятная:

Ну-у, украинци вообще ж не так <...> украинец он вообще ж не так балака, как мы. У нас там, знаешь, некоторые слова у их не поймешь (В.П. Сергеева).

Частотны в диалектной речи показания метаязыкового сознания, связанные с областью речевого этикета как чрезвычайно значимой для диалектоносителя. В исследуемом дискурсе можно найти комментарии ко всем сферам проявления речевого этикета: правилам ведения речи, именованию лиц, употреблению личных местоимений и этикетных формул, использованию бранной лексики. Возможно, частотность таких примеров обусловлена тем, что в них отражены представления не только о языковых, но и об этических нормах:

Ф.И.: Большинство звали только по имя-отчеству. Вот я сколько помню своего отца, ну и дядек всех помню, я уже взрослый был, понял, **оне брат брата называли по имя-отчеству строго если вот мой отец звался именем, он младшего, самого младшего называл Леон Иванович. Он бы мох его Леоном назвать, или Лёвкой, или как-ни(бу)дь, он его ему пацан, можно сказать, самы младший, а он его называл Леон Иваныч, у их было строго, так (в)от. И вообще по деревне народ всё (в)от это, ну пожилые, как бы сказать, все друг друга то(ль)ко по имени-отчеству называли, маты мало употреблялись, так это ж где-то от какой беды или чё, а так они не упо...**

О.И.: Ста-арых людей почита-али, уважа-али, слушались.

Ф.И.: Да, старых уважали, слушались и почитали.

О.И.: Только им старый чё скажет им, дед сидит, он уже ничё не делает, подходит, там, сын или: «Батенька, ну чё будем делать?» **(В)от он команду дает: «Надо так-то так-то сделать то-то, то-о-то, сё(го)дня».**

Ф.И.: Старшему подчинялись. Это щас (нрзбр.)

О.И.: «Се(го)дня будем жа-ать ли се(го)дня будем кисить ли», **вот только он командовал. «Ла-адно, батенька, всё, мы пошли».**

– И его так называли, «батенька»?

О.И.: Батенька.

Ф.И.: Ну у нас в семейских называли не «папа», не «батя», а «тятя», слово «тятя», **вот так.**

О.И.: Ну, кто «тятя», кто «батя».

Ф.И.: Ну-у, где и называли, здесь и «батя» называли, ну так как вот щас «дед»: «Эй ты, дед!», так не называли, не было такого слова. Всех с уважением называли.

*О.И.: Щас к старым уважения нет от молодых. И говоря-ат чужих и свои, и де-ети так. Де-ети к родителям так грубо обращаются, грубо. Я об своих не скажу, у нас хорошие дети. У нас сын хоро-оший и дочь хорошая. И зять хороший, и зять э-э. Как у нас, вот у нас у матери было шесть сы..., пять сынов и я одна была. У нас при матери, при отце чтобы там ма-атом, чтоб дети м-м не было, не было. У некоторых, кто как воспитывал себе (нрзбр.) и кто как. Е-есть (в)он при родителеw **матами так, дак аж уши вянут**. А как нас воспитывали, так и мы своих воспитывали, и внуча-ат так воспитываем. Внуков у нас нет, три вну-учки.*

*Ф.И.: Да, ща-ас и козлом назовут, и чем хочешь. Ско(ль)ко пьяных ско(ль)ко ходит. Не-е, у нас нет, (в)от и зя-ать. У нас маты здесь нету, так чтоб вот это маты. Один единственный зять курит табак, мы никто не курим, я не курю, сын не курит. Ну, племянники приезжают, кто курит, кто не курит, (в)от. Так вот у нас есть. **Уши вянут, так маму называют, так вот есть**. У нас все девки, ни одного у мене внука нету, так плохо, мальчика нету (Ф.И. Свинкин, О.И. Свинкина).*

4. Метаязыковое сознание личности отражает также ее отношение к своей речи, к той форме языка, которой она владеет. Подобные метаязыковые комментарии представляют значительный интерес при исследовании языкового сознания носителей традиционной речевой культуры. Именно такие автокомментарии показывают, какие элементы культурно-речевого кода осознаются говорящим как «свои», не совпадающие с «чужими» культурными и речевыми знаниями:

Чушка, кабан в обществе называюцца свиньи. Козочки не склоняюцца (И.С. Колесников).

Или:

– Их скрынями называли или сундуками?

М.С.: Нет, скрыня.

– А почему «скрыня», знаете?

М.С.: Это по-белорусски, по-нашему, русскому – сундук.

– А у вас дома «скрыня» звали или здесь вы приехали «скрыня» звали?

М.С.: Нет. Скрынья звали дома.

– А сюда приехали?

М.С.: А здесь сундук, да и всё (М.С. Чеушева).

5. Знаками метаязыковой рефлексии являются текстовые маркеры ввода и оценки своей и чужой речи. Анализ высказываний, передающих ранее осуществленную свою и чужую речь, выявляет общие тенденции ее маркировки. Конструкции ввода цитаций и самоцитаций содержат, как правило, глаголы речи (наиболее частотен глагол «говорить») в форме настоящего времени (*говорю, говорит*), само же содержание высказываний, имевших место в прошлом, всегда передается в форме прямой речи. В этом случае данные метатекста (вводящие конструкции) и данные, репрезентирующие глубинные когнитивные установки (форма прямой речи для передачи любой речи в прошлом), свидетельствуют о воплощении в ре-

чевой практике диалектоносителя важнейшего принципа диалектной коммуникации – совмещении ситуации-темы с ситуацией текущего общения (принцип сформулирован В.Е. Гольдиным [см. 4]).

В способах ввода своей и чужой речи в проанализированном материале наблюдаются некоторые особенности, обусловленные устной природой диалектной речи. Для ввода чужой речи могут не использоваться глаголы говорения или вообще отсутствовать какие-либо сегментные средства, маркирующие чужую речь. Ср.:

Сталин тогда у нас же был головой, в тридцать восьмом году, он два года: тридцать седьмой и восьмой – ночью закрытая машина, «тройка» какая-то, ездили по ночам. Приедут до бригадира, вызовут ночью: «Давай, выдавай вредителей, а то тебя увезем!». А откуда та машина не знаю. «Выдавай!» (М.В. Остапенко).

К числу наиболее активных метаэлементов в диалектном дискурсе можно отнести: *значит*, *правда* и *наверно*. Выделительная функция *значит* в структуре текста сочетается с функцией жанровой маркировки, указанием на жанровую специфику соответствующих фрагментов речи, представляющих собой рассказы-повествования о важных событиях. Например: *Мордву понимали, вот жили мы, четыре семьи мордвы... пять было, чувашей три семьи было, значит, нас, понял? Ру-усских четыре семьи, белору-усов пять семей. Вот в деревне начили, значит, постепенно размножа... ну. Здесь также включается словоформа *понял* в качестве маркера проверки уровня понимания сообщаемого собеседником. Лексемы *правда*, *наверно* выполняют функцию персуазивности, маркируют степень достоверности сообщаемого с точки зрения говорящего по шкале «уверен» – «не уверен»: *Ну, первый день я чё-то там вот, ну, как вот, у нас готовились, у него ж, **наверно**, готовились, потом он приехал, забрал меня к себе на второй день, а потом маму мою привезли туда, потом увезли маму, или э... там гости и еще остались, и мы с Алёшей к моей маме пошли (Л.С. Доценко).**

6. Если метатексты, содержащие прямые оценки языковых фактов, относительно редки в обычной диалектной речи, то «текущие» вставные элементы, образующие несобственно информативный план высказывания – чрезвычайно частотные компоненты диалектного дискурса: они содержатся практически в каждом высказывании. Повышенная частотность компонентов, относящихся к метатекстовому уровню высказывания, сочетается в диалектной речи с их избыточностью:

*И вот...когда я поехала в Ленинград, и у нас там тётка была, правда, забыла как ее звали. Дак она **уговорит**: «Я сама съела собачку. И если б не йета собачка, **уговорит**, я б умерла. И мать умерла.» А им там тоже давали по сто пятьдесят урамм хлеба, крупы там скоко, а я, **урит**, эту собачку поймала, сама ее зарезала, обделала, **урит**, порубала на кусочки, **уговорит**, и ет...и вот бульон варила, с собак...сварю, **уговорит**, маме дам, **уговорит**, кусочек мяса и бульон, а сама, **уговорит**, этот бульончик поем. И всё. Мать спасала. Ну ничё, спасла хоть, мамку, **уговорть**, этой собачкой! (П.Г. Юдина).*

7. Частотной в речи диалектоносителей является терминологическая рефлексия (глагол «называться» – среди наиболее встречающихся полнозначных слов). Ее объектами регулярно выступают лексические единицы крестьянской и переселенческой тематики: название людей других национальностей, предметов быта, окружающих реалий, природы, комментариев служб, обрядов, лиц по их принадлежности к религиозному течению:

Коренных жителей кержасаками называем, или пивенем сибирским (В.И. Добычин).

Украинцев, белорусов кацапами называем. Батю татой называли (Плотников).

Корианочка, еще называют по-украински – чепок, это кабак. Чумак – пьяница. Они ходили, как бродягу, напивались. Прутище – быстрее улетит. Закладаются – доувариваются орел с конем. Опоздился — опоздал (Л.Р. Морозова).

Забота об эффективности коммуникации в условиях общения носителей различных культурно-коммуникативных кодов повышает рефлексивность речи носителя диалекта, и особенно в темах, представляющих для говорящего особый интерес. Значимость переселенческой тематики обуславливает появление в соответствующих тематических сегментах текста таких ориентированных на слушателя средств рефлексии, как пояснительные конструкции, повторы, перифразы, обобщающие высказывания, обращения к собеседникам с целью проверки уровня понимания сообщаемого. Ср.:

О.И.: А все предки оттуда, с Забайкалья. И вот слово «паря», так называется. Я даже (в)от хорошо сидел слушал внимательно это с эт... с это, с Читы, «Играй, гармонь!» там выступали, и он говорит, засмеялся, говорит: «Ну пойдёмте, паря, к нам чай пить, вот, у нас такой обычай».

– А, да. Обращение.

Ф.И.: Если бабушка вам наливает молока, то раньше бы налили чаю, так вот. Это такой обычай у нас, вот семейский народ так назывался, а семейский народ называли, потому что семьями суда приехали, и так их окрестили, слово «семейские». И они и Забайкалье назы... есть такие, назы... слова, а суды – это семейские. Семейские приехали, допустим, (в)от Заган. Населяли и строили здесь, все, одни семейские были.

О.И.: Еще с Белору-уссии были.

Ф.И.: Других людей не брали.

– Почему?

Ф.И.: Их, допустим, называли хохлы, вот, с хохлами, ну, не то что мир, мир брал со всеми, но хохлы с хохлами и селились. Вот рядом деревня, там еще деревня, там большинство хохлы. Украинцы, белорусы, все такие люди (Ф.И. Свинкин, О.И. Свинкина).

А у нас <...> мы по-хохлацки. Тут остались, вот я, Булаўничиха по-хохлацки и брат. Булаўничихи по-хохлацки и Читисючка, она считает себя как эт <...> она ў ўородском была, считает себя ... така, она нэ по-русски балакает. А у нас <...> Он сам русский Витька быў, а я по-хохлацки, а дети все по-русски. Он-то с Курска сам, ў Николу приехал ў двадцать пятом ўоду. Ему ўодик было, как они приехали. И вот да-а... А дйтэ фси, они по-русски это-о бала(кают) <...> А это, ў Покровке щас, знаешь, тут и хохол, хоть и хто, а фси по-русски щас балакають... (В.П. Сергеева).

8. Работа метаязыкового сознания выражается в тексте и в случаях актуализации деривационных связей лексем. Актуализация деривационных связей имеет различную обусловленность. Она может служить элементом метатекстового высказывания-толкования (в этом случае мотивирующая единица находится в постпозиции по отношению к мотивированной – объекту метаязыковой рефлексии). Актуализация деривационных связей может возникать и как результат речетворчества, экспликации в тексте самого акта словопроизводства (в этом случае мотивирующая единица находится в предтексте) [3]. Ср.:

Отец был хохол, но говорил тока по-русски. А мама моя хохолушка наполовину была. Хоть всю жиз(нь) с русскими, а сразу хохолушу распознавали. Я в школе тоже по-хохлацки наворачивала. Стихотворение учу, по-русски рассказываю, а потом на хохлацкий перехожу. Соседи у нас тоже хохлы, а дети ихние по-русски говорили (А.И. Селенчук).

Анализ речи носителей приамурских говоров выявляет достаточно высокую степень ее рефлексивности. Наблюдение показало, что важнейшим объектом метаязыковой рефлексии диалектоносителей в беседах с диалектологами являются темы переселения и переселенческого взаимодействия, в том числе языкового, терминологическая рефлексия, пояснительные конструкции, обобщающие и оценочные высказывания, обращения к собеседникам с целью проверки уровня понимания сообщаемого. В зоне внимания говорящего находятся также стимулирующие рефлексивную деятельность концептуальные оппозиции «раньше – сейчас» и «свой – чужой» (последняя оппозиция особенно активно реализуется в противопоставлении «русские – нерусские»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 2000.
2. Крючкова О.Ю. Метаязыковая функция в диалектной речи // Языковые средства в системе, тексте и дискурсе: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента АПН РСФСР А.Н. Гвоздева 25-27 ноября 2002 г. Самара: Изд-во СамГПУ, 2002. С. 186-191.
3. Крючкова О.Ю. Рефлексивность диалектной речи // <http://sarteorlingv.narod.ru/dialekt/reflektivnost.html>
4. Гольдин В.Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратов. ун-та. Нов. сер. 2009. №9. С.3-7.
5. Крючкова О.Ю. Оценки речи как выражение специфики народного речевого сознания // <http://sarteorlingv.narod.ru/dialekt/ocenki.html>
6. Гынгазова Л.Г. Чужая речь в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000.

«У нас говорили, конский молочай»

Федирко Анисья Андреевна, 1931г.р.,

с. Максимовка Октябрьского р-на Амурской обл.

Беседовала Галимова Д.Н., 2011 г.

Обработала Лагута Н.В., 2012 г.

- А какую-нибудь траву добавляли вот в такие лепешки?
- Ходили, лебеду рвали, молочай. Это молоденький молочай есть – той, той, у нас говорили, конский молочай. Ну, молоденький рвали, у борщ бросали, покуда капуста там пидростэ. Потом с капусты лист, лист свеклы полокрышим (?) у борщ. Вот так.
- А почему конский молочай?
- А я нэ знаю, чё его так проз... той называли. Оно же такой растэт большой.
- О, больше метра что ли?
- А(г)а, оны бо-ольшой в(ы)растает, таки белы вы-ысыпать... А чё ево называли? Было говорит: «Иди, нарви конского молочаю!» Курочки было, у... по кустах. Курочка така ...

Она така вкусна в борщ – молоденька! Называлась «курочка». Они такэ, вот так растэ, мы от тэк (нрзбр.) вышли и тэке прямо, вот как вам сказать, кучеравэнький той и молоденькэй.

– У, кучеравэнький что, листочек или цветочек?

– А я вот и... она, наверно, не цвэ... нет, лысточки. Вот цвэточки на них нэ видела, цвэ-туть они или нет... Вот то, таким варылы.

«Ну, щас говорят по имя, а тогда «моя баба» и все!»

Ратушкина Пелагея Петровна, 1932 г.р.,

с. Новоивановка Свободненского р-на Амурской обл.

Беседовали Оглезнева Е.А., Лагута Н.В., Безнигаева М., 2009 г.

Обработала Лагута Н.В., 2012 г.

– Ну при... и мужик, и дети тоже все тута.

– Мужик – муж, да?

– Муж, да. Мужик. А тада же так, мужуком звали.

– А жену как звали?

– Жена, жана. Это уже жана, дак, наверно, не меняется.

– Бабой не звали?

– Бабой нэ звали. Ну, говорили: «моя баба, моя баба». Ну, щас говорят по имя, а тада «моя баба» и все!

– А дети как бабушку звали?

– Бабушко, бабушка. Эт бабушка уже.

– А муж к жене как обращался?

– Ну как обращался? Как вот мой. Он скажет: «Полинка, а то сделаем, а потом, а то сделаем, то сделаем! Вот так! Нет, не так, давай вот так!»

– Полинка?

– Полинка он меня звал.

– Ласково!?

– Ласково, да. Полинкой меня...

– А Вы его как?

– Я еҫо – Иҫнат. Как? У него такое имя было тяжёлое. Он и сам не хотел такое имя себе. А тада же... чтоб поп сказал это... такое имя, вот такое имя тебе: Иҫнат. Или Кольке назвать, Николаем, а ему дали Иҫната, вот и всё.

«Это уже вроде так вот поласково говорили»

Ратушкина Пелагея Петровна, 1932 г.р.,

с. Новоивановка Свободненского р-на Амурской обл.

Беседовали Оглезнева Е.А., Лагута Н.В., Безнигаева М., 2009 г.

Обработала Лагута Н.В., 2012 г.

– А как батюшку звали?

– Ой, батюшку, я не знаю, как его.

– Нет, батюшкой так и звали?

– Да, так и батюшка. Поп, кто поп звал, а хто... ну в улаза-то не звали попом. Батюшка, батюшка, да. Эт уже вроде так вот поласково уоворили. А хто тах – поп. Поп – самый урешный человек.

<...>

– А вот как вы к матери обращались в семье?

– Мама.

– А на «вы» или на «ты» звали?

– Ой, тада... Как уж... хто как? Ты или... я или...

– Ну вот нам рассказывали: папу звали тятей и обращались на Вы.

– Ето уже постар... лет в старшем возрасте. Дык, у коуо как. Конечно.

– Тятей звали или как?

– Я нет. А я «папаня» звала.

– Папаня?

– Да. Я «папаня» звала. Вот... дед мой, мужик мой, уже свово отца звал... как он уоо называл? «Тата», «тата»! А я, когда вышла замуж, я уоо боялась «татой» назвать. Маму-то я назвала лёгко, а яуо никак не звала.

– Мамой звали мужа мать?

– Да, мама. Мама. Свякровку мама звала.

«Чеванью – фамилия такая, нерусская...»

Ратушкина Пелагея Петровна, 1932 г.р.,

с. Новоивановка Свободненского р-на Амурской обл.

Беседовали Оглезнева Е.А., Лагута Н.В., Безнигаева М., 2009 г.

Обработала Лагута Н.В., 2012 г.

– Ну, не жалели, что замуж за китайцев выходили, как жили?

– Ну, жили. И дети были. Вон и дети щас, вот тута. Чеванью, вот так. Чеванью – фамилия такая, нерусская, видишь.

– Какая?

– Чеванью. Да вот у нас директор школы.

– Как они говорили? Как-то по-особому?

– Ну щас-то они... он по-русскому хорошо так, и не скажешь, что он китаец.

– А раньше?

– А раньше, не знаю как... А как мы были, дак они... Щас китайцы друуие, так чисто уоворять, как русский человек, так ня скажешь, как китаец.

– Китайцев как-нибудь называли по-другому? Вообще, нерусских как-нибудь называли?

– Ну как? Китаец он и китаец и есть.

– А если он японец?

– А японцев я и не вида́ла, не знаю.

– (дочь) Мама, а кто такие хунхузы?

– Я и не знаю.

- (дочь) Ну папка же говорил – хунхузы.
- Ну, он говорил «хунхузы», а я и не знаю, кто хунхузы.
- *Нерусские – это хунхузы?*
- Ну конечно, а може, китайцы, а може, японцы, я не знаю, коуо он так звал. Да, хунхузы. Наверно, китайцев и кто... может, коуо он так звал, дьявол еуо знает.
- <...>
- *Как называли плохую хозяйку?*
- Кто говорить «урязнуля», «катруся» скажут: «Катруся – урязная такая вот, как катруся, ты хоть с себя бы юбку сняла, да платок постирала бы!»
- *А почему так говорили «катруся»?*
- Потому что урязная она такая, а потом скажут вот. И щас такие есть, и щас такие есть всё равно. Она идёт и ...
- *И тоже катруся?!*
- Катруся, да! Как катруся! Я-то в друуой раз скажу: «Ты как катруся, ... ты хоть сняла бы с себя штаны постирала бы, а то они уже у тебя блестять скоро будут» (*смеётся*).
- *А раньше ругались, сильно?*
- Нет, я ругаться стала когда я вот на коровах работала. Вывядут: «Вот ты, ... такая, вот», и как начнёшь ...

«Вот так вот в детстве назовут – Хмырь, он и сдохнет Хмырём!»

*Ратушкина Пелагея Петровна, 1932 г.р.,
с. Новоивановка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовали Оглезнева Е.А., Безнигаева М., 2009 г.
Обработала Лагута Н.В., 2012 г.*

- *Дом избой не называли? Хата только? Изба не говорили?*
- Говорили. И хату, и в дом, и как уже там.
- *Как называется коридор в начале дома?*
- Сенцы, сенцы. Я и щас всё время говорю: «В сенцы». В коридоре, что ли? Ну, в сенцах там, вот тут лежить.
- *Чем в печку посуду ставили? Рогач или что?*
- Был, был. У меня мноуо тут было.
- *Как звали?*
- Роуач. Кочерёжка. Ухват.
- *Рогач и ухват – это разные?*
- Конечно.
- *Чем отличается?*
- Ну это такой, а етот, как роуа, цепляет чуун вот.
- *Это рогач?*
- Да, а там сделать опять какую-то, как уже их называют, я уже и забывала.
- *А ухват? Он какой?*

– Ну, это ухват, это как... как ...

– *Это так же?*

– Да, по-разному, кто как называется, предмет один, а... да у нас во западе, вот в деревне, вот через речку, вот вы и я. Вас так уже зовут – нас так. Нас кажется «лапшевники», а вас зовут «салтыки».

– *А почему?*

– Ну там уже названия такое.

– *А почему лапшевниками-то обозвали?*

– В другой раз уговорять: «У вас кошка в лапше окотилась»!

– *Это почему так говорят?*

– Когда лапшу эту делают, самодельную, там тоже такие эти, скалки, она делается круулая, эта лапша-то, тесто раскатывается то тонко-тонко, и она получается всё больше, больше, а потом порежет и она высохнет, порежет ножами тонко-тонко, так эту вот больше (?), как её? И она тогда же, она сухая, эта сырая, надо её посушить или где-то на печке, или... положили её, на чег-то там(а), чтобы она высохла, а кошка залезла и окотилась там(а)! Ну и вот, и прозвали их так!

– *А ещё в деревне были прозвища?*

– А то разве не были! Господи...

– *А какие?*

– То Хмырь, вот так вот в детстве назовут – Хмырь, он и сдохнет Хмырём! Да у нас и шас есть! Нашу Веру, это, дражнили Краля, ну почему? Не знаю, дети обзывались. Ну вот, кода он назовёт, уговорит: «Я тебе дам Кралю!» А потом Коля, как звали, прозвали его Колясик, он не Колясик, и фамилия у него не Колясик, он и шас остался Колясик. Кто пошёл? – Коля-Колясик! И все знают, что Коля – Колясик! Как в детстве назовут! Тут вот одноуо Комиссаром звали, они тоже вот иурали в палки и ... в эти вот из палок ружья наделают, а он и уговорить: «А я буду комиссаром!». Так он и Комиссаром и помер! Шас вот идуть его дети, уговорять: «Райка Комиссарова пошла!»

– *А вот вы говорили про деревню: одни – лапшичники, а вторые кто?*

– Это уже там деревня друуая была – Салтыки.

– *Тожое самое называли? Один предмет?*

– Да, ну дак, конечно.

– *Салтыки – это деревня?*

– А у них, наверно, Салтык что ли был, какой такой урозный.

– *А кто такой Салтык?*

– Да чёрт их знает, это уже до нас уговорили, и шас, мож, там так уговорять, мы ж не знаем, почему так.

– *А лапшеников галушниками не звали?*

– И галушниками звали, да. Кто лапшу любил, тот лапшевник, кто улушки... Мы приехали сюды, на Дальний Восток, тут никто лапшу такую не делал, тонкую...

**«Они туда семьями выселялись, семьями приезжали,
поэтому и зовут – семейские»**

*Лощенко Валентина Епифановна, 1937 г.р.
с. Новоандреевка Белогорского р-на Амурской обл.
Беседовали Горлова Л., Небора Е., 2007 г.
Обработала Лагута Н.В., 2012 г.*

- А вот курица, которая на яйцах сидит, она как называется?
- Ну как, хохлаткой, наседкой, наседка.
- А хохлатка это просто курица?
- Ну, хохлатка там, хохлатка, она с чубчиком, хохлаткой, с чубчиком такая она бывает, хохлатка. А-а эта наседка, наседка.
- А петуха как называли?
- Да как?! Петух да и всё, как его...
- А никак по-другому? Другие, может быть, люди?
- Чёрт их знает! Ну, мож, и кто как и называет.
- <...>
- А вот, говорят, раньше в деревне семейские жили?
- Семейские, кержаки, дак вот нас и-и зовут – семе... ну, если вот, почему семейские? Потому что семьями-и, вот как, а откуда, не знаю, семейские вот, кержаки.
- Их кержаками называли, да?
- А-а, ну, и кержаки, ну и семейские там, ну семейские почему... они туда семьями выселялись, семьями приезжали, поэтому и зовут – семейские. Вот говорят, что семейские те жадные, то да сё, да вроде бы так бы уж то говорили, не давали с кружки... с какой пьешь, с этой кружки не давали пить. Так, ну и что вот понаслышися от людей. Ну-у, а все(г)да безлюдные были, все(г)да чаем напоят, накормят, напоят и эта... Ну, кто как брешет. Сбрешишь – поверил, не сбрешишь – не поверил! Так и надо: всех, кто брехать умеет... они больше прибрешут и чё, как Таня Чикапаева, вот у него были на той улице, во-о, от она любитель(ни)ца побреха-ать, она есь правду скажет, есь сбрешет! Это, это уже, о-ой, беда!

«Ну, наши имена по-церковному»

*Ерофеева Фёкла Гурьяновна, 1925 г.р.
с. Заган Свободненского района Амурской обл.
Беседовали Галимова Д.Н., Архипова Н.Г., 2004 г.
Обработала Лагута Н.В., 2012 г.*

- А вот имена вот ваши? У вас ведь не такие имена, как вот у людей в миру?
- Ну, наши имена по-церковному. Я вот Фёкла называюсь, от Фёкла, ну, это меня девчата прозвали так. Мы... у нас солдаты были в войну. А тут Дуська одна была, она познакомится... Я говорю: «Фёкла!». А эта: «Ду... Дуська, Дунька!». «Вы что, над нами смеётесь?! Мы защищаем родину... вы...». А у нас такие имена! Ну, церковные имена! Фёкла имя не меняется, так и пишется.

«Говорили, конечно, не так...»

*Шмендель Марфа Яковлевна, 1917 г.р.
с. Красный Луч Архаринского р-на Амурской обл.
Беседовали Галимова Д.Н., Архипова Н.Г., 2003 г.
Обработала Лагута Н.В., 2010 г.*

– Тетя Марфа, а вот смотрите, вы жили там (на западе) и сюда приехали, а отличалось, как люди жили? Дома другие были? Люди говорили, может быть, по-другому? Помните?

– Не-ет. Нет, миленькая, говорили, конечно, не так, как в... у Брянське, там што? Куда?

– Это там, да?

– Да-да.

– А тут как?

– А тут вот... «Как»? «Какое дело там»? Там то, да друуое, вот тако как-то, покультурней вот таки.

– Здесь культурнее?

– Да-да-да. А там жили тёмно. Мы сюда приехали, ещё ни радио, ни свету не было у нас.

– Это в Брянске?

– Да-да-да, и в сяле мы...

«В Николин день родился, значит, Николай назвали»

*Борисова Нина Максимовна, 1931 г.р.
с. Грибовка Архаринского р-на Амурской обл.
Беседовали Галимова Д.Н., Архипова Н.Г., 2004 г.
Обработала Лагута Н.В., 2012 г.*

– Звали Анна Михайловна, потом Анна Милеевна она.

– Милеевна? Это такое имя? Это вашего мужа Милей звали? Это старинное имя.

– Да, старинное.

– Такое имя редко встречается. А почему Милей назвали?

– Ну-у это, раньше по книгам же называли имена.

– По церковным?

– Да.

– Батюшка был?

– Да нет, батюшки у нас не было.

– Сами читали?

– Да.

– Так, а дочь Анна, да?

– Ну, Анна она, это самое, Коновалова.

– А других тоже называли по этим праздникам?

- Тоже. У на... у меня все тоже... имена Николай, Евдокия.
- *А в вашей семье как звали ещё?*
- Ну вот у меня, это мой отец Максим был, а мать...
- *Ну, а в Святках разве есть имя Максим?*
- Есть.
- *А братья, сёстры?*
- Братья? Вот одна сестра с Хабаровска сейчас приехала, мы вдвоём остались в шисят лет. В семье уже все померли, мы самые младшие остались щас.
- *А её как зовут?*
- Её Мария.
- *Это она по календарю в августе родилась?*
- Ну, где-то она, не знаю... (нрзбр.) Марья – правильно.
- *Марья?*
- Марья. Мария нет имени.
- *А как же Дева Мария?*
- Она одна только.
- *А-а. Дева Мария одна. А вот мирское имя, да...*
- Да, такое, не положено называть Мария. Только по книге – Марфа или Марья. Мари-на есть, Марья, Марина. Ну вот, это самое, а Мария не называют вот щас.
- *Нельзя?*
- Нельзя, она одна.
- *А мать вашу как звали?*
- Акулина.
- *Тоже старинное имя.*
- Старинное имя.
- *А вот если в Святки имя одно, а оно вам не нравится?*
- Ну, конечно... Если у меня вот сына Николай, а надо было Милей его называть, а мы назвали его Николай, так в Николин день родился, значит, Николай назвали.
- *А почему нужно было Милей назвать?*
- Ну вот, у нас это, у нас так: родится – на восьмой день он назовётся.
- *По святкам, да?*
- Да. Ну вот – Евдокия, Анна, Татьяна, (нрзбр.)
- *Ну вот, отчество ваше не старинное.*
- Ну, дак а Максим?! Максим – это старинное! Раньше Максим это не называли, щас навалом Максимов!
- *Да-а. Раньше редкое...*
- Щас уже мода пошла.
- *Редкое оно, наверное, раньше было.*
- Да, редко очень, вообще редко, да не называли вообще Максимом, а щас Максим – модно! Так вот, вот щас называют, всем нужно старинное имя. Пример: раньше... вот щас Варвара вот есть, Семён вот это самое, Елизавета вот назвали маленьких (нрзбр.) всё, уже называют старинными именами.
- *А сейчас же Васятка назвали. Кому как нравится.*

- Кому как нравится.
- *А вот что даёт? Какая разница, Васятка назвали или Костя назвали?*
- Ну положено раньше так было, по-о.... это самое...
- *Поверьям?*
- По книгам называть, имена на восьмой день, (нрзбр.) парням можно вперёд называть, а девочке назад (нрзбр.) У парня назад нельзя.
- *А что? Тогда судьба плохая будет?*
- Не знаю, как она. Ну, называют так вот.
- <...>
- *А мама ваша говорила по-белорусски?*
- Нет, они сразу говорили это, потом...
- *А вы как? По-белорусски или по-русски говорите?*
- Не-е, я не помню, как по-белорусски говорить, так, некоторые слова знаю.
- *А какие слова?*
- Ну вот, это чипелá, вот ч... знаете, чипела? Ухват, да не ухват, а сковородник.
- *Чипелай?*
- Чипела называется.
- *Чипела?*
- Да.
- *Сковородник, а сковородник – это...*
- Ну-у сково... сковороду под-поднимать.
- *Из печки?*
- Да.
- *В русской печке?*
- А чипела – это, это, это самое, ухват этот, чем вытаскивать.
- *Сковородник (нрзбр.)?*
- Это не знаю, ну, сковородник – это вот называется, это чипела называлась. А луковичицы были, это звали...
- *Лук, да?*
- Ну.
- *А мы знаем, как будет картошка.*
- Бульба – картошка. Ну вот много, а я щас, чё там называлось...
- *А они как-то по-особенному говорили?*
- Ну... (нрзбр.). А щас уже всё, щас уже всё забыто.

«Потому что ее бьют битком»

Абраменко Мария Парфеновна, 1910 г.р.

с. Чагоян Шимановского р-на Амурской обл.

Беседовали Архипова Н.Г., Оглезнева Е.А., Галимова Д.Н., 2003 г.

Обработала Лагута Н.В., 2012 г.

- Это был склад госпромхоза, там принимали ягоду, там бочки стояли пустые в одной стороне, в одной половине, в другой половине... Так госпромхоз щас ягоду не принимает,

лес постоянно горит, ягоды нету, а склад так стоит никчемный, а бочки забрали, они приехали. Вот, а то принимали ягоды, другой раз забивают обе половины, все с ягодой. Так люди сдавали раньше ягоду. Ну, били, тоже денег не хватало.

– А били?

– У нас ведра есть специальные, битки называются. Вот здесь дырку прорезаешь, чтоб рукой браться, вот так, и вот раз, раз, и пошел – шварк! Смотришь: у тебя пять минут – полведра!

– А дырку прорезаешь где?

– Дырку прорезаешь в боковине, чтоб рукой браться. У нас есть они, эти битки.

– А край у ведра ровный или неровный? Обычный?

– Нет, потом этот край, который обложен, дырочку сделает, да изоляцией хорошо, здорово-здорово, много изоляцией наматывают, чтоб он гладкий был, чтоб мозоль не набить... И вот, он гладенький был, раз, раз, и пошел!

– Почему говорили, что ее били?

– Потому что ее бьют битком. Вот ягода стоит, раз, раз... Раз десять шваркнешь, вот уже столько в ведре <...>

– Я слышала «летняя кухня» говорят?

– Летняя вот у бабушки с дедушкой на берегу, там из драночек, досточек. Зимой, вот допустим, первого октября, мама всю посуду собирает и в хату, все, уже в дом переходит, и всю зиму в доме. К первому мая там попротрёт, печку подбелит, подмажет, и туда переходит, пол покрасит... в кухню туда, и все лето, до самой осени.

«Раньше мы родителей звали на «Вы»

Наконечникова Елена Анисимовна, 1940 г.р.,

с. Чагоян Шимановского р-на Амурской обл.

Беседовали Архипова Н.Г., Галимова Д.Н., Оглезнева Е.А., 2002 г.

Обработала Лагута Н.В., 2012 г.

– У нас старший сын меня зовет на «Вы», а Леша и-и Галина, ещё младшая дочь у нас в Сквородино, она тоже вместе с ним вот это, заканчивала второе, первое она железнодорожное закончила, а второе уже как, на юридический. Она капитан налоговой полиции. Так она вот учила это, на юридическое отделение. Или АмГУ или.. АмГУ, а щас у нас внучка там учится, а вторая – одна в ДальГАУ. Лешина в ДальГАУ учится, а эта – в АмГУ. Старшая, она пошла, остался один год, она экономический (нрзбр.), а эта какой-то технолог, она на технолога. Вот она, вот только первый курс ещё (нрзбр.). И вот главное: оне зовут на «Ты», Галинка и Лешка, а Витя до того привык... Раньше мы родителей звали на «Вы», и он привык, и теперь бесполезно. А его дети зовут его, это, сын и дочка, его на «Ты»: «Папа, ты...». И всё... И Леша вот все, бабушка, и внучка приезжает со Сквородино: «Бабушка, ты...», а Витя один, как привык, всё!

– А как лучше звать – на «Ты» или на «Вы»?

– А-а мне все равно, кто на «Вы», кто на «Ты», мне какая разница?! А вот он не может и всё, вот привык в то время. А потом, кода уже на «Ты» стали звать... где-то после восьмидесятых лет.

– А до этого все на «Вы» звали?

– А до этого все люди на «Вы». Ну, редкие случаи был, обычно – «Вы»: «Папа – Вы, мама – Вы!».

– А муж и жена друг друга звали как, по имени – отчеству?

– Не-ет. Ну кто, иноуда это, иноуда просто так смеются, вот наш дед, мой свёкор мой: «Зинаида Алексеевна!» на неё, а потом кричит: «Мать! ...<...> ты куда пропала?», тут же: «Ты где была?». Она: «Я на огороде была!». То кричит: «Зинаида Алексеевна!», то потом кричит: «Мать! Куда пропала?».

– А она его как?

– Ну она его «дед» звала, «дед»!

– А когда молодые?

– Ну, кода молодые были, ну меня ещё в живых-то тода, наверно, не было, молодые были. А не знаю, как она звала его, даже... она уже... я кода замуж вышла, он уже седой был, ем уже шиисят восемь лет было, я и даже не знаю... Мама наша звала до последнего папку Анисим.

– Анисим?

– Да-а, строго Анисим. По отчеству не звала, Анисим (нрзбр.), а Анисим звала. Вот, ну. Вот так вот, Куклины старики тоже поумирали. Он ее «Настя» звал, а она его «Михаил» звала, просто по имени и всё. Редко, но кто-то выдумывал по отчеству, вот он, дед, другой раз стоит: «Зинаида Алексеевна!», а потом кричит: «Мать! <...> ты куда девалася?»

В настоящем выпуске продолжается публикация материалов для Словаря амурских говоров по итогам диалектологических экспедиций 2000 – 2011 гг. преподавателей и студентов АмГУ в села Амурской области. В разделе представлены лексикографические материалы на буквы «М» (МО-МЯ) и «Н». Многие диалектные лексемы и их варианты фиксируются впервые.

Принципы подачи материала, списки принятых сокращений представлены в фольклорно-диалектологических альманахах «Слово» Вып. 2 (2005 г.) и Вып. 5 (2007 г.).

МО-МЯ

МОРО́ЗКИ, -ов; мн. Заморозки. *А бабка-то, горбатая, пошла, уже морозки были, в октябре, наверное. Взяла один сапог сняла, а друуой стала сымать – замёрз* (Зел. Бор Мих.).

АС –

МОРО́ШКА, -и; ж. Мелкий, морозящий дождь. *Ну, вот если мелкий-мелкий дождик капает то не капает, это морошка* (Преображ. Октябрь.).

АС + (морошень, моросень)

МО́РШНИ, -ней; мн. и **МО́РЩНИ**, -ней; мн. 1. Самодельная обувь из сыромятной кожи, разрезанной по кругу и стянутой у щиколотки шнурком. *Моршни делались ... Шкурку вырезают, дырочки набивают по краям, а сюда жилу от зверя, стантовую жилу, ее выделывают, надевают, а потом потянул – а здесь нога, она стягивается, всё идёт тихо, спокойно и мягко. И охотились, и ходили обычно в этой обуви. Вот корову зарежут, шкуру ободрали, и так вот, такой пласт продолговатый, круглый, дырочки набиты, веревочку раз – потянул вокруг ноги – и всё, она обтянется, обсохнет – и так вот ходить; ходишь когда, и делается ровно по следу* (Урал. Шим.). – *А я в морщнях ходила. А морщни, это вот сырая кожа, ну обыкновенную вот снимут кожу, потом с неё шьют вот*

наподобие чирков (Гриб. Арх.). 2. Самодельная обувь из мягкого материала, стянутая у щиколотки и по форме напоминающая калоши. *Моршни, значит, сделаешь... Или с резины, с камеры примерно вот, ну с камеры с машины, да. Вырезаешь там кусок... Ногу ставишь, и потом это, по ноге всё стягиваешь там, что и ногу не давило, и чтобы не соскочило. Подвид уалоши получается* (Гуран Своб.). 3. Самодельная обувь, плетённая из древесной коры. *Моршни вот эти, они плели их с толы ... сделают такие, красивые-красивые такие, клеточками, ага. От тут уборочка, наденут что-нибудь, чуню, ага, заматают и идут на покос* (Белояр. Маз.). *Еще моршни назывались. Да, эти плетенные-то с бересты или из чего, плетут-то эти вот ремешки* (Желтояр. Своб.).

АС +

МО́РЩА́ВЫЙ, -ая; -ое. Морщинистый. *А сейчас мы старые, без зубов, морщавые, страшные* (Белояр. Маз.) || Ср. **МО́РЩИННЫЙ**.

АС –

МО́РЩИННЫЙ, -ая, -ое. То же, что **МО́РЩА́ВЫЙ**. *Какие-то морщинные, нехорошие. Не то как-то вот, или китайские, может, яблоки* (Великокняз. Бел.)

АС –

МО́РЩНИ, -ней; мн. См. **МО́РШНИ**.

АС –

МОСКВЬЧКА, -и; ж. Устар. Вид верхней одежды; полупальто. *А потом вот стали носить, москвички называются. Ну, это просто полупальто, так вот карманы* (Н. Андр. Бел.). *Мы в молодости москвички носили* (Черн. Своб.).

АС +

МОСТ, -а; м. Пол. У нас не пол, а мост, так называют на Западе. Веником повышкребешь, и целую неделю это, не то что сейчас – покрасишь – день-два и пыль стоит (Зел. Бор Мих.).

АС +

МОТА́ЛОЗ, -а; м., **МОТА́ЛУЗ**, -а; м. и **МОТА́УЗ**, -а; ж. Шпагат, верёвка для хозяйственных нужд, изготовленные из конопли или льна. – *Чем связывали (суслоны)? – Моталоз делали. А может быть, моталоз покупали. Моталоз тоже, наверное, на фабриках делали. Это такая нитка, она, наверное, сделана из льна. Ну, такой же шнурочек, а вот, наверное, из конопли, из льна. Он твердый, ну, не твердый, а как крепкий* (Разд. Тамб.). *Два моталуза наплетёшь, наплетёшь...* (Разд. Тамб.). *Берут клубок мотауза, клубки покупают в ўоруде, и закладывают ў ту жатку, де-то была такая жатка, сноповязка называли, снопы вязала сама. Мотауза вложат туда и оно само там вяжет снопы* (Песчан. Октябр.).

АС + (мотауз, мутаус)

МОТА́ЛУЗ, -а; м. См. **МОТА́ЛОЗ**

АС –

МОТА́УЗ, -а; ж. См. **МОТА́ЛОЗ**.

АС +

МОТО́РНЫЙ, -ая, -ое. Электрический. *Моторная электрическая бритва была у меня* (Краснояр. Маз.).

АС –

МОТОЦИКЛÉТ, -а; м. Мотоцикл. *Они ехали на мотоциклете, вот и несчастный случай случился* (Черн. Своб.).

АС + (мотоцикал)

МОХО́ВКА, -и; ж. Ягода кустарника рода смородина (*Ribes*) семейства крыжовниковые (*Grossulariaceae*), растущего преимущественно в диком виде на влажных почвах. *Ягод: и голубица, и брусница, и жимолость, моховка... Моховка там, где вот ручеек бежит, она, как виноград, вот так вот прозрачная. Как крыжоўник, вот наподобие крыжоўника* (Гащ. Своб.). *Моховку знаете? Она наподобие смородины, только она вкусней. Раньше спеет, она желтая, когда поспекает. И крупнее смородины садовой* (Урал. Шим.).

АС+

МОЧА́ТЬ, -ю, -ешь; несов. Погружать во что-нибудь жидкое; макать. *Мочайте хлеб в сметанку, мочайте* (Кухт. Луг Шим.).

АС –

МОШКА́, -и; ж. Собир. Множество мелких насекомых; мошкара. *Что-то мошка, смотрю: наверное, дождь будет* (Светил. Бел.). *Тяжка у меня работа была, мошка вечно кусает* (Черн. Своб.).

АС –

МУВА́ЛЬНИК, -а; м. Умывальник. *Раньше даже мувальников не было, с кружеск мылись. Поливались и мылись* (Черн. Своб.).

АС –

МУДО́ХАТЬСЯ, -юсь, -ешься; несов. Испытывать муки, страдания; мучиться. *Вышла я замуж, говорила мне мать: «Не ходи за него, будешь всю жизнь мудохаться с ним»* (Урал. Шим.).

АС + (другое значение)

МУЖУ́К, -а; м. Муж. *Кака свадьба нам была, боже мой! Я-то уже была, у меня уже девочка была-то. От первого мужу-*

ка, у меня ведь первого мужука убили немцы (Сыч. Своб.).

АС –

МУЖСКО́Е СЕ́РДЦЕ. Растение Гибискус тройчатый (*Hibiscus trionum*). *А вот этот цветок называется мужское сердце. Когда он цветёт, то цветы сверху жёлтые-жёлтые, а внутри чёрные. Жёлтая – измена, а чёрная – душа у мужчин такая* (Урал. Шим.).

АС –

МУ́ЗЫКА, -и; ж. Общее наименование музыкальных инструментов. *Отец у меня музыкантом был. Раньше у него много всякой музыки было: и баян, и гармошка, и мандолина. Всё. А потом ничего не осталось* (Урал. Шим.).

АС + (другое значение)

МУКА́, -и; ж. Порошок из измельченной извести, используемый в качестве удобрения или добавки к пище животных. *А больше на муку надо было. Это удобрение такое. Она курам идёт, удобрением она же идёт. Известь мелют. Она, как мука, крупнее* (Чаг.Шим.).

АС –

МУКИ́ЧКА, -и; ж.; **МУЧИ́ЧКА,** -и; ж. и **МУЧКА́,** -и; ж. Уменьш.-ласк. к общерус.

МУКА. Измельчённые зёрна злаков, сырьё для изготовления хлеба и других продуктов питания; мука. *Дрожжи кладёшь, водички тёпленькой, посолишь. Потом туды это, мукички заболтаешь, она подойдет* (Светил. Бел.). *Картошки накопаешь, промоешь, ну поскрипит кое-где на зубах – ничего страшного. Если ещё туда мучички добавишь, так вообще вкусно! Я б и сейчас поел* (Заг. Сел. Своб.). *А потом туды выливаешь эти дрожжи, мучки добавишь* (Гащ. Своб.).

АС –

МУЛЮНЕ́, неизм.; ср. Сорт ниток для вышивания, мулине. *Вот нитки же какие-то особые были, ткани вот. Мулюне назывались нитки* (Зел. Бор Мих.).

АС –

МУНИЦИПА́ЛКА, -и; ж. Орган местного самоуправления; муниципалитет. *А сам прииск приказал долго жить, передали всё местным властям, в муниципалку* (Урал. Шим.).

АС –

МУРА́Ш, -а́; м. Муравей. *Пятоуо авгууста подписали китайцы капитуляцию и начали выползать, как мураши* (Черн. Своб.). *Ну, рыбы было мноуо, если паута или мураша в наживу бросил... – А мураш это что? – А мураши это чёрные, ползають, а есть они длинные таки, здоровые, крылатые* (Заг. Сел. Своб.).

АС + (мурашка)

МУРЛА́ТЫЙ, -ая, -ое. Крупный. *Котенок мурлатый будет, вон как титьку-то у обоих дудонит* (Черн. Своб.).

АС +

МУСА́Т, -а; м. Кусок камня или металла для высекания огня ударом о кремь; огниво. *Огонь добывали огнивом или мусатом, одно и то же. Стальной штукой ударили по камню, по кремню, и появилась искра* (Кухт. Луг Шим.).

АС –

МУТО́ВКА, -и; ж. Деревянная лопатка для замеса теста. – *Така была мутовка у меня сделана деревянная... как лопаточка. – Ну, этой мутовкой только квашню мешать, да? – Да* (Кас. Арх.).

АС –

МУ́ТОРНО. В функции сказ. Трудно, тяжело, тяжко, неприятно. *А свиней-то, их тоже надо и накормить, и воды налить... Вот надо тут ему и в земле ямку сделать, чтоб туда воды налить, чтобы грязь бы-*

ла, ему грязь нужна туда. Ой, муторно это (Заг. Сел. Своб.).

АС –

МУТЬ, -и; ж. Недоброжелательный или порочащий слух о ком-нибудь; сплетни. Она их позвала и наговорила им всякую муть на эту бабу (Черн. Своб.).

АС –

МУХВА́, -ы; ж. Собир. Мухи. Придёшь, и лица у ребёнка не видать, мухва одна (Максим. Октябр.)

АС –

МУХОТА́, -ы; ж. То же что **МУХВА́**. Картошку пойдешь, накопаешь, на печку поставишь, стол стоит, а мухоты полно (Мих. Маз.).

АС +

МУЧИ́ТЬ, -у, -ишь; несов. Добавлять небольшое количество муки. Эту воду туда, размешать и мучить маленько (Великокняз. Бел.).

АС –

МУЧИ́ЧКА, -и; ж. См. **МУКИ́ЧКА**, **МУЧКА́**.

АС –

МУЧКА́, -и; ж. См. **МУКИ́ЧКА**, **МУЧИ́ЧКА**.

АС –

МЫЖУ́РЕ, мн. Маньчжуры. – А вы китайцев били? – Не мы, а мыжуре. Ну, мы этого не делали (Гильч. Тамб.).

АС –

МЫКА́ТЬСЯ, -юсь, -ешься; несов. Переступать с ноги на ногу, оставаясь на месте; топтаться. Раньше танцевали красивые танцы, а сейчас мыкаются, преступают туды-сюды, туды-сюды. Такая танцы странные (Урал. Шим.). А ну не мыкайся, иди отседова (Урал. Шим.).

АС –

МЫ́ЛЬНЫЙ ПУЗЫ́РЬ. Ребуция (Rebutia K. Schum) – растение из семейства какту-

совых с шарообразными стеблями, покрытыми мелкими колючками. А это мыльные пузыри. Он разными цветами цветет. Красными, жёлтыми – красивые в общем. Скажите же, похожи на мыльные пузыри. Шарики, шарики (Урал. Шим.).

АС –

МЫ́ЧКА, -и; ж. Длинные пучки конопли, льна, предназначенные для прядения. Мычка? Ну, ёот так ёот, как вам сказать? На үребёнку эту закидывается конопля, чешешь ее, ёот, и потом расчешешь хорошо, а потом берешь ее ёот так ёот, закручиваешь. Это называлось мычки (Зел. Бор Мих.). Пучки, которые надевают, называются мычки, здесь кудель, у нас мычки, так надевают, потом чешут (Краснояр. Маз.).

АС +

МЫШНЯ́К, -а; м. Многолетнее лекарственное растение Кровохлёбка (Sanguisorba), известное в народе как черноголовник. Мышняк, и черноголовник его некоторые зовут, а я его мышняком называю (Краснояр. Маз.). || Ср. **ЧЕРНОГОЛÓВНИК**

АС –

МЯКИ́НА, -ы; ж. и **МЯКИ́ША**, -и; ж. 1. Отходы при молотье хлебных злаков в виде рассыпающейся сухой травяной массы, используемой в разных целях, в том числе при строительстве жилища. Чем обмазывали дома? – Чем попало, навоз там, эти вот всякие, мякина. Это солома мелкая, когда от мякины отходит эта вот мелкая-мелкая там шелуха, от и всё эта мелочь. Когда это особо солома пересохнет, она ломается, и это вот мякина (Разд. Тамб.). Зерно на веялках веяли, вся мякиша оставалась, отсеивалась (Разл. Своб.). 2. (только у **МЯКИНА**) Блюдо, приготовленное из воды и отходов

при обмолоте и очистке хлебных злаков. *Хлебушек какой? Там мякина по кусочку. – А мякина это что? – А вот рожь или что, отсеиваешь, вот эти вот остатки месишь...* (Краснояр. Маз.).

АС + (1 значение: мятина)

МЯКІША, -и; ж. См. **МЯКІНА**.

АС –

МЯ́ЛКА, -и; ж.; **МЯ́ЛИЦА**, -ы; ж. и **МЯ́ЛЬНИЦА**, -ы; ж. Деревянное приспособление для выделки льна, конопли. *Коноплю брали, потом мялки таки были. Сушили, мялками переминали. А потом на прялке пряли. Выминали это всё. Выбивали острогу (Комиссар. Бел.). С пеньки, пенька – конопля. Её мяли на мялке, потом хлестали всё, и это пряли толстыми, как сейчас есть мотало, и это в колодки забивали (Дим Мих.). – И начинают тогда такие мялки делать. – А что это такое? – Называется мялка, это вроде скамейка на четырех ножках, а на ней там делается из двух досок, чтобы тут было отверстие (Краснояр. Маз.). Мялка была такая длинная, рубчатая. И вот так мнуть, крутуют его, выбьют его, и он такой мякенький-мякенький... И ниточки прядут (Гриб. Арх.). А потом была такая мялка, машина деревянная, и там было колесо, ручка была. Она мнет, мнет... (Краснояр. Маз.).*

НАБІРКАТЬ, -ю, -ешь; сов. Ложно обвинить кого-нибудь; оклеветать. *Заходит их переводчик и что-то ему набиркал, а он каже, тьфу, прям на морду мне как плюнул немец (Преобр. Окт.).*

АС –

НАВЕРНУ́ТЬ, -у, -ёшь; сов. Произвести удар; ударить. *Я страдала, страданула, мать поленом навернула (Преобр. Окт.).*

АС –

Баба моя ў войну работала, лён в мялке мяла, советский герб вышивала (Дмитр. Своб.). А потом мялицами мяли и добывали хлопку эту (Разд. Тамб.). А потом такая мяльница есть, мяли вот этой мялкой (Белояр. Маз.). Старенькие старушки, которые уже на поле на работу не идут, они его обрабатывают, там разные мяльницы трут его (Урал. Шим.).

АС +

МЯ́ЛИЦА, -ы; ж. См. **МЯ́ЛКА**, **МЯ́ЛЬНИЦА**

АС – (мяльце)

МЯ́ЛОЧЬ, -и; ж. Огородные культуры, травы. *Четыре сотки садим мялочи, огурцы есть (Урал. Шим.).*

АС –

МЯ́ЛЬНИЦА, -ы; ж. См. **МЯ́ЛКА**, **МЯ́ЛИЦА**

АС +

МЯСНІ́К, -а; м. Перен. Любитель мясной пищи. *Суп не хочет, а что я им дам, он мясник, любит мясо. Надоел это котик (Заг. Сел. Мих.).*

АС –

МЯ́СО, -а; ср. Собир. Название промысловых животных. *Лес валили, охотничали. Здесь очень мяса много было (Урал. Шим.).*

АС –

Н

НАГУЛЯ́ТЬ. 1-2 л. ед. не употр.; сов. Беременеть. *Если корова ещё не нагуляла, то уже называют нетель (Желтояр. Маз.).*

АС –

НАЙТІ́СЬ, -дусь, -дёшься; сов. Появиться на свет; родиться. *Ну, свиаркой была. Когда у меня уже Светка нашлася, я уже переменила профессию (Гильч. Тамб.).* || Ср. **НАРОДИ́ТЬСЯ**, **ПОРОДИ́ТЬСЯ**.

АС –

НАКРЯЖЁВАННЫЙ, -ая, -ое. Распиленный на части – кряжи (о дереве). *Вот они сейчас торгуют. Вот сколько барж уж нагрузили и отправили. Нонче же. А оно сколько еще накряжёванного леса* (Урал. Шим.).

АС + (кряжевать)

НАПЛА́В, -а; м., **НАПЛАВО́К**, -вка; м. Лёгкий плавающий предмет, прикрепляемый к рыболовной снасти; поплавок. *Ну, есть донки, есть с наплавами* (Урал. Шим.). *А наплавок это делается и плавается с такого материала, который или воздухом накаченный, или что. Там закрывают, и он находится на поверхности воды, а когда рыба берёт за крючок, то наплавок начинает дрожать, и потом он уходит в воду* (Урал. Шим.).

АС +

НАПЛАВО́К, -вка; м. См. **НАПЛА́В**.

АС +

НАПОЛА́М, нареч. Пополам. *Сын ейный тоже буйный, палкой матке по башке бил так, аж палка наполам поломалась* (Чемб. Своб.).

АС –

НАПОСЛЕ́ДЕ, нареч. Потом, позже, после. *А за отца вот мноуи получали, хоть по девяносто два или три рубля, а я уже напоследе... Сразу вроде запротестовали, шо я с паспортом, совершеннолетняя, запретили. А потом уже, вот не так давно, года два прошло, ў газете: «Это ничё не значит, хочь там скоко годов, а должно получать»* (Песч. Окт.).

АС + (напоследни)

НАРВА́ТЫЙ, -ая, -ое. Нарванный. *Стоит два ведра нарватых урибов, она тут же высыпала нам на землю* (Светил. Бел.).

АС + (нарвантый)

НАРЕ́ЗАТЬ, -ежу, -жешь; сов. Размежёвывать, определить участки земли. *Ну, он*

такой безотказный был. Попросишь, это самое, нарезал урядки там, и-и окучил нам картошку. Трактором это всё он делал (Великокняз. Бел.).

АС –

НА́РЕЗЬ, -и; ж. Углубление в виде узкой канавки, сделанное режущим инструментом; нарез. *Винтовка или карабин, а там нарезь внутри. Когда пуля летит, она вернется быстро, нарушенное оно* (Чаг. Шим.).

АС –

НАРКОМА́НЬ, -и; собир. Те, кто принимают наркотики; наркоманы. *А от молодёжь она, собственно, закурила себя, наркомань ...* (Песч. Окт.).

АС –

НАРОБИ́ТЬ, -блю, -бишь; сов. Сделать, совершить что-нибудь. *Шо ж я наробила! Я своего сыночка со свету сгубила* (Успен. Бел.). *А ну, попробуй: конь, корова быжить, наробыли делов* (Макс. Окт.).

Укр. **НАРОБИ́ТИ** – сделать

Белор. **ЗРАБИ́ЦЬ** – сделать

АС +

НАРОДИ́ТЬСЯ, -жусь, -дишься; сов. См. **НАЙТИ́СЬ**. *У них народилась дочка, стали они так дружно жить* (В.Урт. Конст.). *Ребёнок народился, помёр, суточки прожил, как куколка махонькая была, живая* (Дим Мих.). *Ребёнок народился, а хату нам не давали* (Черн. Своб.). *Сын народится, давали землю, добавляли, ну, там есть столько гектар, сколь я знаю, а дочь народилась – чужая говорят* (Великокняз. Бел.). *У меня есть две кошки, два котёнка ещё и один такой же народился* (Ник.-Александр. Окт.). || Ср. **НАЙТИ́СЬ, ПОРОДИ́ТЬСЯ**.

АС –

НАРОЖДА́ТЬ, -ждаю, -ждаешь; сов. Родить в каком-нибудь количестве. *Она тут*

*и замуж вышла, тут и дети все от неё
породились. Шесть человек одних нарож-
дала* (Сыч. Своб.).

АС –

НАРОЖДАТЬСЯ, -юсь, -ешься; несов.

Рождаться. *А тут известно, нарождалися
люди и жили здесь* (Гриб. Арх.).

Белор. НАРАДЖАЦЦА

АС –

НАРУШНИК, -а; м. Полотенце. *Ну, тогда*

звали нарушники, а щас полотенцы
(Н.Андр. Бел.).

Укр. РУШНИК

Белор. РУЧНІК

АС + (ручник, рушник)

НАРЫВАТЬ, -ю, -ешь; несов. Сбирать в
больших количествах (о ягоде, грибах).

*Конечно, ягод по двенадцать ведер нары-
вали* (Н.Андр. Своб.).

АС –

НАРЯЖДАТЬСЯ, -юсь, -ешься; несов.

Наряжаться. *Девки на праздники кто как
может наряжаются* (Чемб. Своб.).

Укр. НАРЯДЖАТИСЯ

АС –

НАРЯЖЁННЫЙ, -ая, -ое. Украшенный;

нарядный. *Я видела, ходила в магазин, не-
сколько машин наряжённых пикали ехали*
(Краснояр. Маз.).

АС –

НАСАЖДАТЬ, -ю, -ешь; несов. Застав-
лять принять сидячее положение; усажи-
вать. *Детей насаждают на колени, и пони*

катают по улицам (Преобр. Окт.).

АС –

НАСДАВАТЬ, -ю, -ешь; сов. Ударами
причинять боль; избивать. *А пьяного чё,*

лупи да и всё, вот он ему и насдавал (Черн.
Своб.).

АС –

НАСЕЛИТЬ, -ю, -ишь; сов. и **НАСЛЕ-**

ЛИТЬ, -ю, -ишь; сов. Укладывать плотно

рядом составные части: доски, плиты;
настелить. *Нас заедали блохи, воши, ой,
тараканы, всего полно, невыносимо. А чё
делать? Все равно мы полили, полики
населили, и на полке спали* (Заг. Сел.
Своб.). *А в землянке стол и нары. Нары, не
кроватей, ничего не было. Это под вид ла-
вочки. И здесь потом наслелили. Тогда не
было досок, жердины уложили. А матрас.
Вот шо накосили, подсохла трава, побил
матрас и на нары* (Урал. Шим.).

АС –

НАСКАЗАТЬ, -жу, -жешь; сов. Передать

голосом напев, мелодию; напеть. *Кто
быстрее подберет на мелодию, нассказал*

*какую песню, вот тот и получает этот
полубаян* (Светил. Бел.).

АС –

НАСЛЕЛИТЬ, -ю, -ишь; сов. См. **НАСЕ-**
ЛИТЬ.

АС –

НАСМЕРТЬ, -и; ж Смерть. *Сколько холо-*

да видали, сколько уолода, сколько

насмерти видали, да ... всё было. А нас вот

Боу бережёт, мои подружки, с которыми

я ходила на улицы, с какими вот сейчас

работала, звеньевая была, одна осталась

женщина. Все помярли, и подружки все

помярли (Дим Мих.).

АС –

НАСТИЛАТЬ, -ю, -ешь; несов. Сажать

для выращивания. *А счас конопля крууом*

растёт, у нас полны крууом её, той коноп-

ли. Иль специально настилают её, чёрт те

знает (Преобр. Окт.).

АС –

НАСТРОГАТЬ, -ю, -ешь; сов. Дать нача-

ло жизни (о детях); зачать. *Детей четве-*

рых настрогал мне и помер (Комиссар.

Бел.). *Родители мои, ну, я так слыхала,*

яко, я шибко не интересовалася, а слыхала,

что говорили, что с Украины. Отец с

Украины. Здесь поселились и тут нас настроуали. У нас вот эта семья большая была. Пять девочек и два мальчика (Успен. Бел.).

АС –

НА СУХУЮ, нареч. Осуществлять что-либо без приёма алкогольных напитков. Я на сухую не пою. Мне бы взбодриться (Чаг. Шим.). Ой, песни вам спеть. Я хоть водку и не пью, я на сухую-то петь я не люблю. Да и одна как-то, без гармошки. Нет, девочки (Урал. Шим.).

АС –

НАСЫПУШКА, -и; ж. Крестьянский дом, построенный в земляном углублении; землянка. А насыпушки были. Это избушки такие, землянки, она почти вся в земле была (Кухт. Луг Шим.). || Ср. **ПОСЫПНУШКА**

АС –

НАТАПЛИВАТЬ, -ю, -ешь; несов. Нагревать топкой; протапливать. - А хлеб пекли в печах? - Вот это ж хлеб, хлеб тоже. Наттапливали эту печь, и потом это формы были такие, где тесто ложили и в печку, а пироги на этих, на листах таких делали (Дим Мих.).

АС –

НАТЕСНИТЬСЯ, 1-2 л. ед. не употр.; сов. Собраться в большом количестве в тесном помещении (о людях). Летом ... так на улице, а обычно зимой делали ў доме, натеснятся. Мно-оуа народу. Справляли свадьбы (Заган Своб.).

Укр. ТІСНИТИСЯ

АС –

НАТМЕСТ, предлог с род. Вместо (кого - чего?). Клён рвали, сушили натмест муки. А картошку унилую накопиеш и вот такие напечёшь вот эти лепёшечки (Белояр. Маз.).

АС + (наместо)

НАТОМИРОВАТЬ, -рую, -руешь; сов. и несов. Анатомировать. Жена вызвала «скорую», ещё сразу не едут, спрашивают: старый или молодой. Ему бы было 30 лет – натомировали его (Разл. Своб.).

АС +

НАТОПАТЬ, -ю, -ешь; сов. Наругать; сделать замечание в резкой форме. И вот тоже, так иду с мастерской. Что-то трактор поломался. Там на меня натопа-ли хорошо. Спрашивали, как со взрослого (Великокняз. Бел.).

АС –

НАТОПЛЕТЬСЯ, 1-2 л. ед. не употр.; сов. Нагреться, натопиться до определённой температуры. А по-белому наши печки. Мы с бабушкой железную поставили, скоро и хорошо, быстро натоплется (Н.Андр. Бел.).

АС –

НАТРУСИТЬ, -ушу, -ушишь; сов. Собрать в определённом количестве, вытряхивая из чего-нибудь. Ходит по ...мак, целое ведро натрусит этого маку. Эти повикидывает, пожмёт. Щас мак если посади, так и огород унесут (Светил. Бел.).

Укр. ТРУСИТИ

АС –

НАТЫКАТЬ, -ю, -ешь; сов. Произвести беспорядочную посадку растений. Всегда сажаю я их, гладиолусы, я люблю гладиолусы, и вот всегда сажаю, нынче насажала и по картошкам и везде натыкала (Зиг. Своб.).

АС –

НАУЧАТЬ, -ю, -ешь; несов. Учить, обучать чему-либо. А кто хочет мае, пускай научает, пускай до рассвета гулять не пускает (Успен. Бел.). В школе учителя научалы нас, рассказывалы, шоб мы знали (Великокняз. Бел.).

Белор. НАВУЧАЦЬ

АС –

НАХИЛЯТЬСЯ, -юсь, -ешься; сов. Навалиться всем телом; с силой налечь, придавить. *Идёт дед, подходит до топчана и так, знаешь, нахилиется на меня, уже начинает придавливать к топчану* (Лохв. Бел.).

Укр. НАХИЛЯТИСЯ – наклониться

Белор. НАХІЛІЦЦА

АС –

НАЧЕПУРЮНИТЬСЯ, -нюсь, -ишься; сов. Наряжаться, прихорашиваться. *Раньше гулять не разрешали, как сейчас, тринадцать–четырнадцать лет она накрутилась, напудрилась, начепурюнилась и пошла с ребятами, там чё-нибудь творят* (Н.Андр. Бел.).

Укр. ЧЕПУРИТИСЯ

АС –

НАЧЕРТА́, нареч. Зачем. *А говорят: «Возьми собачку». Я говорю: «А начерта я буду бояться, она лаять будут, тут же люди ходят и молодёжь»* (Краснояр. Маз.).

АС –

НАШЕЙНИК, -а; м. Ошейник. – *У вас такие собаки! – Ой! Одну надо ликвидировать. Ни ... нашейник ни один не держит её, снимает и всё нашейник* (Н.Андр. Бел.). – *Рекс! Ну-ка, иди на место! Отвязался, падла! Нашейник снимает и всё* (Великокняз. Бел.).

Укр. НАШИЙНИК

АС –

НАШЕЛУШИТЬ, -у, -ишь; сов. Отделить внешнюю оболочку, шелуху от чего-нибудь. *Кашу кукурузную сами делали. Вот нашелушишь её, вырастишь, в корм свиньям давали, а то и куры ели* (Великокняз. Бел.).

АС –

НАШМУРУЖИТЬ, -жу, -ишь; сов. Изготавливать, связывая вместе (о вениках). – *А,*

вот вы говорили, что положили икону в гроб. А иконы клали в гроб? – Нет, ў гроб-то клали берёзовые веники, нашмуружуют и накладывают (Н.Андр. Бел.).

АС –

НАШПАРИТЬ, -рю, -ишь; сов. Экспр. Сделать что-либо быстро, энергично. *Нашая медичка приходила, ему укольё нашпарила, наделала* (Черн. Своб.).

АС –

НАЯРИВАТЬ, -ю, -ешь; несов. Экспр. Употр. для обозначения быстрого интенсивного действия. *Ешио из тыквы повидлы делали, или её так чишишену сваришь, или у печи спечёшь, а потом токо так наяриваешь* (Черн. Своб.). *Ешио на праздники собиралися, мужик мой на баяне наяривал, а мы песняка давали* (Черн. Своб.). *Я на балалайке наяривала* (Черн. Своб.).

АС –

НДРАВИТЬСЯ, -влюсь, -ишься; несов. Нравиться. *Ой, весело как было, а щас могла стала. Мне не ндравится щас...* (Великокняз. Бел.).

АС +

НЕБОЛЬШЕНЬКИЙ, -ая, -ое и **НЕБО́ЛЬШЕНЬКИЙ**, -ая, -ое. Небольшой, незначительный по размеру. *У нас свой домик был небольшёнкий* (Костюк. Своб.). *Помню, на той улице был небóльшенький такой домик* (Мих. Маз.).

АС +

НЕБО́ЛЬШЕНЬКИЙ, -ая, -ое. См. **НЕБОЛЬШЕНЬКИЙ**.

АС –

НЕВЕСТОЧКА, -и; ж. Уменьш.-ласкат. к общерус. **НЕВЕСТА**. *Нелюбий невесточке наливает зелёного яда* (Успен. Бел.).

АС –

НЕГОДЬ, -и; ж., **НЕПОГОДЬ**, -и; ж. Плохая погода; непогода, ненастье. *Если плохая погода – негодь* (Мих. Маз.). – *У вас как-нибудь называется пасмурная погода?* – *Непогодь* (Мих. Маз.). *Сразу видно, что будет непогодь* (Черн. Своб.).

Укр. НЕГОДА

АС + (негода)

НЕДАЛЁКО, нареч. Недалеко. *Ну, и от дороги недалёко, так вот как до трассы* (Гур. Своб.). *Ну, от станции недалёко* (Н.Иван. Своб.).

АС –

НЕДВИЖИМЫЙ, -ая, -ое. Лишённый возможности двигаться, неподвижный. *У нас старик на углу живёт и собак ест. А у него сестра недвижимая. Ей сейчас ничего не плотят. Вскоре и мне такая жуть подойдёт, надо будет нанимать кого-то* (Черн. Своб.).

АС –

НЕДОБОР, -а; м. Бескрайний лес. *Там лес, называется недобор, конца краю нету ему* (Разд. Тамб.).

АС –

НЕДОКУПИТЬСЯ, -люсь, -ишься, сов. Не иметь возможности купить, приобрести. *Щас чем лучше? То, что китайцы стали снабжать одежей? Щас посмотришь, русского никакого нет. А дак, если оно есть, его не докупишься* (Великокняз. Бел.).

АС –

НЕДОНОСКИ, -ок; только мн. Одежда, бывшая в употреблении, передаваемая в семье от старших детей младшим. *А вот старшие сестры носили это самое, уже нам недоноски. Мы стали ходить, потому что они аккуратно стали носить* (Великокняз. Бел.).

АС –

НЕДОРОСТОК, -а; м. Малолетний ребёнок. *Я вот в Гомель ходила за солью, мы в*

три часа утром встаём, на Западе там, ну, соседи, а мы недоростки, нас человек восемь было (Зел. Бор Мих.).

Укр. НЕДОРОСТОК

Белор. НЕДАРОСТОК

АС –

НЕДОХВАТОК, -а; м. Отсутствие, недостаток нужного количества чего-нибудь. *Холодно было, раздетые, разутые, недостаток, недостаток тогда был, и вот мы так и повырастали на этой печке* (Великокняз. Бел.).

Укр. НЕДОХВАТ

Белор. НЕДАХВАТ

АС +

НЕЙДЕ, нареч. Негде. *И мы, когда приехали, тут жить нейде было* (Заг. Сел. Своб.).

Укр. НІДЕ

Белор. НЕДЗЕ

АС –

НЕЛЮБЫЙ, -ая, -ое. Нелюбимый. *Нелюбый невесточке наливает зелёного яда* (Успен. Бел.).

АС –

НЕМА́ и **НЕ́ТУ**. В значении сказ. Нет; не имеется в наличии, отсутствует, не существует. *Молоко беру, потому что своего нема. Молоко, оно ж дорогое* (Великокняз. Бел.). *А у нас чё, нема ни печки, ничего* (Белояр. Маз.). *Сейчас нема законов, совсем плохо жить стало* (Чемб. Своб.). *У меня нету бани* (Черн. Своб.).

Укр. НЕМА

Белор. НЯМА

АС –

НЕМО́ЖНО. В значении сказ. НЕЛЬЗЯ. *Блох вы не видали никогда? Вы не представляете, это такая маленькая, такая кусучая и прыгает она, вот. Её невозможно поймать, никак не прибить, не поймать, вот она прыгает* (Заг. Сел. Своб.).

Укр. НЕ МОЖНА

Белор. НЯМОЖНО

АС –

НЕМЫШЛЕННО, нареч. Неумышленно. *Там же, где мельник, там столбов, склад такой, столбы близко. Он был с утра пьяным. И он неумышленно сделал, я не обижался* (Заг. Сел. Своб.).

АС –

НЕНАВИСТНЫЙ, -ая, -ое. Нелюдимый, необщительный, замкнутый. *А так староверы в основном. У их и вера своя. Вот в Киселеозёрке дед Борисов жил. Так если попить попросишь, так и это, и дашь или не дашь, так в не такой чистой кружке, негодной или что там. Так и были вроде ненавистный или что* (Великокняз. Бел.).

АС –

НЕНАВИСТЬ, -и; ж. Ненависть. *А сейчас вот посмотрю: какая-то ненависть, зло у людей* (Варв. Окт.).

АС –

НЕПОГОДЬ, -и; ж. См. **НЕГОДЬ**.

АС –

НЕПОГУЛИТЫЙ, -ая, -ое. Животное, которое ещё не подвергалось скрещиванию. *У нас сейчас тёлка непогулитая* (Черн. Своб.).

АС –

НЕРВЕННЫЙ, -ая, -ое. Нервный. *У нас отец строгий был, да он был у нас инвалид, бедноногий да нервный, и лупасил иногда* (Краснояр. Маз.).

АС +

НЕРОДИМЫЙ, -ая, -ое. Непопородный (о земле). *Жили мы там очень бедно, у нас земля как-то неродимая* (Дим Мих.).

АС –

НЕРОДНЫЙ, -ая, -ое. Не состоящий в прямом (кровном) родстве; неродной. *А этот отец неродный, не хотел* (Разд. Тамб.).

АС –

НЕСКЛАДУ́ХА, -и; ж. Нечто нескладное, без смысла (о песне). *Пели раньше, только одни нескладухи получались, ерунда всякая, ни рифмы, ничё* (Светил. Бел.).

АС –

НЭСЛУХ, -а; м. Тот, кто не слушается. *Сейчас посмотрю, дети не такие, как наши, или разбалованные сильно, какие-то они неслухи* (Заг. Сел. Своб.).

АС –

НЕСЛУ́ШНЫЙ, -ая, -ое. Непослушный. *Я была последняя, неслушная, мне попадало* (Заг. Сел. Своб.).

АС –

НÉТУ. См. **НЕМА́**.

АС –

НЕХА́Й, част. Пусть, пускай. *Ты не бращей внимания, нехай говорят, что хочет* (Зел. Бор Мих.). *Хоча, нехай продукты бере* (Чемб. Своб.).

Укр. НЕХАЙ

Белор. НЯХАЙ

АС –

НÉЧА, мест. Нечего. *Вчерасть картошку дотюкала, щас и делать неча, с внучатами весь день возжусь* (Черн. Своб.).

Укр. НІЧОГО

Белор. НЕЧАГА, НЯМА ЧАГО

АС +

НИКУДЫ́, нареч. Никуда, ни в какое место. *То я ездила, то они ездят, а сейчас уже почти никто никуда* (Успен. Бел.).

Укр. НІКУДИ

Белор. НІКУДЫ

АС + (другое значение)

НИКУДЫ́ШНИЙ, -ая, -ое. Никуда не годный, плохой. *Наркоманы, какие прямо никудышние, а я вот и не верю, как щас говорят: «Ой, обкурился, он и сделал это». Я не верю! Я с ними работала и знаю* (Великокняз. Бел.).

АС + (никудашний)

НИНОК, -ка; м. Вид обуви для улицы. *Щас я нинок сниму, пойду ў хату, подождите* (Макс. Окт.).

АС –

НИСТЕРСКИЙ, -ая, -ое. Министерский. *Он работал на нистерском пароходе* (Урал. Шим.).

АС –

НИЧЁГО, мест. отриц. с последующим отрицанием. Ничего. *У Женьки ничёго не получится* (Зел. Бор Мих.).

Укр. НІЧОГО

Белор. НІЧОГА

АС –

НОЖНИ, -ней; только мн. Ножницы. *А пуповину обрезала сразу ножнями* (Заган Своб.).

АС +

НОЖТЯ, -и; ж. Опора, нижний конец мебели; ножка. *Встаю, свет включаю, смотрю, она эта как у ножти эта петля. – А ножти это что? – Ну, у кровати ножки* (В.Урт. Конст.).

АС –

НОНЧЕ, нареч. 1. Недавно. *Тожэ ж трудно приехать, когда там выходной дадут. Машину вот купили только нонче, а то ж ни было машины* (Разд. Тамб.). *Детей у нас здесь мало, нонче трое ходили, то приходила машина скорая, ездили в Ураловку* (Кухт. Луг Шим.). 2. Теперь, сейчас, нынче. *Так, ну вишня нонче у меня пропала* (Желтояр. Своб.). *Кабанов да корову держала, нонче только уже не держим, что не могу уже. Так держала я всё* (Урал. Шим.).

АС +

НОЧВА, -ы; ж. Деревянная ёмкость (корыто, кадка), используемая в разных хозяйственных целях. *А тогда на речку бельё это полоскать, и дома стирали, а на речку... Зимой замерзает, вот мама у меня*

тожесть. Было коромысло. На коромысло это бельё, оно мёрзнет, руки... Домой это приносит, ванну, а были эти, по-украински ночвы назывались, деревянные такие. Ну, вот туда выкладывали (В.Урт. Конст.). *Тут даже не было вот этот вот ванны... С дерева какая-то... Выпиливают. Делают, ночви называются* (Толст. Тамб.).

Белор. НОЧВА

АС +

НОЧЁВКА, -и; ж. Уменьш. к **НОЧВА**. *Ночёвки деревянные были, стирать* (Разд. Тамб.). *У нас были ночёвки, ну, эт корыта делают так, там и тесто мешали* (Мих. Маз.).

Белор. НАЧОЎКІ

АС +

НОЧУВАТЬ, -ую, -ешь; несов. Ночевать. *И я у подружки ночувала, вот я рвала цветы, приснилось мне цветы* (Разд. Тамб.).

АС –

НОЧЬ. ◇ **НОЧЬ-ПОЛНОЧЬ**. Позднее ночное время. *Я грю, у нас была ночь-полночь. Идёшь, никто тебя не тронет, нигде, ничё* (Великокняз. Бел.).

АС –

НПЕРАТУРА, -ы; ж. Температура. *Уехали на торф, а я осталась, болела. Наверно, с полмесяца нпература была* (Великокняз. Бел.).

АС –

НРАВИТЬ, -лю, ишь, несов. Одобрять что-либо; любить. *Я ни нравлю эти свадьбы* (Разд. Тамб.).

АС –

НСТИТУТ, -а, м. Институт. *Сашка нститут щас кончая, куда-то... забыла, не знаю, она ж редко ходют, учутся там* (Великокняз. Бел.).

АС –

НТЕРЁСНО. В знач. сказ. Интересно.
А вы откуда? Кто вы? Мне тоже нтересно о вас, девочки (Дим Мих.).

АС –

НУЖАТЬСЯ, -юсь, -ешься; несов. Испытывать нужду; нуждаться. *Семья наша нужалась во многом* (Черн. Своб.).

АС –

НУЖНО́. В знач. сказ. Нужно; требуется.
Говорю: «Коля, бери Любу, да приезжайте, да и живите, кому оно нужно всё это?» (Заг. Сел. Своб.).

АС –

НУ́МЕР, -а; м. Номер. *Нумера уликов означены там* (Желтояр. Своб.)

АС –

НЯ́НЬКАТЬСЯ, -юсь, -ешься; несов. Ухаживать за детьми; нянчиться. – *А вы как своих детей растили? – Мы как растили? А я то, мы так нянькались, вот уже у меня восемь внуков, девять и восемь правнуков у детей* (Дим Мих.).

АС –

КОГНИТИВНАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Актуальность когнитивных исследований определяется необходимостью системного изучения работы человеческого сознания и пониманием того, что наиболее единственным и доступным способом этого изучения является анализ языковых структур. Исследование широкого круга языковых явлений связано с соотношением языковых форм с их ментальными репрезентациями и с тем опытом, который они отражают. Когнитивный подход к изучению фактов языка используется также для выявления культурных и национальных особенностей членения действительности. Исследования в русле когнитивной парадигмы предполагают обращение к носителю языка – говорящей мыслящей личности. Опубликованные в разделе статьи представляют результаты изучения процессов обыденного познания.

Статья Д.Н. Галимовой (Благовещенск) посвящена анализу фрагмента диалектной метафорической картины мира, который связан с представлениями диалектоносителей о природных объектах и явлениях.

В работе Е.Л. Калининой (Хабаровск) исследуется отражение в языковом сознании говорящих топонима как культурно-языкового кода.

Когнитивный подход к языковому материалу весьма продуктивен в лексикографической практике. Опыт лингвокогнитивного лексикографирования на материале народных примет дождя представлен в статье В.П. и Э.В. Васильевых (Кемерово).

УДК 800.86/87; 003

Д.Н. Галимова

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ МИРА ПРИРОДЫ В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

В статье предпринят опыт лингвокогнитивного моделирования концептуальной сферы «Мир природы» на материале метафорических наименований явлений природы в русских говорах Приамурья.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, амурские говоры, диалектная метафора, миромоделирование, диалектный дискурс, языковая картина мира

The paper is intended at inventorying a cognitive model of the concept area "Natural World". The empirical material understudy includes metaphorical names of natural phenomena in Russian dialects in the Amur Region.

Key words: Cognitive Linguistics, Amur Dialects, Dialect Metaphor, Dialect Discourse, World Image Reflected in Language.

При метафорическом моделировании фрагмента действительности человек использует образы из хорошо знакомых ему сфер, простые и конкретные, либо такие, в которых существенный в именуемом предмете признак выражен, по мнению называющего, явно. Характер используемых образов дает основания для того, чтобы делать выводы об эмоциональном и ценностном отношении говорящего к объекту метафоризации, об особенностях мировосприятия конкретного фрагмента действительности. Выбор источника для метафорического переосмысления обусловлен психическими и физиологическими особенностями восприятия, а также этно-

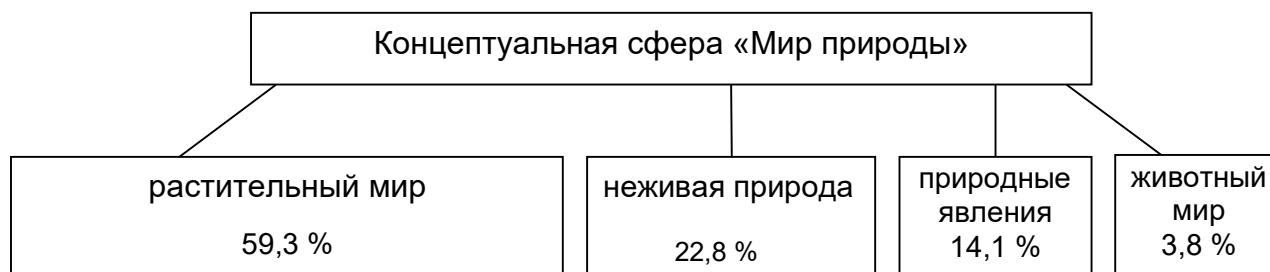
культурными особенностями, стереотипными шаблонами мышления, бытовыми условиями, социально-историческими событиями и ситуациями и т.д.

Исследование диалектной метафорической лексики говоров Амурской области выполнено с опорой на *теорию концептуальной метафоры* Дж. Лакоффа и М. Джонсона [1], в рамках которой метафора рассматривается как когнитивная операция над знаниями, способ отображения полученных знаний и объяснения действительности. Метафора связывает две понятийные сферы, создавая возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы. Представители когнитивной лингвистики в метафоре видят «основную когнитивную операцию», «важнейший способ познания и рубрикации мира» [2].

Наравне с метафорами в узком смысле слова в настоящем исследовании рассмотрены образные сравнения, метонимии, фразеологизмы, составные наименования как единицы, имеющие общую с лексической метафорой когнитивную основу и построенные на соотношении разных концептуальных областей.

Метафорические модели, по которым организуются метафоры понятийной сферы «природа» в диалектном дискурсе, реконструированы на основе соотношения исходного значения (далее – ИЗ) и результативного значения (далее – РЗ) метафор и, при наличии оценочной коннотации, на основе анализа выражаемых ими оценочных смыслов. Частные модели сгруппированы на основании общности сферы-мишени.

Как показывает проведенный анализ диалектной метафорической картины мира, реконструированной по записям речи жителей Амурской области, в сознании диалектоносителей понятия, входящие в сферу «природа», метафорическому переосмыслению подвергаются регулярно. В картине мира диалектоносителей природные объекты и явления являются самостоятельными, одушевленными сущностями, способными воздействовать на человека, что может быть расценено им как помощь либо как негативное воздействие. Фрагмент диалектной метафорической картины мира, отражающий представления диалектоносителей о природе, заполнен неравномерно: основное количество метафорических номинаций натурфактов относится к классу «Растительный организм», что обусловлено практическими интересами информантов (82 % которых – женщины), значимостью объектов данного класса как продуктов питания и лекарственных средств. Концептуальная сфера «Мир природы» может быть представлена в виде схемы, отражающей основные ее составляющие:

1. Растительный мир

Метафоры, являющиеся собственно названиями **объектов растительного мира**, в диалектном дискурсе относятся прежде всего к комнатным и садовым растениям, а также называют дикорастущие растения. Метафорическая номинация отражает особенности внешнего вида, вегетативного цикла и лечебные свойства растений.

Метафорические названия растительных организмов образованы по одной из трех метафорических моделей: «Растение – это человек», «Растение – это животное», «Растение – это артефакт».

В метафорах, организованных по модели «Растение – это человек», основанием метафоризации может выступать ассоциативное сходство окраски растения с цветом какого-либо объекта действительности. Например, в метафоре *цыганка* ассоциативно соотнесены окраска соцветия и цвета одежды цыганок: *Сорняки тут <...> у нас на Западе называется секор, а тут называют цыганка. Ну, вот, может, када видели, как растет манка, такая высокая, красная. И эта такая большая, выглядит, как манка (цыганка, РЗ – ‘Растение (какое?) с зонтикообразным ярко-красным соцветием’)*. Метафора может основываться на сходном впечатлении, создающемся при восприятии объектов: растение *кампанула равнолистная* (лат. – *Campanula isophylla*), пышно цветущее белым цветом и оттого кажущееся особенно нарядным, в диалектном дискурсе получает название *невеста*: *А это невеста, говорить. Она, видишь, коуда расцветет вся, так она вся белая-белая, вон как невеста*. Вероятно, бравый вид, являющийся с точки зрения народного сознания необходимым признаком человека, который носит высокое воинское звание, ассоциативно соотносим с впечатлением, производимым пышно цветущим садовым растением с длинным прямым стеблем – циннией: *Не расцвели у ней цветочки. Я у нее прошлый год майоры брала, а розочка цветет моя одна*.

Признаки, приписываемые человеку, также могут выступить основанием метафоризации для имени цветка, который получает в метафоре и оценочную характеристику: составляющие ИЗ *принц* (‘Титул члена царствующего дома или владетельного князя в Западной Европе, а также лицо, носящее этот титул’) – «занимающий высокое положение», «отличающийся от большинства», «такой, к которому нельзя прикоснуться» – метафорически переосмысляются в названии комнатного цветка *черный принц*: *А вот это черный принц. Цветет раз в пять лет, тоже такой гордый*. (РЗ – ‘Дельфиниум многолетний (лат. – *Delphinium cultorum tall*)’). В качестве названия может использоваться имя собственное в сочетании с указанием характерного признака метафоризируемого объекта. Растение *бальзамин* (лат. – *Impatiens*) получает название *Ванька Мокрый*, потому что перед дождем его листья покрываются каплями растительной жидкости: *Ванька Мокрый если плачет, это к дождю*. Данное растение имеет и другое наименование, похожее на собственно человеческую характеристику, – *плакун*. В метафорическом имени цветка может отражаться субъективная (женская) оценка человека: садовое растение *Гибискус тройчатый* (лат. – *Hibiscus trionum*), цветущее ярко-желтыми цветами с черной сердцевинкой, называется *мужским сердцем*, что мотивируется формой сердцевины цветка (подобной стилизованной форме сердца) и символическим значением черного и желтого цвета: – *А вот этот цветок называется «мужское сердце». – Почему? – Когда он цветет, то цветы сверху желтые, а внутри черные. Желтые – измена, а черная – душа у мужчин такая*.

Отмечены в диалектном дискурсе также названия растений, в основание метафорического имени которых положено их функциональное назначение: *У мене здесь два цветка лечебные. Это индийская луковина, а то хирурх. Этот любую ранку заживае, а та от ридихулита (хирург, ИЗ – ‘Врач – специалист по хирургии’, РЗ – ‘Комнатное лекарственное растение каланхоэ перистое (*Kalanchoe pinnatum*)’)*.

Источником метафорического переосмысления может выступать часть человеческого тела, в том числе его скелет. Например, комнатное растение (какое?), листья которого по форме и способу соединения со стеблем напоминают трубчатые кости пальцев руки, получило название *кисти скелета*: *Я вообще цветы люблю, у меня их много. Вот это у меня кисти скелета. Ну смотрите, похоже ведь. Как скелет* (ИЗ *кисть* – ‘Часть руки от запястья до конца пальцев’). Растение календула (‘Травянистое растение сем. сложноцветных, с оранжево-желтыми соцветиями (лат. *Calendula*)’) на основании внешнего сходства по форме лепестков соцветия с человеческими ногтями получило название *ноготки* (ИЗ *ноготь* – ‘Роговой защитный покров, роговая пластинка на концах пальцев человека’): *Вот эти, что ты пьешь, – ноготки, вот лечебные очень цветки. <...> Календула она по-медицински, а по-нашему – ноготки.*

Ассоциативное сходство по форме лежит в основании метафорических названий частей растительных организмов. Эти метафоры в большинстве своем являются характеризующими и могут быть отнесены к части любого растения при возможности установления подобия с каким-либо объектом действительности. Растительный организм или его часть могут быть внешне похожи на часть человеческого тела, что дает основание для метафорического переноса имени: длинные стебли огурца называются *косами*, лекарственное растение, корни которого напоминают ладонь, – *пятипальником*, семянка корбочка растения – *головочкой*, корнеплод – *головешкой*. Отдельный корнеплод может напоминать внешним видом человека: *Картошке уже пора, а куда? А дождей и не было-то, так были (картофелины) как солдатики такие, с ручками, с ножками, с уловешкой*. Отростки растения, из которых может развиваться новый растительный организм, называются *детками*: *Вот как у него (цветка) детки появятся – я тебе дам посадить*. При этом одна часть метафор выступает в номинативной функции (*косы, пятипальник, головочка, детки*), другая часть метафор выполняет характеризующую функцию (*с головешкой, с ручками, с ножками, как солдатики*). В целом значительное количество диалектных метафор выявляет антропоморфность как способ образной интерпретации метафоризируемых объектов.

Объект животного мира выступает источником метафоризации на основании сходства внешнего вида или формы части своего тела и формы листа или соцветия растительного организма (метафорическая модель «Растение – это животное»):

– *барашки*, ИЗ *баран* – ‘Самец овцы’, РЗ *барашки* – ‘Лилия карликовая, узколистная, саранка красная – *Lilium pumilum Delile*’ (*А здесь у нас барашки растут – саранки мелкие*);

– *петушок*, ИЗ – ‘Самец курицы’, РЗ – ‘Иридодиктиум (ирис) (лат. *Iridodictyum*)’ (*А мама моя, ей солдат принес табак – куль, она там еще разрезала, и на речке цветочки синенькие, там вот, коло речки. Она этими цветочками покрасила и ходила – юбка была. – А что за цветочки? – Петушки такие синенькие*);

– *курочки*, ИЗ *курица* – ‘Домашняя птица, разводимая для получения яиц и мяса; самка петуха’, РЗ *курочки* – ‘Трава бубенчик четырехлистный – *Adenophora thunbergiana Kudo*’ (– *Варили курочек. Я их теперь, курочек этих, и не найду, я и не знаю, что они за курочки эти, трава такая. Она высокая, по-моему, и листики такие. – А какие у нее листочки? – По-моему зубчиками ли че ли они вот такие вот зубчиками*);

– *гусиные лапки*, ИЗ *лапа* – ‘Ступня или вся нога у животных и птиц (обычно крупных)’, РЗ *гусиные лапки* – ‘Лапчатка гусиная – *Potentilla anserina L.*’ (*Вот есть еще лечебная (трава) – спорышек. Он еще называется «гусиные лапки»*).

Метафоризация основывается на признаке, характеризующем форму отдельной части животного. Например, слегка закрученные лепестки соцветия ириса напоминают свисающие перья петушиного хвоста. Перенос в данном случае может быть основан и на сходстве цветовых характеристик: темные с синим отливом перья на хвосте петуха близки по цвету темно-синим у основания лепесткам ириса. Для меньшего по размеру, чем соцветие ириса, соцветия дикой саранки, лепестки которой также словно вывернуты наружу, в качестве источника метафорического имени выбран иной объект – баранья шерсть, причем метафора *барашки* призвана также отличать цветки лилии карликовой (саранки красной) от цветков лилии кудреватой (саранки обыкновенной, *Li Num martagon L.*), возможное метафорическое название которой нами в диалектном дискурсе не зафиксировано. Зубчатая форма листьев растения *курочки* напоминает форму куриного гребня, но для метафорического именованья самого растения, как и в приведенных выше примерах, используется имя самой птицы. Поскольку перечисленные метафоры относятся к объектам растительного мира, являющимся «уменьшенным подобием» каких-либо реалий, в них присутствуют уменьшительные суффиксы: *-ик-* (*-ек-*), *-к-*, *-ок-*.

Соотносимость места расположения части относительно целого (шкура у животного и лыко на стволе дерева) также обуславливает возможность метафорического переноса: *В лаптях ходили. Лапти так вот сплетены. С дуба. Вот этот шкурка срывается, под низом котора, белая. И вот с этой шкурки плели лапти.*

Номинативные метафоры, организованные по модели «Растение – это артефакт», источником для которых выступают артефакты, отражают какие-либо особенности внешнего вида растения, например, особенности формы соцветия или листа:

– *калачик*, ИЗ – ‘Пшеничный хлебец, выпеченный в форме замка с дужкой’, РЗ – ‘Пеларгония зональная (*Pelargonium zonale*)’ (*Это вот алой лечебнай. А это вот калачик*);

– *калачик*, РЗ – ‘Просвирник низкий – *Malva pusilla Smith*’ (*Какие сорняки на огороде? – Калачик есть. Вот, гад, противный! Такие у него листочки, как калачики. Он к осени обычно растет*).

Нередко метафора, называющая цветущее растение, основывается на цветовом подобии двух объектов действительности, на их форме и на производимом ими впечатлении. Это отражено, например, в метафоре *свечка*, выступающей названием растения (Пахистахис желтый (*Pachystachys lutea*)), имеющего бело-желтые соцветия вытянутой формы, напоминающие свечки и выделяющиеся яркими пятнами на темном фоне листьев (*– А это что у вас за цветок стоит на окне? – Это свечка называется. – Почему свечка? – Да потому шо, видишь, вроде желтая свечка, как свечка*).

В основание метафорического переноса может быть положено функциональное назначение растения. Комнатное растение с оранжевыми ягодами, используемыми для лечения простудных заболеваний, получает название *аспиринка*, поскольку способно выполнять функции лекарственного средства – аспирин: *Вот это у меня аспиринка, ну, или ангинка. Кто-нибудь из детей заболевает, я запарю ягодки, и все как рукой снимает (аспирин, ИЗ – ‘Лекарственный препарат, употребляемый как жаропонижающее и болеутоляющее средство’); аспиринка, РЗ – ‘Паслен ложноперецный *Solanum pseudocapsicum*’). Второе название этого растения имеет метонимические основания: ситуация, в которой заболевший ангиной человек пользуется лекарственным растением, метонимически переносится и на название самого растения – *ангинка*.*

Основанием метафорического переноса может выступить форма артефакта: на основании признака «округлая форма» картофель сопоставляется с хлебобулочным изделием: *Вот у нас на Западе была картошка, вот такая круулая, вот как пышка, и рябая-рябая*. Внешнее подобие формы, цвета и сходство тактильных ощущений при прикосновении к объекту лежат в основании метафорического сравнения *как мочалка*, характеризующего отростки картофеля: *Вот и картошка портится, ростки вот такие, и она как мочалка, мягкая такая*.

Вид территории, полностью покрытой однородными растениями, вызывает ассоциации с гладким предметом, поэтому метафорическую интерпретацию получает огород – по внешнему виду и производимому впечатлению он соотносится с *зеркалом*: *У меня чистый оуород. Мужик один уворить: «Ну ни у кого нету такого оуорода, как у тебя. Зеркало!»* (РЗ – ‘Об отсутствии сорных растений на огороде’). Выделяемые в значении слова *зеркало* (ИЗ – ‘Гладкая, отшлифованная поверхность, отражающая находящиеся перед ней предметы, а также специально изготовленное стекло для рассматривания своего отражения, для украшения стен и т.п.’) дескриптивные компоненты «гладкий», «ровный» и периферийный компонент «чистый» связывают источник и объект метафоризации.

Метафорический перенос возможен и внутри одной понятийной группы (метафорическая модель «*Растение – это другое растение*»). Например, соцветие одного растения может быть сопоставимо по внешнему виду с плодом другого растения: *Где голубица растет, там они растут. Она (трава) небольшая, и на ней вот такие шишки. Вот идешь – она за платье цепляется, эти шишки*. Метафоризация основывается на таких признаках ИЗ как «шарообразная форма» и «поверхность с выступающими частями».

В целом в метафорах, называющих объекты растительного мира, отражаются основные закономерности метафоризации – это стремление сделать объяснение наглядным (*головешка, как мочалка, шишки*) и обращение к хорошо знакомым, освоенным понятиям других понятийных сфер при назывании или характеристике малознакомых или неосвоенных понятий (*пятипальник, шкурка*).

В метафорических **названиях периодов, составляющих вегетативный цикл растения**, обозначении способов распространения, лечебного воздействия чаще всего подчеркивается антропоморфность растительных организмов: их «действия» и «состояния» соотносимы с разнообразными действиями и состояниями человека. Эти метафоры реализуют метафорическую модель «*Растение – это человек*».

Начало роста растения связывается с началом пешего перемещения человека и интерпретируется через глаголы направленного движения: *И травичка посохла. Нету дождика. Ой ты, дождик, дождик. Тогда б пошла картошка* (ИЗ *идти* – ‘Направляться, отправляться куда-л. с какой-л. целью’, РЗ – ‘Начать рост (о растительном организме)’). Сорные растения, распространяющиеся по какой-либо территории, в представлении диалектоносителя действуют как существа, *ползущие* или *пролезающие* тайком куда-либо: *Вот есть трава мокрец, такой, по оуородам он ползет; Крапивою заросли вот мы. И сюды попролазила*. Поскольку скорость разрастания для растения по сравнению со скоростью перемещения человека невелика, говорящий выбирает глаголы движения, в ИЗ которых содержится признак «медленно». Отсутствие роста и развития (плодов) аналогично отсутствию двигательной деятельности сидящего человека: *У меня была клубника, хорошая была, а потом че-то пропала. <...> Посадила, года два она*

у меня или три *сидела*, цвела белым-белешенька, а ни одной ягодки не было (*сидеть*, ИЗ – ‘Занимать положение, при котором туловище поддерживается вертикально, опираясь на ягодичы’, РЗ – ‘Не плодоносить’). Период, когда дерево покрывается листвой, интерпретируется как процесс одевания растительного организма, что является результатом сопоставления человека и растения: *Ой, прошлый год было груш – боже мой! А нонче покупать надо будет на базаре на варенье. Да хоть бы не засохли, маленько они стали одеваться* ведь, а то вообще (РЗ *одеться* – ‘Облечься в какую-л. одежду’, ИЗ *одеваться* – ‘Покрываться листвой’). Быстрый рост и распространение сорных растений обозначается глаголом *буйнить*: *Щас в огороде работать надо: вон как трава буйнит* (*буйнить*, ИЗ – ‘Буйно вести себя, бесчинствовать’, РЗ – ‘Бурно разрастаться (о траве)’). Активное распространение сорной травы по территории может быть интерпретировано и через глагол деструктивного воздействия на объект *задавить* (ИЗ – ‘Придавлив собой (о чем-л. тяжелом, упавшем), умертвить’, РЗ – ‘Распространиться по большой территории (о растении)’): *Сорняки нас совсем задавили*. Хотя непосредственным объектом в данной ситуации выступает территория, засаженная культурными растениями, человек метонимически переносит результат негативного воздействия на себя. Распространение растительного организма, портящего поверхность, которую он покрывает, интерпретируется через глагол *съесть* (ИЗ – ‘Принять какую-л. пищу, уничтожить, поедая’): *Подоконники меняли, рамы меняли <...>, видно, поставили такие, они, их гриб быстро съел*. Так как объект, поверхность которого покрыта грибом, становится непригодным для использования, говорящий интерпретирует действие грибка как уничтожение объекта (РЗ – ‘Покрыть что-л. (о спорах растительного организма)’). Звуки, которые возникают при ударе по дереву, интерпретируются как звуки, которые издает человек: *Посмотрели (дерево), нет ли гнили, не бубнит ли оно. <...> Дупло есть внутри – глухо (бубнить, ИЗ – ‘Моноotonно повторять, твердить’, РЗ – ‘Издавать глухой звук при ударе (о полом стволе дерева)’). Годовой цикл дерева соотносим с жизненным циклом человека: в конце лета – начале осени, когда дерево получает все меньше питательных веществ из земли, его листья становятся более мягкими, вялыми, что в представлении диалектоносителя близко состоянию стареющего человека: *На зиму уготовят (веники). Вот как бяреза ужо начинае(т) старэть, уготовят, на вышку заносять, вешают их*.*

Растение для диалектоносителей не просто объект мира природы, оно – *живой* организм, и человек интерпретирует возможность использовать свойства растительных организмов как их *помощь* людям. Говорящий использует глаголы воздействия на объект, при этом субъектом действия выступает растительный организм или природа в целом. Например, о том, что еще в первой трети XX в. в деревне практически все носили одежду, изготовленную из льна или конопли, говорящий сообщает как о помощи, которую оказывало человеку растение: *Раньше лен всех одевал*. Все, что растет на огороде, *кормит* сельского жителя (– *В войну что вы ели? – А вот так же, как сейчас, оуород кормил*), и потому человек не может не заниматься им, не может заставить его *ждать* себя: *Я тебе рассказал бы, да некогда: огород ждет*.

Сельский житель, пожалуй, лучше городского понимает, что находится с природой в потребительских отношениях: *Вот есть трава мокрец, такой, по оуородам он ползет. Это очень хорошее лекарство. <...> Еловые шишки, их засыпать сахаром, поставить на все лето на окошко. <...> В чай добавляете, когда кашель сильный. Это очень хорошо. Вот это все ж... природа дает. Природа дает*. При этом человек, живущий в окружении природы, осознает, что

она обладает властью над ним. Например, тайга, самый густой лесной массив, в представлении говорящего наделяется силой (*В Белоруссии детей живых наших гонят, ну, там остановились, там тайга сильная, там еще, наверно, месяц были*) и может проявлять свое отношение к человеку и выражать власть над ним, даже лишая его жизни, *забирая* к себе: *Тайга любит смелых, серьезных, нетрусливых. И здоровых. Нездоровых тайга не любит, забирает.*

2. Неживая природа

Объекты неживой природы интерпретируются диалектоносителем в первую очередь как живые существа; основная метафорическая модель, реализуемая метафорами этой группы: «Объект неживой природы – это человек». Помимо этого, нами отмечены метафоры, отражающие метафорические модели: «Объект неживой природы – это живое существо» и «Объект неживой природы – это артефакт», но количество их незначительно, и можно предположить, что подобное соотношение будет сохраняться и при анализе большего объема метафорических единиц.

Как активный субъект интерпретируется земля – она *дает* урожай: *Раньше сеяли и все было. А щас, конечно, посеяли – ни удобрения, ничего. Ну какая земля будет **давать**?* (ИЗ *дать* – ‘Передать из рук в руки, вручить’, РЗ *давать* – ‘Быть плодородным (о земле)’). Как человек, она способна *забрать* какой-либо объект: *Ў окно ўлетел шар (шаровая молния), и дўух деўчонок как будто поубивало. А их ўзяли да ў эту, ў землю, ямы сразу выкопали, и, ўоворят, надо сразу <...> в яму надо **закапывать** и в землю, земля **забирает** ўот это все* (ИЗ – ‘Взять, захватив или охватив рукой (руками и т.п.)’, РЗ – ‘Устранять негативные последствия чего-либо’). Как и у человека, у земли есть срок «активной», плодородной жизни; по окончании его земля становится *старой*: *Грубая может быть земля. То када **старые** земли, зятянутые дождями* (ИЗ – ‘Проживший много лет, достигший старости’, РЗ – ‘Не пригодный к использованию’).

Стремление говорящего очеловечить природу проявляется и в том, как характеризуется, например, высыхание озера или болота: *Речка прибывала часто. Щас она уже вся пересохла, все озера **умирают*** (ИЗ *умереть* – ‘Перестать жить’, РЗ *умирать* – ‘Высыхать (о реке, озере)’). Текущая вода, способная менять скорость и направление течения, метафорически сопоставляется с живым существом, перемещающимся в пространстве, что передается через глаголы движения: *Идет... как вам? Ключ с села, да, Красноярова **идет** ключ; Она, вот примерно пейсят шестой, пейсят седьмой ўода, вода еще **ходила**, а после семьдесят второго ўода воды той не стало. Около деревни **ходила** Томь (река), а щас она там, наверху.* Бурлящие звуки, сопровождающие быстрый подъем уровня воды в реке, сравниваются с бурчанием: *Тогда речка разливалась. Тут вода **шла**, (в)от **бурчит**. Черная, страшно было (бурчать, ИЗ – ‘Невнятно говорить; бормотать, ворчать’, РЗ – ‘Издавать глухой звук (о воде)’).*

Передвижение небесных светил, представления о которых идут из первых мифов об устройстве мира, диалектоноситель непосредственно связывает со своей жизнью, моделируя их суточный цикл по подобию своих ежедневных действий: *Не слезали с поля. Солнце **спит**, мы в поле, солнце **уснуло**, мы ще в поле, вот так работали, старались, шоб война кончилась.* Месяц в метафорической интерпретации, скорее, анималистичен (имеет *рога, брюхо*), но также оживлен: *В народе молодой месяц **молодик** называют. Вот как он **стоит**? На **роу** **стоит** – это дождливый (день). Если вот, как ўоворят, на **брюхе лежит**, можно ведро повесить, то*

сухой (день). Приведенные метафоры организованы по модели «Объект неживой природы – это человек».

Диалектная метафора выявляет также сходство внешнего вида природных объектов с одной стороны и артефактов или натурфактов – с другой (модели «Объект неживой природы – это живое существо» и «Объект неживой природы – это артефакт»): куски льда, выталкиваемые течением на берег во время ледохода, ассоциируются говорящим с крыльями птицы (*Он сильно разливается, Амур. И (в)от если пойдет весной лед, аж на берегах (в)от такие **крылины**, (в)от такие, одна на одной, выталкивает и лежат, таят*). Ледяные наросты, образующиеся на реке во время ледостава, похожи на толстые полы шубы: *Остановилась река. <...> (Лед) дыбом становится и так замерзает, не гладко, значит. Это озеро может гладко, а быстрая река, это, напирает, сдавливает, и получается такие **шубы**. Торосы они называются. Прозрачная, незамутненная вода чиста, как поверхность зеркала, хорошо отражающего находящееся перед ним, поэтому вода сравнима с зеркалом: *Вода два дня если постояла, уже у ей запах какой-то и уже осадок какой-то становится, а эта (святая) как зеркало* (РЗ – ‘О чистой, прозрачной воде’).*

3. Природные явления

Явления природы выступают как действующие с определенной силой и/или интенсивностью, поэтому естественным образом интерпретируются в диалектном дискурсе как **активный субъект** (модель «Явление природы – это человек»). Поскольку жизнь сельского человека напрямую зависит от погодных условий, а нежелательные, несвоевременные изменения, возникающие в результате некоторых природных явлений, мешают ему, то в метафорической интерпретации жара, мороз, туман, дождь в основном совершают разрушительные по отношению к человеку действия, обозначаемые глаголами физического воздействия на объект *захватить, ударить, бить, убить*: *туман **захватил**; жара **ударила**; помидоры **убьет** мороз*. Богато представленная сфера физических действий человека выступает источником для метафорического переосмысления глаголов воздействия на предмет. Силу природного явления, например, дождя, передает глагол, связанный с физическим воздействием на объект, – *влупить*: *Сначала сидели у невесты, потом пошли к жениху, а дождь **влупил!*** Метафора *влупить* образована в два «этапа»: на первом от прямого значения глагола *лупить* (Очищать от коры, кожуры, скорлупы || Сдирать, отдирать (кору, кожуру, скорлупу)) образовалось производное ‘Сильно бить, колотить, сечь кого-л.’; основанием для такого переноса, по-видимому, явился деструктивный характер воздействия на объект, при котором требуется применение физической силы, а также (в первом случае обязательно, во втором вероятно) повреждается верхний «слой» объекта. Второй метафорический перенос, уже от производного значения глагола *лупить*, основан на актуализации признака «сильно»: РЗ *лупить* – ‘О проливном дожде’.

Резкое снижение температуры в представлении говорящего равно по силе удару: *Сою-то сушить не надо. Мороз **ударил** – она все, можно убирать* (ИЗ – ‘Произвести удар (удары)’, РЗ – ‘Проявиться изменением температуры (о природном явлении)’). Поскольку такая смена температур влияет, в частности, на плоды садовых растений, делая их более мягкими, оказываемое воздействие метафорически передается через глагол *придавить*: *И смородина, и калина, все росло. Тожье рвали по осени, як уже мороз **придавит**, она (калина) мягкой делается и сладкой, а так кислые* (ИЗ – ‘Своей тяжестью или чем-л. тяжелым прижать’, РЗ – ‘Воздействовать

на что-либо изменением температуры (о природном явлении)'). Вспышки молнии в темном грозовом небе похожи на удары веревкой – и по резкости действия, и по внешнему виду: *А молния веревками так бьет!* (ИЗ – 'Ударять, колотить', РЗ – 'Ударять разрядом электричества'). Наводнение, в результате которого человек может остаться буквально без хозяйства и без дома, *забирает* все, что оказывается в зоне распространения воды: *Жили все в достатках, а потом это все водой забрало у нас, и нас сдали в Мазановский район, поселение, и мы переехали* (ИЗ – 'Взять, захватив или охватив рукой (руками)', РЗ – 'Унести нахлынувшей водой').

4. Животный мир

Малое количество зафиксированных метафор, представляющих объекты **животного мира** (3,8 % от количества метафор данной сферы), не позволяет делать выводы о специфике метафорической интерпретации объектов этой сферы. Можно лишь отметить, что название живому существу диалектоноситель дает чаще всего на основании особенностей его внешнего вида: *конь (конек)* (ИЗ – 'Лошадь', РЗ – 'Рыба (какая?)'), *плеть (плетка)* (ИЗ – 'Кнут из перевитых ремней или веревок', РЗ – 'Касатка'), на основании сходства части тела с каким-либо объектом: *перышко* (ИЗ *перо* – 'Роговое нажное образование у птиц, представляющее собой полый стерженек с пушистыми отростками по бокам', РЗ – 'Плавник'). Названные метафоры являются номинативными и содержат объективную характеристику предметов, не включая их оценку.

Если относящаяся к живому существу метафора выполняет характеризующую функцию, она может быть отнесена к любому животному, обладающему определенным набором характеристик. Например, животное, которое может поместиться на ладони человека, представляется ему очень маленьким, поэтому метафорическая характеристика его может быть выражена лексемой *рукавица* – размеры животного соотносимы с предметом, имеющим длину, равную длине человеческой ладони: *А щас взяли вот Зюзю (щенка). Он еще молодой еще был. Принесли его, таку рукавицу, а он так, шерсть эта большая, длинная, а у него это, в сосульках вся.* Помимо ассоциативного сходства двух названных объектов по размеру, они могут быть сопоставимы и по внешним признакам: ИЗ *рукавица* включает признаки «мягкий» и «пушистый», которые являются также периферийными компонентами ИЗ *щенок*; в описываемой ситуации длинная шерсть животного была покрыта сосульками, точно так же, как поверхность рукавицы может быть покрыта ледяными наростами. На тех же основаниях метафора *рукавица* может быть отнесена к любому живому существу аналогичного внешнего вида.

Подобным образом характеризующая метафора *бродяга* ('Животное, которое выходит за пределы отведенной ему территории'), в зафиксированном контексте относящаяся к кабану, называет любое животное, чье поведение может быть охарактеризовано как поведение *бродяги*: *Ой, у меня вчера кабан натворил! Я <...> только калиткой зван... бац! и в огородчик сюда! А-а-ах! Только калитку открываю – он шмыг и сюда! Елки-палки-и-и! Вот такой бродяга.* Метафора в данном случае имеет двойственную мотивацию: она образована от метафорической же номинации *бродяга* ('О любителе странствовать, менять местожительство'), которая является производной от лексемы со значением 'Обнищавший человек, не имеющий постоянной работы и постоянного местожительства'. На первом этапе метафоризации основанием выступили признаки «непостоянный», «незакрепленный», на втором этапе был актуализован признак «перемещающийся».

В основе метафор, интерпретирующих явления и объекты мира природы, лежат сформировавшиеся в сознании человека концепты, содержащие его представления о свойствах его са-

мого и окружающего мира. В качестве когнитивных источников смыслов для метафоризации артефактов и натурфактов используются концепты понятийных сфер «человек» («анатомия», «физиология», «семья» и др.), «артефакты» («домашняя утварь», «инструменты», «постройки» и др.) и «природа» («животный мир», «растительный мир», «мир неживой природы»), т.е. можно выделить антропоморфные метафоры (моделирование объектов метафоризации по подобию человека) – 64,4%, артефактные метафоры (интерпретация реалий как предметов, созданных трудом человека) – 18,3% и натуроморфные метафоры (реалии осознаются в концептах мира окружающей человека природы) – 17,3%.

Объект природного мира, имеющий набор определенных параметрических сущностных и структурных характеристик, может быть представлен как своего рода двойник человека. В основном в объектное поле метафоризации попадает внешний вид растительного организма и его жизненный цикл. Антропоморфными в восприятии диалектоносителя оказываются также природные явления, явления неживой природы. Все частные модели («*Явление природы – это человек*», «*Растение – это человек*» и т.п.) являются реализацией базовой метафорической модели «*Природа – это человек*». Антропоморфизм по отношению к объектам мира природы объясняется, скорее всего, не столько необходимостью концептуализировать объект или явление этого мира, сколько отражением восприятия всего без исключения природного как живого, способного чувствовать и действовать, как и человек.

Количество метафор, в которых в источнике метафоризации выступает артефакт, незначительно. Объект мира природы, интерпретированный как артефакт, охарактеризован с точки зрения его внешнего вида. Метафорическая модель «*Растение – это артефакт*», конструируемая на основе рассматриваемых метафор, подтверждает стремление диалектоносителя выбирать для характеристики какого-либо объекта близкий, хорошо знакомый образ.

Объекты мира природы используются для метафорического переосмысления при именовании объектов той же понятийной сферы в основном с целью назвать конкретный растительный организм по какой-либо особенности его внешнего вида, выделяемой также и у объекта-источника. Метафора, использующая наглядный образ, оказывается более удобным для диалектоносителя обозначением объекта растительного мира. Но в целом метафорическая модель «*Растение – это натурфакт*» малопродуктивна в диалектном дискурсе, количество метафор, реализующих ее, незначительно.

Анализируемые метафоры отражают специфику миромоделирования в диалектной языковой картине мира. Одной из значимых особенностей восприятия мира природы диалектоносителями является идея одушевленности объектов этого мира. Их антропоморфизм объясняется и принципом антропоцентризма по отношению к объекту именованию (мир, определенный человеческими «параметрами», становится более понятным, его элементами проще оперировать), и отголосками мифологического мышления, что «подпитывается» реальным положением дел: выжить в современном мире сельскому жителю помогает прежде всего земля и то, что на ней растет и живет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387–416.
2. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации (Глава 1-2). Екатеринбург, 2003. 248 с. // Русский филологический портал // URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm>

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ ЗНАК КАК ДИНАМИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ КОД

Статья посвящена проблеме осмысления языкового и культурного феномена имени собственного в пространстве национальной ономоферы.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, имя собственное, культурная память, языковая картина мира, культурно-языковой код, этноязыковая информационная среда

The article offers an attempt to interpret proper name as a linguistic and cultural phenomenon of national onomastics.

Key words: Cognitive Linguistics, Proper Name, Culture Memory, Culture and Language Code, World Image Reflected in Language, Ethnolinguistic Media.

Статья посвящена проблеме осмысления языкового и культурного феномена имени собственного в пространстве национальной ономоферы.

Имена собственные обладают уникальным статусом в системе семиотики естественного языка. Являясь, с одной стороны, элементами языкового пространства, проприальная лексика одновременно выступает как часть долговременной культурной памяти социума. В ономастике аккумулируются значительные пласты исторического, социального, духовного опыта этноса, запечатлеваются объемные фрагменты *языковой картины мира*.

Трансмерность ономастического пространства, его погруженность посредством базовых механизмов номинации, идентификации и обобщения в полевые разноуровневые и разнотипные структуры языка, проекция в ткань культуры на основе тончайших ассоциативных связей и пересечений с другими видами семиотик, непрерывное динамическое преобразование в различные когнитивные стереотипические ансамбли в сознании отдельного носителя языка и социальных групп, одновременное функционирование онимов в различных этноязыковых информационных средах обуславливают трактовку феномена имени собственного как *динамического культурно-языкового кода*.

Сохраняя базовый идентификационный признак, позволяющий отнести оним, во-первых, к области ономастического пространства, во-вторых, к определенному фрагменту указанного пространства, информационный код имени претерпевает различные концептуальные модификации, являющиеся, по сути, механизмами адаптации в условиях функционирования в различных этнокультурных и этноязыковых средах. В отдельных случаях, при угасании исходного культурного фона, генетически первичного для имени собственного, оним, сохраняя базовые идентификационные признаки, претерпевает значительные изменения концептуального наполнения. Таким образом, возникает явление, называемое в лингвистике языковым *субстратом*. Наиболее объемно языковой субстрат проявляется в рамках топонимических систем: различные территории, осваиваясь новыми этносами, зачастую сохраняют основную часть существующих названий крупных географических объектов – рек, озер, хребтов, гор и т.п. Естественно, освоение иноязычных имен сопровождается их «приспособлением» к новой языковой системе на уровне ударения, произношения, словообразования и т.д.

В Амурской области мы также можем наблюдать проявление субстрата в топонимической системе основного языка – русского. Географическая лексика региона включает названия при-

внесенные русскими поселенцами: имена собственные со славянскими корнями и корнями, имеющими характер суперсубстрата (т.е. субстратных названий других территорий, освоенные русским языком и воспринимающиеся как русские), а также географические наименования тунгусо-маньчжурского происхождения, в основном *эвенкийского* (к этой группе относятся также имена, переданные через эвенкийскую топонимику как медиатор языков регулярно контактирующих этносов).

Северная территория области: *Зейский, Магдагачинский, Селемджинский, Тындинский районы*, – по своим природным условиям наиболее пригодная для кочевого уклада жизни коренного народа, в той части топонимикона, которая связана с естественно-географическими реалиями, практически полностью представлена субстратными названиями. Заимствуя «готовые» эвенкийские имена природных объектов, русская топонимическая система восприняла звуковые оболочки имен и базовую идентификационную часть концептов, связанных с ними. Культурный пласт ономастических знаков при субстратном переносе оказался опустошенным – *лакунарным*.

В результате исследования топонимического материала выявлены основные линии *элиминирования концептуальных топонимических лакун* в русской топонимической системе, а также разработана методика концептуального моделирования субстратных названий в ономосфере исходной *эвенкийской культуры*.

Кратко останавливаясь на выявленных закономерностях, отметим следующее:

1. Структура топонимического концепта в различных ономосферах имеет универсальный характер, вариативно реализуясь в степени эксплицитности/имплицитности элементов.

2. Наполнение концептуального пространства, демонстрируя релевантность структуре концепта, в условиях конкретной ономосферы представляет собой неповторимый *ментальный стереотипический ансамбль*, репрезентирующий базовые культурные константы.

3. Адаптация онима в концептосфере нового языка сопровождается ассоциативным элиминированием закономерно возникающих концептуальных лакун.

4. Результаты ассоциативного элиминирования частично находят отражение в *дискурсном функционировании* имени собственного и, таким образом, становятся фактом массового сознания. Указанный процесс имеет взаимообратный характер: дискурс оказывает воздействие на формирование когнитивных структур в ментальном мире социума.

Для иллюстрации указанных положений обратимся к анализу концепта, репрезентированного топонимом *Тында*.

Энциклопедический слой концепта, представляющий ядерную часть (минимальную информацию, необходимую для идентификации и, следовательно, функционирования имени) выражен инвариантами (омонимия на уровне знаковой оболочки): *Тында* – река в Амурской области; *Тында* – город в Амурской области.

Исходным для эвенкийской концептосферы является соотнесение *Тында* – река. С реками, как артериями жизни, у коренного народа связан самый сложный комплекс представлений, передающийся как часть культурно значимой информации из поколения в поколение. А. Лаврилье, французская исследовательница, много лет прожившая среди эвенков, отмечает различные аспекты реализации топонимической информации в концептосфере кочевников [По материалам Центра лингвистики БГПУ]. Обобщая наблюдения А. Лаврилье, выделим следующие ментальные уровни:

1) прагматический уровень: название реки является частью «виртуальной», хранящейся в родовой памяти карты местности. По этой карте происходит ориентирование в ходе кочевок, очерчиваются границы территории рода, осуществляет особая цикличная смена кочевых маршрутов;

2) уровень самоидентификации: род выделяет себя соответственно тем местам, главным образом рекам, в пределах которых он кочует; социальная зрелость отдельного человека или семьи определяется самостоятельностью кочевки и умением прокладывать новые пути;

3) символический уровень: имена рек связаны с представлениями эвенков о верхнем и нижнем мирах, о жизни и смерти, этим обусловлены важнейшие культы и обряды религиозной жизни.

Таким образом, через знаковую оболочку имени происходит доступ к многомерному комплексу этнокультурной информации.

При переносе названия в иноязычную топонимическую систему информация принимает имплицитный характер и с течением времени стирается, замещаясь иными стереотипами, начиная с базовой части концепта: в русской концептосфере имя *Тында* соотносится с денотатом город, в отличие от исходной эвенкийской концептосферы. О других концептуальных изменениях свидетельствует ассоциативное поле топонима *Тында* в русскоязычной среде, реконструированное в результате массового психолингвистического эксперимента.

Ядро концепта составляют признаки: *город (128); БАМ (110); север (105); станция (96); черная дыра (70); гнилое место (69); что-то черное (29); тянущее (17); река (16); зовущее (15); олени (15); провал (6).*

Ближнюю периферию составляют признаки: *непонятное (4). Дальнюю периферию составляют признаки: магистраль (2).*

Крайнюю периферию составляют признаки: *тындинец (1); поезд (1); ночь (1); темное (1); темнота (1); черная женщина (1); ворона (1); моя родина (1); Оля А. (1); место, где есть красивые девушки (1); деньги (1); пустота (1); дыра (1); командировка (1); моя юность (1); моя жена оттуда (1); город, где нет черемухи (1); тындычиха (1); борьба Тырта (1); низменность (1); юность (1); все дорого (1); железнодорожники (1); работа (1); богатство (1); музыкальный инструмент (1); музыкальный инструмент, типа губной гармошки (1); что-то пугающее (1); вечная мерзлота (1); овощи не вызревают (1); тандем (1); согласие (1); женщина (1); бутылка (1); звук, как в пустой бочке (1); ты да я (1); дудочка (1); собака (1); дом (1); поездка (1); неприятное (1); сопки (1); неровный город (1); холодно (1); якуты (1).*

Таким образом, доступ к исходному информационному потенциалу имени собственного осуществляется посредством обращения, во-первых, к знаковой оболочке (речь идет, прежде всего, об этимологической и деривационной реконструкции), во-вторых, к анализу взаимосвязей с другими элементами ономастического пространства, в-третьих, к историческому и актуальному дискурсу, особенно к прецедентным текстам, в-четвертых, к исследованию ассоциативного поля имени, в-пятых, к реконструкции концептуальной модели имени в системе национальных культурных констант.

ПРИМЕТА КАК КУЛЬТУРНО-АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОТ МЕТЕОНИМИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА

В статье рассматриваются способы лексикографического представления базовых метеонимических концептов в «Сибирском метеорологическом словаре» на материале диалектных текстов метеорологических примет.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, культурно-когнитивное направление, когнитивная модель, диалектный дискурс, примета, лексикография, метеорологический словарь

The paper investigates into the methods of lexicographical presentation of basic metonymic concepts in “The Siberian Meteorology Dictionary”. The study is based on dialect texts of weather sayings.

Key words: Cognitive Linguistics, Cognitive Approach, Cognitive Model, Dialect Discourse, Weather Saying, Lexicography, Meteorology Dictionary.

Разрабатываемая когнитивной лингвистикой и лингвокультурологией теория концепта, ориентирующая на его всестороннее исследование (сущность и структура концепта, концепт как гетерогенная целостность и его границы, связь содержания концепта с его выражением, динамика концептов и т.д.), открывает перед лингвистикой новые возможности для лексикографической практики, развитие которой в культурно-когнитивном направлении создаёт дополнительный фактологический плацдарм, необходимый для того, чтобы вскрыть уязвимые моменты существующих теорий и обозначить новые пути их интеграции.

Данная статья связана со способами лексикографического представления базовых метеонимических концептов в «Сибирском метеорологическом словаре» [1]. В нём содержание базового концепта *дождь*, включающего в себя образную [2], понятийную [3], аксиологическую [4] и культурно-ассоциативную информацию, предстаёт по его реализации в диалектном дискурсе Сибири и Дальнего Востока и результатам объективации в тезаурусе русского диалектного языка этого региона [5].

Внимание сосредоточивается на приметах о дожде, активно бытующих в русских говорах данного культурного ареала, как в «классической» форме, регламентирующей употребление метеонима в дательном или винительном падеже, так и в свободной текстовой вариативности естественной непринуждённой речи. Ср. *А куры в клев уходят – к дождю* (Кем. Юрг. Томил.). *На дождь дует верховка* [верховой ветер в лесу] (Красн. Ем. Шив.), но: *Перед дождём курки садятся рядом и обираются* (Амур. Шим. Н.-Воскр.). *Если верховик дует, точно дождь будет...* (Бурят. Барг. Чит.).

Основные задачи исследования проистекают из положения о том, что примета, будучи устойчивой речевой единицей, составляет звено национальной культуры и отражает познавательные (когнитивные) усилия человека в ненаучном (наивном, эмпирическом) освоении мира [6, с.79]. Они сводятся к тому, чтобы а) представить арсенал когнитивных моделей, заложенных в приметах, и показать стратификацию моделей языкового видения дождя с точки зрения центра и периферии; б) установить проявляющиеся в приметах свойства обыденного метеорологического знания; в) определить основание для лексикографической подачи примет в качестве элемента концептуального портретирования дождя.

Приметы как особый жанр речевого произведения представляют собой бипропозитивные образования, организованные логической связью каузального характера («если..., то...»). В них претворяется в языковое сообщение явление дождя, взятое в его преопределенности объектами жизненного пространства диалектоносителей. Таким образом, примета состоит из прогнозирующей части, «в которой указывается причина или условие закономерной последовательности событий», и прогнозируемой части, где содержится «собственно следствие из обнаруженной обусловленности явлений» [6, с.79]. Ср. *Кони ржут – к дождю* (Алт. Волч. Волч.). *А кода на дождж, она [пшеница] не оббивается, снопы не оббиваются* (Кем. Крап. Крап.). Пропозитивный характер примет указывает на то, что их основанием являются «когнитивные модели, отражающие способы познания и оценки действительности» [7, с. 46]. Условно это можно обозначить через соотношение на разном уровне обобщения ключевых тем пропозиций, таких как 1) «живая природа → неживая природа»: «животные (птицы, рыбы, насекомые) → атмосферные осадки: дождь», «человек → ... дождь»; 2) «неживая природа → неживая природа»: «ветер → атмосферные осадки: дождь», «оптические явления (заря, облако, радуга, туман, туча) → ... дождь», «температура воздуха → ... дождь», «небесные тела → ... дождь», «водные пространства → ... дождь», «растения → ... дождь»; 3) «артефакт → неживая природа»: «дни календаря → атмосферные осадки: дождь», «вещества (дым, соль, табак) → ... дождь», «предметы → ... дождь».

Принятый способ обозрения когнитивных моделей вскрывает единство многообразного жизненного пространства сельских жителей, показывает избирательное сгущение обозначенных жизненных сфер в связи с восприятием явления дождя, позволяет наметить доминирующие сферы, определяемые (а) высокой частотностью актуализаций приметоносителей, (б) их прогностической обязательностью, (в) широтой проявления объектами прогнозирующих свойств (ср. воробей ... *купается, начинает в пыле пурхаться, чирикает*; воробьи ... *соберутся, трепещутся*). Круг надежных приметоносителей достаточно широк, что свидетельствует об их отборе в результате длительной аграрно-хозяйственной практики сельского населения. Прежде всего в него включаются так называемые крылатые синоптики – птицы, предсказывающее поведение которых вполне реалистично объясняется анатомическими особенностями строения их тела, способом питания в условиях ожидаемого дождя [8, с.251]. Верным признаком приближения дождя служит физиологическое состояние человека. Преддождевую ситуацию, связанную с едва уловимыми колебаниями влажности воздуха или освещенности, верно диагностируют благоухающие, «плачущие», поникающие и др. растения. Не лишены объективности фиксируемые знамения самой природы. Активны такие предвестники дождя, как атмосферные явления (ветер, облака, радуга, туман, роса) и небесные светила. Безусловно, народные предвидения лишены полного учета причин, вызывающих следование событий. Отсюда возможность субъективной региональной конкретизации, иррациональности и противоречивости в приметах.

Не менее ценно рассмотрение другой стороны прогнозирующей части приметы, так как оно процедурой тематизации этой части выявляет призмы восприятия и понимания метеоявления, подчеркивая через преобладающий «натуральный» набор этих призм особенности крестьянского менталитета и экологичность сельского мышления. Способом языкового видения метеореалий объясняется содержательная «приверженность» примет к культурно-ассоциативному плану концепта метеонима *дождь*.

Тематической рубрикой «прогнозирующих» лексем определяется порядок подачи примет (приводятся в сокращенном виде) в зоне культурно-ассоциативной информации о метеоявлении базового уровня, используемый в «Сибирском метеорологическом словаре».

«Приметы, предвещающие дождь и характер его проявления» –

«поведение домашних животных»:

...если к грому, к дожжю, они [коровы] в кучу сбиваются, не расходятся (Кем. Тяж. Тяж.). А стадо перед дождём, они лежат много (Кем. Пром. Ваг.). Вот, примерно, корова молока сбавит и жир, жирность сбавит. К чему? К дожжю, к ненастью... будет (Кем. Юрг. Зел.). Если идёт корова красная впереди стада, то ясная погода будет, если пёстрая, то переменная, если чёрная... дожжь обязательно будет... (Кем. Крап. Кам.). Погоду признавали мы только по коням. Кони фырчат, значит, будет дожж завтра (Кем. Юрг. Зел.). Еслив вот конь кататся,

это, говорит, завтра будет дожж (Кем. Яшк. Итк.). Если вечером бараны бьются рогами, быть дождю (Кем. Пром. Тарас.). Раньше, бывало, свинья собирает катух – к дожжю (Ом. Мур. Окун.). Ну свиньи вижжать зачнут, ну к дожжю тогда (Кем. Юрг. Зел.). Когда дожжык, предмет один: собачка катается, кошка катается, лошадь прыскает (Кем. Крап. Берёз.). Эт, ишь, [кошка] траву иишет поись, значит, это уже к дожжю (Кем. Яшк. У.-Пис.). Сабака-та йес траву – дои варожыт (Ирк. Н-илим.).

«поведение домашних птиц»:

Курицы пурхуются, растутыриутся – к дождю (Кем. Юрг. Ал.). Курицы гребутца тоже к дожжю (Кем. Крап. Берёз.). Вот по курисам замечали. Оне начинают оишыпываться. Это, это к дожжю (Кем. Крап. Крап.). Перед дождём курки садятся рядом и обираются (Амур. Шим. Н.-Воскр.). Конечно, куры начинают хохлиться, встряхиваться к дождю, к плохой погоде (Кем. Крап. Бор.). А куры в клев уходят – к дожжю (Кем. Юрг. Томил.). Еслив куры не прячутся, то дождик перестанет скоро, а еслив прячутся, то-

гда надолго (Кем. Пром. Ваг.). Вот курицы сидят, сидят всю ночь, потом ещё дождик идёт, а они уже пошли на улицу, значит, ...дождик скоро кончится (Кем. Крап. Крап.). Курица гогочет... Сёдня будет дожжык ночью проливной (Кем. Яшк. Полом.). Дождь будет, если петухи поют (Алт. Волч. Волч.). Как петухи заревели – дождь кончится (Ом. Мур. Сетк.). Еишио вот если гусак, я замечал, стоит на одной ноге, то через день-два дожж (Кем. Крап. Тар.). К дожжю гуси купаютца (Кем. Крап. Бор.).

«поведение диких животных и рыб»:

А бурндук перед дожжом свистит, хурькат (Том. Зыр. Зыр.). Рыба ловится перед дождём лучше. Всегда хороший клёв. А выскакивает перед дождём, прям высоко прыгнет (Кем. Пром. Ваг.).

Рыба клюёт перед дождём (Алт. Волч. Волч.). К дожжю чебак не ловится (Ом. Мур. Сетк.).

«поведение диких птиц»:

Ворона закаркала, дожж будет. Спинка, паря, у вороне болит (Кем. Юрг. Иск.). Ворона к дождю каркает, если настречь ветру сидит, а если по ветру – к вёдру, всё равно каркает (Том. Зыр. Зыр.). Ворона сидит еслив на столбе, всё точно: дожжь будет... (Кем. Крап. Кам.). Ястреб если свистит – к дождю... (Красн. Енис.). Барашиек

[бекас] кричит к дождю (Колым.). Дождевик [бекас] кричит к дождю (Маг. Колым.). Если только воробей начал купаться, через два дня будет дождь. (Кем. Крап. Тар.). Или вот воробышки-от, приметьте, когда воробышки, от они соберутся, трепеишутся. Это вот к дожжю тожеа (Кем. Юрг. Вар.). Как долго дожжсей нет, воробы

чирикают. Там зачирикают, там зачирикают, всё – дожжыкам [быть] (Кем. Юрг. Зел.). К дожжю кода ешию, когда галки играют (Кем. Юрг. Зел.). Вот, например, дожж если будет, вот эти стрижи, где в берегах живут, в этих дырочках – то птицы себе гнёзда делают. Они обычно низко начинают летать. Это уже мошка, видно, са-

«поведение и свойства насекомых»:

Если тяноту мизгири натянули, дож будить (Бурят. Тарб. Дес.). К дождю муравьи прячутся (Кем. Крап. Зелен.). А комар подоймётся, ужжит, ужжит [жужжит] – дожж будет (Ом. Мур. Сетк.). Сёдни комары толкутся – это, значит, всё: дожж пойдёт (Кем. Крап. Иван.). ... и комары, лютый-лютый комар бьют, тоже, говорят, это к дожжю, комар, мошкара (Кем. Яшк. Солом.). Говорят, мухи да комары у земли вьются, то к дожжю (Кем. Юрг. Иск.). Если летом мухи не летают, а сидят на одном месте – к дождю

«поведение беспозвоночных животных»

А черви на земле обязательно к

дится книзу. Они ловят её летают (Кем. Яшк. Итк.). Коростель, птичка такая есть. Если кверху поднимается – к дождю (Кем. Яшк. Полом.). Если ласточки низко летают, то к дожжю (Красн. Берёз. Маг.). Навесились ласточки на провода, дожж будет (Амур. Мих. Чесн.). А вороньё на дороге заскакит, дожж будет (Кем. Крап. Кам.).

(Алт. Волч. Волч.). По пчёлам тоже можно определить. Они ... роятся, еси дожж ... (Кем. Тяж. Тяж.). ... как к дожжю дело, пчёлы кусаться начинают (Кем. Крап. Бар.). Ну вот если пчёлы, это, летают, а потом вдруг сели и не вылетают из ульев, значит, будет дожж (Кем. Мар. Вт.Пр.). ... старые люди замечали: чёрный паут [появляется первым], то нонче сено будет вот это... чёрное-то. Дожджы будут. Предмета это така (Кем. Юрг. Зел.).

«физиологическое состояние человека»:

Если дожж, дожжю пойти, человек болеет так что-нибудь (Кем. Яшк. Солом.). За два [дня] вперёд заможжат, можжат-можжат [суставы], ноют, это к дожжю (Кем. Мар. Б.Ант.). К дожжю не могу спать: ревматизм, как отломился палец (Том. Том. Верш.). Теперь я погоду по себе узнаю. Руки-ноги заноят – жди дожжа (Кем. Юрг. Вар.). Вертуга [суставы] ноют, к дожжю

большому дождю (Кем. Пром. Ваг.)

(Красн. Кеж.). Сичяс миня давид давом – г дожжю, ли чё ли (Ирк. Кир. Алым.). Если уже к дожжю, то лева сторона, лево ухо сильно шумит (Кем. Юрг. Томил.). Если ветер свистит в ушах – жди дождя... (Алт. Волч. Волч.). Раньше погоду узнавали так: если силы нету у старухи, значит, завтра будет дожж (Кем. Крап. Кам.). Сечас я стара. К дожжю дак заболею (Том. Том. Верш.).

«состояние атмосферы»:

Заморочало – дожж будет (Кем. Н-куз. Атам.). Нахмаривает [портится (о погоде)]: должно, дожж будет (Красн. Каз. Пят.).

«состояние атмосферных явлений»:

Западный ветер надует дождя (Алт. Волч. Волч.). Север дует, никогда дождей не будет (Том. Том. Верш.). Ветер с сивера, может, дожжа нагонит (Алт. Калм. Калистр.). Шалоник [юго-западный ветер] с юга подует – дожж будет (Красн. Турух.). Низовик [ветер нижних слоёв атмосферы] кода дует, вверху лист не шевелится,

а внизу низовик к похолоданию, к дождю (Амур. Шим. Н.-Воскр.). Если верховик дует, точно дожж будет, а если низова дует, может не быть дождя (Бурят. Барг. Чит.). Сразу подул горняк [ветер, дующий с гор], а это первый признак, что скоро пойдёт дожж (Бурят. Каб. Пос.). Гора [северо-западный ветер] дует с Байкала, засушли-

вый, душный, дождя никогда не надует. Если гора дует – дождя не будет, поговорка есть такая (Бурят. Барг. Чит.). Если сильный ветер, то дождь вряд ли пойдёт (Алт. Волч. Волч.). Ветру нету, глухо, к дождю, однако (Якут. Олёк. Мач.). Красна заря – на дождь, на ветер, жёлта заря – на вёдро (Том. Том. Верш.). Заря горит утреиша к вёдру, а вечероиша заря к дождю (Кем. Яшк. Итк.). Дождя не будет: вчера заря хорошо пригорела [догорела], без одной тучки (Кем. Крап. Иван.). Вечером зарники [зарницы] играют, особенно перед дождём (Амур. Скв. Джл.). Она кольцом, эта радуга. Она обязательно подымет воду кверху, будет дождь (Кем. Крап. Иван.). Радуга на сушь спустится, сушь [сухая погода] будет, а раньше на речку спустится – дождь будет (Алт. Змеин. Сав.). С радугой дождь недолгий (Кем. Крап. Иван.). У нас мама выйдет, скажет: "Ой, радуга пологая, значит, дождь будет" (Кем. Пром. Ваг.). Дуга [радуга] на небе, дождя не будет (Н-сиб. Ордын. Чинг.). Раньше погоду ... по облакам узнавали: если тучи ходят – то дождь будет... (Кем. Крап. Кам.). Дош апеть будят: ии морак-то [тёмное облако] двайной (Ирк. Кир. Чуг.). ...занесёт всё, это морочно. Ну таперь, – говорят, – дождь долго будут (Кем. Яшк. Тут.). Вот салгуночки [небольшие пёстрые облака] опять появились... Дождь будет (Алт. Павл. Н-один.). Когда облака комками, тогда дождь недолгий, а когда облака таки ровные, плоские – долгий, длинный дождь (Кем. Яшк. Мох.). Еслив тучи с хохлами, с кудринками, то хороший будет дождь

«температура воздуха»:

Млява [жарко, душно] шыпка сёдни на улицы. Ии как парит, дышать нечим, г даждю, аднака (Бурят. Мухор. Кут.). Сёдни сёмый день гамит и гамит [парит] – дождь будет (Н-сиб. Маслян.

«существование небесных тел»:

Когда дождь идёт и солнце, значит, еишо дождь будет (Кем. Юрг. Ал.). Навой рас сонцэ садица с ушами. Крух ниво светицца, и эта г даждю (Бурят. Мухор. Калин.). Солнце рано-

(Кем. Крап. Кам.). А когда длинные, говорят, длинные облака, значит, долгий, долгий дождь будет, а когда крупные, то, значит, быстро пройдёт и остановится (Кем. Кем. Маз.). Солнце закатывается, а морока не перегорели, значит, дождь будет. А если морока перегорели, имеют свет заката, тогда не будет дождя (Амур. Скв. Алб.). Тучи с гнилого угла идут, значит, долго будет дождь (Амур. Мих. Поярк.). Сухорос перед дождём бывает (Амур. Скв. Алб.). С утра сухорос был, наверно, к дождю сухо (Бурят. Каб. Шерг.). Кверху туман взымался, значит, дождь будет (Ом. Мур. Берг.). Сел туман исподь – будет дождь (Том. Крив. Ишт.). Роса [туман, поднимающийся от реки] кверху подымается, дождь будет (Красн. Сухобуз. Шил.). А оттуда вишь как морока [туман, облачность], снизу-то, к дождю (Кем. Л.-Куз. Дурн.). Говорят, что туман лёг – затяжной дождь должен остановиться (Алт. Алт. Алт.). Дождь прошёл – на сопки смотрят: если испарения есть, сопки топятся [выделяют дымку испарений, тумана], курятся – дожди будут (Амур. Скв. Алб.). Зимой снега большие, а летом дожди... (Том. Карг. Ст. Карг.). Еслив в зиму идёт снег, тогда-то должен быть дождь (Кем. Юрг. Вар.). Если идёт пузыристый дождь, то будет продолжительный дождь (Кем. Крап. Берёз.). Смотришь в окошко – грибной затрусил, надолго, значит... (Алт. Алт. Алт.). Если с утра рано утром дождь начался, то, значит, будет до обеда. А если в обед пошёл, то, значит, на всю ночь затянул (Кем. Кем. Маз.).

Пет.). Глухо [душно, жарко] на улице, дождь будет (Амур. Шим. Н.-Вскр.). В жару бывало, если жара долго стоит, и начинается гроза, большие дожди... (Кем. Мар. Перв.Пр.).

разрано соскочит [взойдёт?], значит, к дождю (Ом. Мур. Кур.). Закататся солнце в тучку – будет дождик, плохая погода. (Кем. Крап. Сар.). А я только знаю: еслив солнце закатыется в горы,

дожж будет (Кем. Крап. Бан.). На рогу месяц – к вёдру, впласть [плашмя] – к дожжю (Том. Карг. Карг.). Месяц на рожке – дожжа не будет, а если внизу, то негода, дожди (Хаб. Лен. Бдж.). Как месяц будет лежать! ...езли на боку – дожж будет (Кем. Яшк. Полом.). Если месяц в кругу..., то завтра дождь будет (Чит. Нерч. Завод.). Как серп крутой, значит, день погожий будет. Как серп прямой – будут дожжы (Кем. Яшк. Солом.). Если месяц родился книзу рожками – зальёт дождь (Г.Алт. У.-Кан. Вл.). Если месяц родился, обя-

«состояние водоёмов и водных пространств»:

Львы пузыряются к долгому дождю (Красн. Сухобуз. Выс.). Опять мор

«свойства растений, приспособляющихся к атмосферной среде»:

Тайга шумит перед дожжом (Кем. Яшк. Итк.). Если, примерно, к морозу, то шум [тайги] создаётся на севере, а к дожжю, то на западе (Кем. Юрг. Н-ром.). Если ель вверх глядит, значит, будет вёдро, а если крылышки повесила, значит, будет дождь (Том. Верш. Верш.). Аистник почему так назвали? Так семечки-то у него на клюв ихний похожи. ... А как дождик, так семечко прямое, а как солнышко, так оно кручёное такое, чтоб в землю вкрутиться (Кем. Крап. Бар.). Особенно хорошо пахнет перед дождём – это сирень, черёмуха, о-очень вкусно пахнет шиповник... (Кем. Тяж. Тяж.). Видите: клевер листочки слаживает

«состояние используемых предметов и веществ»:

Будет доши. Лучшие всяково баромита. Старинна примета: соль доказывает, день-два соль мокра. День-два пройдёт, одинаково по радиву сопианот (Красн. Каз. Челн.). Если летом дым из трубы идёт на низ – дождик будет... (Кем. Крап. Зелен.). Ещё вот, кода в лес идёшь, найдёшь там пёрышко, и вот за пёрышко возьмёшь: с од-

«особо отмечаемые дни народного календаря»

Дождж бывает на девяту пятницу [от Пасхи], всегда бывает дожж (Кем. Юрг. Зел.). Троица тоже никогда, да, никогда без дождя не бывает! (Алт. Перв. Перв.). Вот Петров день. Если он подходит, он без дожжа, без грозы не будет.

зательно он должен помыться день-два. Ну, дожж (Кем. Юрг. Ал.). Молодник вчера народился: дождя больше не будет (Амур. Скв. Алб.). А он еретик [дождь], идёт и идёт, никакого скресу нет. Вот час нарождение месяца, так он не кончится долго (Чит. Олов.). Месяц час обмылся. Счас полмесяца не будет дождя (Амур. Мих. Чесн.). Дожджа не будет до окиду месяца [новолуния], когда месяц будет полный, а потом начнёт убывать (Ом. У.-Иш. Слоб.). В новолуние дожж бывает и на исходе (Кем. Юрг. Асан.).

щинная наводь [поверхность воды] – к дождю (Ом. У.-Иш. Слоб.).

и цветы пахнут, как перед дождём (Г.Алт. У.-Кан. Тал.). Иван мокрый, как дождь, так он плачет перед дождём (Том. Крив. Жук.). Светок был, трубочкой звали, как на ём капельки, слёзки выдут, так будет дожж (Кем. Юрг. Митр.). Алыи плакун, как к дожжю, к ненастью, бежит вода по нём, по листочкам капет, капет вода... (Хаб. Окт. Союз.). Если цветок сирота покроется росой – значит будет дождь. Сироты заплачут – значит жди дождя: оне капельками покрываются, цветы-то (Амур. Скв. Джл.). Где пучка срезана была, водичка накопилась – тоже к дожжю (Кем. Юрг. Н-ром.).

ной стороны оно где-нибудь холодное или горячее. Если горячее, тогда дождя не будет. А еси прохладное становится пёрышко, от птицы пёрышко вот, это, значит, завтра дожж будет (Кем. Тяж. Тяж.). Заломка [дверной засов] лежит на скобе и начинат скрипеть, значит, дождь будет (Том. Том. Верш.).

Хоть он кода подойдёт (Красн. Енис. Анц.). А дожж предполагали. О дожж будет в Иванов день, в Ильин день. Кирики-Улиты – вот обязательно дожж будет. Кириллы и Улиты дожж несут нам с неба. В Иванов день – дожж пролив-

ной, хороший (Кем. Юрг. Митр.). У нас к Ильино-
му дню обязательно дожж бывает (Кем. Яшк.

Мох.). Ранешне время после Ильи дожди завсегда
шли (Красн. Каз. Челн.).

«Плювионимичные» приметы по передаваемой информации о бытии/ небытии предвещаемого метеоявления подразделяются на «положительные» и «отрицательные». Ср. *Ветер бойкий подул – скоро доши пойдёт* (Том. В.-Кет. Б.-Пан.). *Туман, бывает, и кверху взломится – дождик тоже будет* (Том. Крив. Перш.), но: *Если ветер с севера, то можно сказать, что не будет дождя.* (Алт. Шелаб. Н-обин.). *Туман сел на землю – не будет дожжа* (Кем. Крап. Крап.).

В приметах-негаторах в качестве прогностических индикаторов дождя выступают ветры северных, северо-западных и северо-восточных направлений или значительной интенсивности, суховеи, роса, оседающий на землю туман и др. Ср. *Если гора [северо-западный ветер] дует – дожжа не будет* (Бурят. Барг. Адам.). *Если сильный ветер, то дождь вряд ли пойдёт* (Алт. Волч. Волч.). *Ну суховой, дожжа долго не будет* (Кем. Яшк. Итк.). *Как утром роса, то, значит, дожжа не будет* (Том. Том. Верш.).

«Положительные» приметы, представляющие собой большинство, неоднородны с точки зрения обязательности прогноза. Одни из них фиксируют «пророческую точность» в обнаружении взаимосвязей окружающего мира и метеоявления, другие характеризуют эту связь как необязательную, нерегулярную. Ср. *Если верховик дует, точно дождь будет...* (Бурят. Барг. Чит.). *И молоко, если доить, пенится молоко, то обязательно хоть небольшой дожжык будет* (Кем. Крап. Шев.). *Ранешне время после Ильи дожди завсегда шли* (Красн. Каз. Челн.).

Предсказуемость метеоявления разнится сроками. Краткосрочный прогноз дождя, раскрываемый лексемой *скоро* 'в короткий срок, в течение недолгого времени', основывается главным образом на оптических явлениях (*радуга*) или характере движения воздуха (*ветер*). Ср. *Божью дугу увидали и сказали, што скоро дождик пойдёт* (Бурят. Мухор. Бар.).

Носителями среднесрочного прогноза дождя, как правило, выступают животные (*конь; бурундук*) и птицы (*куры; ворона, воробей*), а также атмосферные явления (*западный и южный ветры*), вещества (*дым*) и предметы потребления (*соль, табак*), физиологическое состояние человека и др. Подобное предвидение наступающего дождя объективируется в «приметных» текстах словами *завтра, через день-два, дня за два-за три* и т.п., обозначающими временные пределы. Ср. *Если в вот конь катается, это, говорит, завтра будет дожж* (Кем. Яшк. Итк.). *Вот бурундук когда летом клохчет, это тоже к дожжу. Это он так дня за два начинает клохтать* (Кем. Яшк. Солом.). *Табак отсыриват за три дня до дождя* (Якут. Лен. Хам.).

Долгосрочные прогнозы даются сельскими жителями на основании симметричного соотношения определяющих явлений для времён года – например, зимы и лета. Ср. *В какой месяц [зимою] буран, в такой месяц летом дожжы будут* (Кем. Юрг. Зел.).

Предвещание в положительных приметах либо констатирует «существование дождя», иногда осложнённом фазисным способом, его окончанием: *Вот матка по небу ходит, значит, дожжик завтра будет*" (Кем. Крап. Кам.). *Говорят, что туман лёг – затяжной дождь должен остановиться* (Алт. Алт. Алт.), – либо содержит характеристики метеоявления.

Прогнозируемая часть характеризующих примет информирует о функционировании дождя в следующих аспектах: «время суток» ("ночью", "вечером"). Ср. *Курица гогочет... Сёдня будет дожжык ночью проливной* (Кем. Яшк. Полом.). *Вон хмарка* [туча, облако] *ползёт, вечером будет дождь* (Амур. Маз. Н.Увал.); «продолжительность выпадения дождя» ("продолжающийся короткое время", "продолжающийся долго"). Ср. *Ну еслив, кода дожж идёт, куры ходят, значит, на весь день зарядил* (Кем. Яшк. Итк.). *Если радуга крутая, значит, к кратковременному дожжу, пологая – к ненастью* (Кем. Яшк. Пача). *Если идёт пузыристый дождь, то будет продолжительный дождь* (Кем. Крап. Берёз.); «особенности существования дождя в течение какого-либо времени» ("совершающийся с перерывами"). Ср. *Когда дожж идёт и солнце, значит, ешто дожж будет* (Кем. Юрг. Ал.). *Дош апеть будят: иш морак-то* [тёмное облако] *двайной* (Ирк. Кир. Чуг.); «интенсивность выпадения дождя» ("значительный по степени проявления", "незначительный по степени проявления"). Ср. *Мурашки тоже любят дожжъ, но они прячутся перед дождём бурным...* (Кем. Тяж. Тяж.). *А черви на земле обязательно к большому дождю* (Кем. Пром. Ваг.). *Не так сильно будет дожж – облачка не слились, а если слились – заливной будет дожж* (Кем. Юрг. Митр.). *Еслив тучи с хохлами, с кудринками, то хороший будет дождь* (Кем. Крап. Кам.); «плотность расположения частиц дождя при их выпадении» ("близко расположенные друг к другу") / «величина частиц дождя» ("незначительный по величине") / «эмоциональная оценка» ("отрицательная эмоциональная оценка"). Ср. *Если ласточки или скворцы* [в большом количестве] *салятся на провода, будет дождь нудный, морозящий* (Кем. Пром. Тарас.).

Таким образом, приметы являются продуктом не только взаимодействия человека и метеосреды, но и субъект-субъектных взаимодействий, особенностей общения, через которые просвечиваются социокультурные ценности (аксиологические характеристики явления, экологические призмы его восприятия и т. п.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев В.П., Васильева Э.В. Сибирский метеорологический словарь:опыт культурно-когнитивной интерпретации базовых метеонимов. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2013. Т.1 (в печати).
2. Васильев В.П. Метеоним *дождь* в образно-речевой системе диалектного языка // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2012. Т.11, вып. 9. С. 138-142.
3. Васильев В.П., Васильева Э.В. Базовый концепт как элемент когнитивно-идеографического областного словаря // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск: АмГУ, 2007. С. 30-61.
4. Васильев В.П. Аксиологическая компонента концепта // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень, 2003. № 4. С. 153-161.
5. Васильев В.П., Васильева Э.В. Когнитивно-ориентированный толково-идеографический словарь русских метеонимов Сибири // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. Вып. 10. С. 182-198.
6. Садова Т.С. Народная примета о традиционных ценностях // Русский язык в школе. 2012. № 3. С.78-81.
7. Оглезнева Е.А. Наименования растений: опыт построения когнитивных моделей // Вестник Амурского государственного университета. 2001. Вып.14. С. 46-50.
8. Заянчковский И.Ф. Животные, приметы и предрассудки. М.: Знание, 1991.

Условные сокращения географических названий

Алт. – Алтайский край: *Алт.* – *Алтайский р-н:* Алт. – Алтайское; *Волч.* – *Волчихинский р-н:* Волч. – Волчиха; *Змеин.* – *Змеиногорский р-н:* Сав. – Саввушка; *Калм.* – *Калманский р-н:* Калистр. –

Калистратиха; Павл. – Павловский р-н: Н-один. – Новоодинцово; *Перв.* – *Первомайский р-н*: Перв. – Первомайский; *Шелаб.* – *Шелаболихинский р-н*: Н-обин. – Новообинцево.

Амур. – Амурский край: *Маз.* – *Мазановский р-н*: Н.-Увал. – Новокиевский Увал; *Мих.* – *Михайловский р-н*: Поярк. – Поярково, Чесн. – Чесноково; *Скв.* – *Сковородинский р-н*: Алб. – Албазино, Джл. – Джалинда; *Шим.* – *Шимановский р-н*: Н.-Воскр. – Ново-Воскресенка.

Бурят. – Бурятия: *Барг.* – *Баргузинский р-н*: Адам. – Адамово, Чит. – Читкан; *Каб.* – *Кабанский р-н*: Пос. – Посольск, Шерг. – Шергино; *Мухор.* – *Мухоришибирский р-н*: Бар – Бар, Калин. – Калиновка, Куг. – Куготы; *Тарб.* – *Тарбагатайский р-н*: Дес. – Десятниково.

Г.Алт. – Горный Алтай: *У.-Кан.* – *Усть-Канский р-н*: Вл. – Владимировка, Тал. – Талица.

Ирк. – Иркутская область: *Кир.* – *Киренский р-н*: Алым. – Алымовка, Чуг. – Чугуева; *Н-илим.* – *Нижнеилимский р-н*.

Кем. – Кемеровская область: *Кем.* – *Кемеровский р-н*: Маз. – Мазурово; *Крап.* – *Крапивинский р-н*: Бан. – Банново, Бар. – Барачаты, Берёз. – Берёзовка, Бор. – Борисово, Зелен. – Зеленовка, Иван. – Ивановка, Кам. – Каменка, Крап. – Крапивино, Сар. – Сарапки, Тар. – Тараданово, Шев. – Шевели; *Л.-Куз.* – *Ленинск-Кузнецкий р-н*: Дурн. – Дурново, Мар. – *Мариинский р-н*: Б. Ант. – Большой Антибес, Вт. Пр. – Вторая Пристань, Перв.Пр. – Первая Пристань; *Н-куз.* – *Новокузнецкий р-н*: Атам. – Атаманово; *Пром.* – *Промышленновский р-н*: Ваг. – Ваганово, Тарас. – Тарасово; *Тяж.* – *Тяжинский р-н*: Тяж. Тяжин; *Юрг.* – *Юргинский р-н*: Ал. – Алаево, Асан. – Асаново, Вар. – Варюхино, Зел. – Зелеево, Иск. – Искитим, Колм. – Колмаково, Митр. – Митрофаново, Н-ром. – Новороманово, Томил. – Томилово; *Яшк.* – *Яшкинский р-н*: Итк. – Иткара, Мох. – Мохово, Пача, Полом. – Поломшное, Солом. – Соломатово, Тут. – Тутальская, У.-Пис. – Усть-Писаная.

Красн. – Красноярский край: *Берёз.* – *Березовский р-н*: Маг. – Маганское; *Ем.* – *Емельяновский р-н*: Шив. – Шивера; *Енис.* – *Енисейский р-н*: Анц. – Анциферово; *Каз.* – *Казачинский р-н*: Пят. – Пятково, Челн. – Челноки; *Кеж.* – *Кежемский р-н*; *Сухобуз.* – *Сухобузинский р-н*: Выс. – Высотино, Шил. – Шилинка; *Турух.* – *Туруханский р-н*.

Маг. – Магаданская область: Колым. – Колыма.

Н-сиб. – Новосибирская область: *Маслян.* – *Маслянинский р-н*: Пет. – Петели; *Ордынский р-н*: Чинг. – Чингисы.

Ом. – Омская область: *Мур.* – *Муромцевский р-н*: Берг. – Бергамак, Кур. – Курнево, Окун. – Окунёво, Сетк. – Сеткуловка; *У.-Иш.* – *Усть-Ишимский р-н*: Слоб. – Слободчики.

Том. – Томская область: *В.-Кет.* – *Верхнекетский р-н*: Б.-Пан. – Больше-Паново; *Зыр.* – *Зырянский р-н*: Зыр. – Зыряново; *Крив.* – *Кривошеинский р-н*: Жук. – Жуково, Ишт. – Иштан, Перш. – Першино; *Карг.* – *Каргасокский р-н*: Карг. – Каргасок, Ст. Карг. – Старый Каргасок; *Том.* – *Томский р-н*: Верш. – Вершинино.

Хаб. – Хабаровский край: *Лен.* – *Ленинский р-н*: Бдж. – Биджан; *Окт.* – *Октябрьский р-н*: Союз. – Союзное.

Чит. – Читинская область: *Быр.* – *Быркинский р-н*: Мух; Нерч.-Завод. – Нерчинско-Заводский р-н; *Олов.* – *Оловянинский р-н*.

Якут. – Якутия: *Олек.* – *Олёкминский р-н*: Мач. – Мачинское; *Лен.* – *Ленский р-н*: Хам. – Хамра.

ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРА

Все фольклорные произведения, представленные в данном разделе, записаны от жителей с. Новоандреевка Белогорского района Амурской области. Говор жителей Новоандреевки относится к говорам территорий позднего распространения русского языка. Известно, что первые русские поселения на среднем Амуре и Зее были основаны забайкальскими казаками и забайкальскими старообрядцами в середине XIX в. Село Новоандреевка основано в 80-е гг. XIX в. старообрядцами из Забайкалья, «семейскими» из сел Верхне-Удинское (ныне г. Улан-Удэ) и Десятниково.

В одном из справочных изданий конца XIX в., «Географо-статистическом словаре Амурской и Приморской областей» А.В. Кириллова (1894), об этом селе сказано так: «Ново-Андреевка – деревня Амурской области Черемховской волости, на левом берегу р. Зеи, в 83 верстах от Благовещенска и 27 ½ к северу от Семи-Озерок, основана в 1886 году раскольниками Забайкальской области, в числе 19 семей и 70 душ муж. и 55 жен. пола. К 1 января 1891 г. в ней числилось: дворов 19 и жителей 75 муж. и 60 жен. пола; дом. жив. было: лошадей 40 и рогатого скота 39 голов».

До революции непосредственные контакты андреевцы имели с жителями других старообрядческих сел, расположенных вблизи. Это были села Натальино Благовещенского района, Москвитино Свободненского района, Ключи и Николаевка (ныне Никольское) Белогорского района. Хотя уже в 50-70-е гг. XX в. связи между жителями сел начинали слабеть, в памяти пожилых андреевцев до сих пор живут рассказы о бывших совместных праздниках, сватовстве невест из соседних сел и др.¹. Своеобразный бытовой уклад, религиозная обособленность способствовали тому, что в селе, за редким исключением, никто из «иноверцев» не селился. В 50-е гг. сюда приехали и поселились на самом краю села лишь две семьи украинцев, а в конце 80-х гг. подселились еще три семьи из соседнего села Великокнязевка. Возможно, именно поэтому в Новоандреевке записано несколько украинских песен. Подавляющее же число жителей – русские, потомки забайкальских семейских.

В 5 км от Новоандреевки находится село Великокнязевка, основанное в 90-е гг. XX в. украинцами из Полтавской и Харьковской губерний. Современная Великокнязевка – большое село со средней школой, клубом, почтовым отделением и больницей. В селе много специалистов со средним и высшим образованием. Коренные жители – преимущественно украинцы.

Школа в Новоандреевке была начальная, основана в 1910 г.. До революции в школе учились только мальчики. Так, из 14 женщин, родившихся до 1900 г., не было ни одной, умеющей читать и писать. Из 17 женщин, родившихся с 1900 по 1910 гг., лишь 3 окончили начальную школу². Сейчас школы в Новоандреевке нет.

¹ В Приамурье немало старообрядческих сел: Заган, Москвитино, Гуран, Загорная Селитьба Свободненского района, Натальино Благовещенского района и др. Говоры и фольклор этих сел изучаются нами параллельно с говором села Новоандреевка; собранный материал используется для сопоставления и выявления типичных черт.

² Данные получены при изучении похозяйственных книг Великокнязевского сельсовета Белогорского района Амурской области.

Конечно, в современных условиях жизненный уклад новоандреевских семейских коренным образом изменился, однако некоторая удаленность села от крупных промышленных центров, относительная устойчивость первоначального состава населения, определенная замкнутость жителей в прошлом, вызванная религиозными особенностями населения, низкая грамотность старшего поколения дают возможность предположить, что говор села представляет относительное единство, а фольклор – устойчивое образование, генетически связанное с территориями прежнего проживания семейских, главным образом, Забайкалья. Представленные в разделе песни записаны от жительниц села Новоандреевка Белогорского района Брулёвой Мариш Григорьевны, 1926 г.р.; Гребеницковой Степаниды Евстафьевны, 1927 г.р.; Лоценко Валентины Епифановны, 1937 г.р.; Лоценко Евдокии Павловны, 1934 г.р.; Лоценко Николая Савельевича, 1931 г.р.; Петровой Мариш Ефимовны, 1930 г.р.

Фольклорные произведения даны в современной орфографической записи с соблюдением современных пунктуационных норм. Однако мы намеренно сохраняем специфические черты диалектного произношения и диалектной грамматики.

В разделе представлено несколько произведений, имеющих авторство (напр., песня, а по другим источникам – романс «Ах, зачем эта ночь так была хороша» на слова Николая Пашикова, старинный русский классический романс «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан» на слова Николая Цыганова и музыку Александра Варламова). Бытуя в начале XXI в. в дальневосточном селе, удаленном на тысячи километров от столичной цивилизации, эти произведения приобрели статус устных и народных, что послужило основанием для включения их в альманах. Наша публикация этих произведений показывает функционирование одного из созданных народом вариантов, сосуществующего наряду с авторским текстом произведения и многочисленными региональными вариантами оригинального текста, воспроизводимыми как в народной среде, так и творческими коллективами и отдельными исполнителями. Записанные нами варианты авторских (но воспринимаемых как устные народные) произведений, а также любые другие зафиксированные нами варианты произведений устного народного творчества расширяют представление о границах текстовой вариативности фольклорных жанров и используемых в них языковых вариантах: лексических, семантических, акцентологических, фонетических, фонематических, грамматических, включая морфологические и словообразовательные.

Фольклорные тексты поданы традиционно по жанрово-тематическому принципу. При возникновении сложностей в определении жанрово-тематической отнесенности того или иного произведения (напр., песня лирическая или солдатская), что часто происходит из-за тематической близости текстов, руководствовались социальной ролью персонажа, от лица которого исполняется произведение.

Н.Г. Архипова

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1.	Ему не вернуться в родительский дом.
Поехал казак на чужбину далёку	Напрасно казачка его молодая
На верном коне на своём вороном.	И утро и вечер на север глядит.
Свою Украину навеки покинул,	И ждёт-поджидает с полночного края,

Когда же к ней милый казак прилетит.
А там, за горами, где вьются метели,
Где страшны морозы зимою трещат,
Где сдвинулись дружно и сосны и ели,
Казацкие кости под снегом лежат.
Казак и просил, и молил, умирая,
Насыпать курган у него в головах:
И пусть на кургане калина родная
Растёт и красуется в ярких цветах.
Пусть вольная пташка, садясь на калину,
Порой прощепечет ту песнь обо мне,
Что некогда жил здесь казак на чужбине,
Он помнил о милой, родной стороне.

2.

А, Ванюшка, душа моя,
Ой, я с тобой, Ванюшка,
Да не нажилась, о-о-ой.
Ой, я с тобой, Ванюшка,
Да не нажилась, о-о-ой.
Ты вчера поехал на Украину жить,
А меня покинул в колхозе робить,
А меня покинул в колхозе робить.
А меня покинул, да солдат ушел.
Эту ты покинул, другую нашел.
Эту ты покинул, другую нашел.
Это ж ты покинул да меня саму, о-о-ой,
А то ты ж покинул дитё малое,
А то ты ж покинул дитё малое.

3.

Скоро-скоро придется расстаться,
Но не скоро придется забыть.
Скоро горькие слезы прольются
На мою исхудалую грудь.
Помнишь, милой, тот вечер заревный,
Где сидели с тобой мы вдвоем.
Мы сидели с тобой на скамейке,
А над нами пропел соловей.
Он пропел зауныльную песню,
Он почуял разлуку с тобой.
Прихожу я на ту на скамейку

Без сердечного друга одна.
А подружки и те говорили:
Почему ты сегодня одна?
Я подружкам в ответ говорила,
Что забыл меня милый дружок.
Прихожу я домой не на радость,
Начинает ругать меня мать:
«Где ж ты, где, полуночная, ходишь?
Про тебя весь народ говорит.
Ты забрось полуночные мысли,
Ты послушай родительских слов,
Ты без милого сонная ходишь:
До чего вас доводит любовь».

4.

– Молодой чалночник, что ж ты зажурился?
Аль волы устали, аль с дороги сбился?
– Волы не устали, с дороги не сбился,
Тятка с мамкой помер, а я не жанился.
А я не жанился, без доли родился,
Пойду в чисто поле шукать себе долю.
Пойду в чисто поле шукать себе долю.
Не нашёл я долю, нашёл рыболовлю.
Не нашёл я долю, нашёл рыболовлю.
Рыболовцы хлопцы – молодцы ребята.
Рыболовцы хлопцы – молодцы ребята,
Вы закиньте сети через быстры реки.
Вы закиньте сети через быстры реки,
Вы споймайте долю парню молодому.
Вы споймайте долю парню молодому,
Не споймали долю, а споймали шчуку.
Не споймали долю, а споймали шчуку,
Шчука рыба брва в неводу играла.
Шчука рыба брва в неводу играла,
В неводу играла, парня забавляла.
В неводу играла, парня забавляла:
«Парень-паренечек, миленький дружочек,
Голубь не воркует, парень не горюет».
Голубь не воркует, парень не горюет,
Видно, моя доля за морем гуляет.
Видно, моя доля за морем гуляет,
За морем гуляет, меня поджидает.

5.

– Голубчик мой, Ванюшка, куда едешь ты?
– Не скажу.
– Скажи, разлюбезный, Ваня размилой.
– На базар.
– Голубчик мой, Ваня, возьми ж меня с собой.
– Не возьму.
– Возьми, разлюбезный, Ваня размилой.
– Садись да на край.
– Голубчик мой, Ванюшка, что у тебя в мешке?
– Не скажу.
– Скажи, разлюбезный, Ваня размилой.
– Яблоки.
– Голубчик мой, Ванюшка, дай мне хоть один.
– Не дам.
– Дай, разлюбезный, Ваня размилой.
– Возьми, да только гнилой.
– Голубчик мой, Ванюшка, как мне его съесть?
– Не знаю.
– Скажи, разлюбезный, Ваня размилой.
– Хороший срежь, а гнилой съешь.
– Голубчик мой, Ванюшка, где ночуем мы?
– Не знаю.
– Скажи, разлюбезный, Ваня размилой.
– На постоялом дворе.
– Голубчик мой, Ванюшка, кто ж разбудит нас?
– Не знаю.
– Скажи, разлюбезный, Ваня размилой.
– Есть захочешь – сама вскочишь.
Приехали, слезай.

6.

Скрылось солнышко из глаз,
Месяц закатился,
Не на век, на добрый час
Я с милой простился.
Не на век, на добрый час
Я с милой простился.
На серебряных волнах,
На златом песочке,
На серебряных волнах,
На златом песочке

Долго с барышней гулял,
Охранял следочки.
Долго с барышней гулял,
Охранял следочки.
Там следов знакомых нет,
Нет, как ни бывало.
Там следов знакомых нет,
Нет, как ни бывало.
У меня, у молодца,
Сердце взволновалось.
У меня, у молодца,
Сердце взволновалось.
Взял узду ремённую,
Сам пошел в конюшню.
Взял узду ремённую,
Сам пошел в конюшню.
Поймал доброго коня
Своей уздой ремённой.
Поймал доброго коня
Своей уздой ремённой,
Сел на доброго коня,
Шевельнул поводья.
С высоты-то я увидел,
Речка сколыбнулась,
С далека-то я услышал,
Колокол раздался.
Тронул шпоры под бока,
Конь бежит стрелюю.
Ты бежи, бежи, мой конь,
Да остановися.
Ты бежи, бежи, мой конь,
Да остановися.
Захожу я в Божий храм
И Богу помолился.
И с порогу увидел,
И с порогу увидел,
Как изменница моя
На меня взглянула,
Обручённое кольцо
С руки уронила.

7.

По-за лугом зелененьким
Брала вдова лён дрибненький¹.
Брала она, выбирала,
Тонкий голос подавала:
Ой, там Василь сено косить,
Тонкий голос ветер носить.
Тонкий голос-голосочек
Через реченьку в лесочек.
Кинул косу до долоньку,
А сам пошел до домоньку.
А сам пошел до домоньку.
Вышла мати из комнаты,
Стала Василя пытати:
– Чего сидишь та й думаешь,
Чего не пьешь, да не гуляешь?
– Дозволь, мати, вдову взяти,
Буду пити да гуляти.
– Не дозволю вдову взяти:
Вдова будет чаровати,
Счаровала мужа свого
Та й счарует сына мово.
А сын мати не послушал,
Оседлал коня та й поехал.
Пошла мати до комнаты,
Стала сына проклинати:
Щоб ты ехал – не доехал,
Щоб ты больше не приехал.

8.

Проснулася станица,
Проснулся солнца свет.
На площади широкой
Казак в оружие одет.
Казак гарцует поневоле
На резвом своем скакуне
Он поводом играет,
Как будто на струне.
А бедная Маруся
Стояла у крыльца,

И по румяным щечкам
Катила слеза:
– Оставь, оставь свои походы,
Оставь и ратные пути,
Свою любимую Марусю
Прижми, прижми к своей груди.
Вернись, вернись,
Вернись, мой милый,
Оставь свой дальний путь.
– Вернись, вернись,
Вернись, Маруся.
Вернись, когда-нибудь.

9.

Просила отца благословенья,
Которого он мне не дал.
Друзья призваны, я сознаюсь,
Сестру я родну полюбил.
Всегда преследовал за нею,
Всегда к любви ее склонял.
Однажды зашел к сестре в спальню,
Тихонько дверь приоткрывал.
Упал пред нею на колени,
Сказал: люблю, сестра, тебя.
Сестра сдержалась и сказала:
Люблю, люблю, братец, тебя.
От шума двери открывались,
Заходит грозный наш отец,
Глаза свирепо засверкали:
– Ох, дети, дети, мои дети,
Зачем пролили кровь мою?

10.

Скакал казак через долину,
Через кавказские края.
Скакал он садиком зеленым,
Кольцо блестело на руке.
Кольцо красotka подарила,
Когда казак пошел в поход.
Она дарила, говорила,
Что через год буду твоя.
Вот год прошел, казак стрелою

¹ Дрибненький – украинизм. В украинском языке *дриб-ний* - мелкий

К семье своей он поскакал,
Завидел домик под горою,
Забилось сердце казака.
Навстречу шла ему старушка,
Такие речи говорит:
«Напрасно ты, казак, стремишься,
Напрасно мучаешь коня,
Тебе красotka изменила,
Другому сердце отдала».
Казак колечко золотое
В реку бурливую бросал,
Он повернул коня гнедого
И в чисто поле ускакал.

11.

Прошел все кустики, березки,
Прошел мой милый, дорогой.
Его я больше не увижу,
Прошу скорей забыть меня.
Забудь морозчаты походки,
Забудь с начала до конца,
Забудь, как я тебя любила,
Забудь с начала до конца.

12.

Задумал я жениться
На семнадцатом году,
Да дело не клеится,
Невесты не найду.
– Родименький ты мой батюшка,
Жениться я хочу!
– Не шутишь ли ты, Ванечка?
– Ей-богу, не шучу!
– Родимый ты мой Ванечка,
У мельника есть дочь.
Он за тебя, за олуха,
Отдать её не прочь.
Хотя она горбатая
И не дошла умом,
Зато она богатая:
Приданна полон дом.
Коровушки, лошадушки

И несколько овец,
И будешь ты, мой Ванечка,
Богатый, как купец.
– Родименький мой батюшка,
Я лучше утоплюсь,
Но на горбатой дуручке,
Ей-богу, не женюсь.

13.

Ой, болит моя головушка,
Рвется также и душа.
Ох, Акулька – баба славная,
Ох, ей-богу, хороша!
У ней лошадушки, коровушки,
Двадцать штук есть и овец,
Ох, жить будешь, Глашенька,
Ей-богу, как купец.
Сыночек мой да Глашенька,
Почто сказал мне «нет»?
– Родная моя матушка,
Я лучше утоплюсь,
Но на горбатой дурушке,
Ей-богу, не женюсь.

14.

А папироска, друг мой тайный,
А как тебя мне не курить?
Курить – курю, сердечко ноет,
А дым свивается кольцом.
Курить – курю, сердечко ноет,
А дым свивается кольцом,
А Маша шьёт, шитьё бросает,
А ей не век жить за иглой!
А Маша шьёт, шитьё бросает,
А ей не век жить за иглой.
А при широкою долине
Горит печальная луна.
А при широкою долине
Горит печальная луна.
Не слышно голосу родного,
Не слышно песен ездока.
Не слышно голосу родного,

Не слышно песен ездока.
Да ямщик песенку пропемши
Да гонит тройку лошадей.
Да ямщик песенку пропемши
Да гонит тройку лошадей
А со несчастным, со прекрасным,
А с молодым да рекрутом.
А со несчастным, со прекрасным,
А с молодым да рекрутом.
А дайте карточки, сгадаю,
А что случится надо мной?
А дайте карточки, сгадаю,
А что случится надо мной:
Король червонай, туз да бубновой,
Дай настоящая, милай мой!
Да милай полечку ли да танцуеть,
С улыбкой речи да говорить,
Усы в колечко да завивает,
С улыбкою речи да говорить.
А папироска, друг мой тайный,
А как тебя мне не курить?
Курить – курю, сердечко ноет,
А дым свивается кольцом!

15.

Выйду ль я на реченьку,
Посмотрю ль на быстрюю,
Не увижу ль я свово милого,
Сердечного друженька.
Мы сойдемся, поклонимся,
Посидим, повеселимся,
Посидим, повеселимся,
Мы домой пойдем, простимся:
– Прощай, яхонт дорогой,
Не расстался бы с тобой.
– Виноград ты мой зеленый,
Без ума ты меня сделал.
Мне сказали про милого:
Милый не жив, не здоров.
Милый не жив, не здоров,
Будто без вести пропал.
А сегодня мой милой

Вдоль по улице прошел.
Вдоль по улице прошел,
Громко-звонко просвистал.
Громко-звонко просвистал,
На окошко не смотрел.
На окошке есть приметка –
Винограду висит ветка,
Я по той ли по приметке
Ко милу дружку зайду.
Мой миленький очень рад,
Воротечки отворял.
Воротечки отворял,
Всереде двора встречал,
Всереде двора встречал,
За белы ручки принимал.

16.

Ах, зачем эта ночь так была хороша,
Не болела бы грудь, не страдала (б) душа.
Полюбил я её, эх, сполюбил сгоряча,
А она на любовь, эх, смотрит так холодно.
Не понравился ей моей жизни конец,
И с постылым назло, эх, с другим шла под венец.
Не видала она, эх, как я в церкви стоял,
Прислонившись к стене безутешно рыдал.
Звуки вальса неслись, веселился весь дом,
Я в каморку свою пробирался с трудом.
Я в каморку вошел, на колени упал,
И всю ночь напролет безутешно рыдал.
И всю ночь напролет я все думал о ней:
Каково будет ей без милого жить век?
Взял я острый кинжал и пронзил себе грудь,
Пусть невеста моя похоронит мой труп!
Ах, зачем эта ночь так была хороша,
Не болела бы грудь, не страдала душа.

17.

В огороде трава, в огороде трава
Зелено-зелено, зеленешенька.
Как у Вани жана, как у Вани жана
Молода-молода, молодешенька.
Принеси мне, жана, принеси мне, жана,

Сына-сокола раскрасивого.
Чтоб при доме он был, чтоб при доме он был
Расхозяином, расхозяином.
Чтоб при полке он был, чтоб при полке он был
Располковничком, располковничком.

СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ

1.

На Иркутском на главном вокзале
Станционный смотритель стоял,
А на лавке под серой шинелью
Молодой новобранец лежал.
Он был ранен своей головою,
Потихоньку молитву он шептал:
«Уж ты, Бог, ты мой Боже Создатель,
Дай мне силу войти на ногах,
И с родными мяне повидаться,
И жану чтоб свою обнять,
И чтоб малых детей своих родных
Посильнее к груди их прижать».

2.

На Иркутском на главном вокзале
Станционный смотритель смотрел,
А на лавке под серой шинелью
Молодой новобранец сидел.
Перед ним, опустив на колени,
Одна дева в слезах вся была,
У ней вид такой грознопечальный,
По плечам растрепалась коса.
– Ты останься, останься, друг милый,
На кого спокидаешь меня?
– Но я должен послушать начальство
И покинуть навеки тебя!
Паровозы гудки подавали,
Пассажиры в вагоны спешат.
Новобранец бросает красотку
И скорее спешит в свой вагон.
Не успел еще поезд отъехать,
Не успел еще мост перейти,
Как народ толпою собрался –
Новобранца уж мертвым нашли.

3.

Ой, да ты калинушка,
Ты, да ой, малинушка,
Ой, да ты не стой, не стой
На горе крутой.
Ой, да ты не стой, не стой
На горе, ой, да на крутой,
Ой, да не спускай листья
На синё море!
Ой, да не спускай листья
На синё море,
Ой, да по синю морю
Корабель плывёт.
Ой, да по синю морю
Корабель плывёт,
Корабель плывёт,
Аж вода ревёт.
Ой да, корабель плывёт,
Аж вода ревёт.
Ой, да как на том кораблю
Два полка солдат.
Ой, да как на том кораблю
Да два полка солдат,
Ой, да два полка солдат,
Молодых ребят.
Ой да, два полка солдат,
Молодых ребят,
Охвицер-майор
Богу молится.
Ой, да охвицер-майор
Богу молится,
Ой, да трудовой солдат
Домой просится.
Ой да, трудовой солдат
Домой просится:
«Ой, да охвицер-майор,
Отпусти домой!
Ой, да охвицер-майор,
Отпусти домой,
Ой, да отпусти домой
До маточки родной!
Ой, да отпусти домой

До маточки родной,
Ой, да к отцу с матерью,
До жене молодой».

4.

Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья.
А завтра рано, чуть светочек,
Меня оплачет вся родня.
Заплачат братья мои, сестры,
Заплачет старый мой отец,
Еще заплачет дорогая,
С которой шел я под венец.
Коляска к дому подкатилась,
Колеса об землю стучат.
В коляске старший восклицает:
«Готовьте сына своего!»
Крестьянский сын давно готовый,
Семья вся замертво лежит.
Крестьянский сын давно готовый,
Давно за плетиком висит.

5.

Со северной стороны,
Со северной стороны
Там подули ветры буйны,
Там подули ветры буйны.
Зашумело сине море,
Зашумело сине море.
По лугам речки разливались,
По лугам речки разливались.
И корабль на море разбивали,
И корабль на море разбивали.
Все матросы испугались,
И они все разбежались.

ТЮРЕМНЫЕ ПЕСНИ

1.

Отворите окно, отворите.
Мне недолго осталось жить.
Хоть теперь на свободу пустите,
Не мешайте страдать и любить!

Горлом кровь показалась. Весною
Хорошо на родимых полях.
Будет небо сиять надо мною,
И потонет могилка в цветах.
Сбросьте цепи мои. Из темницы
Выносите на свет, на простор.
Как поют перелётные птицы!
Как шумит зеленеющий бор!
Выше, выше, смолистые сосны!
Всё растёт под сиянием дня.
Только, цепи-колодки несносны,
Не душите, не мучьте меня.
То ли песня вдали прозвенела,
Что певала мне родная мать?
Холодеет душа и тело,
Гаснет взор, мне недолго страдать.
Схороните меня, схороните,
Я прошу вас, в могиле моей.
Отворите окно, отворите,
Сбросьте цепи с меня поскорей.

2.

Ах ты, доля, моя доля,
Доля горькая моя,
Ах, зачем ты, злая доля,
До Сибири довела?
Не за пьянство и буянство
И не за ночной разбой,
Стороны родной лишился
За крестьянский мир честной.
Год в ту пору был голодный,
Стали подати собирать
И последнюю скотинку
За бесценок продавать.
Не стерпело ретивое,
Закипела и душа,
И злодею-становому
Нож всадил я сгоряча.
Очутился я в Сибири
В шахте темной и сырой,
Там я встретился с друзьями:
«Здравствуй, друг, и я с тобой!»

Далеко село родное,
Мне хотелось бы узнать,
Удалось ли односельцам
С шеи подати скачать?

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

1.
Вострубили трубыньки рано-рано на заре,
Восплакала Марусенька по русой по косе:
«Нынче тебя, косыньку, девыньки плели,
По утру ранешенько сваха расплетет.
Разделит она косыньку на шесть на долей,
Разложит косыньку вокруг да головы,
Наденет на голову кривой волосник,
На крив волосник – шелкову фату,
На шелкову фату – красную кичу.
Так и тебе, косынька, веки вековать,
А мне с тобою, русою, горяшко мыкать».

2.
Собирайте, девушки, милой на коне.
Допевайте песенку, милой на дворе.
Скоро мою косыньку на две расплетут,
Скоро меня, девицу, замуж отдадут.
И спогубят волюшку, молодость мою.
И спогубят волюшку, молодость мою.
Не мешай мне, мамонька, косу расплетать,
Пора меня, мамонька, взамуж отдавать.

3.
Не шей ты мне, мамонька,
Красный сарафан,
Не входи, родимая,
Попусту в изъян.
Рано мою косыньку
На две расплетать,
Прикажи мне русую
В ленты убирать.
Пускай непокрытая
Шелковой тафтой
Очи молодецкия
Веселит собой.

То ли житье девичье,
Чтоб его менять,
Торопиться взамуж,
Охать да вздыхать?
Золотая волюшка
Мне милей всего,
Не хочу я с волюшкой
В свете ничего.

4.
Косу мою русую
Мамонька плела,
Аленькую ленточку
Во косу вплела.
Аленькая ленточка
По спинушке льнет,
Мамонька родимая
Горьки слезы льет.

5.
Не в трубушку трубило
Да рано по заре,
Плакала да и Марьюшка
Да по русой косе:
Не свет моя да косынька
Да русая коса,
Вечор мене маменька
Да косыньку плела,
Шелковую да плеточку
Да выплётывала,
Поверх той да плеточки
Да золотом лила,
Поверх тому да золоту
Да слезьми облила.
Бог судья², да Амон³
Сударь немилостливый,
Прислал ко мне
Да свашеньку немилостливую,
Начали мою косыньку

² В значении «Бог тебе судья».

³ Название дьявола у семейских. Существует в вариантах *Аммон, Аамон, Аман*.

Да щипать и рвать,
На две да на косынки
Стали заплетать.

6.

– Ты, ой да река ль моя, реченька,
Ты река, ой, да моя быстрая.
Ты течёшь, не колышешься,
Золотым песком, ой, да не возмутишься.
– Отчего же мне не возмутиться:
Ни дождя, ой, да ни вихрию.
Течёт реченька да не колышется,
Сидит девица, ой, да не улыбнется.
– Что ж сидишь ты да не улыбаешься,
Говоришь речи, ой, да не усмехаешься?
– Уж как нету гостя милого,
Моего батюшки родимого.

7.

Лето, зиму тай сосенушка зелена,
Зелена, зеленешенька стояла,
Ой, зелена, зеленешенька стояла.
Всю неделю да вот Марьюшка весела,
Ой, всю неделю да вот Марьюшка весела,
Весела, веселешенька гуляла.
А в пятницу русу косу чесала,
А в субботу русу косу заплела,
Ой, а в воскресенье день к венчанью шла, плакала:
– Ой, благослови, батюшка, я пойду,
Постели ты шелковый платок, я ступлю,
Подвези ты зелену карету, я сяду,
Подгони ты тройку коней, я поеду.
Соезжала да вот Марьюшка со двора,
Соломила да березоньку со верха,
Ой, соломила да березоньку со верха.
– Ой, расти, расти да березонька без верха,
Живи, живи, родной батюшка, без меня.
Ой, живи, живи, родной батюшка, без меня.
Ой, без меня и без девичьей красоты,
Ой, без меня и без девичьей красоты.
Вставай ты, родной батюшка, утром раненько,

Утром раненько,
Поливай ты мои цветики частенько.
Поливай ты мои цветики частенько
Розу, мяту и пахучи васильки.

8.

Покрасуйся-ка, ты наша подруженька,
Полюбуйся-ка, ты наша голубушка.
Подойди, подойди, родимый батюшка,
До стола, до стола ты до дубового,
Да скатерть тебе, да скатерть тебе да шелковая.
Да сплети-ка, сплети-ка косу русую.

9.

Вон едут жанихи, едут-едут жанихи,
Едут-едут жанихи, едут-едут жанихи.
Ой, на коврах-коврах.
Эй, на коврах-коврах,
Да всё нашел в твоих коврах,
Да всё нашел в коврах-коврах.
Ой, на ту дворе, ой-у, на ту дворе
Да всё огни-то горят,
Да всё огни-то горят.
Ой, на этих огнях
Да всё котлы-то висят,
Да всё котлы-то висят.
Ой, у этих котлах, ой, у этих котлах
Да гуси-лебеди кипят,
Да гуси-лебеди кипят.
Ой, у нас за столом,
Эй, у нас за столом
Да у нас подруженьки сидят,
Да у нас голубушки сидят.

10.

Покрасуйси-ка ты, наша подруженька,
Давай полюбуймси,
Как ты, наша голубушка-убушка,
Да у родимого да своего батюшки,
Да у родимой да своей матушки,
Да шо, да шо у братцов своих,
Да ясных соколов,

Да у сестрицы-то,
Были да всё лебёдушки,
Да пойдём, Настасьёушка,

Красота твоя не глянется,
Да ты, ты отдай-ка,
Отдай свою красоту.

ЧАСТУШКИ

У меня миленков двое,
Двое полагается:
Если Коля не проводит,
Федя догадается.

Мой миленок тракторист,
На деревне первый парень.
По стахановке работает,
Да и я не отстаю.

Перед зеркалом стояла
Да в невесты метила,
Холостых ребят видала,
Мужа не заметила.

Надену половничек –
Не дадут половничать.
А надену два платка –
Будет воля коротка.

Все подружки в юбках,
Ну, а я в портках опять,
Все подружки вышли замуж,
Я осталась зимовать.

Девки трали, трали-вали,
Трали да растаяли,
Всех хорошеньких угнали,
Одну шваль оставили.

Ты, подруга, дробь, дробь,
А то я буду дробить.
Ты, подруга, люби друга,
А то я буду любить.

Гармошка б была,
Да сплясала бы я.
Как буду плясать,
Если ноги болят?

Ой, мой миленок богатей,
Только денег в обрез.
Положил карман на землю,
Сам в окошечко полез.

Ой, балалайка, балалайка,
Балалайка-стуколка.
Мой миленок – королёнок,
А я его куколка.

Ой, меня милый провожал,
Гармонь за пазухой держал,
Вплоть до дому проводил
Да заиграл, пошел один.

Ой, мы с милёночком расстались
И пошли по сторонам.
Он запел, а я заплакала.
Легко ли было нам?

Ой, дороги родители,
Зачем меня обидели?
Пароходики пойдут,
Только меня и видели.

Ой, мать, моя мать,
Не останусь зимовать,
Я отчаянный родился,
Ну, отчаясь, и помру,
Да я случайно не сдаюсь
И нигде не пропаду.

В поле пели петушки,
Подпевали курочки,
Встают рано да приходят
На вечерку дурочки.

Пошел плясать,
Нашел умницу,
У ней спереди квашня,
Сзади кузница.

ЗАГОВОРЫ

Тексты заговоров воспроизводятся по записям в тетради, сделанным самими информантами: Александрой Еремеевной Зайцевой (Васиной), 1920 г.р., и Марией Григорьевной Брулёвой, 1926 г.р., жительницами села Новоандреевка Белогорского района Амурской области. Тексты заговоров переданы в современной орфографии и пунктуации, однако мы сочли необходимым сохранить некоторые особенности письменной интерпретации устного текста, отражающие произношение наших информантов (напр., *оминь* – *аминь*; *врогов*).

От зубной боли

1. Господи, благослови зубы заговорить.

Млад месяц, Сезон царь, золот рогатый, иди посмотри у рабе Божей (*имя*) зубы не ноют ли, не точат ли черви десна, подуй, обмети, золотом засыпь, золой загреби, метлой замети, чтобы у рабы Божей (*имя*) не болели, не скольбели (скорбели?), навек занемели, божьим словом вовеки веков, оминь, оминь, оминь.

2. Млад месяц, был у тебя брат Филат, ходил он на море на океан, видел он там дуб, на дубу стоит гроб, в гробу лежит мертвец, у мертвеца зубы болели и навек занемели, так и у рабы Божьей (*имя*) навек занемели, ныне и присно, во веки веков. Оминь (*плевать в левую сторону и читать последнее слово три раза. Если зуб болит на правой стороне, то разжевать воск и привязать на левую руку*).

3. Месяц молодой, не был на море на океане, там стоит дуб, на дубу стоит гроб, в гробу лежит мертвец, у мертвеца зубы болели и навек занемели, так и рабы Божьей (*имя*) навек занемели. И ныне и присно, во веки веков. Оминь, оминь, оминь (*плевать в левую сторону, читать по одному разу*).

От кровотечения

4. Господи, благослови кровь заговорить.

С подбани бежит конь карий, сидит на нем старик старый, у рабы божей (*имя*) кровь не капит, чур, оминь.

5. На море на океане, на быстром Буяне лежит горюч камень. На горючем камне сидит красна девица, сидела она, красным шелком шила прошивала, раны зашивала, как шолчик оторвется, так и у рабы Божей (*имя*) кровь войметя. Чур, аминь (*плевать в левую сторону*).

От ломоты в теле

6. Господи, благослови колоти заговорить.

Этому дереву на корню не стоять, мохров в землю не пускать, зелеными листьями не шуметь, белые кости не лелеять, желтые жилки не ломить, красной крови не пить, у рабы божей (*имя*) чтоб не, где не ломить, не колоть, не болеть, навек занеметь, чур, оминь.

От ангины и других болезней

7. Первая заря Марья, другая Дарья, третья Марина, на море ходила, ветки ломала, корни копала, глотку колола, чтобы не болела, не скорбела, на век занемела. И ныне и присно, во веки веков. Оминь, споси, Господи, от всякого супостату, от золу болезни, споси, Господи, помилуй (от) душевных страстей, огради, Господи, святым ангелом, архангелом, всей силой небесной, Оминь.

От сглаза

8. Господи, благослови заговорить сглаз.

Стану помолюсь я богу, пойду я с ворот у вороты, с дверей в двери, с окна в окно, погляжу я на восточную сторону, на восточной стороне лежит тень моря, на тени моря лежит горяч камень, на горячем камне стоит божья церковь, стоит там стол-престол, на престоле сидит Мать Пресвятая Богородица, своего сына пеленой пеленает, пеленой одевает, от русого человека, от черного, от рыжего, от белоглазого, разноглазого, косоглазого, черноглазого, желтоглазого, синеглазого, кареглазого, от колдуна, от колдуницы, от девки-росомаги (росомахи?), от бабы простоволоски, от разоженица¹, раба Божьего (*имя*) обмыть от этой болезни. Слава

От рожи

9. Богородице, Дево, радуйся. Обрадованная Мария, Господь с тобой, благославенна ты в жёнах, яко Спаса родила еси душ наших, помоги рабу Божьему (*имя*).

Рожа ты банная, рожа ты поганая, рожа костяная, рожа ты мясная, рожа ты двадцати сортов, белая, красная, черная, зеленая, синяя, бурая, рожа здесь тебе не быть, белых костей не ломить, красной крови не пить, жёлты жилы не точить, иди рожа на осину, на чёртову лесину, там тебе быть, там тебе жить, Жар-птица я шла, я тебя нашла, я твоему горю помогла, ну и ты мне помоги эту проклятую, поганую рожу клювом подцепи, крыльями вспорхни и далеко-далеко её унеси, за тысячу верст, где петухи не поют, где собаки не лают, там тебе рожа быть, там тебе жить, а здесь тебе не жить, не быть, красной крови не пить, белых костей не ломить, жёлты жилы не точить. Аминь, аминь, аминь.

От ячменя

10. *Скрестить мизинец с большим пальцем (от ячменя и чирика). Заговаривать в левую сторону напротив солнцу.*

Как солнце не всходит с этой стороны, так и тебе здесь не бывать (*чирику, ячменю*) у рабы Божей (*имя*)(*и сплюнуть в левую сторону три раза*).

От тоски

11. Матушка река Нева, Святая вода, как ты моешь и полощешь камень, кремня, пни и коренья, крутые берега и жёлтые пески, смой и с меня, рабы Божей . . . тоску мою тоскучую, горюшко моё горячее, скорби и болезни. Аминь, аминь, аминь.

От тяжелой болезни

12. *Читать в понедельник рано утром и после заката.*

Раба болящая, ночами не спящая, колени преклонила, избавления просила. Ты, боль-хвороба, уйди от её порога, подальше на дорогу. От кого болезнь пришла, к тому и иди. Чтобы виновному не могло, не елось, не пило, не спалось. Пусть виновный в порче также страдает, силу слова отныне и вовеки к рабе (*Марии, Николаю [или другое имя – авт.]*) потеряет. Аминь.

От воров

13. Шел Иисус Христос через три земли, через три небеси, нес Иисус Христос Евангель и Крест. Господь сказал: «Кто будет красть, напушу на него страсть, руки отнимутся, ноги с места не сдвинутся, хозяин выйдет, воров увидит. Красть запрещаю, крестом закрещаю». Иисус Христос замыкает замком, крест посреди, два ангела по бокам. Аминь (*нужно накладывать крест на всё в доме, во дворе, в огороде*).

¹ Разожениц, разжениц – разведенный человек.

Чтобы быстро набраться сил

14. Звёзды не считаны,
Небо не меряно.
Господи, Боже мой,
Силы небесные со мной.
Славлю Богородицу, Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь.

От неприятности. От врагов

15. Ко мне Спасители,
Ко мне Крестители,
На меня обернитесь,
За меня заступитесь.
Кто после вас меня обидит,
Тот во веки добра не увидит.
Аминь.

Раздел «Школа» в настоящем выпуске соответствует настроению юбилейного выпуска.

В статье нашего постоянного автора, наставника наших студентов, начинающих свою «педагогическую поэму» в школе № 2 г. Благовещенска, Отличника народного просвещения, Заслуженного учителя школы Российской Федерации Галины Кузьминичны Алексеевой рассказано о помощи, которую может оказать наше «Слово» учителю-словеснику, и мы очень рады, если материалы «Слова» помогают воспитать у школьников через родную речь любовь к своей малой родине, сделать первые шаги в освоении Амурского края – части Дальнего Востока, который в свою очередь – часть большой России. Истории жизни и рассказы о жизни, записанные от наших информантов, сполна подтверждают ее историческую и культурную целостность, нераздельность.

Тема общей народной судьбы, трагической судьбы нашего Отечества, поднимается на уроке одного из самых творческих учителей-словесников города – учителя школы № 10 областного центра Оксаны Сергеевны Азаренко. Методическая разработка ее урока «Роль фольклорных и библейских мотивов в воссоздании пространства социального зла в поэме А.Ахматовой «Реквием» для учащихся 11 класса предлагается вниманию учителей русского языка и литературы в нашем альманахе.

В разделе «Школа» мы публикуем и материал, подготовленный совсем юными краеведами Приамурья, – исследовательскую работу «Фортост Амура – село Албазино», выполненную ученицей 4 класса МОУ СОШ № 4 г. Шимановска Амурской области Дарьей Шестовец (руководитель – Татьяна Павловна Богомазова). Эта публикация уже означает, что дело изучения языка, культуры, истории Дальнего Востока будет кому передавать!

Приглашаем к дальнейшему сотрудничеству учителей-словесников школ, лицеев, гимназий, колледжей, училищ, вузов, а также Ваших учеников, готовых предоставить результаты своего первого научного опыта по изучению своего края, и надеемся на то, что наше сотрудничество будет долгим и плодотворным!

УДК 801.1

Г.К. Алексеева

«И СЛОВО В СЕРДЦЕ ОТЗОВЕТСЯ»:

из опыта работы учителя-словесника по использованию регионального компонента

В статье представлено методическое обоснование урока по теме «Устное народное творчество» в 6-м классе с включением регионального материала в процесс обучения, а также краткий конспект этого урока. В качестве источника фольклорного материала рекомендуется фольклорно-диалектологический альманах «Слово».

Ключевые слова: русский язык и литература, методика преподавания, региональный компонент, региональные языковые средства, фольклорно-диалектологический альманах «Слово»

The paper presents the lesson plan on topic "Folklore" targeted at 6th form students. The plan includes local data and lesson syllabus. The Folklore and Dialectology Almanac "Slovo" is recommended as a source of folklore material.

Key words: Russian Language and Literature, Teaching Methods, Local Component, Regional Language, Folklore and Dialectology Almanac "Slovo".

Бережное отношение к слову воспитывается с детства: это и ласковое слово матери, и мудрое слово бабушки, и строгое слово учителя, и умное слово книги. Учителю-словеснику важно донести до ребенка всю красоту простого русского слова. Для этого существует много методов и приемов, уже не раз апробированных на учениках. Но, как говорят психологи, больше всего на ребенка воздействует новое, еще неизвестное. Этим новым для моих учеников является фольклорно-диалектологический альманах «Слово», так не похожий на школьный учебник, но дающий знания более глубокие, чем «базовые», обязательные для всех. В нашей школе альманах «Слово» учителя используют на уроках географии, истории, музыки, русского языка, литературы.

Известно, что современный этап развития методики преподавания гуманитарных дисциплин в школе характеризуется поиском эффективных путей обучения, ориентированного на усиленное внимание к функциональному аспекту изучаемых явлений. Это предполагает, например, на уроках русского языка целенаправленное наблюдение над особенностями использования языковых средств не только в разных стилистических проявлениях литературного языка, но и в специфическом, региональном аспекте, характеризующем языковые особенности той или иной местности. В исследованиях последних лет отмечается, что методические идеи использования в процессе обучения региональных языковых средств еще не нашли полноценной разработки и внедрения в современную практику преподавания русского языка и литературы в школе. Как известно, учебники, реализующие федеральный компонент образования в области филологии, не обеспечивают региональный компонент в преподавании, в результате на уроках практически не используется языковой материал, отражающий специфику того или иного региона России. Амурская область имеет ярко выраженные территориальные, природные, национальные, культурно-исторические и языковые особенности, что, несомненно, следует учитывать на уроках словесности. Подобный подход в преподавании является одним из направлений в формировании у школьников знаний о родном крае и имеет воспитательное значение, так как способствует развитию уважения и любви к родному краю, и оказывает влияние на формирование личности.

Воспитание национального самосознания при обучении русскому языку и литературе необходимо начинать с освоения притягательной силы родного языка. Стержнем этой работы может стать краеведение. Ведь использование на уроках местного языкового материала не только повышает интерес к предмету, но и воспитывает интерес к тому, что называют «малой родиной», расширяет представление об ее истории и сегодняшнем дне. Все это дает возможность воспитать не только патриота, но и гуманного, социально культурного человека.

Работа с региональными языковыми фактами является только компонентом сложной, многоаспектной деятельности учителя-словесника в школе, она не должна и не может вы-

теснить с урока тематически разнообразные материалы, иллюстрирующие вечные общечеловеческие ценности вне их этно- и географической определенности. Разумное включение регионального компонента в базовую и дополнительную части филологического образования школьников представляется делом общественно значимым, а главное – актуальным.

Под региональным компонентом школьного филологического курса в современной лингводидактике следует понимать систематическое и последовательное включение в общеобразовательный курс русского языка местного языкового и литературного материала.

Методисты предлагают рассматривать региональный компонент в преподавании как углубленную лингвокраеведческую работу и использовать местный языковой материал не только на уроках, но и для внеклассной работы.

Главной методической задачей уроков словесности с использованием регионального компонента является подключение к занятиям житейского и речевого опыта самих учащихся, а также членов их семей.

В базисном учебном плане на реализацию регионального компонента в образовательной области «Филология» выделено 10-15% времени. Региональный компонент используется не как отдельный блок, а как «вкрапления» в учебный материал, без выделения отдельных часов, и в качестве языкового материала при изучении школьного курса предметов.

Покажем это на конкретном примере. Так, при изучении устного народного творчества в разных классах обязательно знакомимся с местным фольклором в разных жанрах (сказки, песни, сказания, частушки, поговорки и др.). Здесь хорошо проявляется связь с семьей: бабушки и дедушки могут рассказать не всем известную сказку, вспомнить старинную песню, частушку и т.д. На помощь приходит, конечно, и альманах «Слово».

Урок литературы, посвященный обобщению знаний по теме «Устное народное творчество» в 6-м классе, – яркий пример включения регионального материала в процесс обучения. Приведем краткий конспект этого урока.

Тема: «Яркий ковер фольклора»

Цели урока:

- систематизировать знания по теме «Устное народное творчество»;
- расширить представления о разных жанрах фольклора (загадках, пословицах, поговорках, песнях и др.);
- закрепить умение использовать пословицы и поговорки в речи;
- продолжить развивать интерес к устному народному творчеству, к литературе, прививать любовь к родному слову.

Ход урока

1. Организационный момент.

2. Слово учителя.

В былые времена был соткан наш фольклор.

Он до сих пор красив, как сказочный ковер,

Он в нашей речи всё живой и яркий,

От предков дан нам дорогим подарком.

Сегодня мы побываем в русском царстве – в фольклорном государстве. Ждут нас там интересные встречи, испытания и хитрые задания.

Ребята, ответьте на мои вопросы:

- Что такое устное народное творчество?
- Что обозначает слово «фольклор»?
- Какие фольклорные жанры вы изучали?
- Какие еще можете назвать жанры устного народного творчества?
- Почему мы можем прочитать в книгах, учебниках произведения фольклора?
- Назовите известных вам собирателей устного народного творчества.

Студенты филологического факультета Амурского государственного университета являются собирателями фольклора. Каждый год вместе с преподавателями они ездят в фольклорно-диалектологические экспедиции в села Амурской области: приходят в гости к старожилам, беседуют с ними об истории, культуре, заселении нашего края и просто о жизни, делают записи на диктофон. Все экспедиционные материалы публикуются кафедрой русского языка в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово». Увидело свет уже девять выпусков этого уникального издания. Читатель может узнать о том, как строили дома, как ходили на охоту, как готовили пищу, растили детей и о многом другом. Но чаще всего в альманахе слышится рассказ о том, как раньше отдыхали после тяжелого трудового дня в поле, в кузнице, на ферме. Песни, частушки, пословицы, поговорки, загадки – этими жемчужинами народной речи пересыпаны рассказы жителей села.

Ребята, давайте проверим, хорошо ли вы знаете жанры устного народного творчества. Давайте вместе разгадаем кроссворд. Я зачитаю вам отрывки из фольклорных произведений, а вы должны определить, к какому жанру устного народного творчества они относятся.

Задания для кроссворда.

По горизонтали:

1. «В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь...» (сказка).
2. «На дворе трава, на траве дрова» (скороговорка).
3. «Как снег на голову» (поговорка).
4. «Ох, милка моя,
Семечко рассадно,
До сих пор неграмотна,
Разве не досадно?» (частушка).
5. Федя-бредя съел медведя, упал в яму, кричал маму» (дразнилка).
6. «– Ладушки-ладушки! Где были?
– У бабушки.
– Что ели?
– Кашку!
– Что пили?
– Бражку» (потешка).
7. «На чужой стороншке рад своей воронушке» (пословица).

Посмотрите, что у нас вышло по вертикали? (загадка). Да, загадка – всеми любимый жанр. А вы знаете, как появились загадки?

3. Сообщение ученика.

Загадки появились очень давно, они были созданы совсем не для забавы. С помощью загадок в иносказательной, тайной форме древние славяне передавали информацию. Загадка

использовалась и в военных, и в дипломатических делах, а также в повседневных. Необходимость говорить загадками объяснялась многочисленными запретами и верованиями древнего человека. Например, у славян был обычай: жена сына – сноха, переселившись в дом мужа, должна была первое время хранить молчание, дабы умершие предки знали, что в их дом пришел «чужой» человек. Выручала речь загадками. Например, говорили: «Ерзунь-от ерзат! Возьми шелопень да и лопень!» Это означало: «Горшок кипит! Возьми ухват и выставь его!». Давайте попробуем отгадать загадки, записанные в селах нашей области.

1. По полю скачет – ушки прячет,
Встанет столбом – ушки торчком. (Заяц).
 2. Кто на ветке шишки грыз и бросал объедки вниз? (Белка).
 3. У кого есть шапка без головы, а нога без сапога? (Гриб).
 4. Белая собачка – на носу болячка. (Спичка).
 5. Шел долговяз – в сыру землю увяз. (Дождь).
- Ребята, а какие загадки знаете вы? (Ученики загадывают загадки).
4. Слово учителя.

Хорошо, с загадками мы поработали, а теперь проверим, как вы знаете пословицы. Ваша задача – продолжить пословицу.

1. Век живи – (век учись).
 2. Смелость (города берет).
 3. Лучше горькая правда, чем (сладкая ложь).
- Ребята, ваша задача теперь – узнать пословицу по искаженной форме.

1. Богатство – недостаток (Бедность не порок).
2. Чувство сытости пропадает, когда голодают (Аппетит приходит во время еды).
3. Стоячего колотят (Лежачего не бьют).

Ребята, я буду называть фразу, а вы подумайте и назовите поговорку, которую можно использовать в этой ситуации.

1. Гости приехали неожиданно. (Как снег на голову свалились).
2. Ты что немой? (Язык проглотил).
3. Обед сегодня очень вкусный. (Пальчики оближешь).
4. Никогда не выполню твоего поручения. (После дождичка в четверг. Когда рак на горе свистнет).
5. Он всегда знает, что сказать. (За словом в карман не лезет).
6. Мы со ней дальние родственники. (Седьмая вода на киселе).
7. Он пишет так некрасиво. (Как курица лапой).
8. Он мне постоянно мешает выполнить работу. (Вставляет палки в колеса).
9. Мы поговорим наедине. (С глазу на глаз).
10. Он весь день ничего не делает. (Палец о палец не ударит).

Подведение итогов.

5. Слово учителя.

Ребята, вспомним еще один жанр фольклора – лирическую песню. Как можно определить этот жанр? О чем обычно поется в лирических песнях?

Давайте послушаем несколько песен, записанных во время спевки в селе Максимовка Октябрьского района в 2010 году. Их поют Анисья Андреевна Федирко, Мария Павловна Брусова, Любовь Никитична Мироненко. Всем исполнительницам больше восьмидесяти лет, но на каждый праздник они собираются вместе и поют, при этом рассказывают о прошлой жизни, традиционных обрядах, праздниках. (Звучат фольклорные произведения из раздела «Спевка в Максимовке», опубликованные в альманахе «Слово», вып. 9, стр. 162 – 179, и представленные на электронном носителе (CD) в видео- и аудиозаписях).

Что вы заметили в текстах этих песен? (Переплетение русских и украинских слов, русское и украинское произношение). Чем это обусловлено?

6. Краткое сообщение ученика об особенностях освоения Амурской области славянскими народами. (См. Фольклорно-диалектологический альманах «Слово», вып. 9, раздел «Современные лингвистические исследования» (статьи Е.А. Оглезневой, А.В. Блохинской, Н.Г. Архиповой), стр. 7 – 41).

7. Завершение урока.

Наш урок подходит к концу. Что нового вы сегодня узнали? Хотели бы вы быть участниками фольклорных экспедиций? Для чего нужны произведения устного народного творчества в нашей повседневной жизни?

8. Домашнее задание.

1. Написать небольшое эссе на тему «Яркий ковер фольклора». (Для чего нам нужны произведения устного народного творчества?)

2. Расспросить своих родных и друзей о том, знают ли они фольклорные произведения, и записать несколько в «фольклорную копилку».

УДК 82.0:801.6

О.С. Азаренко

РОЛЬ ФОЛЬКЛОРНЫХ И БИБЛЕЙСКИХ МОТИВОВ В ВОССОЗДАНИИ ПРОСТРАНСТВА СОЦИАЛЬНОГО ЗЛА В ПОЭМЕ А. АХМАТОВОЙ «РЕКВИЕМ»

В статье предлагается оригинальный опыт изучения поэмы А.Ахматовой «Реквием» в II классе с использованием новых педагогических технологий.

Ключевые слова: литература, Анна Ахматова, поэма «Реквием», методика преподавания, фольклорные и библейские мотивы, пространство социального зла, графическое изображение пространства поэмы

The paper proposes a special experience in studying the poem «Rekviem» by A. Akhmatova with new educational technologies for high school students.

Key words: Literature, Anna Akhmatova, Poem «Rekviem», Teaching Methods, Folklore and Bible Motives, Social Evil Space, Graphic Presentation of Poetic Space.

Говорить с детьми на так называемые трудные темы сложно. Но интересно. Конечно, легче всего убедить себя, что современным школьникам тяжело читать «Реквием» Анны Ахматовой. Многие поймут текст, но дойдёт ли он до сердца? Значит, нужно сделать так, чтобы

книга «легла» на души российских старшеклассников. О массовых репрессиях 30-х годов прошлого века на Дальнем Востоке знают не понаслышке: трагедия тех лет отразилась в истории семей многих амурчан. Более того, многие семьи стали дальневосточниками по воле тех, кто делал историю страны в то страшное время. И произведение Ахматовой порождено напряженным духовным стремлением осмыслить итоги катастрофических для страны событий, свершившихся в XX столетии. Отсюда и тот нравственно-философский потенциал, который заключен в книге. Отсюда и тот настрой, который я попыталась внести в свой урок.

Итак, **тема:** Роль фольклорных и библейских мотивов в воссоздании пространства социального зла в поэме А. Ахматовой «Реквием»

*И небо скрылось, свившись в свиток;
и всякая гора, и остров двинулись с мест своих.*

Откровение Иоанна Богослова

Я вижу всё, я всё запоминаю.

А. Ахматова

Цель: помочь учащимся осознать философское значение поэмы «Реквием», проанализировать общечеловеческий масштаб трагедии лирической героини через графическое изображение пространства поэмы.

Задачи:

- Продолжить работу над формированием читательских компетентностей;
- Развивать исследовательские и коммуникативные компетентности учащихся;
- Формировать положительные нравственные ориентации.

Ресурсы урока: тексты изучаемого произведения, икона «Иисус прощается со своей матерью» (неканонический сюжет), аудиозапись «А. Ахматова читает «Реквием», аудиозапись «Реквиема» Моцарта, индивидуальные схемы для изучения хронотопа поэмы, компьютерная презентация урока.

Ход урока

До начала урока зажигаю свечу перед иконой «Прощание Иисуса с Матерью». Столы поставлены отдельно для 5 групп (одна группа будет состоять из двух человек). На моём столе лежит красная роза. На левой половине доски лист бумаги, на котором написано «РЕКВИЕМ». На доске же слова эпиграфов на плакатах. На белой доске заранее начерченный контур СССР.

Первое слово учителя: Сегодня на уроке мы с вами будем читать «Реквием», изучать «Реквием», слушать «Реквием».

Слайд. На экране портрет Ахматовой и тема урока. Звучит музыка Моцарта.

Читаю «Посвящение» на фоне музыки до слов «А надежда всё поёт вдали...» Эти слова принадлежат Ахматовой. Так она описывает горе своей страны. И свое личное горе. В 1938 г. по ложному навету был арестован сын Анны Андреевны – Лев Гумилёв. Написаны эти строки в 1940 г. А эти (*показываю на первый эпиграф*) взяты из откровения Иоанна Богослова. Слова, произнесенные почти две тысячи лет назад, созвучны началу ахматовского «Посвящения». Анна Ахматова... Гордое, величественное имя! Вы уже изучали творчество этой поэтессы, когда говорили о «серебряном веке» русской поэзии. Какой вы её запомнили?

(Лиричной, несколько экстравагантной, окутанной загадочной любовной дымкой). Сегодня мы поговорим об иной Ахматовой, той, что взяла на себя смелость сказать: «Я ВИЖУ ВСЁ, Я ВСЁ ЗАПОМИНАЮ!» Она не побоялась стать голосом «стомиллионного народа», той, чья материнская скорбь потрясает силой своего страдания и в наши дни. Сегодня вы услышите голос Ахматовой. Вы услышите голос человека великого, умудренного горьким опытом, этот голос слышали ленинградцы во время блокады. Это голос вечности. (Звучит начало «Реквиема» в исполнении Ахматовой («Эпиграф», «Вместо предисловия»)).

Слайд. Во время ахматовского чтения на экране ученики видят изображение поэтессы. Слова: «Это дыхание человека, в душе которого постоянно жила драма» (Л. Озеров).

Слово учителя: Слово «Реквием» (показываю слово на доске). Какие ассоциации у вас возникают? Слушаю ответы. Затем записываю мелом ассоциации детей на доске (Примерные варианты: «смерть», «горе», «слёзы-плач», «траур», «музыка», «молчание», «тишина». Акцентирую внимание на каждом слове).

Вот ещё одна ассоциация – это слово «КОЛЫБЕЛЬНАЯ». Записываю это слово рядом с ассоциациями детей. На сегодняшнем уроке мы должны увидеть, как эти слова взаимосвязаны и как они проходят через всю поэму. Мы должны исследовать основные мотивы поэмы, её уникальное художественное пространство, понять эмоциональное состояние лирической героини и изобразить это состояние с помощью графика.

Работать будем в группах. Дома вы перечитали поэму «Реквием». Сейчас нам предстоит проанализировать её вместе. Вы разделены на пять групп. У каждой группы своя цель. Работать начинаем после объяснений.

Слайд. Карта Страны Советов.

Есть конкретное географическое пространство, которое называется **Страной Советов**. Я изобразила это пространство в виде карты на доске, у вас такое изображение на столах. Назовем его **пространством социального зла**.

Нарисуем центральную ось будущего графика. Она пройдёт через пространство нашей страны, представленное на карте. В поэме 16 частей. Пересекаем эту линию 16 раз. Все части разные по форме, по мелодике стиха, но все будут демонстрировать непосильные страдания матери.

Под изображенным пространством страны я начертила **ось времени**. На неё мы будем проецировать те временные отрезки, которые нам подскажет текст поэмы.

В первую очередь даю задание тем, кто будет работать с ноутбуком в сети Интернет. Выдаю листы с заданием. Ничего не озвучиваю. Те ученики, которые сидят перед ноутбуком, выполняют своё задание с помощью Интернета.

Задание. Найти в Интернете репродукцию В.Г. Перова «Плач Ярославны». Подумать и объяснить, почему этой репродукцией можно иллюстрировать урок о «Реквиеме» Ахматовой? Найти ту часть поэмы, которая больше всего подходит для чтения на фоне картины Перова. Прочитать этот отрывок выразительно («Семнадцать месяцев кричу...»).

Группа географов. Ваша группа исследует географическое пространство в поэме. Вы должны найти названия городов, рек, о которых идет речь в поэме, и нанести их на контурную карту, находящуюся на вашем столе. Строчки, которые подтверждают верность ваших мыслей, нужно выписать и зачитать во время выступления.

Остальные группы – филологи. У всех на столе есть уменьшенные схемы и таблички-подсказки. За 3 минуты вы должны исследовать в тексте определенный мотив, с помощью которого Ахматова раскрывает эмоциональное состояние лирической героини: ПЛАЧ, БИБЛИЯ, МОЛЧАНИЕ. Мы должны попробовать изобразить этот мотив с помощью линии на географической карте. В результате у нас должен получиться общий график из трёх линий. Попробуйте изобразить при помощи линии эмоциональное состояние лирической героини. Выберите одного человека, который будет выполнять чертеж и одного или двух ораторов, которые будут зачитывать строчки-доказательства из текста. Приступаем. Выполнять задание вы будете, пока звучит музыка: 3 минуты! (*Звучит церковная музыка «Не рыдай мене, мати...»*).

В это же время слайд: на нем на карте Страны Советов проявляются фотографии Сталина, Ахматовой, заключенных, лагерей. Звучит «Реквием» Моцарта.

Пока ученики работают, подхожу к тем, кто ищет информацию в Интернете. Консультирую их. Затем подхожу ко всем группам, ещё раз объясняю то, что должны сделать исследователи текста по окончании работы.

Примерно через 3 минуты прошу выступить тех, кто работал в Интернете.

Ответ (примерный): Я нашёл репродукцию картины Перова «Плач Ярославны». Этой репродукцией можно иллюстрировать урок о «Реквиеме» Ахматовой, потому что мы видим Ярославну, героиню «Слова о полку Игореве». Этот удивительный образ стал символом Русской земли, Родины, матери, любви – так много объединяет в себе русская княгиня. Её устами говорит простая русская женщина, горячо любящая своего мужа, тоскующая о нём и горюющая о том, что он ранен и в плену, и не только о муже, но и обо всех, кто ушёл вместе с ним и не вернется домой никогда. Мне кажется, что больше всего подходит для чтения на фоне картины Перова V глава.

Выразительное чтение отрывка («Семнадцать месяцев кричу...»).

Слайд. Репродукция В.Г. Перова «Плач Ярославны».

Вывод учителя: Действительно, этот образ стал бессмертным потому, что горе Ярославны огромно. Она не просто любящая жена. Для Ярославны поражение и гибель русских воинов – большое личное несчастье.

Так на каком же пространстве страдает лирическая героиня Ахматовой? Хочется выслушать тех, кто исследовал географические приметы.

(Ученики всех остальных групп отмечают названные пункты на своих географических картах).

Ответ (примерный): Мы исследовали пространство поэмы. Вот те строчки, которые говорят о конкретных географических пунктах, раздвигающих границы действия до широких пределов земли русской:

ЛЕНИНГРАД: «...В тюремных очередях Ленинграда»;

СИБИРЬ: «...Что им чудится в сибирской вьюге?»;

МОСКВА: «Звёзды смерти стояли над нами; Буду я, как стрелецкие жёнки, // Под кремлёвскими башнями выть²»;

² Если позволит время, этот момент можно отметить на оси времени, расширить историческое пространство поэмы.

ДОН: «Тихо льётся тихий Дон...»;

ЕНИСЕЙ: «Мне всё равно теперь. Клубится Енисей...»;

ЧЁРНОЕ МОРЕ: «Ни около моря, где я родилась, последняя с морем разорвана связь».

Мы считаем, что наша цель достигнута: мы доказали, что горе лирической героини поэмы велико по-настоящему, даже с географической точки зрения.

Все эти географические приметы ученики изображают на своей карте, а я одновременно показываю на слайде, комментируя.

Вопрос: Какой вывод вы сделали благодаря вашему исследованию?

Слайд: *Карта СССР, которая сначала пустая, затем добавляем точки и линии. Над картой ее название – «Пространство поэмы». Отмечаем: 1) Ленинград; 2) Москва; 3) Енисей; 4) Сибирь; 5) Полярный круг; 6) Дон.*

Вывод учителя: Горе лирической героини всеохватно: оно от края и до края родной земли, которая на много лет превратилась в архипелаг ГУЛАГ.

Слайд. *Карта страны превращается в карту архипелага ГУЛАГа.*

Проецируем на ось времени. Это время «ежовщины», «большого террора», это 30-40-е гг. XX в. Это время Ахматовой. Запишем под точкой на оси времени: «Время Ахматовой, 30-40-е гг.».

Вопрос: Итак, какие же мотивы и образы помогают нам ещё глубже понять масштаб горя лирической героини поэмы?

Сама Ахматова в своих записных книжках подчёркивала особое значение в поэме молчания, тишины:

Слайд: *Слова на фоне церкви с колоколами: «... траурный Requiem, единственным аккомпанементом которого может быть только Тишина и резкие отдаленные удары похоронного звона» (А. Ахматова).*

Учитель: **Первая группа исследовала мотив тишины.** Вам слово. Все остальные группы дорисовывают в своих картах график.

Вопросы: Скажите, он проходит через всю поэму? (Да).

Ваша линия непрерывна? (Да).

Проведите её в пространстве нашей карты. Зачитайте самые яркие строки.

Выступление учеников. Выстраивание своей линии на карте, которая размещена на доске. Ученики остальных групп добавляют такую же линию в свою карту.

Вывод учителя: Почему ваша линия такая? Иногда мы можем услышать тишину, она приходит к нам с настоящим испытанием, горем. Высшей точкой всей поэмы является «громогласное молчание матери».

Сквозной вопрос: а колыбельная поётся тихо или громко? Тихо!

На фоне этой тишины хорошо слышны стенания и рыдания, они оттеняют тишину, делают её громче: ПРЕВРАЩАЮТСЯ В ПЛАЧ.

Слово тем, **кто исследовал мотив плача.** Нарисуйте линию мотива плача.

Выступление учеников. Выстраивание своей линии на карте, которая размещена на доске. Почему линия такая? Зачитывают самые яркие моменты из поэмы. Ученики остальных групп добавляют такую же линию в свою карту.

Учитель: А в какой главе плач слышен из глубины веков?

(Если скажут о стрелецких женках, то проецируем этот момент на ось времени: XVIII век).

Вывод учителя: Именно плач, причитание могли дать Ахматовой возможность выразить гораздо больше, чем могло быть вообще сказано в то время, чем допустимо было сказать в то время. Сама Ахматова называла себя «плакальщицей дней небывших».

Вопрос учителя: Скажите, а колыбельную можно проплакать?

Как и диктуют законы жанра, плач, поминальный звон неуклонно выводил Ахматову к мотиву распятия, евангельской жертвы, креста.

Выступление учеников. Выстраивание своей линии на карте, которая размещена на доске. Ученики остальных групп добавляют такую же линию в свою карту.

Вывод учителя: А в библии есть колыбельные? Да, богоматерь пела их своему младенцу. Евангельский первоисточник помогает Ахматовой описать то, что творилось в её душе и душах тысяч других матерей.

Проекция на ось времени: из глубины веков, со времен христианского учения.

Вернемся к тексту поэмы, чтобы ещё раз услышать интонацию произведения. Прочитаем II и VI главы. Это колыбельные. Какие интонации преобладают?

(Ответы учеников).

Учитель: «Напевная интонация, ...неспешное повествование, соответствующее тихому течению тихого Дона – всё это призвано, оттенив трагическое, резко и неожиданно заострить его, усилив многократно» (С. В. Бурдина). **Но что удивляет в колыбельных Ахматовой?** В колыбельных Ахматовой происходит трансформация, переосмысление жанра. Объектом колыбельной является не младенец, а мать. Многие исследователи называют «песенку» второй главки «Тихо льётся тихий Дон» «вывернутой наизнанку» колыбельной, «полуколыбельной», другими словами, колыбельные «Реквиема» – это своего рода плачи.

В начале урока мы говорили с вами об оправданности ассоциации «колыбельная». Вернёмся к нашей схеме. Оправдана ли она?

(Ответы учеников).

Говорю, показывая на карту: тишина, плач, библейские мотивы, голоса истории – зачем понадобилось Ахматовой все это многоголосие? Какой основной мотив проходит через все голоса, то заглушая их, то усиливая? ГОРЕ? *Какое слово вы бы сейчас определили как основное? ГОРЕ? СМЕРТЬ?*

Молча рисую чёрную линию.

Дайте название получившемуся графику на ваших картах.

Если бы Ахматова написала только «Реквием», ей и за него можно было бы поставить памятник.

Слайд. *Памятник Анне Ахматовой на набережной Робеспьера в Санкт-Петербурге. Набережная находится напротив тюрьмы «Кресты».*

Чтение «Эпилога». Читаю наизусть.

Ахматова чётко определяет место, где должен стоять памятник. И вот мы выходим за пределы времени поэтессы и оказываемся в будущем – в нашем времени. Памятник стоит именно там, где его увидела Ахматова. **Ахматова расширяет временное пространство поэмы, уводит его вектор в будущее, в наше время.** Сама же она поставила памятник своим произведением тем, с кем перенесла это горе – жёнам и матерям несправедливо осужденных.

Слайд. *Страдающие лица матерей.*

И недаром сегодня весь урок горит свеча у иконы на неканонический сюжет «Прощание Иисуса с матерью». Неканонический – значит, не такой, как прописано в Евангелии. Но разве всё так в поэме? Нет. В ней даже мёртвый улыбается, спокойствию рад. И только одна мать молча переносит невыносимое страдание. Ахматова изначально поменяла местами центр и периферию трагической темы. Образы отстрадавших сыновей идут фоном, все внимание сосредоточено на лице Матери, ее «околокрестной» муке, ее невыносимой, необъяснимой ничем стойкости.

Пауза. «Магдалина билась и рыдала, ученик любимый каменел, а туда, где молча мать стояла, так никто взглянуть и не посмел».

Слайд. *Свечи в церкви.*

Включаю метроном. Кладу цветок перед иконой. Минута молчания.

На этом наш урок закончен. Спасибо вам за работу. До свидания!

Справочные материалы к уроку

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭМЕ «РЕКВИЕМ»			
Части поэмы	+ // -	Строчки-доказательства из текста	Пояснения
Вместо предисловия			
Посвящение	+	«Подымались как к обедне ранней»	
Вступление	+	«Звёзды смерти стояли над нами»	Противопоставление рождественской звезде
I	+	«У божницы свеча оплыла», «На губах твоих холод иконки»	
II	+	«Помолитесь обо мне»	Просьба
III	+	«Пусть черные сукна покроют»	Обычай
IV	+	Слово «грешнице»	
V	+	«И только пышные цветы, // И звон кадильный»	
VI	+	«О твоём кресте высоком»	
VII	+	«Светлый день»	Так в православии называют праздники, в том числе и горькие
VIII	+	«Ты всё равно придешь – зачем же не теперь?»	Смирение
IX	+	«И как не докучай мольбою»	Смирение
X	+	Само название. Сюжет из Евангелия. Эпиграф из псалма.	Это кульминация поэмы.
Эпилог			
I	+	«И я молюсь не о себе одной»	
II	+	«Опять поминальный приблизился час»	
МОТИВ МОЛЧАНИЯ В ПОЭМЕ			
Части поэмы	+ // -	Строчки-доказательства из текста	Пояснения, чему противопоставлена тишина, чем подчеркнута
Вместо предисловия	+	Всеобщее оцепенение – гипербола	Говорили шёпотом

Посвящение	+	«Мертвых бездыханней» – гипербола	«А надежда всё поёт вдали»
Вступление	+	«Улыбался//Только мёртвый, спокойствию рад»	Гротеск
I	+	«На губах твоих холод иконки» – метафора	«Буду я ... выть»
II	+	Лирическая героиня молчит, даже не видит. Мы видим её глазами месяца.	Вдруг звучит просьба: «Помолитесь обо мне»
III	+	Опять героиня смотрит на свои страдания со стороны. «Ночь» = тишина	Шаги тех, кто унесёт фонари.
IV	+	«Там тюремный тополь качается, //И ни звука»	
V	+	Молча «гибелью грозит//Огромная звезда»	«звон кадильный», «кричу, // зову»
VI		Ты, сынок, молчишь...	А ночи «о смерти говорят»
VII	+	«Каменное слово», «опустелый дом»	
VIII	+	Желание смерти = желание тишины?	
IX	+	«Сына страшные глаза - //Окаменелое страданье» (страдание без слов)	«Слова последних утешений»
X	+	Оптическая изоляция матери: «А туда, где молча Мать стояла, //Так никто взглянуть и не посмел»	«Хор ангелов», рыдания Магдалины
Эпилог			
I			
II	+	«И если зажмут мой измученный рот, // «И тихо идут по Неве корабли»	Которым кричит стомильонный народ» «И голубь тюремный пусть гулит вдали»
МОТИВ ПЛАЧА В ПОЭМЕ			
Части поэмы	+ // -	Строчки-доказательства из текста	Пояснения
Вместо предисловия		По тому, что некогда было её лицом...	= лицо истерлось от слёз
Посвящение		Перед этим горем гнутся горы... И сразу слезы хлынут...	Гипербола
Вступление		И безвинная корчилась Русь... (= плакать, стоять?) Звёзды смерти стояли над нами...	Нет сил сопротивляться боли Ночью над колыбелькой светят звёзды
I		Буду выть... как на выносе... плакали дети, свеча оплыла	оплыла= плакала
II			Все стихотворение стилизовано под колыбельную
III		Нет, это не я, это кто-то другой страдает... Пусть унесут(погасят) фонари...	В темноте можно уснуть
IV		И своею слезою горячею// Новогодний лёд прожигать...	

V		Семнадцать месяцев кричу...	Все стихотворение стилизовано под плач...
VI		И колыбельная похожа на плач.	Все стихотворение стилизовано под колыбельную
VII			
VIII		И синий блеск возлюбленных очей// Последний ужас застигает...	Слеза застигает...
IX		Прислушиваясь к своему// Уже как бы чужому бреду...	
X		Магдалина билась и рыдала...	Эпиграф (подсказка)
Эпилог			
I		Узнала я, как опадают лица.... Как клинописи жесткие страницы// Страдание выводит на щеках...	Персонификация Метафора
II		Выла старуха... Постылая хлюпала дверь... Как слезы, струится подтаявший снег... Весь отрывок можно прочитать нараспев, как колыбельную	У Ахматовой первоначально вместо слова «хлопала» было «хлюпала» = плакала(<i>разг.</i>)

РАБОТЫ ШКОЛЬНИКОВ

*Дарья Шестовец
(Рук. Т.П. Богомазова)*

ФОРПОСТ АМУРА – СЕЛО АЛБАЗИНО (исследовательская работа)

Статья представляет собой школьную исследовательскую работу по изучению старейшего села Приамурья – Албазино.

Ключевые слова: исследовательская работа, туристско-краеведческая экспедиция, Амур, Албазино, музей, казаки, Албазинский острог, Албазинская икона Пресвятой Богородицы

This school research paper focuses on the study of the oldest Amur village Albazino, Russian Far East.

Key words: Research Paper, Local History Expedition, the Amur, Albazino, Museum, the Cossacks, Albazin Stockaded Town, Albazin Icon of the Mother of God.

Введение

Четвертый год я занимаюсь на станции юных туристов. Ежегодно мы совершаем туристско-краеведческие экспедиции в интересные места Амурской области и Дальнего Востока.

Местом нашей исследовательской экспедиции 2010 года «Форпост Амура» было село Албазино, и это не случайно. Планируя путешествие, мы знали, что летом в Амурской области будет отмечаться 360-летие села Албазино – первого поселения на Амуре.

Цель исследования: изучить историю села Албазино с XVII по XIX вв.

Задачи исследования:

– узнать, чем знаменито село Албазино, выяснить его историческую роль в освоении Приамурья;

– познакомиться с укладом жизни амурских казаков.

Прибыв в с.Албазино, мы разбили свой лагерь в живописной березовой роще на берегу Амура, рядом росли три одинокие сосны.

Чуть позже мы узнали, что албазинцы считают это место святым.

Алексей Лобанов рассказал нам историю, которую албазинцы передают из поколения в поколение.

Эти сосны были посажены Святителем Иннокентием, первым православным епископом Приамурья, сподвижником генерал-губернатора Н.Н.Муравьева-Амурского в освоении Дальнего Востока. Для православных верующих сосны символизируют Отца, Сына и Святого Духа.

В особых случаях албазинцы приходят сюда и, прислонившись к одной из трех сосен, загадывают желание.

Первый объект нашего внимания – земляной вал, с частоколом наверху, за которым сейчас располагается территория музея.

Создан музей в апреле 1974 г. Агриппиной Николаевной Дорохиной – потомственной казачкой.

В музее представлено много уникальных экспонатов. Некоторые из них появились после археологических раскопок. В 1992 г. была найдена братская могила, в которой находились останки защитников Албазинского острога. Здесь же нашли 30 нательных крестиков, бусинки и женскую косичку. Прах 58 казаков отпели и заново похоронили, а на этом месте возвели часовню.

1. Лицом к лицу с маньчжурами

Из рассказа директора музея мы узнали, что Албазинский острог впервые упоминается в сентябре 1650 г., когда отряд казаков под руководством Ерофея Хабарова занял городок Якса-Албазин, принадлежащего даурскому князю Албазе. Укрепив Албазин, казаки стали называть его Албазинским острогом.

Вслед за отрядом Ерофея Хабарова на Амур стали приходить новые группы казаков-землепроходцев, которые активно обживали амурские земли. Албазинский острог превратился в главную резиденцию амурских казаков.

В 1682 г. Московское правительство образовало Албазинское воеводство. Были учреждены герб, печать, знамя. Воеводой был назначен Алексей Ларионович Толбузин.

Пограничное положение Албазина было непрочным, маньчжуры постоянно угрожали острогу и 12 июня 1685 г. начали его осаду. Маньчжурское войско насчитывало 150 пушек

и 5 тысяч солдат. В осажденном Албазине было 3 пушки и 450 человек. За две недели штурма острог был разбит.

Воевода вынужден был начать переговоры о капитуляции. Соглашение было достигнуто, оставшиеся в живых двинулись в Нерчинск. Но уже в августе был сформирован новый отряд казаков. А.Толбузин повел отряд к развалинам Албазинского острога и начал его восстанавливать.

Сохранилось подробное описание острога, составленное А.Толбузиным, именно на его основе и был воссоздан облик крепости.

Макет восстановленного острога занимает почетное место в музее села.

О восстановлении Албазина маньчжуры вскоре узнали от своих лазутчиков. В первых числах июля 1686 г. к острогу подошел восьмитысячный отряд маньчжур. Они неоднократно штурмовали крепость, осада длилась 5 месяцев, но маньчжурское войско так и не смогло взять Албазин силой.

27 августа 1689 г. был подписан мирный Нерчинский договор между Россией и Китаем, по условиям которого русские должны были покинуть амурские берега. Албазинский острог был разрушен.

2. Второе рождение Албазина

В настоящее время начали появляться новые казачьи объединения. Своей целью амурские казаки ставят охранение традиций старого казачества и охрану российских границ.

Один из таких отрядов образован в Албазине. Мы встретились с наказным атаманом албазинских казаков Алексеем Лобановым, правнуком Агриппины Дорохиной. Он рассказал о дальнейшей судьбе острога.

Большая роль в возвращении приамурских территорий России принадлежит генерал-губернатору Н.Н.Муравьеву-Амурскому. Он приложил все усилия для переустройства края, организации исследовательских экспедиций и укрепления обороноспособности региона за счет казачества.

С 1857 г. началось заселение Приамурья переселенцами из Забайкалья – забайкальскими казаками. Основывались казачьи станицы, а центром стала станица Албазино. Состоялось второе рождение Албазина.

Что же заставило казаков сняться с нажитых мест и двинуться в незнакомые края?

Теперь на казаков было возложено много обязанностей: тридцать лет состоять на военной службе, охранять границу, конвоировать арестованных, заниматься перевозкой почты, заготавливать дрова для пароходов, обеспечивать работу экспедиций по изучению Приамурья. Кроме этого, нужно было обустраивать свой быт: строить дома, распахать пашни, разводить домашний скот.

Казаки были уже не теми «вольными людьми»: они служили Российскому государству.

3. Бытовой уклад казаков

Что же представляла собой станица Албазино в конце XIX – начале XX вв.?

Об этом нам рассказала старожил села Нина Павловна Макарова (род. 21.11.1932).

– Вдоль Амура была вытянута улица с небольшими домиками. Казаки вели хозяйство кое-как, зачастую в жилом доме, за особыми перегородками содержали скот.

Сильное наводнение 1872 г. нарушило жизнь станицы. Оно было до того внезапным и стремительным, что мало что удалось спасти.

После наводнения албазяне (так, со слов Нины Павловны, односельчане называли себя), стали строиться выше, на месте нынешнего села. Дома строили большие, высокие.

О добротности жилья свидетельствует то, что до наших дней сохранились два дома, в которых продолжают жить албазинцы. Наряду с домами стали отдельно строить амбары для зерна, стайки, мастерские, бани.

Внутри дома стены окрашивались или белились, полы были деревянные, крашеные. Освещалось жилье керосиновыми лампами. Отапливались избы русскими печами.

Кровать в доме была одна, на которой никто не спал; утром на нее складывали всю постель и накрывали лоскутным покрывалом.

Рядом с печкой устраивали полати, на которых и спали, но часто спали не на полатах, а на соломенных тюфяках прямо на полу. Постельным бельем не пользовались, укрывались верхним платьем, зимой – тулупом.

Тут же, недалеко от печи, стояли лавки для кухонной утвари, большой стол, скамейки.

Почетное место в казачьей избе отводилось иконам.

Важной частью культуры казаков являлось их питание. Готовили вкусно и сытно. В русской печи пекли картошку, варили щи, каши, кисели, любили блюда из рыбы, благо рыбы на Амуре было вдоволь.

Чай редко пили из самовара, больше пили «сливан», рецепт, которого мы смогли записать. Вот как его готовили: кипятили воду, добавляли заварку, два взбитых яйца, немного масла и сливок, всю эту смесь взбалтывали – и чай был готов.

Одежда казаков тоже отличалась своей самобытностью. К сожалению, в музее старой казачьей одежды нет, но форму казака нам продемонстрировал Алексей Лобанов.

Амурские казаки носят фуражку защитного цвета, такого же цвета китель и рубаху, синие, с желтыми лампасами, брюки и высокие сапоги.

4. Встреча с монахом

Еще одна интересная встреча состоялась с монахом Аркадием. Он поведал историю Албазинской святыни – чудотворной иконы Божьей Матери «Слово Плоть Бысть».

Эту икону принес с собой на Амур монах Гермоген. Он был первым албазинским священником. Во время осады Албазина именно к лику Пресвятой девы обращались защитники острога с просьбами о заступничестве.

В настоящее время икона хранится в Кафедральном соборе г. Благовещенска, и до сих пор она является самой почитаемой святыней на Дальнем Востоке.

Албазино вошло в историю благодаря еще одному историческому факту. Здесь в 1891 г., заинтересовавшись историей православной святыни, побывал цесаревич Николай, ставший впоследствии последним российским императором.

Монах Аркадий показал нам Самсоновский спуск. Именно сюда причалил пароход, на котором прибыл цесаревич Николай.

Стоя на этом месте, Аркадий напомнил слова генерал-губернатора Н.Н.Муравьева-Амурского: «Земля Амурская была, есть и будет русской!»

Таким образом, участвуя в экспедиции, изучая литературу по теме своего исследования, я узнала об одном из первых поселений Амурской области, о подвиге защитников Албазинского острога, об особенностях жизни и службы амурских казаков.

Заключение

В 2008 г. к 150-летию со дня образования Амурской области была выпущена книга «Семь чудес Земли Амурской». Было выбрано семь наиболее значимых достопримечательностей. Я думаю, что Албазинский острог и Албазинская икона Пресвятой Богородицы заслуженно вошли в этот список.

Героическая эпопея Албазина – великий подвиг русских воинов-казаков, ведь только благодаря им мы живем на нашей Амурской земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дорохина А.Н. Станица Албазин. Благовещенск, 2001.
2. Разгоняев В.И. Албазино. Благовещенск-на-Амуре, 2008.
3. История Амурской области. Благовещенск, 2005.
4. Амурская Святыня. Благовещенск, 2005.
5. История Амурской области с древнейших времен до начала XX в. Благовещенск, 2008.

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ РАБОТ по амурской диалектологии и региональной лингвистике (2005-2012 гг.)

Публикация библиографического указателя обусловлена необходимостью систематизации знаний по амурской диалектологии и региональной лингвистике. Опыт библиографической систематизации такого рода информации имеется. Так, в сборнике статей «Народное слово Приамурья», посвященном 20-летию публикации «Словаря русских говоров Приамурья» (Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004), представлен список литературы из 218 наименований по истории формирования русских говоров Приамурья и их изучению, в который включены самые первые исследовательские работы, опубликованные в начале прошлого века (работы М.К. Азадовского, А.П. Георгиевского, Г.С. Новикова-Даурского и др. по данной теме) по 2004 г. (частично). В этом же году во втором выпуске нашего альманаха опубликован список работ диалектологов Амурского государственного университета, состоящий из 54 наименований и отражающий итоги научного поиска 1994-2004 гг. Частично результаты диалектологических исследований последних лет, выраженные в научных публикациях, представлены в виде перечня статей в коллективной монографии «Языковой портрет Приамурья» (Благовещенск, Изд-во АмГУ, 2011).

В настоящем выпуске альманаха в библиографический указатель работ по амурской диалектологии и региональной лингвистике включены монографии, сборники научных работ, периодические издания, а также научные статьи, увидевшие свет в период с 2005 по 2012 г. В некоторых случаях мы включали работы 2004 г., если они не вошли в перечисленные выше списки литературы, и работы 2013 г., если было известно, что они уже вышли из печати. В настоящий указатель включены в основном работы преподавателей Амурского государственного университета и диалектологов Благовещенского государственного педагогического университета, с которыми мы тесно и плодотворно сотрудничаем на протяжении многих лет, чей опыт используем, а знания стараемся преумножить.

Составленный указатель наглядно демонстрирует те направления, по которым осуществлялось исследование русского языка в регионе – в Приамурье.

Прежде всего хотелось бы отметить наше издание – фольклорно-диалектологический альманах «Слово», который периодически на протяжении десяти лет представлял совокупность разноаспектных публикаций, касающихся функционирования современных амурских говоров и фольклора по собранным в этот же период фольклорным и диалектным материалам, а также публикацию этих материалов, что служило их немедленному введению в широкий научный оборот.

Крупным достижением, которое явилось итогом многолетней диалектологической работы ученых Благовещенского государственного педагогического университета, стал выход в последнее пятилетие целой группы диалектных и региональных словарей. Во-первых, был дополнен совместно с диалектологами Дальневосточного государственного гумани-

тарного университета (г. Хабаровск) и переиздан в 2007 г. в Благовещенске «Словарь русских говоров Приамурья». Над словарем на протяжении последних трех десятилетий работал коллектив авторов-составителей О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Пулятина, Н.П. Шенкевец. Во-вторых, вышел в 2010 г. подготовленный О.Ю. Галуза «Албазинский словарь», содержащий лексику и фразеологию албазинского говора двух старейших сел Сковородинского района Амурской области – Албазина и Джалинды, основными носителями говора которых являются потомки амурских (забайкальских) казаков. Словарь содержит около 4 тыс. статей. В-третьих, в 2009 г. были опубликованы два аспектных диалектных словаря – «Словарь охотников и рыболовов Приамурья» и «Фразеологический словарь русских говоров Приамурья», которые составили и подготовили к печати Л.В. Кирпикова и Н.П. Шенкевец. Словари интересны тем, что запечатлели очень развитую и отражившуюся в местных говорах актуальную для региона сферу жизнедеятельности – охоту и рыболовство, с одной стороны, а с другой стороны, – живость ума, выразительность речи амурского народа. И наконец, особого внимания заслуживает «Словарь просторечия Приамурья» (автор – В.В. Пирко, 2006 г.), в котором собраны некодифицированные лексические и фразеологические единицы отдаленной от центра территории, которые входят в систему общерусского просторечия и функционируют на границе взаимодействия просторечия, разговорной речи, жаргона и диалекта.

Особо необходимо отметить как событие этого времени в амурской диалектологии выход в свет в Хабаровске в 2011 г. коллективной монографии «Русские говоры Приамурья», подготовленной учеными из Благовещенского государственного педагогического университета и Дальневосточного государственного гуманитарного университета. В предисловии к монографии указано на то, что этот труд «обобщает многолетнее исследование русских говоров Приамурья, которое ведется с 1964 г. по настоящее время», а также на то, что «работа была написана более 20-ти лет назад, но в силу определенных обстоятельств не была опубликована» (с.3). Монография является закономерным результатом многолетних поисков амурских ученых-диалектологов и представляет собой первый опыт систематизации амурского диалектного материала на разных уровнях системы диалекта.

В последнее десятилетие в Амурском государственном университете очень активно изучались говоры Приамурья, что отразилось в научных публикациях по языку амурских старообрядцев (Н.Г. Архипова), по диалектной жанрологии (Н.В. Лагута), по метафорическим моделям в диалекте (Д.Н. Галимова), по амурской топонимии (Л.М. Шипановская), по региональному лингвистическому источниковедению (Г.М. Старыгина), по лингвистическому картографированию Приамурья (Е.А. Оглезнева), по украинскому языковому присутствию в регионе (А.В. Блохинская), по лингвистической персонологии (Е.А. Оглезнева, Н.Г. Архипова, А.В. Блохинская).

Отдельное внимание региональной (не собственно диалектной!) тематике уделено в работах Е.А. Оглезневой и ее учеников: это русский язык и его функционирование в восточном зарубежье в первой половине и середине XX в., а также русско-китайский пиджин, бытовавший на приграничных территориях России и Китая в качестве средства межнационального общения. Кроме того, изучаются и региональные аспекты современного русского национального языка в Дальневосточном регионе, а именно в Приамурье (Е.А. Оглезнева,

С.В. Гордеева, Е.В. Касимова), что вполне очевидно из представленного библиографического списка.

Библиографический указатель поможет сориентироваться в направлениях диалектологических исследований в Приамурье и других аспектах изучения региональной лингвистики ученым, аспирантам, магистрантам, студентам.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 1. Фольклор. Сост. Е.А. Оглезнева, Н.Г. Архипова. Благовещенск: АмГУ, 2003. 52 с.

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора / под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. 184 с.

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 3. Формы существования современного русского языка / под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. 119 с.

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 4. Амурское старообрядчество: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2006. 183 с.

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 5. Амурские молококане: речевые портреты. Речевые жанры. Лингвогеография. Словарь. Язык фольклора / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2007. 224 с. **ISBN 5-93493-068-0**

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье / Сост. и ред. Е.А. Оглезнева. Благовещенск: АмГУ, 2008. 200 с. **ISBN 5-93493-123-5**

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 7 / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2009. 229 с. **ISBN 5-93493-125-5**

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 8, специальный. Русско-китайское взаимодействие в дальневосточном регионе / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2010. 280 с. **ISSN 221-5220**

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2011. 212 с. **ISSN 221-5220**

МОНОГРАФИИ

Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: АмГУ, 2007. 264 с.

Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: АмГУ, 2009. 352 с.

Языковой портрет Приамурья: коллективная монография / под ред. Л.М. Шипановской. Благовещенск: АмГУ, 2011. 212 с.

Русские говоры Приамурья: коллективная монография / под ред. В.Т. Садченко. Хабаровск: Изд-во Дальневосточного гос. гуманитарного ун-та, 2011. 204 с.

СЛОВАРИ

Пирко В.В. Словарь просторечия Приамурья. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006. 187 с.

Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятин, Н.П. Шенкевец. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 544 с.

Словарь охотников и рыболовов Приамурья / авт.-сост. Л.В. Кирпикова, Н.П. Шенкевец. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. 188 с.

Фразеологический словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. Л.В. Кирпикова, Н.П. Шенкевец. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. 155 с.

Галуза О.Ю. Албазинский словарь. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. 296 с.

СБОРНИКИ НАУЧНЫХ РАБОТ

Русский Харбин, запечатленный в слове: Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Е.А. Оглезневой. Вып. 1. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. 232 с.

Памяти учителя. Сборник статей по филологии к 75-летию Л.В. Лебедевой. Благовещенск: АмГУ, 2008. 196 с.

Проблемы региональной лингвистики. Материалы международной научной конференции. Благовещенск, 2010. 152 с.

СТАТЬИ

Алексеева Г.К. Языковая картина мира в русских говорах Приамурья. Программа школьного научного лингвистического факультатива // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 168-170.

Алексеева Г.К. Мир человека в русских говорах Приамурья. Факультативное занятие по лингвистическому краеведению // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 170-173.

Алексеева Г.К. Эссе как жанр публицистической прозы. Урок по комплексному анализу текста о родном городе в 9 классе // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 4. Амурские старообрядцы: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2006. С. 159-162.

Алексеева Г.К. Литературное краеведение: программа учебного курса в 5 классе // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 7 / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2009. С. 204-210.

Архипова Н.Г., Оглезнева Е.А., Старыгина Г.М. Современные русские говоры Приамурья и фольклор: из опыта полевых наблюдений // Народное слово Приамурья. Сборник статей. Благовещенск, 2004. С. 101-113.

Архипова Н.Г. Болезнь как персонифицированный субъект (на материале русских заговоров от лихорадки) // Вестник АмГУ. Вып. 28. Благовещенск, 2005. С. 60-66.

Архипова Н.Г., Туякова А.В. Инвокации в заговоре (взаимодействие языческой и христианской традиций в языке) // Вестник АмГУ. Вып. 28. Благовещенск, 2005. С. 66-71.

Архипова Н.Г. Концепт «Болезнь» в наивной языковой картине мира носителей диалекта // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 15-18.

Архипова Н.Г. Речевой портрет амурского старожила // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 38-40.

Архипова Н.Г. Из наблюдений над амурскими заговорами // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 114-126.

Архипова Н.Г., Павлова А.Н. Современный детский фольклор: особенности бытования // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 135-162.

Архипова Н.Г. Экспликация концептов «Здоровье-Болезнь» в современном языковом сознании // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 3. Формы существования современного русского языка / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 9-18.

Архипова Н.Г. Семантическое поле «Быт» в русских народных говорах Приамурья // Вестник АмГУ. Вып. 30. Благовещенск, 2005. С. 67-72.

Архипова Н.Г. Рукописные девичьи альбомы: жанрово-тематическое своеобразие // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 4. Амурские старообрядцы: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2006. С. 46-52.

Архипова Н.Г., Филина А.В. Особенности языка фольклора в условиях переходного типа (на материале лирических песен, записанных в Приамурье) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 4. Амурские старообрядцы: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2006. С. 40-42.

Архипова Н.Г., Мисак А. Наименования лиц мужского пола в русских говорах Приамурья // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 4. Амурские старообрядцы: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2006. С. 43-47.

Архипова Н.Г. Амурское старообрядчество: языковой аспект // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 4. Амурские старообрядцы: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2006. С. 57-67.

Архипова Н.Г. Речевой портрет амурского старообрядца // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 4. Амурские старообрядцы: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2006. С. 79-104.

Архипова Н.Г. Наименования женской одежды в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 5. Амурские молокане: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2007. С. 12-17.

Архипова Н.Г. Молокане на Амуре: особенности жизни и быта // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 5. Амурские молокане: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2007. С. 99-103.

Архипова Н.Г. Речевые портреты амурских молокан // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 5. Амурские молокане: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2007. С. 109-137.

Архипова Н.Г., Рачко Е.Е. Украинская песня на амурской земле: лингвистический аспект // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 5. Амурские молокане: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2007. С. 183-187.

Архипова Н.Г. Наименования женских рубах в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы пятой Международной научно-практической конференции. 41 мая – 1 июня 2007 г. Улан-Удэ: Изд-во БГУ. 2007. С. 346-352.

Архипова Н.Г., Куроедова М.А. Особенности наименования ребенка в русской колыбельной песне // Вестник АмГУ. Вып. 40. Благовещенск: АмГУ, 2008. С. 66-69.

Архипова Н.Г. Наименования элементов сарафанного комплекса женской одежды в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Актуальные проблемы в области искусства, дизайна, текстильной и легкой промышленности. Доклады конференции. Благовещенск: АмГУ, 2008. С. 88-95.

Архипова Н.Г. Персонификация абстрактного имени в традиционном фольклоре (на материале русских заговоров от лихорадки) // Вестник АмГУ. Вып. 44. Благовещенск: АмГУ, 2009. С. 133-136.

Архипова Н.Г., Куроедова М.А. Значение слова в лексикографическом аспекте // Филология. Сборник научных трудов преподавателей филологического факультета. Вып. 3. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2008. С. 19-28.

Архипова Н.Г. Оппозиция «свой – чужой» как категория осознания родства в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Амурская область: история и современность. Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 150-летию Амурской области. 21-24 октября 2008 г. Ч. II. Благовещенск, 2009. С.145-147.

Архипова Н.Г. Оппозиция «свой – чужой» как категория осознания мира амурскими старообрядцами // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 7 / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2009. С. 44-52.

Архипова Н.Г. О старовеерах Сибири, Забайкалья, Приамурья (по материалам источников конца XIX – начала XX вв.) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 7 / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2009. С. 65-68.

Архипова Н.Г. Речевой портрет семьи старообрядцев (семейских) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 7 / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2009. С. 73-104.

Архипова Н.Г. Ассоциативно-смысловое поле концепта *любовь* в русской лирической песне (по материалам фольклорных экспедиций в села Амурской области) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 7 / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2009. С. 188-192.

Архипова Н.Г. Особенности наименований одежды в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области: региональный аспект // Проблемы региональной лингвистики. Материалы международной научной конференции. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 15-20.

Архипова Н.Г. Термины родства в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Амурская область: история и современность. Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 150-летию Амурской области. 21-24 октября 2009 г. Ч. II. Благовещенск, 2010. С. 145-157.

Архипова Н.Г. Тема исхода в Китай в рассказах старообрядцев (семейских): семантический аспект // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 8, специальный. Русско-китайское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 37-40.

Архипова Н.Г., Оглезнева Е.А. Чжао Минся – китаянка с русской душой (из опыта речевого портретирования потомков от смешанных русско-китайских браков) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 8, специальный. Русско-китайское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 118-129.

Архипова Н.Г., Белоусова Е.В. Соединение славянской и восточной культур в одной языковой личности (на примере речи жительницы русского Дальнего Востока Валентины Васильевны Белоусовой) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 8, специальный. Русско-китайское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 130-136.

Архипова Н.Г. Восточнославянское взаимодействие в лексике говоров старообрядцев (семейских) Амурской области // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2011. С. 34-41.

Архипова Н.Г. «Они же поколение от поколения» – украинцы на амурской земле. Тексты и комментарии // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2011. С. 57-65.

Архипова Н.Г., Блохинская А.В. Украинская свадьба на амурской земле: этнолингвистическое описание // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2011. С. 135-161.

Архипова Н.Г. Амурские старообрядцы в аспекте языка и культуры // Языковой портрет Приамурья: Коллективная монография / Под ред. Л.М. Шипановской. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. С. 65-78.

Архипова Н.Г. Внутрисистемные процессы в лексике старообрядческих говоров Амурской области: на материале наименований женского головного убора // Вестник АмГУ. Вып. 58. Серия «Гуманитарные науки». Благовещенск, 2012. С. 67-70.

Архипова Н.Г. Образ женщины в народной языковой культуре // Вестник АмГУ. Вып. 60. Серия «Гуманитарные науки». Благовещенск, 2012. С. 123-127.

Блохинская А.В. Украинское влияние на русские говоры Приамурья // Проблемы региональной лингвистики. Материалы Международной научной конференции. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 119-123.

Блохинская А.В. История славянского заселения Амурской области в связи с формированием ее диалектного ландшафта // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2011. С. 25-34.

Блохинская А.В. Речевые портреты Е.И. Галушко, Е.И. Крицкой // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2011. С. 65-79.

Блохинская А.В. Особенности русско-украинского взаимодействия в речи потомков украинских переселенцев // Языковые реалии: региональные особенности: материалы межвуз. науч. конф., приуроченной к 210-й годовщине со дня рождения В.И. Даля, Хабаровск, 29-30 нояб. 2011 / Под ред. Л.М. Городиловой. Хабаровск: Изд-во Дальневосточ. гос. гуманитар. ун-та, 2011. С. 5-10.

Блохинская А.В. Языковые особенности говора сел Октябрьского района Амурской области (к вопросу о сохранении украинских диалектных черт) // Молодежь XXI века: шаг в будущее: материалы XIII региональной научно-практической конференции с межрегиональным и международным участием, посвященной Году истории в Российской Федерации (г. Благовещенск, 17-18 мая 2012 года). Т. 2. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2012. С. 24-25.

Блохинская А.В. Украинское влияние на языковой и культурный ландшафты сел Амурской области (на примере Октябрьского района) // Культура восточнославянского приграничья: история и современность: материалы Международной молодежной конференции. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. С. 19-21.

Блохинская А.В. К вопросу о языковой картине мира украинских переселенцев в Приамурье (на материале записей речи жителей сел Октябрьского района) // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых: материалы Всероссийской молодежной конференции / отв. ред. Т.А. Демешкина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 49-52.

Воронкова Е.А. Амурский старообрядец Д.И. Мешков: штрихи к речевому портрету // Языковой портрет Приамурья: Коллективная монография / Под ред. Л.М. Шипановской. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. С. 75-90.

Галимова Д.Н. Рассказы о китайцах, записанные от старожилов амурских сел // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 28-30.

Галимова Д.Н. Метафорическая картина мира в русских говорах Приамурья // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 30-35.

Галимова Д.Н. Метафоры человеческой жизни в книжной культуре и в бытовом дискурсе // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 3. Формы существования современного русского языка / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 56-59.

Галимова Д.Н. Метафорические существительные, представляющие понятийную сферу «артефакты» в русских говорах Приамурья // Картина мира: язык, литература, культура: сборник научных статей. Вып. 2. / Отв. ред. М.Г. Шкуропацкая. Бийск: РИО БГПУ им. В.М. Шукшина, 2006. С. 152-157.

Галимова Д.Н. Метафоры человеческой жизни в диалектном дискурсе // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3. Языковые аспекты регионального существования человека: Материалы Международной научной конференции, посвященной юбилею академика МАН ВШ, доктора филологических наук, профессора О.И. Блиновой / Отв. ред. доктор филол. наук Т.А. Демешкина. Томск: Томский государственный университет, 2006. С. 216-219.

Галимова Д.Н. Диалектные глагольные метафоры, репрезентирующие сферу «Человек» // Вестник Томского государственного университета: Бюллетень оперативной научной информации «Русский язык: системный и функциональный аспекты». № 111. 2006. С. 26-30 **(журнал перечня ВАК)**.

Галимова Д.Н. Понятийные сферы «Артефакты» и «Натурфакты» в русских говорах Приамурья (на примере метафорических имен существительных) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, 21-22 апреля 2006 г. Вып. 7. Ч. 1: Лингвистика. Томск, 2007. С. 21-26.

Галимова Д.Н. Человек в диалектной метафорической картине мира // Вестник Томского государственного университета. № 316. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. С. 11-14 **(журнал перечня ВАК)**.

Галимова Д.Н. Человек среди людей (метафорическое представление сферы межличностных отношений в диалектном дискурсе) // Традиции и инновации в лингвистике и лингвистическом образовании. Сборник статей / Под ред. И.В. Новицкой (отв. ред.), О.В. Нагель и др. Томск: Позитив-НБ, 2009. С. 133-136.

Галимова Д.Н. О словаре диалектных метафор и сравнений: опыт составления // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 7. Речевой портрет семьи. Речевые жанры.

Лингвогеография. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2009. С. 157-161.

Галимова Д.Н. Словарь диалектных метафор и сравнений // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 7. Речевой портрет семьи. Речевые жанры. Лингвогеография. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2009. С. 161-180.

Галимова Д.Н. Неконтролируемость жизни как одна из ключевых характеристик диалектной картины мира // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 8, специальный. Русско-китайское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 184-195.

Галимова Д.Н. Вещный мир в диалектной метафоре // Проблемы региональной лингвистики. Материалы Международной научной конференции. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. С. 81-87.

Галимова Д.Н. Экзистенциальные категории в зеркале диалектной метафоры: лингвокультурологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. № 4. Томск: Изд-во ТГУ, 2011. С. 11-23 (**журнал перечня ВАК**).

Галимова Д.Н. Метафорическая картина мира в русских говорах Амурской области // Языковой портрет Приамурья. Монография / Под ред. Л.М. Шипановской. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. С. 38-59.

Галимова Д.Н. Неконтролируемость жизни как одна из ключевых характеристик диалектной картины мира (2) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2011. С. 124-134.

Галуза О.Ю. Вариантные ряды как отражение системных связей в словаре одного говора (на материале картотеки словаря албазинского говора Амурской области) // Проблемы современной русской диалектологии. Тезисы докладов международной конференции 23-25 марта 2004 г. Москва, 2004. С. 28-30.

Галуза О.Ю. Словарь одного говора как особый тип диалектного словаря (к вопросу о проекте словаря албазинского говора Амурской области) // Народное слово Приамурья. Благовещенск, 2004. С. 37-43.

Галуза О.Ю. Региональный аспект изучения русского народного слова // Профессиональное становление и развитие личности специалиста в современных социально-экономических условиях: материалы межвузовской научно-методической конференции. Ч. II. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. С. 190-194.

Галуза О.Ю. Живое слово албазинцев // Дорохинские чтения: Сб. научных статей. Вып. 2. Благовещенск-Албазино, 2008. С. 9-13.

Галуза О.Ю. Книга А.Н. Дорохиной «Станица Албазин» как лингвокраеведческий источник // Дорохинские чтения: Сб. научных статей. Вып. 3. Благовещенск-Албазино, 2008. С. 146-150.

Галуза О.Ю. К вопросу об изучении функционирования вариантных лексических единиц в говорах // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 8 / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 81-86.

Галуза О.Ю. Албазинский словарь: история создания, особенности организации // Проблемы региональной лингвистики: материалы международной научной конференции. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. С. 29-34.

Галуза О.Ю. Русские говоры Приамурья: коллективная монография / Под ред. В.Т. Садченко. Хабаровск: Изд-во Дальневосточ. гос. гуманитар. ун-та, 2011. 204 с. (в соавторстве).

Галуза О.Ю. Отражение материальной и духовной культуры народа в областном Албазинском словаре // IV Дорохинские чтения. Сборник материалов областной краеведческой конференции (23-25 июня 2011 г.). Благовещенск: Амурской обл. краеведч. музей им. Г.С. Новикова-Даурского, 2011. С. 33-38.

Галуза О.Ю. Об албазинском говоре // Языковой портрет Приамурья: Коллективная монография / Под ред. Л.М. Шипановской. Благовещенск: АмГУ, 2011. С. 16-26.

Гордеева С.В. Типичные нарушения фонетической нормы в русской речи китайцев, изучающих русский язык // Проблемы региональной лингвистики: материалы международной научной конференции. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 128-132.

Гордеева С.В. Русские как национальное меньшинство в современном Китае и их языковая компетенция // Вестник АмГУ. Вып. 54. Благовещенск: АмГУ, 2011. С. 121-126.

Гордеева С.В. К вопросу о языковой компетенции русских и их потомков в китаеязычной среде // Молодёжь XXI века: шаг в будущее: материалы XIII региональной научно-практической конференции с межрегиональным и международным участием, посвященной Году истории в Российской Федерации (17-18 мая 2012г.). Т. 2. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2012. С. 33-34.

Гордеева С.В. К вопросу о языковой компетенции русских и их потомков в китаеязычной среде (на материале речи потомков русских переселенцев в приграничный Китай) // Вестник Томского государственного университета. № 363. Томск: Изд-во ТГУ, 2012. С. 16-19 (журнал перечня ВАК).

Дорофеевская В.И. Эргонимы г. Благовещенска как отражение поликультурной среды // Молодежь XXI века: шаг в будущее: материалы XIII региональной научно-практической конференции с межрегиональным и международным участием, посвященной Году истории в Российской Федерации (г. Благовещенск, 17-18 мая 2012 года). Т. 2. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2012. С. 37-38.

Иванова Н.В. Гидронимы русского и эвенкийского происхождения в топонимике Амурской области // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 26-28.

Капустина Л.В., Оглезнева Е.А. Небесная сфера в русских народных говорах и фольклоре (на материале метафоричных и производных наименований) // Вестник АмГУ. Вып. 26. Благовещенск: АмГУ, 2004. С. 92-95.

Кирпикова Л.В. К истории формирования русских говоров Приамурья // Народное слово Приамурья. Сборник статей. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 9-18.

Кирпикова Л.В. О дефинициях и живом словоупотреблении // Народное слово Приамурья. Сборник статей. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 26-36.

Кирпикова Л.В. Литература по истории формирования русских говоров Приамурья и их изучению // Народное слово Приамурья. Сборник статей. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 113-140.

Кирпикова Л.В. К 20-летию Словаря русских говоров Приамурья // Народное слово Приамурья. Сборник статей. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 3-8.

Кирпикова Л.В. Краевед Даурский приходит в школу // Инновационные подходы к обучению литературе и русскому языку. Материалы научно-методической конференции (26 марта 2004 г.). Благовещенск, 2004. С. 14-23.

Кирпикова Л.В. О динамической стабильности народного слова // Проблемы современной русской диалектологии. Тезисы докладов межвузовской конференции. М.: РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2004. С. 28-30.

Кирпикова Л.В. Лингвокраеведение на неязыковом факультете педвуза // Чтения памяти профессора Е.П. Сычевского. Сборник докладов. Вып. 6. Ч.1. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006. С. 131-138.

Кирпикова Л.В. Забайкальский говор на амурской земле // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Материалы 4-ой международной научной конференции 14-17 сентября 2004 г. Владивосток: Приморский музей, 2006. С. 191-197.

Кирпикова Л.В. К истокам народного слова (Лингвокраеведческая деятельность Г.С. Новикова-Даурского) // Приамурье – форпост России на дальневосточных рубежах. Материалы региональной научно-практической конференции 24-25 октября 2006 г. Благовещенск: Амурский музей, 2006. С. 349-353.

Кирпикова Л.В. Лингвистическое краеведение в вузовском преподавании // Проблемы исторической и современной русистики. Материалы региональной научной конференции, г. Хабаровск. Хабаровск: Изд-во ДГГУ, 2008. С. 85-97.

Кирпикова Л.В., Шенкевец Н.П. О «Словаре охотников и рыболовов Приамурья» // Памяти учителя. Сборник статей по филологии к 75-летию Л.В. Лебедевой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2008. С. 18-28.

Кирпикова Л.В., Шенкевец Н.П. Номинативное поле «коза» в русских говорах Приамурья // Амурская область: история и современность. Часть II / Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новиковские чтения, 21-24 октября 2008 г.). Благовещенск: Амурский областной музей, 2009. С. 137-145.

Кирпикова Л.В. Незабываемые собеседники // Краеведение Приамурья: периодический сборник. № 4 (9). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. С. 60-65.

Кирпикова Л.В., Шенкевец Н.П. О «Словаре охотников и рыболовов Приамурья» // Памяти Учителя: сборник статей по филологии к 75-летию Л.В. Лебедевой. Благовещенск: АмГУ, 2008. С. 18-27.

Кирпикова Л.В., Шенкевец Н.П. О «Словаре охотников и рыболовов Приамурья»: принципы лексикографического описания // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 7 / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. С. 34-44.

Кирпикова Л.В., Шенкевец Н.П. Аспектные диалектные словари: о фразеологическом словаре русских говоров Приамурья // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 7 / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. С. 29-34.

Кирпикова Л.В. Общерусская лексика в амурском говоре // Проблемы региональной лингвистики. Материалы международной научной конференции. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. С. 9-15.

Кирпикова Л.В. Лингвистическое источниковедение Приамурья. Марк Азадовский // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 8, специальный. Русско-китайское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. С. 66-72.

Кирпикова Л.В. Архаичная лексика на Амуре в начале XX в. // Языковой портрет Приамурья: Коллективная монография / Под ред. Л.М. Шипановской. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. С. 26-29.

Кирпикова Л.В. Русские говоры Приамурья: коллективная монография / под ред. В.Т. Садченко. Хабаровск: Изд-во Дальневосточного гос. гуманитар. ун-та, 2011 (в соавторстве).

Коломенская В.В. Китайская реклама на русском языке: к вопросу о языковой специфике (на материале русских вывесок в г.Хэйхэ (КНР)) // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 8 / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 31-37.

Коломенская В.В. Китайские вывески на русском языке: фонетико-графический аспект (на материале русских вывесок в г.Хэйхэ (КНР)) // Проблемы региональной лингвистики. Материалы международной научной конференции. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 107-110.

Королькова И.В. Урок-исследование в 8 классе «Поэтика народной лирической песни: опыт сопоставительного анализа» (заключительный урок по теме «Народная песня») // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 7 / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2009. С. 210-214.

Кунгушева И.А. Разрыв мотивационных отношений между словами как результат семантических модификаций // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 3. Формы существования современного русского языка / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 24-29.

Кунгушева И.А., Старыгина Г.М. Причины утраты внутренней формы слова, лежащие в сфере фонетических процессов // Памяти учителя: Сборник статей по филологии к 75-летию Л.В. Лебедевой. Благовещенск: АмГУ, 2008. С. 52-61.

Кунгушева И.А. Китай и китайцы в языковом сознании амурчан // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 8 / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 25-31.

Кунгушева И.А. Этноним «китаец» в языковом сознании амурчан // Проблемы региональной лингвистики. Материалы международной научной конференции. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 107-110.

Куроедова М.А., Архипова Н.Г. Теория языковой личности и изучение речевой структуры текста // Вестник АмГУ. Вып. 44. Благовещенск: АмГУ, 2009. С. 101-103.

Лагута Н.В. Функции бытийных предложений в диалектном тексте // Языковая концепция регионального существования человека и этноса: материалы II Всероссийской науч. конф., посвященной памяти проф. И.А.Воробьевой (Барнаул, 7-9 октября 2004 г.) / под ред. Л.И. Шелеповой. Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. С. 149-155.

Лагута Н.В. Лексическое выражение предиката в бытийных предложениях (на материале русских говоров Приамурья) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 23-26.

Лагута Н.В. О речевом жанре воспоминания (на материале русских говоров Приамурья) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 3. Формы существования современного русского языка / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 44-51.

Лагута Н.В. Жанр «Объяснение» в речи амурских старожилов // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 4. Амурское старообрядчество: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2006. С.105-109.

Лагута Н.В. Информативные жанры в русских говорах Приамурья // Вестник АмГУ. Вып. 38. Серия «Гуманитарные науки». Благовещенск: Издательство АмГУ, 2007. С. 93-95.

Лагута Н.В. Жанровое наполнение диалектной речи Приамурья // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 5 / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2007. С. 138-144.

Лагута Н.В. Рассказ о событии (рассказ-случай) в речи носителей амурских говоров // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 5 / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2007. С. 144-152.

Лагута Н.В. Высказывания – объяснения в диалектной речи / Проблемы исторической и современной русистики: Материалы региональной научной конференции, Хабаровск, 24 апреля 2006 г. / под ред. Л.М. Городиловой. Хабаровск: Изд-во Дальневосточ. гос. гуманитар. ун-та, 2008. С. 97-104.

Лагута Н.В. Оценочные речевые жанры в диалектной речи // Современные проблемы взаимодействия языков и культур. Материалы международной научно-практической конференции. Благовещенск, 25-26 апреля 2008 г. Ч. 2. С. 20-23.

Лагута Н.В. Семантическое выражение и формальное наполнение предиката в диалектных высказываниях со значением характеристики // Наука. Технологии. Инновации / Материалы всероссийской научной конференции молодых ученых. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. Ч. 6. С. 49-51 (в соавторстве).

Лагута Н.В. Семантическое наполнение субъекта в высказываниях со значением характеристики // Вестник АмГУ. Вып. 44. Серия «Гуманитарные науки». Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. С. 103-106 (в соавторстве).

Лагута Н.В. Гипержанр «Беседа» в русских говорах Приамурья // Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новиковские чтения) «Амурская область: история и современность» (21-24 октября 2008). Благовещенск, 2009. С. 134-137.

Лагута Н.В. Высказывания со значением зрительного и слухового восприятия в диалектной речи // Вестник АмГУ. Вып. 46. Серия «Гуманитарные науки». Благовещенск: Издательство АмГУ, 2009. С. 93-94.

Лагута Н.В. Диалектные высказывания со значением восприятия в информативных речевых жанрах // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества: Тезисы докладов Международной конференции 19-21 октября 2009 г. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2009. С. 142-144.

Лагута Н.В. Жанровое пространство одной беседы // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 7. Речевой портрет семьи. Речевые жанры. Лингвогеография. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2009. С. 105-115.

Лагута Н.В. Жизненный путь амурского старожила в языковом воплощении // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 8, специальный. Русско-китайское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 137-142.

Лагута Н.В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации // Проблемы региональной лингвистики. Материалы Международной научной конференции. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. С. 77-81.

Лагута Н.В. Заселение Приамурья в воспоминаниях амурских старожилов // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2011. С. 80-89.

Лагута Н.В. Ситуация восприятия и ее отражение в информативных речевых жанрах // Язык. Культура. Коммуникация. Сб. научных статей / Под ред. Н.В. Зайчиковой, И.Г. Ищенко, Т.Ю. Ма, А.В. Юнг. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. С. 29-35.

Лагута Н.В. Речевые жанры в диалектной речи Приамурья // Языковой портрет Приамурья: Коллективная монография / Под ред. Л.М. Шипановской. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. С. 29-38.

Лагута Н.В., Самойленко Т.В. Речевой жанр «Воспоминание» в речи диалектной личности // Вестник АмГУ. Вып. 54. Благовещенск: АмГУ, 2011. С. 126-132.

Оглезнева Е.А. Русский язык зарубежья: восточная ветвь // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 63. № 2. 2004. С.42-52 (**журнал перечня ВАК**).

Оглезнева Е.А. Явление фонетической интерференции при русско-китайском двуязычии (на материале речи представителей русской диаспоры в Харбине) // Бюллетень Фонетического Фонда русского языка. Исследования по языковой интерференции (Европейская Россия, Сибирь, Дальний Восток). Октябрь, 2004. № 9. Бохум (Германия), 2004. С. 105-120.

Оглезнева Е.А. Тематическое своеобразие жанра «Воспоминание» в русских говорах Приамурья // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 62-68.

Оглезнева Е.А. Словарь русских говоров Амурской области. Состав и структура // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 93-97.

Оглезнева Е.А. Речевой портрет эмигранта (на материале речи представительницы русской диаспоры в Харбине В.П. Хан) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 3. Формы существования современного русского языка / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 101-108.

Оглезнева Е.А. Семиотика названий русской зарубежной периодики (на материале периодических изданий первой волны русской эмиграции) // Вестник АмГУ. Вып. 32. Благовещенск: АмГУ, 2006. С. 68-71.

Оглезнева Е.А., Волгузова Т. Речевой портрет последней русской харбинки Е.А. Никифоровой // Русский Харбин, запечатленный в слове: Сборник научных работ / Под ред. А.А. Забияко, Е.А. Оглезневой. Вып. 1. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. С. 157-169.

Оглезнева Е.А., Радкевич Н.В. Речь русских эмигрантов из Харбина в Австралию: нормативный аспект // Русский Харбин, запечатленный в слове: Сборник научных работ / Под ред. А.А. Забияко, Е.А. Оглезневой. Вып. 1. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. С. 182-193.

Оглезнева Е.А., Блохинская А. Благовещенск в письмах из эмиграции (на материале эпистолярного наследия Т.И. Золотаревой) // Русский Харбин, запечатленный в слове: Сборник научных работ / Под ред. А.А. Забияко, Е.А. Оглезневой. Вып. 1. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. С. 209-217.

Оглезнева Е.А., Басистая Е. Русско-китайский пиджин на Дальнем Востоке: опыт описания // Русский Харбин, запечатленный в слове: Сборник научных работ / Под ред. А.А. Забияко, Е.А. Оглезневой. Вып. 1. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. С. 218-224.

Оглезнева Е.А. Лингвогеографический аспект в изучении говоров территорий позднего заселения (на материале русских говоров Приамурья) // Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов Международной конференции. 23-25 октября 2006 г. М.: Ин-т русского яз. им. В.В. Виноградова, 2006. С. 144-146.

Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье: орфографический аспект // Вестник Томского университета. № 299. Томск, 2007. С. 16-23 (**журнал перечня ВАК**).

Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка в начале XX в. (по материалам книги А.А. Кауфмана «По новым местам», СПб, 1905) // Функциональный анализ значимых единиц языка. Межвузовский сборник научных статей. Вып. 2. Новокузнецк, 2007. С. 42-50.

Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: особенности функционирования и языковая специфика // Известия РАН. Серия литературы и языка. Москва, 2007. Т. 66. № 4. С. 35-52 (**журнал перечня ВАК**).

Оглезнева Е.А. Русские говоры Приамурья: опыт лингвогеографического изучения // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 5. Благовещенск: АмГУ, 2007. С. 170-182.

Оглезнева Е.А. Реформа русской орфографии и восточное зарубежье // Лингвистический ежегодник Сибири. Красноярск, 2007. С. 56-62.

Оглезнева Е.А. Русские говоры Приамурья как результат языкового взаимодействия (опыт лингвогеографического описания) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. Ч. 1. СПб, ИЛИ РАН: Наука, 2007. С. 498-505.

Оглезнева Е.А. Функционирование и языковые особенности русско-китайского пиджина на Дальнем Востоке в начале XX века (по материалам книги А.А. Кауфмана «По новым местам», СПб, 1905) // Филология. Сборник, посвященный 10-летию филологического факультета. Благовещенск: АмГУ, 2007. С. 187-198.

Оглезнева Е.А. Территориально-хронологические варианты русско-китайского пиджина // Вестник АмГУ. Вып. 40. Благовещенск: АмГУ, 2008. С. 72-76.

Оглезнева Е.А. Языки и языковая политика в многонациональном Харбине первой половины XX в. // Россия – Азия: механизмы сохранения и модернизации этничности. Материалы международной научно-практической конференции (18-21 июня 2008 г.). Вып. 3. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2008. С. 188-189.

Оглезнева Е.А. Заметки о судьбе старой орфографии в русском зарубежье // Памяти Учителя: сборник статей по филологии к 75-летию Л.В. Лебедевой. Благовещенск: АмГУ, 2008. С. 119-129.

Оглезнева Е.А. Явление грамматической интерференции при русско-китайском двуязычии (на материале речи представителей восточной ветви русского зарубежья) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 2. Ч. II. Июнь, 2008. С. 279-286 (**журнал перечня ВАК**).

Оглезнева Е.А. Русская периодика восточного зарубежья в первой половине и середине XX в.: о динамике общественно-политического дискурса // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 314. Филология. С. 26-33 (**журнал перечня ВАК**).

Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье в первой половине XX в.: к вопросу о своеобразии // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 6. С. 135-150 (**журнал перечня ВАК**).

Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье: о причинах высокого уровня сохранности // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье / Сост. и ред. Е.А. Оглезнева. Благовещенск: АмГУ, 2008. С. 6-21.

Оглезнева Е.А. Речевой портрет Михаила Михайловича Мятова, представителя русской диаспоры в Харбине // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье / Сост. и ред. Е.А. Оглезнева. Благовещенск: АмГУ, 2008. С. 54-74.

Оглезнева Е.А. Владимир Алексеевич Зинченко. Лингвистические беседы // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье / Сост. и ред. Е.А. Оглезнева. Благовещенск: АмГУ, 2008. С. 88-99.

Оглезнева Е.А. О проекте словаря харбинской лексики // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье / Сост. и ред. Е.А. Оглезнева. Благовещенск: АмГУ, 2008. С. 113-117.

Оглезнева Е.А., Старыгина Г.М. Словарь харбинской лексики (фрагменты) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье / Сост. и ред. Е.А. Оглезнева. Благовещенск: АмГУ, 2008. С. 117-124.

Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении. 2008. Вып. 16. С. 119-136 (**журнал перечня ВАК**).

Оглезнева Е.А. Язык русского восточного зарубежья в связи с волнообразным характером эмиграции на восток (к вопросу о социальной обусловленности языковых явлений) // Вестник АмГУ. 2009. Вып. 44. С. 106-109.

Оглезнева Е.А. О русско-китайском языковом взаимодействии в Приамурье // Амурская область: история и современность. Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 150-летию Амурской области 21-24 октября 2008 г. Ч. II. Благовещенск, 2009. С. 160-162.

Оглезнева Е.А. Русские говоры в Китае в начале и середине XX в. // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества. Тезисы докладов Международной конференции. 19-21 октября 2009 г. М.: Ин-т русского яз. им. В.В.Виноградова РАН, 2009. С. 167-169.

Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка: об особенностях русско-китайского взаимодействия на Дальнем Востоке в 20-30-е гг. XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству. Вып. 8. Сборник материалов научной школы и международной научной конференции / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. С. 328-334.

Оглезнева Е.А. Религиозный дискурс в русской харбинской периодике // Вестник АмГУ. 2010. Вып. 48. С. 44-48.

Оглезнева Е.А. Педагогический опыт в высшем образовании: следование традиции как охранительный фактор // Образовательная среда вуза: ресурсы, технологии. Материалы международной научно-методической конференции 3-4 февраля 2010 г. С. 10-12.

Оглезнева Е.А. Лингвоперсонологический аспект межъязыкового взаимодействия в дальневосточном регионе // Проблемы региональной лингвистики. Материалы международной научной конференции. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2010. С. 87-90.

Оглезнева Е.А. Русско-китайское взаимодействие на дальневосточных территориях России: историко-лингвистический очерк // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 8, специальный. Русско-китайское взаимодействие в дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 6-25.

Оглезнева Е.А. Харбин как многонациональный и многоязычный центр в первой половине и середине XX в.: количественная характеристика языковой ситуации // Вестник АмГУ. 2011. Вып. 54. С. 110-120.

Оглезнева Е.А. Петербургская произносительная норма в русском Харбине // Фонетика без границ. Материалы международной научной конференции 13-15 июня 2011 г. Благовещенск: АмГУ. 2011. С. 82-86.

Оглезнева Е.А. Языковая ситуация в Приамурье: динамический аспект. Историко-лингвистический очерк // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2011. С. 7-25.

Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин в Приамурье // Языковой портрет Приамурья: Коллективная монография / Под ред. Л.М. Шипановской. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. С. 112-132.

Оглезнева Е.А. Лаборатория региональной лингвистики АмГУ // Языковой портрет Приамурья: Коллективная монография / Под ред. Л.М. Шипановской. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. С. 181-182.

Оглезнева Е.А. Русский Харбин как многонациональный и многоязычный центр в XX в.: качественная и оценочная характеристика языковой ситуации // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 1. С. 112-116 (**журнал перечня ВАК**).

Оглезнева Е.А. Языковая ситуация в Дальневосточном регионе России: динамика славянской составляющей // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 356. С. 33-38 (**журнал перечня ВАК**).

Оглезнева Е.А. Лингвоперсонологический аспект межъязыкового взаимодействия (на примере русско-китайского взаимодействия в Дальневосточном регионе) // Вестник Читинского государственного университета. 2012. № 4. С. 82-86 (**журнал перечня ВАК**).

Оглезнева Е.А. Языковая ситуация на Дальнем Востоке: динамика славянской составляющей // Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов Международной конференции 27-28 октября 2012 г. М.: Ин-т русского яз. им. В.В.Виноградова РАН, 2012. С. 127-129.

Пирко В.В. К вопросу о системности лексики просторечия (на матер але просторечия Приамурья) // Слово. Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 3. Формы существования современного русского языка / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 91-100.

Пирко В.В. Вариантные отношения лексических единиц в просторечии Приамурья // Памяти Учителя: сборник статей по филологии к 75-летию Л.В. Лебедевой. Благовещенск: АмГУ, 2008. С. 28-35.

Пирко В.В. Временная гетерогенность просторечия // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 7 / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. С. 52-56.

Пирко В.В. Системный характер просторечной лексики Приамурья. Монография. Благовещенск: изд-во БГПУ, 2009. 167 с.

Пирко В.В. Системная организация лексики городского просторечия // Проблемы региональной лингвистики. Материалы международной научной конференции. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 25-29.

Пирко В.В. Городское просторечие на территории Приамурья // Языковой портрет Приамурья: Коллективная монография / Под ред. Л.М. Шипановской. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. С. 91-111.

Пискеева Г.Г. «Самая огнепыщающая часть речи» (на материале произведений амурского поэта О. Маслова) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 5. Амурские молокане: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2007. С. 200-203.

Пискеева Г.Г. Изобразительные возможности местоимения (на материале произведений амурского поэта О. Маслова). Факультативное занятие по лингвистическому краеведению в 6 классе // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 5. Амурские молокане: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2007. С. 203-207.

Сосина Н.А. Названия кушаний в амурских говорах // Слово. Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 3. Формы существования современного русского языка / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 60-64

Старыгина Г.М. Памятники деловой письменности XVII в. как источник изучения современной диалектной лексики (на материале «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера) // Вестник АмГУ. Вып. 34. Серия «Гуманитарные науки». 2006. С. 70-75.

Старыгина Г.М., Рачко Е.Е. Наименования органов государственного управления в памятниках деловой письменности XVII в. // Сборник научных трудов памяти Л.В. Лебедевой / под ред. Л.М. Шипановской. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2008. С. 43-52.

Старыгина Г.М., Кунгушева И.А. Документы деловой письменности XVII в. как источник изучения вариативности лексических единиц // Вестник АмГУ. Вып. 40. Серия «Гуманитарные науки». Благовещенск: АмГУ, 2008. С. 64-66.

Старыгина Г.М. Памятники сибирской деловой письменности XVII в. как источник изучения регионализмов // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 7. Речевой портрет семьи. Речевые жанры. Лингвогеография. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2009. С. 21-29.

Старыгина Г.М. Лингвистические источники Приамурья: опыт описания // Проблемы региональной лингвистики. Материалы международной научной конференции. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. С. 49-55.

Старыгина Г.М. Эргонимы города Благовещенска // Языковой портрет Приамурья: Коллективная монография / Под ред. Л.М. Шипановской. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. С. 157-163.

Старыгина Г.М., Чайкина С.А. Толковый словарь старообрядческой лексики (на материале романа П.И. Мельникова-Печерского «В лесах») // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2011. С. 103-115.

Суховей Е.В. Региональные особенности в лексике амурской газеты конца XIX в. (на материале «Амурской газеты» 1896-99 гг.) // Проблемы региональной лингвистики. Материалы международной научной конференции. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2010. С. 136-143.

Тарасова А.В. Структурно-семантические особенности русско-китайской визитной карточки как жанра печатной рекламы // Молодежь XXI века: шаг в будущее: материалы XIII региональной научно-практической конференции с межрегиональным и международным участием, посвященной Году истории в Российской Федерации (г. Благовещенск, 17-18 мая 2012 года). Т. 2. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2012. С. 72-73.

Тулакпаев Р.У., Шипановская М.Ю. Топонимическое пространство «сунгарийской столицы»: особенности формирования // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье / Сост. и ред. Е.А. Оглезнева. Благовещенск: АмГУ, 2008. С. 27-40.

Туякова А.В. Вариативность способов включения в заговоры апокрифического текста «Сон Богородицы» // Слово. Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 3. Формы существования современного русского языка / Под. ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 74-80.

Цзян Ин. Об изучении русского языка в Китае на приграничных с Россией территориях (на примере русского языка в г. Хэйхэ, провинция Хэйлуцзян) // Молодежь XXI века: шаг в будущее: материалы XIII региональной научно-практической конференции с межрегиональным и международным участием, посвященной Году истории в Российской Федерации (г. Благовещенск, 17-18 мая 2012 года). Т. 2. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2012. С. 24-25.

Чжан Янь. Статус русского языка в современном Северном Китае // Проблемы региональной лингвистики. Материалы международной научной конференции. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 90-93.

Шипановская Л.М. Заговорные тексты как памятники «вещного, чародейного слова» // Слово. Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 3. Формы существования современного русского языка / Под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 65-74

Шипановская Л.М. О своеобразии языка русских заговорных текстов // Вестник АмГУ. Вып. 34. Серия «Гуманитарные науки». 2006. С. 75-81.

Шипановская Л.М. Элементы традиционной китайской культуры в поэтическом языке русского восточного зарубежья // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 1. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. С.136-157.

Шипановская Л.М. Заговорный текст как источник лингвистической информации // Памяти учителя: Сборник статей по филологии к 75-летию Л.В. Лебедевой. Благовещенск: АмГУ, 2008. С. 175-191.

Шипановская Л.М., Краснощека О.Г. Названия улиц старого русского Харбина: особенности номинации // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье / Сост. и ред. Е.А. Оглезнева. Благовещенск: АмГУ, 2008. С. 41-50.

Шипановская Л.М., Феньева Д. Топонимы как важный источник информации (на материале топонимов Шипановского района) // Амурская область: история и современность. Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 150-летию Амурской области. 21-24 октября 2008 г. Ч. II. Благовещенск, 2009. С. 155-159.

Шипановская Л.М. Этнолингвистический подход в изучении языка: теоретический и прикладной аспекты // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству. Вып. 8. Сборник материалов научной школы и международной научной конференции / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: АмГУ, 2009. С. 367- 379.

Шипановская Л.М. О проекте коллективной монографии «Лингвистический портрет Приамурья», посвященной проблемам региональной лингвистики // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 8, специальный. Русско-китайское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 112-117.

Шипановская Л.М. Особенности формирования топонимической системы Приамурья: диахронический аспект // Проблемы региональной лингвистики. Материалы международной научной конференции. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 93-100.

Шипановская М.Ю., Лю Сяоцзяо. Основные стратегии в переименовании улиц старого русского Харбина // Проблемы региональной лингвистики. Материалы международной научной конференции. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 93-100.

Шипановская Л.М. Своеобразие топонимического ландшафта Приамурья // Языковой портрет Приамурья: Коллективная монография / Под ред. Л.М. Шипановской. Благовещенск: АмГУ, 2011. С. 154-163.

Шипановская Л.М. Рецензии. Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: АмГУ, 2007. 264 с. // Языковой портрет Приамурья: Коллективная монография / Под ред. Л.М. Шипановской. С. 196-199.

ДИССЕРТАЦИИ

**по амурской диалектологии и региональной лингвистике,
выполненные преподавателями кафедры русского языка АмГУ
(2005-2012 гг.)**

2005

Старыгина Г.М., кандидат филологических наук, специальность 10.02.01 – русский язык.

Тема «История Сибири» Г.Ф. Миллера как лингвистический источник (лексикологический аспект)».

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Томского государственного университета З.И. Резанова.

2009

Оглезнева Е.А., доктор филологических наук, специальность 10.02.01 – русский язык.

Тема «Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине).

2010

Галимова Д.Н., кандидат филологических наук, специальность 10.02.01 – русский язык.

Тема «Метафорическая картина мира русских говоров Приамурья (структурный и функциональный аспекты)»

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Томского госуниверситета Л.А. Захарова

ДИПЛОМНЫЕ РАБОТЫ

**по амурской диалектологии и региональной лингвистике,
выполненные и защищенные на кафедре русского языка АмГУ
(2005-2012 гг.)**

2005

1. Зверева Оксана Николаевна. Топонимы и их функции в художественном тексте (на материале русской литературы восточного зарубежья) (рук. проф. Л.М. Шипановская).
2. Игнатенко Светлана Николаевна. Тематическая группа «Быт» в фольклорном и диалектном тексте (рук. доц. Н.Г. Архипова).
3. Поздняк Елена Петровна. Лексико-семантическая группа «Животные» в фольклорном и диалектном тексте (рук. доц. Н.Г. Архипова).
4. Полякова Яна Сергеевна. Русский харбинец В.А.Зинченко как языковая личность (рук. доц. Е.А. Оглезнева).
5. Радкевич Наталья Владимировна. Речь русских эмигрантов из Харбина в Австралию: основные особенности (рук. доц. Е.А. Оглезнева).
6. Степанова Ирина Константиновна. Книга Т.И.Золотаревой «Маньчжурские были»: опыт лингвокультурологического анализа (рук. доц. Е.А. Оглезнева).
7. Суховой Екатерина Владимировна. Дискурсивный изоморфизм языкового знака (на материале фольклорного, разговорного и научного дискурса) (рук. доц. Н.Г. Архипова).
8. Фомичева Татьяна Валерьевна. Девичьи анкеты и дневники как лингвистический источник (рук. доц. Н.Г. Архипова).

2006

1. Басистая Елена Васильевна. Русско-китайский пиджин на Дальнем Востоке: опыт социолингвистического анализа (рук. доц. Е.А. Оглезнева).
2. Волгузова Татьяна Александровна. Речевой портрет русской харбинки Е.А.Никифоровой (рук. доц. Е.А. Оглезнева).
3. Волошина Екатерина Сергеевна. Речевые действия, формирующие речевой портрет публициста (на материале очерков А.Шатыгина) (рук. доц. М.А. Куроедова).
4. Ляшенко Мария Викторовна. Топонимическое пространство в творчестве П. Комарова (рук. проф. Л.М. Шипановская).
5. Павлова Анастасия Николаевна. Языковые особенности детского фольклора: динамический аспект (на материале считалок) (рук. доц. Н.Г. Архипова).
6. Праскова Мария Сергеевна. Заголовок как структурно-семантический элемент текста: функциональный аспект (рук. доц. М.А. Куроедова).

7. Шакун Татьяна Григорьевна. Особенности наименования человека в русских говорах и фольклоре Приамурья: лингвокультурологический аспект (рук. доц. Н.Г. Архипова).

2007

1. Балашова Ксения Александровна. Устные воспоминания старожилов амурских сел о Великой Отечественной войне: лингво-типологический анализ (рук. доц. Н.Г. Архипова).

2. Гребенникова Екатерина Евгеньевна. Топонимическое пространство Амурской области в языковом сознании говорящих (рук. доц. И.А. Кунгушева).

3. Краснощека Ольга Григорьевна. Микротопонимы старого русского Харбина как реалии языка и культуры (рук. проф. Л.М. Шипановская).

4. Маховик Евгения Викторовна. Метатекст как форма выражения языкового сознания амурских диалектоносителей (рук. доц. И.А. Кунгушева).

5. Русанова Ольга Сергеевна. Особенности говоров старообрядцев (семейских) Амурской области (на материале речи жителей с.Заган Свободненского района) (рук. доц. Н.Г. Архипова).

6. Сибяева Наталья Анатольевна. Региональный словарь микротопонимов г. Благовещенска (рук. проф. Л.М. Шипановская).

7. Степанова Юлия Константиновна. Рукописные альбомы солдат срочной службы: лингвокультурологический анализ (рук. доц. Н.Г. Архипова).

8. Филина Анастасия Петровна. Языковые особенности фольклора в говорах переходного типа (на материале лирических песен, частушек, заговоров, записанных в Приамурье) (рук. доц. Н.Г. Архипова).

9. Хромов Максим Владимирович. Микротопонимы старого Благовещенска как реалии языка, культуры, истории (рук. проф. Л.М. Шипановская).

2008

1. Акелькина Анастасия Валерьевна. Речевой портрет интеллигента: опыт описания (рук. доц. Е.А. Оглезнева).

2. Блохинская Алена Владимировна. Явление интерференции в эмигрантской речи (на материале текстов, записанных от В.П. Хан, представительницы русской диаспоры в Харбине) (рук. доц. Е.А. Оглезнева).

3. Гарусова Раиса Геннадьевна. Рассказы о Харбине: лингвокультурологический анализ (на материале записей речи последних представителей русской диаспоры в Харбине М.М.Мятова и В.А.Зинченко) (рук. доц. Е.А. Оглезнева).

4. Губерштро Людмила Александровна. Названия русской эмигрантской периодики: структурно-семантический анализ (рук. доц. Е.А. Оглезнева).

5. Данилова Ирина Викторовна. Современный молодежный дискурс как отражение молодежной субкультуры (рук. доц. Е.А. Оглезнева).

6. Зимица Алена Сергеевна. Сравнения в речи носителей амурских говоров: структура, содержательное наполнение, функционирование (рук. доц. Н.В. Лагута).

7. Иванова Екатерина Морисовна. Жанр «Воспоминание» в речи последней русской харбинки Е.А.Никифоровой (рук. доц. Е.А. Оглезнева).

8. Карцева Радмила Юрьевна. Представления о морально-этических ценностях в языковом сознании диалектоносителей (на материале речи жителей Амурских сел) (рук. доц. Н.Г. Архипова).

9. Кузьмина Екатерина Витальевна. Оппозиция «жизнь-смерть» в речи жителей амурских сел (рук. доц. Н.Г. Архипова).

10. Курдюкова Юлия Игоревна. Оценочные высказывания и их функционирование в диалекте: лингво-культурологический аспект (рук. доц. Н.В. Лагута).

11. Мисак Анна Сергеевна. Образ мужчины в разных типах дискурса (рук. доц. Н.Г. Архипова).

12. Мушта Анна Юрьевна. Топонимическая система Приамурья: роль социальных факторов в её формировании (на примере наименований улиц г.Благовещенска) (рук. проф. Л.М. Шипановская).

13. Небора Елена Владимировна. Семантическое поле «Быт» в диалектном дискурсе (на материале речи жителей амурских сел) (рук. доц. Н.Г. Архипова).

14. Скрябина Анна Сергеевна. Оппозиция «свой – чужой» в речи старообрядцев-семейских Амурской области (рук. доц. Н.Г. Архипова).

15. Трунова Мария Сергеевна. Представления о страшном и таинственном в языковом сознании жителей сел Амурской области (рук. доц. Н.Г. Архипова).

16. Хлебникова Ольга Алексеевна. Представления о вере через призму оппозиции «душа – тело» в речи старообрядцев-семейских Амурской области (рук. доц. Н.Г. Архипова).

2009

1. Бибик Евгения Евгеньевна. Антропонимическое пространство в романе М.Шолохова «Тихий Дон» (рук. доц. Г.М. Старыгина).

2. Городецкая Виктория Александровна. Микротопонимы г.Благовещенска как часть историко-культурного ландшафта (генетическая память в названиях районов и улиц города) (рук. проф. Л.М. Шипановская).

3. Демченко Ирина Евгеньевна. Эволюция стереотипа иностранца в языковом сознании амурчан (рук. доц. И.А. Кунгушева).

4. Жаркова Елена Николаевна. Пространственная характеристика лечебного заговорного текста (на материале амурских заговоров) (рук. проф. Л.М. Шипановская).

5. Казакбаева Наталья Дмитриевна. Язык заговорного текста в сопоставлении с каноническими и апокрифическими: сравнительно-сопоставительный аспект (рук. проф. Л.М. Шипановская).

6. Курсакова Светлана Сергеевна. Экспликация языкового сознания селян и горожан (социовозрастной аспект) (рук. доц. И.А. Кунгушева).

7. Ласькова Виктория Алексеевна. Любовный заговор в сопоставлении с любовной лирической песней: лингвокультурологический аспект (рук. проф. Л.М. Шипановская).

8. Сидорова Евгения Сергеевна. Имена собственные и их функции в языке фольклора (на материале амурских заговорных текстов) (рук. проф. Л.М. Шипановская).

9. Силантьева Светлана Александровна. Памятники деловой письменности XVII века как источник изучения сибирских антропонимов (на материале «Истории Сибири» Г.Ф.Миллера) (рук. доц. Г.М. Старыгина).

2010

1. Иванова Виктория Константиновна. Лексические доминанты русской лирической песни, записанной в Приамурье (рук. доц. Н.Г. Архипова).
2. Иванова Ольга Анатольевна. Антикризисный пиар как средство поддержания положительного имиджа компании (на примере региональных PR-текстов) (рук. доц. М.А. Куроедова).
3. Ковалева Анастасия Анатольевна. Особенности говора села Новоандреевка Белогорского района Амурской области (рук. доц. Н.Г. Архипова).
4. Курбатова Оксана Валерьевна. Лексические особенности рекламы косметической продукции (на материале каталогов) (рук. доц. Н.Г. Архипова).
5. Попова Анна Петровна. Диалектные высказывания со значением восприятия: структурно-семантический и функциональный аспекты (рук. доц. Н.В. Лагута).
6. Фролова Кристина Георгиевна. Языковое манипулирование в политическом дискурсе (на примере публичных выступлений российских политиков) (рук. доц. М.А. Куроедова).
7. Цирульникова Екатерина Владимировна. Интертекстуальность как средство языкового воздействия в политическом дискурсе (рук. доц. М.А. Куроедова).
8. Чапайкина Нина Артуровна. Диалектные высказывания со значением характеристики: структурное, семантическое и жанровое своеобразие (рук. доц. Н.В. Лагута).

2011

1. Грищенко Ирина Евгеньевна. Эргонимы г.Благовещенска в аспекте номинации (рук. доц. Г.М. Старыгина).
2. Кострыба Юлия Игоревна. Газета «Епархиальные ведомости» 1899 г. как региональный лингвистический источник (рук. доц. Г.М. Старыгина).
3. Лушникова Дарья Сергеевна. Специфическое ономастическое: особенности словообразования топонимов Приамурья (рук. проф. Л.М. Шипановская).
4. Науменко Алена Владимировна. Топонимическая система Приамурья: начальный этап (по данным «Топонимического словаря Амурской области» А.Кириллова) (рук. проф. Л.М. Шипановская).
5. Оськина Наталья Андреевна. Произведение А.А. Кауфмана «По новым местам» как лексикологический источник (рук. доц. Г.М. Старыгина).
6. Перова Надежда Геннадьевна. Гидронимы эвенкийского происхождения (по данным топонимических словарей Амурской области) (рук. проф. Л.М. Шипановская).
7. Прядкина Наталья Александровна. Ойконимы славянского происхождения в Приамурье: общая характеристика (рук. проф. Л.М. Шипановская).
8. Ремизова Полина Юрьевна. Бытийные высказывания в русских говорах Приамурья (рук. доц. Н.В. Лагута).
9. Стоянова Елена Александровна. Ойконимы Приамурья славянского происхождения: начальный этап формирования (вторая половина XIX – начало XX в.) (рук. проф. Л.М. Шипановская).
10. Феньева Дарья Сергеевна. Топонимы Приамурья как система (рук. проф. Л.М. Шипановская).

11. Чайкина София Александровна. Толковый словарь старообрядческой лексики (на материале романа Мельникова-Печерского П.И. «В лесах») (рук. доц. Г.М. Старыгина).

2012

1. Белоусова Евгения Валерьевна. Языковая компетенция членов одной семьи в условиях поликультурной среды (рук. доц. Н.Г. Архипова).

2. Волкова Дарья Станиславовна. Семантическое поле «Пища» в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области (рук. доц. Н.Г. Архипова).

3. Гавриленко Ольга Александровна. Образ женщины в русской народной языковой культуре: на материале говоров и паремий (рук. доц. Н.Г. Архипова).

4. Козулина Юлия Сергеевна. Дальневосточный региолект русского национального языка: лексическое своеобразие (рук. проф. Е.А. Оглезнева).

5. Колосова Анастасия Геннадьевна. Антиномия «раньше» и «сейчас» в рассказах амурских диалектоносителей: динамический аспект (рук. проф. Е.А. Оглезнева).

6. Кугай Евгения Андреевна. Образ Китая в рассказах современных носителей амурских говоров: особенности концептуального наполнения (рук. проф. Е.А. Оглезнева).

7. Литвинцева Евгения Федоровна. Современный носитель русско-китайского пиджина: опыт социолингвистического анализа (рук. проф. Е.А. Оглезнева).

8. Сазонова Юлия Сергеевна. Китайские заимствования в дальневосточном региолекте русского языка (на материале разговорной речи) (рук. проф. Е.А. Оглезнева).

9. Стукалова Анастасия Владимировна. Речевой портрет семьи: лингво-типологический подход (рук. доц. Н.Г. Архипова).

10. Тушканова Валентина Сергеевна. Грамматические особенности современного русско-китайского пиджина (рук. проф. Е.А. Оглезнева).

11. Хисматуллин Алексей Римович. Лексика охотников и рыбаков в русских говорах Приамурья (рук. доц. Н.Г. Архипова).

12. Шохирева Регина Сергеевна. Наименования одежды в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области: опыт системного описания (рук. доц. Н.Г. Архипова).

МАРШРУТЫ ФОЛЬКЛОРНО-ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

2000 г.
СВОБОДНЕНСКИЙ РАЙОН
с. Черновка
с. Чембары
п. Юхта

2001 г.
СВОБОДНЕНСКИЙ РАЙОН
п. Юхта
с. Разливное
с. Чембары
с. Черновка

2002 г.
ШИМАНОВСКИЙ РАЙОН
с. Кухтерин Луг
с. Ураловка
с. Чагоян

2003 г.
АРХАРИНСКИЙ РАЙОН
с. Иннокентьевка
с. Красный Луч
с. Грибовка
с. Касаткино
с. Могилевка
с. Сагибово

2004 г.
СВОБОДНЕНСКИЙ РЕЙОН
с. Гащенко
с. Желтоярово
с. Заган
МАЗАНОВСКИЙ РАЙОН
с. Белоярово
с. Красноярово
с. Михайловка

2005 г.
ТАМБОВСКИЙ РАЙОН
с. Гильчин
с. Косицыно
с. Куропатино
с. Раздольное
с. Рощино
с. Толстовка

КОНСТАНТИНОВСКИЙ РАЙОН
с. Верхний Уртуй

2006 г.
БЕЛОГОРСКИЙ РАЙОН
с. Великокнязевка
с. Киселеозерка
с. Ключи

с. Комиссаровка
с. Никольское
с. Новоандреевка
с. Светиловка

2007 г.
БЕЛОГОРСКИЙ РАЙОН
с. Великокнязевка
с. Лохвицы
с. Новоандреевка
с. Успеновка

2008 г.
МИХАЙЛОВСКИЙ РАЙОН
с. Дим
с. Зелёный Бор
с. Красный Яр
с. Черемисино

2009 г.
СВОБОДНЕНСКИЙ РАЙОН
с. Гуран
с. Загорная Селитьба
с. Зиговка
с. Костюковка
с. Новоивановка
с. Серебрянка
с. Сычѐвка

2010 г.
ОКТЯБРЬСКИЙ РАЙОН
с. Борисоглебка
с. Кутилово
с. Максимовка
с. Николо-Александровка
с. Песчаноозѐрка
с. Покровка

ТАМБОВСКИЙ РАЙОН
с. Козьмодемьяновка

2011 г.
ОКТЯБРЬСКИЙ РАЙОН
с. Варваровка
с. Максимовка
с. Николо-Александровка
с. Переясловка
с. Преображенковка

2011-2012 гг.
КНР, провинция Хэйлунцзян,
с. Бяньцзян, Хатаян, Хунцзян

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О СЕЛАХ¹

АРХАРИНСКИЙ РАЙОН

Село Грибовка

Основано в 1898 г. переселенцами из Могилёвской губернии; названо в честь землеустроителя Грибского. Одними из первых переселенцев, основавших село, были семьи Игнатовых, Масниковых, Шурановых, Смоляковых. Здесь сохранилась небольшая община староверов, прадеды которых в числе первых осваивали эту территорию в конце XIX в.

Расположено в 26 км к северо-востоку от п. Архара на правом берегу р. Архары. На 2003 г. в селе проживало около 360 человек.

Село Иннокентьевка

Основано в 1857 г. Первоначальное название – станица Нижнебуреинская. Современное название станица получила в честь Иннокентия Вениаминова, архиепископа Камчатской епархии, который, спускаясь по Амуру летом 1862 г., освятил построенную здесь церковь. Первые поселенцы (семьи Масич, Муромцевых, Чеушевых) – забайкальские казаки, прибывшие на Амур с целью освоения земель. Вторая волна переселенцев – жители западных областей России, белорусы, украинцы.

Расположено на левом берегу р. Амур в 35 км от п. Архара. На 2003 г. в селе проживало около 500 человек.

Село Касаткино

Образовано в 1852 г. как село Халтан (Халтанская станица) казаками-переселенцами – забайкальскими гуранами. В 1857 г. переименовано по фамилии доктора И.А.Касаткина, участника экспедиции, организованной Н.А.Муравьёвым-Амурским в 1854 году. По рассказам старожилов, тонувший в Амуре доктор был спасён казаками. В благодарность он воздвиг на берегу реки часовню, названную Касаткинской. Такое же название получила и станица. В числе первых поселенцев семьи Вырупаевых, Рукавишниковых.

Расположено на левом берегу Амура в 70 км от п. Архара. На 2003 г. в селе проживало 558 человек около 19 национальностей: русские, белорусы, украинцы, мордовцы, татары и другие.

Село Красный Луч

Основано в 1926 г. переселенцами из Брянской области.

Расположено в долине р.Амур в 47 км к юго-западу от п. Архара. На 2003 г. в селе проживало около 200 человек.

Село Могилёвка

Основано в 1899 г. переселенцами из Могилёвской губернии (семьи Куриловских, Кирсановых, Мурашкиных, Исайкиных, Хортовых). Позже сюда приезжали из Воронежской, Калужской областей, из соседних распавшихся деревень – Дыдов и Гилёвки.

Расположено в долине р.Архары в 31 км к северо-востоку от п. Архара.

Село Сагибово

Основано в 1859 г. переселенцами из Забайкалья.

Расположено в 95 км к юго-востоку от п. Архара на левом берегу Амура.

БЕЛОГОРСКИЙ РАЙОН

Село Великокнязевка

По официальной версии основано в 1910 г.. По мнению жителей села, год образования – 1898. Первое название – Великая Княжевка, названо в честь великого князя Константина Александровича Романова, который разрешил поселиться здесь переселенцам из Украины. По другой версии с. Великокнязевка названо в честь самого богатого жителя по фамилии Князев.

Расположено в долине р. Зеи.

Село Киселеозёрка

Основано в 1913 г. Первоначальное название – Киселёво-Озёрское. Названо в честь семьи переселенцев Киселёвых, староверов, переселившихся из с.Светиловка; вторая часть названия появилась потому, что вокруг села много озёр.

Расположено на левом берегу р. Томи.

¹ Используются данные «Топонимического словаря Амурской области» Е.В.Сутурина (Благовещенск, 2000), книги «Амурская область. Опыт энциклопедического словаря» Н.К.Шульмана (Благовещенск, 1989), репринтного издания 1994 г. «Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей» А.Кириллова (Благовещенск, 1894), а также материалы научных экспедиций в села.

Село Ключи

Основано в 1862 г. старообрядцами, переселенцами из Пермской губернии. Названо по особенности местности: рядом с селом били из-под земли чистые ключи, раньше деревня называлась Ключевская.

Расположено на левом берегу р. Томи. На 2006 г. в селе проживало около 150 человек.

Село Комиссаровка

Образовано в 1886 г. переселенцами из Екатеринославской губернии. Первоначально называлось Колягино. В начале XX в. село было самым большим в Белогорском районе (1926 г. – 1 345 человек). В селе проживают также потомки переселенцев из Рязанской и Московской областей, из Украины.

Расположено в долине р. Зеи, на правом берегу р. Белой. На 2005 г. в селе проживало около 200 человек.

Село Лохвицы

Основано в 1896 г. переселенцами из с. Лохвицы Полтавской губернии.

На 2010 г. численность населения – около 750 человек.

Село Никольское

Основано в 1860 г. переселенцами из Пермской губернии, в том числе и старообрядцами, названо в честь Николая Святого.

Расположено на левом берегу р. Томи в 15 км от Белогорска. С 1974 г. в селе действует птицефабрика.

Село Новоандреевка

Основано в 1886 г. старообрядцами из Забайкалья.

Расположено на левом берегу р. Зеи в 70 км от Белогорска. Первоначально располагалось тремя километрами ниже по течению р. Зеи, перенесено на более высокий берег после наводнения. На 2005 г. в селе проживало около 200 человек.

Село Светиловка

Первые 28 семей переселились из Украины в 1895 г., из Полтавской губернии Кременчугского уезда. В числе первопоселенцев – семьи Логиновых, Ёловых, Киселёвых. Село было зарегистрировано в 1896 г., названо в честь украинского села Светиловка, из которого выехали первопоселенцы. В селе проживают также потомки переселенцев из Рязанской области и Поволжья.

Расположено на левом берегу р. Томи. Численность населения на 2005 г. – около 500 человек.

Село Успеновка

Основано в 1890 г. Названо в честь праздника Успения Богородицы. Первые поселенцы прибыли из Полтавской и Киевской губерний. В настоящее время в селе проживают потомки переселенцев из Украины, из западных областей России и из различных регионов Дальнего Востока.

На 2011 г. численность населения – около 530 человек.

КОНСТАНТИНОВСКИЙ РАЙОН

Село Верхний Уртуй

Основано в 1890 г., хотя первые заимки появились раньше: по одним данным, в 1880 г. (основатели – семьи Радченко и Кечиных), по другим – в 1883 г. (основатели – семьи братьев Саяпиных). Село населяли крестьяне молоканской веры из Тамбовской и Самарской губерний. С 1935 г. в село переезжали крестьяне из западных районов России и из Украины.

В 2005 г. население составляло около 500 человек.

МАЗАНОВСКИЙ РАЙОН

Село Белоярово

Основано в 1889 г. переселенцами из западных областей России. В числе первых поселенцев – семьи Шагаровых, Табунковых, Малыхиных, Белоглазовых, Шапрынских, Ланкиных, Курносовых. Название село получило за белый галечный берег над р. Зея.

Расположено в 14 км от с. Мазаново. Бывшая центральная усадьба колхоза «Зейский гигант», объединявшего сёла Белоярово, Каменку и Юбилейное Мазановского района. На 2004 г. население села – около 1050 человек.

Село Красноярово

Основано в 1884 г. переселенцами из западных областей России. Среди первых поселенцев – семьи Павлюченко, Зубовых, Труш, Лях, Синицких, Суровцевых, Мальцевых.

Расположено в 46 км от райцентра, на левом берегу р. Зея. Бывшая центральная усадьба колхоза «Красноярский», объединявшего сёла Краснояроро, Петровку, Антоновку, Леонтьевку и Михайловку Мазановского района. На 2004 г. население села – около 1200 человек.

Село Михайловка

Основано в 1906 г.. Названо по фамилии первого поселенца – Михайлова.

Расположено в 40 км от с. Мазаново на правом берегу р. Бирма.

МИХАЙЛОВСКИЙ РАЙОН

Село Дим

В 1867 г. на землях Поярковского станичного округа забайкальскими казаками из Минусинского округа Енисейской губернии был образован поселок Дим. В 1869 г. в километре от него пятнадцатью переселенцами из Украины была образована деревня Дим. В 1891 г. ее объединили с Димским казачьим хутором.

Расположено на правом берегу р. Дим. На 2008 г. в селе проживало около 900 человек.

Село Зелёный Бор

Основано в 1920 г. как центральная усадьба совхоза Завитинский, до 1968 г. собственного названия не имело. Современное название дано по сосновому бору, посаженному первыми жителями села.

В настоящее время в состав Зеленоборского сельсовета входят три населенных пункта: Зелёный Бор, Черемисино, Красный Яр. В 2008 г. на территории сёл проживало около 1060 человек.

Село Красный Яр

Основано в 1864 г. на берегу р. Завитая. Первопоселенцы – выходцы из Воронежской губернии: Носовы, Коваленковы, Турчаниновы.

В годы гражданской войны и интервенции село было сожжено, жители успели уйти по другим деревням. Село было восстановлено в 20-е гг. 20 в.

Село Черемисино

Основано в 1923 г. До 1966 г. являлось одной из усадеб Завитинского (сегодня – Зеленоборского) совхоза и собственного имени не имело. Современное название дано в честь жителя с. Красный Яр, командира партизанского отряда И.Н. Черемисина, возглавлявшего повстанческую группу в годы гражданской войны и интервенции.

Расположено на левом берегу р. Завитая.

ОКТАБРЬСКИЙ РАЙОН

Село Борисоглебка

Основано в 1887 г. переселенцами из Тамбовской губернии Борисоглебского уезда, Екатеринославской, Полтавской губерний и Донецкой волости. В числе первых поселенцев – семьи Титовых, Токаревых, Зимариных, Рыбиных. До революции в селе были церковь, мельница. До 1930 г. на территории села работали кирпичные заводы, на которых трудились китайцы.

Расположено на берегу р. Дим. В 2010 г. в селе проживало около 260 человек.

Село Варваровка

Основано в 1904 г. переселенцами из Полтавской губернии (Украина). Названо в честь первой поселенки – Варвары.

Расположено на берегу р. Ивановка. На 2011 г. в селе проживало около 180 человек.

Село Кутилово

Основано в 1869 г. (по другим данным – в 1878 г.) сибиряками-раскольниками. Название получило в 1880-е гг. по фамилии переселенца М. Кутилова. Ранее называлось Путилово. До 1920-х гг. в селе была церковь. В феврале 1919 г. возле села в бою с японскими интервентами погибли 26 партизан. В 1976 г. на месте боя был сооружен памятник.

На 2010 г. в селе проживало 62 человека.

Село Максимовка

Основано в 1909 г. Первые переселенцы приехали из Полтавской и Черниговской губерний (Украина). Первоначально село называлось Софиевкой по имени инженера-землеустроителя. Современное название село получило потому, что первые переселенцы были из украинского села Максимовки Полтавской губернии. На 2010 г. в селе проживало около 450 человек.

Расположено в верховьях р. Дим в 39 километрах от районного центра – с. Екатеринославка.

Село Николо-Александровка

Основано в 1901 г. (по другим данным – в 1907 г.) переселенцами из Переясловского уезда Полтавской губернии (Украина). Названо в честь царствовавшего в те годы Николая Александровича Романова.

На 2010 г. в селе проживало около 760 человек.

Село Песчаноозёрка

Основано в 1884 г. переселенцами из с. Кутенёвка Новочеркасской волости Донской губернии. Первоначальное название села – Алексеевка. Настоящее название получило в связи с тем, что недалеко от села находилось озеро с песчаным дном. До революции в селе была церковь.

Расположено на берегу р. Ивановка. На 2010 г. в селе проживало около 760 человек.

Село Переясловка

Основано в 1902 г. переселенцами из Переясловского уезда Полтавской губернии (Украина). В числе первых поселенцев – семьи Сосновских, Вергун, Пацюк, Колосок, Курочка, Юрчук.

На 2011 г. в селе проживало около 160 человек.

Село Покровка

Основано в 1909 г. переселенцами из Переясловского уезда Полтавской губернии (Украина).

На 2010 г. в селе проживало около 180 человек.

Село Преображеновка

Основано в 1889 г. переселенцами из Донской области.

На 2011 г. в селе проживало около 190 человек.

СВОБОДНЕНСКИЙ РАЙОН

Село Гащенко

Основано в 1906 г.

Расположено в 28 км от г. Свободный в долине р. Зеи. На 2004 г. население села – около 160 человек.

Село Гуран

Основано в 1883 г. старообрядцами из Забайкалья. В числе первых поселенцев были семьи Ерофеевых, Рытовых, Кушнарёвых, Тихоновых, Баланёвых. Выходцы из Забайкалья назывались «гуранами» (эвенкийское – «горный козёл»), это прозвище и дало название селу.

Расположено на берегу р. Гуран. На 2009 г. в селе проживало около 230 человек.

Село Дмитриевка

Основано в 1907 г. как деревня Захватная. В 1911 г. получила современное название, данное в честь военного губернатора Амурской области того времени генерал-лейтенанта Дмитрия Васильевича Путяты.

Расположено на берегу р. Большая Пёра в 13 км. от г. Свободный.

Село Желтоярово

Основано в 1900 г. Первые поселенцы – семьи Оленниковых, Баланёвых, Титовых. Село является бывшей центральной усадьбой совхоза «Желтояровский», объединявшего сёла Желтоярово, Гащенко, Заган и Новоникольск Свободненского района.

Расположено в 44 км от г. Свободный на правом берегу р. Зея.

Село Заган

Основано в 1906 г. Первоначальное название – Майориха.

Расположено в 40 км от г. Свободный на правом берегу р. Зея.

Село Загорная Селитьба

Основано в 1891 г. как казачья станица. Название отражает географическое расположение села, т.е. «поселение за возвышенностью», «местность за горой, холмом».

На 2009 г. в селе проживало около 940 человек

Село Зиговка

Основано в 1910 г. переселенцами из южных областей России. Названо по фамилии первых поселенцев – Зиговых.

Расположено в верховьях р. Голубая. На 2009 г. в селе проживало около 200 человек.

Село Климоуцы

Основано в 1908 г. переселенцами из Румынии. В начале 20 в. в село также приезжали крестьяне из Венгрии и Бессарабии.

Село Костюковка

Основано в 1901 г. переселенцами из Могилёвской губернии (Белоруссия). Первыми поселенцами были семьи Банных, Конталёвых, Симаковых.

Расположено в верховьях р. Голубая. На 2009 г. в селе проживало около 700 человек.

Село Москвитино

Основано в 1864 г. Названо в честь землепроходца И.Ю. Москвитина.

Расположено в 40 км. от райцентра по обоим берегам р. Голубая.

Село Новоивановка

Основано в 1907 г.

Расположено в 15 км от г. Свободный на р. Джалунь. На 2009 г. в селе проживало около 600 человек.

Село Разливное (Разливая)

Основано в 1911 г. Название отражает положение села в месте, где разливается река во время наводнения. Первыми жителями села были переселенцы из Украины и Белоруссии.

Располагается в 36 км от г. Свободный рядом с домом отдыха «Бузули».

Село Серебрянка

Основано в 1905 г. переселенцами из с. Серебрянка Киевской губернии Украины.

Расположено в верховьях р. Голубая. На 2009 г. в селе проживало около 170 человек.

Село Сычѐвка

Основано в 1907 г. До 1917 г. было казачьей станицей. Названо в честь атамана Сычѐва.

На 2009 г. в селе проживало около 640 человек.

Село Чембары

Первые поселенцы, приехавшие из Украины и Белоруссии, появились в 1904-1905 гг., официальная дата образования села – 1909 г. Первоначально – с. Степановка, по имени одного из первых переселенцев Степана Алексеенко. Современное название село получило в честь геолога Чембарова, который занимался поисками железной руды и железного колчедана на месте расположения села. Чембаров был влиятельным человеком в г. Алексеевск (ныне г. Свободный) и настоял на переименовании села в свою честь. Это вызвало недовольство у жителей, тем не менее название Чембары было утверждено официально.

По другой версии село основано в 1910 г., название происходит от эвенкийского «чэмбэрэ» – «прилипшая глина» (почвы в окрестностях села являются глинистыми).

Располагается в 32 км от г. Свободный на левом берегу р. Большая Пѐра.

Село Черновка

Основано в 1911 г. Первоначально существовало как разъезд Черновский. Название дано в честь инженера Чернова, руководившего строительством железной дороги на этом участке Транссиба. Первыми жителями села были переселенцы из Украины и Белоруссии (семьи Кабановых, Пчельниковых, Андрияшко).

Располагается в 30 км от г. Свободный на правом берегу р. Большая Пѐра. В селе имеется действующий керамический завод, железнодорожная станция.

Поселок Юхта

Основан в 1926 г. Название эвенкийского происхождения – от слова «юктэ» («ручей, источник»).

Располагается в 17 км от г. Свободный.

ТАМБОВСКИЙ РАЙОН

Село Гильчин

Основано в 1869 г. переселенцами из Тамбовской, Самарской, Воронежской губерний – семьями молокан и духоборов Ланкиных, Мясниковых, Розвезевых, Аистовых, Хлыстовых, Лиштаевых. После 1890 г. в Гильчине появилась и община баптистов. До 30-х гг. XX в. в селе проживали китайцы и корейцы.

На 2005 г. численность населения – около 500 человек.

Село Козьмодемьяновка

Основано в 1887 г. крестьянами, переселившимися из области Войска Донского и Полтавской губернии. До 1891 г. называлось Кутейниково по фамилии помещика, которому принадлежали крестьяне, основавшие село. Название Козьмодемьяновка дано в честь религиозного праздника.

Расположено на берегу р. Гильчин.

Село Косицыно

Основано в 1867 г. молоканами из Тамбовской и Самарской губерний. Название получило по фамилии первопоселенцев Косицыных.

Село Раздольное

Образовано в 1910 г. Первопоселенцы – семья Хлыстова Дмитрия Прокопьевича, сосланная за молоканскую веру. С 1913 г. село стали заселять молоканские семьи Болотовых, Лиштаевых, Саяпиных, Кондрашевых, Розвезевых. В село переселялись и баптисты. В конце 30-х гг. XX в. село пополнилось переселенцами из Украины и Белоруссии.

Расположенное на широкой равнине, среди лугов и полей, село получило название Раздольное. С 1930 г. здесь существует совхоз «Партизан» (ныне агрофирма), поэтому неофициальное название села – Партизан. На 2005 г. численность населения – 2359 человек.

Село Рощино

Основано в 1920 г. как отделение совхоза «Партизан». Село образовано на месте заимки молокан Саяпиных, первоначально поселившихся в расположенном рядом с. Раздольное.

На 2005 г. численность населения – 195 человек.

Село Толстовка

Образовано в 1884 г. молоканами Самарской и Тамбовской губернии. Названо в честь первых поселенцев – братьев Романа Дмитриевича и Семёна Дмитриевича Толстовых.

ШИМАНОВСКИЙ РАЙОН

Село Кухтерин Луг

Основано в 1909 г. Родина первопоселенцев – Белоруссия, Украина, Центральная Россия. По словам старожилов, село названо в честь купца Кухтерина. Неофициальные названия: Кухтерино, Кухтерин. По другим данным название дано в честь главы г. Благовещенск того времени, когда было образовано село – В.М. Кухтерина. Вторая часть названия отражает положение села на открытой местности – лугу.

Расположено на правом берегу р. Зeya в 86 км от г. Шимановск. В советское время в селе располагался лесозаготовительный участок Зейского леспромхоза, завод по изготовлению шпал.

Село Ураловка

Село образовано в 1912 г. Первыми поселенцами были семьи Пискуновых, Власовых, Соколовых, Иванниковых, Бушмакиных, Дмитриюк, Сидорюк. Родина первопоселенцев – Белоруссия, Украина, центральная Россия. Название, согласно одной из версий, дано по имени речного судна «Урал», которое простояло около села две недели из-за убытия воды в реке.

Располагается в 90 км от г. Шимановск на левом берегу р. Зeya. В советское время в селе находился лесопункт Зейского леспромхоза.

Село Чагоян

Основано в 1910 г. на месте стойбища манегров (тунгусо-язычного племени). Раннее название – Михайловское. Современное название дано селу в 1912 г. (монгольское «цаган» – «белый»; в том месте, где расположено село, берега Зеи сложены белым известняком). По другим версиям, название села происходит от китайских слов «чага» (известь) и «ян» (есть) или от имени китайского купца-промышленника Ча Го Яна. Первые поселенцы – семьи Кухлиных, Нетунаевых, Мищенко.

Расположено в 45 км от г. Шимановск на берегу р. Зeya, где находится каменный карьер по разработке известняка.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИНФОРМАНТАХ

Абраменко Мария Парфёновна, 1910 г.р. Родилась в Амурской области. Родители переселились в с. Невер Сквородинского района в 1906 г. из Украины. С 1951 г. проживает в с. Чагойн Шимановского района.

Борисова Неонила Максимовна, 1931 г.р. Родилась в с. Татакан Архаринского района Амурской области. С 1981 г. проживает в с. Грибовка Архаринского района. Родители переселились на Дальний Восток из Белоруссии.

Брулёва Мария Григорьевна, 1926 г.р. Родилась в с. Новоандреевка Белогорского района. С 2008 г. проживает в г. Екатеринбург.

Гребенщикова Степанида Евстафьевна, 1927 г.р. Родилась и проживает в с. Новоандреевка Белогорского района Амурской области. Мать приехала в Амурскую область из Забайкалья.

Доценко Лукерья Степановна, 1938 г.р. Родилась в с. Панино Октябрьского района. Проживает в с. Максимовка Октябрьского района. Мать украинка, отец белорус.

Добычин Валентин Иванович, 1937 г.р. Родился в Казахстане. С 1994 г. проживает в с. Черновка Свободненского района.

Ерофеева Фекла Гурьяновна, 1925 г.р. Родилась и проживает в с. Заган Свободненского района. Родители приехали в Амурскую область из Забайкалья (деревня Кунгалей).

Колесников Иван Степанович, 1925 г.р. Родился и проживает в с. Черновка Свободненского района. Родители приехали в Амурскую область из Белоруссии в 1911 г.

Лощенко Валентина Епифановна, 1937 г.р. Родилась и проживает в с. Новоандреевка Белогорского района Амурской области. Родители отца переселились в село из Забайкалья. Мать родилась в с. Натальино Благовещенского района.

Лощенко Евдокия Павловна, 1934 г.р. Родилась и проживает в с. Новоандреевка Белогорского района Амурской области.

Лощенко Николай Савельевич, 1931 г.р. Родился и проживает в с. Новоандреевка Белогорского района Амурской области. Родители отца переселились в село из Забайкалья.

Морозова Любовь Романовна, 1916 г.р. Родилась в с. Чембары Свободненского района. Проживает в с. Черновка Свободненского района. Родители украинцы.

Наконечникова Елена Анисимовна, 1934 г.р. С 1951 г. проживает в с. Чагойн Шимановского района. Отец родом из Белоруссии. Мать родилась в Амурской области, её родители переселились на Дальний Восток в 1906 г.

Остапенко Мария Васильевна, 1919 г.р. Родилась и проживает в с. Песчаноозёрка Октябрьского района. Мать переселилась из Украины, отец – из Саратовской губернии.

Петрова Мария Ефимовна, 1930 г.р. Родилась и проживает в с. Новоандреевка Белогорского района Амурской области. Мать родилась в с. Натальино Благовещенского района Амурской области, её родители переселились из Забайкалья, родители отца также приехали в Новоандреевку из Забайкалья.

Плакса Мария Кузьминична, 1920 г.р. Родилась в Воронежской области. С 1964 г. проживает в с. Черновка Свободненского района. Родители украинцы.

Рагушкина Пелагея Петровна, 1921 г.р. Родилась в с. Краснознамя Рязанской обл. С 1939 г. проживает в с. Новоивановка Свободненского района.

Свинкин Федор Исаакович, 1930 г.р. Родился и проживает в с. Заган Свободненского района Амурской области. Родители переселились из Забайкалья.

Свинкина Октябрина Ивановна, 1936 г.р. Родилась и проживает в с. Заган Свободненского района Амурской области. Мать родилась в с. Бирма Свободненского района, отец – в с. Заган Свободненского района.

Селенчук Анна Иннокентьевна, 1935 г.р. Родилась и проживает в с. Черновка Свободненского района.

Сергеева Вера Прохоровна, 1937 г.р. Родилась в с. Николо-Александровка Октябрьского района. Проживает в с. Покровка Октябрьского района. Родители родились на Украине.

Сергиенко Анна Кондратьевна, 1920 (?) г.р. Родилась и проживает в с. Кухтерин Луг Шимановского района. Родители приехали из Украины в 1909 (?) г.

Федирко Анисья Андреевна, 1930 г.р. Родилась и проживает в с. Максимовка Октябрьского района. Мать и отец переселились в 1906 г. из Харькова (Украина).

Хабарова Екатерина Федоровна, 1944 г.р. С 1959 г. проживает в с. Черновка Свободненского района.

Хлыстов Михаил Власович, 1923 г.р. Родился в с. Казанка Серьшевского района. Проживает в с. Черновка Свободненского района. Родители приехали в Амурскую область из Белоруссии в 1909 г.

Цю Цзиньсю, 1930 г.р. Родилась и проживает в с. Бяньцзян уезда Сюнькэ провинции Хэйлуцзян. Мать русская, отец китаец.

Чан-сы-чан Иван Михайлович, 1935 г.р. Родился в с. Чугуевка Чугуевского района (Приморский край). С 1965 г. проживает в пос. Климоуцы Свободненского района. Отец китаец, родился в провинции Шаньдун (КНР). Родители матери – гольды (народность тунгусо-маньчжурской языковой группы, представители которой до начала 20 века жили в пределах Дальневосточного края в бассейне р. Амур).

Чеушева Мария Степановна, 1929 г.р. Родилась в Калужской области. С 1950 г. проживает в с. Грибовка Архаринского района.

Шмендель Марфа Яковлевна, 1917 г.р. Родилась в Брянской области. С 1965 г. проживает в с. Красный Луч Архаринского района.

Юдина Пелагея Григорьевна, 1930 г.р. Родилась в г. Курске. Проживает в с. Великокнязевка Белогорского района Амурской области.

СОБИРАТЕЛИ ДИАЛЕКТНОГО И ФОЛЬКЛОРНОГО МАТЕРИАЛА

2000

Руководитель:

Оглезнева Елена Александровна

Преподаватели и студенты:

Акуленко Ольга

Дементьева Олеся

Дьяченко Наталья

Иванова Наталья Владимировна

Капустина Лариса

Моргунова Людмила

Попович Раиса

Старновская Татьяна

Тахаева Зинаида Ивановна

Туякова Анастасия

Ющенко Делина

2001

Руководители:

Оглезнева Елена Александровна

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Белуха Наталья

Гирько Ирина

Грибкова Елена Викторовна

Зайцева Диана

Зенкова Оксана

Иванова Оксана Сергеевна

Кузнецова Ирина

Мальцева Елена

Мельникова Оксана

Назаренко Ольга

Назарова Татьяна

Нифонтова Евгения

Оглых Ирина

Федотова Марина

Хакимова Лариса

Хорош Наталья

2002

Руководители:

Оглезнева Елена Александровна

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Аркатова Татьяна

Волегов Сергей Владимирович

Галимова Дарья Николаевна

Зверева Оксана

Игнатенко Светлана

Ляшенко Мария

Пасемина Екатерина

Поздняк Елена

Полищук Татьяна

Полякова Яна

Радкевич Наталья

Степанова Ирина

Суховой Екатерина

Фомичева Татьяна

2003

Руководители:

Оглезнева Елена Александровна

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Базарова Светлана

Волгузова Татьяна

Волошина Екатерина

Галимова Дарья Николаевна

Земерс Нелли

Калачева Александра

Лоцилина Юлия

Павлова Анастасия

Семенов Максим

Сиротина Евгения

Шакун Татьяна

Шеина Надежда

2004

Руководитель:

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Абрамкина Анна

Алферова Ирина

Галимова Дарья Николаевна

Гордеева Светлана

Гребенникова Екатерина

Краснощёка Ольга

Павлова Анастасия

Пушкарёва Ксения

Русанова Ольги

Сибяева Наталья

Собка Вероника

Степанова Юлия

Филина Анастасия

Хромов Максим

Шакун Татьяна

2005

Руководитель:

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Галимова Дарья Николаевна

Горлова Лариса

Губерштро Людмила

Зими́на Алена

Крыжанская Ксения

Мисак Анна

Павлова Анастасия

Радченко Оксана

Скрябина Анна

Трунова Мария

Хлебникова Ольга

2006

Руководители:

Архипова Нина Геннадьевна
Оглезнева Елена Александровна

Преподаватели и студенты:

Бибик Евгения
Ватуля Татьяна
Галимова Дарья Николаевна
Горлова Лариса
Губерштро Людмила
Жаркова Елена
Казакбаева Наталья
Капшук Елена
Кривенко Ксения
Курсакова Светлана
Мисак Анна
Павлова Анастасия
Рачко Елена Евгеньевна
Сидорова Евгения
Силантьева Светлана
Скрябина Анна
Старыгина Галина Михайловна
Степанова Ирина
Трунова Мария
Хлебникова Ольга
Ширяева Светлана

2007**Руководитель:**

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Башмакова Татьяна
Иванова (Егоренко) Ольга
Ковалёва Анастасия
Котова Олеся
Крюкова Дарья
Лагута Нина Владимировна
Максимова Татьяна
Павловская Светлана
Рачко Елена Евгеньевна
Старыгина Галина Михайловна
Фролова Кристина
Хисматуллин Алексей
Цирульников Екатерина
Чапайкина Нина
Шевченко Александр

2008**Руководители:**

Старыгина Галина Михайловна
Рачко Елена Евгеньевна

Студенты:

Грищенко Ирина
Дорофеевская Валерия
Коваленко Анна
Кострыба Юлия
Лушникова Дарья
Перова Надежда
Прядкина Наталья

Феньева Дарья
Ямщикова Татьяна

2009**Руководители:**

Архипова Нина Геннадьевна
Галимова Дарья Николаевна
Лагута Нина Владимировна
Оглезнева Елена Александровна
Рачко Елена Евгеньевна
Старыгина Галина Михайловна

Студенты:

Андреева Екатерина
Безнигаева Марина
Белоусова Евгения
Волкова Дарья
Гавриленко Ольга
Девочкин Артем
Зубарева Регина
Зуева Анна
Колосова Анастасия
Кугай Евгения
Лавриченко Мария
Мишун Екатерина
Недзельская Юлия
Неупокоева Евгения
Омарова Валентина
Попова Татьяна
Пудова Мария
Сазонова Юлия
Трошина Валентина
Тушканова Валерия
Юрьева Анна

2010**Руководители:**

Галимова Дарья Николаевна
Оглезнева Елена Александровна

Преподаватели и студенты:

Безнигаева Марина
Блохинская Алёна Владимировна
Волкова Дарья
Ердакова Дарья
Клименко Дарья
Ключко Мария
Колосова Анастасия
Косенко Марина
Кружкова Светлана
Кузьменко Мария
Мусатова Екатерина
Самойленко Татьяна
Самсонова Александра
Тарасова Алина
Тибейкина Дарья
Трошина Валентина
Часовских Надежда
Чекотина Александра

2011

Руководители:
Галимова Дарья Николаевна
Лагута Нина Владимировна
Преподаватели студенты:
Блохинская Алёна Владимировна

Потапова Анастасия
Самойленко Татьяна
Старыгина Галина Михайловна
Харлова Ирина
Шамакова Елена

АВТОРЫ

АЗАРЕНКО ОКСАНА СЕРГЕЕВНА, учитель русского языка и литературы МОБУ СОШ № 10 г. Благовещенск, редактор газеты «Амурский университет».

АЛЕКСЕЕВА ГАЛИНА КУЗЬМИНИЧНА, учитель русского языка и литературы МОБУ СОШ № 2 г. Благовещенск, имеет звания «Отличник народного просвещения», «Заслуженный учитель школы Российской Федерации».

E-mail: charli71@mail.ru

АРХИПОВА НИНА ГЕННАДЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка АмГУ, старший научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

E-mail: charli71@mail.ru

БЕЛОУСОВА ЕВГЕНИЯ ВАЛЕРЬЕВНА, выпускница филологического факультета АмГУ 2012 г.

БЛОХИНСКАЯ АЛЁНА ВЛАДИМИРОВНА, ассистент кафедры русского языка АмГУ, младший научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики, аспирант АмГУ.

E-mail: alyonushka06@mail.ru

БОРОДАТОВ АРТЁМ ВАСИЛЬЕВИЧ, технический сотрудник отдела по связям с общественностью АмГУ, технический сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

E-mail: borodatov_artem@mail.ru

ВАСИЛЬЕВ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета.

E-mail: wwpetrovich@rambler.ru

ВАСИЛЬЕВА ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета.

E-mail: wwpetrovich@rambler.ru

ГАЛИМОВА ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка АмГУ, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

E-mail: darja_galimova@mail.ru

ГАЛУЗА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Благовещенского государственного педагогического университета.

E-mail: vladimirgaluza@rambler.ru

ГОРДЕЕВА СВЕТЛАНА ВИТАЛЬЕВНА, старший преподаватель факультета русского языка Хэйхэйского университета (КНР), аспирант АмГУ.

E-mail: swetl.gordeewa2010@yandex.ru

КАЛИНИНА ЕЛЕНА ЛЕОНИДОВНА, доцент кафедры русского языка Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск).

E-mail: lkalinina888@mail.ru

КАСИМОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА, советник главы Благовещенского района Амурской области, аспирант АмГУ.

E-mail: kat-ppppp@yandex.ru

КИРПИКОВА ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Благовещенского государственного педагогического университета.

ЛАГУТА НИНА ВЛАДИМИРОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка АмГУ, старший научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

E-mail: nlaguta@mail.ru

НЕРОНОВА НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент. Япония (Сайджо) – Россия (Южно-Сахалинск).

E-mail: nneronova@mail.ru

ОГЛЕЗНЕВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка АмГУ, руководитель лаборатории региональной лингвистики.

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

СОСИНА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА, старший преподаватель кафедры русского языка АмГУ, внештатный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

E-mail: na_sosina@mail.ru

СТАРЫГИНА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка АмГУ, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

E-mail: starygina36@mail.ru

ЦЗЯН ИН, старший преподаватель факультета русского языка Хэйхэйского университета (КНР), аспирант АмГУ.

E-mail: jy83626@163.com

ШЕСТОВЕЦ ДАРЬЯ, ученица четвертого класса МОУ СОШ № 4 г. Шимановск Шимановского района Амурской области.

Амурский государственный университет
Кафедра русского языка
Лаборатория региональной лингвистики

Адрес: 675027, Амурская обл., Благовещенск,
Игнатьевское шоссе, 21
Тел.: (4162)394583;
(4162)394588
Факс: (4162)367353
E-mail: slovoamgu@yandex.ru

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово», посвященном проблемам русской диалектологии, лингвофольклористики и этнолингвистики. Альманах «Слово» – это продолжающееся научное издание кафедры русского языка Амурского государственного университета.

В альманахе публикуются статьи и материалы следующей тематики:

- ☞ *История формирования русских народных говоров*
- ☞ *Русские говоры на рубеже XX-XXI веков*
- ☞ *Язык традиционного и современного фольклора*
- ☞ *Лингвогеографический аспект изучения русских народных говоров*
- ☞ *Русские говоры в условиях языкового контакта*
- ☞ *Диалектная лексикография*

Альманах будет сопровожден звуковым приложением на компакт-диске.

Требования к публикации

Объем статьи — до 0,5 п.л. (12 стр. по 1800 знаков в каждой), шрифт Time New Roman, формат – RTF, кегль – 14, интервал 1,5.

Статья должна сопровождаться краткой аннотацией на русском и английском языках, ключевыми словами на английском языке, иметь код универсальной десятичной классификации (УДК). Необходимо указать название статьи и фамилию автора на английском языке.

Сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, должность, ученая степень, ученое звание, полное название организации, адрес, телефон, e-mail.

Для отражения особенностей диалектной речи используйте следующий набор символов:

знак	звук	шрифт
Ү ү	г фрикативный	Symbol
ӱ	в билабиальный	Times New Roman
Ẁ ẁ	в губно-губной	Times New Roman
ə	средний гласный	Tahoma

Для отображения ударных гласных используйте шрифт **Times New Roman Cyrillic Accent** Все указанные символы вставляйте в текст командой (*вставка > символ*).

Иллюстрации и диаграммы вставляйте в текст в виде предварительно подготовленных изображений (*вставка > рисунок > из файла*), а не создавайте средствами MS Word.

Требования обусловлены особенностями электронной версии альманаха, верстка которой осуществляется в формате **html**.

При наличии звукового фрагмента к статье присылайте его на компакт-диске (параметры аудиозаписи: **.mp3** [минимум 44kHz, 192kbps] или **.wav**) или укажите адрес в Интернет, откуда может производиться копирование Вашего звукового фрагмента.

Статьи присылайте до 1 сентября по адресу: Благовещенск Амурской обл., 675027, Игнатъевское шоссе, 21, кафедра русского языка, Архиповой Нине Геннадьевне или по электронной почте: slovoamgu@yandex.ru; charli71@mail.ru
Авторские экземпляры будут высылаться бесплатно.

Желающие приобрести уже вышедшие из печати выпуски, а также другие издания кафедры могут сделать заказ по адресу: 675027, Амурской обл., Благовещенск, Игнатъевское шоссе, 21, кафедра русского языка или по электронному адресу: slovoamgu@yandex.ru

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып.1. Фольклор. 2003 (стоимость – 100.00 руб.); ISBN 5-93493-037-0;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 3. Формы существования современного русского языка. Сборник научных статей. 2005 (стоимость – 100.00 руб.)

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 4. Амурское старообрядчество: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора. 2006 (стоимость – 150.00 руб.); ISBN 5-93493-068-0;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье. 2008 (стоимость – 200.00 руб.); ISBN 5-93493-125-5;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 7. Речевой портрет семьи. Речевые жанры. Лингвогеография. Словарь. Язык фольклора. 2009 (стоимость – 200.00 руб.); ISBN 5-93493-125-5;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. 2011. (стоимость – 400.00 руб.) ISSN 2221-5220

Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: АмГУ, 2007. 264 с. ISBN 978-5-93493-070-2 (стоимость – 200.00 руб.)

Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: АмГУ, 2009. 352 с. ISBN 978-5-93493-122-4 (стоимость – 250.00 руб.)

Языковой портрет Приамурья: монография / Под ред. Л.М. Шипановской. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. 223 с. (стоимость – 150.00 руб.)

Издания высылаются наложенным платежом (+ почтовые расходы), авторские экземпляры – бесплатно.

По желанию можно заказать компакт-диск, содержащий электронную версию альманаха, а также фото, видео и аудиофайлы (для выпусков 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9)

Стоимость компакт-диска – 50 руб.

Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора (2005)

Вып. 5. Амурские молокане: речевые портреты. Речевые жанры. Лингвогеография. Словарь. Язык фольклора (2007)

Вып. 8. Русско-китайское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе (2010) существуют только в *электронном* формате.

*Амурский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка*

предлагает обучение

по направлению подготовки 031600.62

«РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ»

Квалификация БАКАЛАВР

Срок обучения: 4 года, очно

Область профессиональной деятельности выпускников по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью» включает:

- государственные структуры федерального, регионального, местного уровней;
- негосударственные учреждения и организации, общественные организации, СМИ;
- консалтинговые агентства, рекламные агентства, агентства по связям с общественностью, коммуникационные агентства;
- учреждения и организации политической, экономической, социальной, образовательной, научной, производственной, сервисной, культурной и других областей и сфер;
- рекламные подразделения и подразделения связей с общественностью коммерческих фирм и других организаций в различных сферах деятельности и различных отраслях народного хозяйства.

По окончании обучения вы можете продолжить свое образование в магистратуре АмГУ, а после окончания магистратуры – в аспирантуре по различным специальностям гуманитарного профиля.

Будущая профессиональная деятельность:

- управление и организация работы рекламных служб и служб по связям с общественностью
- планирование и контроль рекламной работы
- мероприятия по повышению имиджа организации, продвижению товаров и услуг на рынке
- проектирование программ и мероприятий в области рекламы и связи с общественностью
- разработка и подготовка к выпуску, производство и распространение рекламной продукции, презентационных материалов

Возможности студентов:

- участие во Всероссийских олимпиадах, международных, Всероссийских и региональных стипендиальных программах (Благотворительный фонд В. Потанина, стипендия Муравьева-Амурского, стипендия ректора АмГУ и др.);
- проведение собственных научных исследований (научные конференции, публикации, аспирантура);
- участие во всероссийских, областных конкурсах рекламы, Днях рекламы и PR, выездных PR-школах, проводимых в Амурском государственном университете;

➤ самореализация в творческих коллективах факультета и университета (команда КВН, художественные конкурсы, студенческие театры «Глобус» и «М.и.р.», танцевальные и вокальные коллективы и др.);

➤ реализация организаторских и лидерских способностей (работает студенческий актив).

Студенты, обучающиеся по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью», изучают следующие дисциплины:

- основы теории коммуникации,
- теория и практика связей с общественностью,
- социология и психология массовой коммуникации,
- основы менеджмента,
- основы маркетинга,
- реклама в коммуникационном процессе,
- имиджелогия,
- язык рекламы,
- организация работы отдела по связям с общественностью,
- современная пресс-служба,
- проведение PR-кампаний,
- дизайн в рекламе,
- PR-технологии в переговорном процессе,
- PR-технологии в избирательной кампании и др.

За время обучения студенты проходят учебные и производственные практики, места проведения которых могут стать потенциальным местом трудоустройства выпускников: отделы по связям с общественностью и рекламе в государственных и негосударственных структурах, рекламные агентства, СМИ и др.

Для поступления необходимо сдать ЕГЭ по следующим предметам:

Русский язык; **Обществознание** (профилирующий предмет); История

Наш адрес:

675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, АмГУ,
7 корпус, ауд.407 (кафедра русского языка)

Сайт университета: www.amursu.ru

Зав.кафедрой русского языка

Елена Александровна Оглезнева

☎: (4162) 394-583

ПРИХОДИТЕ УЧИТЬСЯ К НАМ!

**МЫ ЖДЕМ ТВОРЧЕСКИХ, КРЕАТИВНЫХ,
ПОЗИТИВНЫХ СТУДЕНТОВ,
КОТОРЫХ НАУЧИМ ДЕЛАТЬ МИР ЯРЧЕ!**

Амурский государственный университет
Филологический факультет
предлагает обучение
по направлению подготовки 032700.62
«ФИЛОЛОГИЯ»

Квалификация БАКАЛАВР

Срок обучения 4 года, очно

Ты по складу гуманитарий, но не решаешься поступать на филологию, думая, что сегодня филолог не востребован на рынке труда?

Ты ошибаешься!

Наше время – это время информации, которую нужно уметь грамотно донести до адресата и тем самым достичь целей общения.

Наше время – это время жесткой конкуренции, поэтому очень важно уметь правильно сформировать общественное мнение.

А кто, как не **ФИЛОЛОГ**, владеет искусством убеждения!

Кто, как не **ФИЛОЛОГ**, знаток языка и литературы, умеет обращаться со СЛОВОМ, обеспечивая тем самым высокое качество любой речевой коммуникации!

Кроме того, *филологическое образование* предполагает получение большого культурного опыта человечества, что неизбежно меняет наших студентов в личностном плане, делая их людьми утонченными в восприятии мира, интересными собеседниками, хорошими психологами.

В наше время выпускник филологического факультета найдет применение своим знаниям в самых разнообразных *сферах деятельности*:

- учреждениях науки, образования и управления;
- отделах по связям с общественностью и рекламе;
- пресс-службах;
- средствах массовой информации;
- редакциях и издательства;
- общественных организациях;
- учреждениях культуры – литературных музеях, архивах, библиотеках и др.

Итак, направление подготовки – **ФИЛОЛОГИЯ**

Изучаемые дисциплины

История русской и зарубежной литературы, современный русский язык и его история, основы филологии, введение в языкознание, введение в литературоведение, устное народное творчество, введение в теорию коммуникации, введение в славянскую филологию, стилистика русского языка, современные информационные технологии в лингвистических исследованиях, древние языки (латинский, старославянский), социолингвистика, практическая риторика, история и теория литературной критики, основы деловой коммуникации, основы теории текста и др.

Обучение по направлению подготовки «Филология» ведут квалифицированные преподаватели – доктора и кандидаты наук, являющиеся специалистами в области русского языка и литературы.

Выпускники бакалавриата по направлению подготовки «Филология» имеют возможность продолжить свое обучение **в магистратуре** по программам подготовки «Язык рекламы и PR-коммуникации», «Русский язык в межкультурной коммуникации», «Филологическое обеспечение международных культурных связей», «Издательское дело».

По окончании магистратуры возможно продолжить образование в **аспирантуре** по специальностям «Русский язык», «Теория и история культуры», «Социальная философия», «Философия религии и религиоведения».

Кафедры сотрудничают со специалистами из ведущих университетов страны (Москва, Томск, Красноярск, Улан-Удэ) и с зарубежными вузами и научными центрами (Германия, КНР, США, Франция).

Возможности студентов во время обучения в университете:

➤ участие во Всероссийских олимпиадах, международных, Всероссийских и региональных стипендиальных программах (Благотворительный фонд В. Потанина, стипендия Н.Н. Муравьева-Амурского, стипендия ректора АмГУ, стипендия Губернатора и др.), конкурсах грантов;

➤ проведение собственных научных исследований, результатом которых могут быть выступления на научных конференциях и научные публикации;

➤ участие в творческих коллективах университета: команде КВН, студенческих театрах «Глобус» и «М.и.р.», танцевальных и вокальных коллективах и др.

Условия обучения

Обучение проходит в оборудованных аудиториях новых учебных корпусов. В распоряжении студентов – Научная библиотека АмГУ, лингафонные кабинеты, компьютерные классы, научные лаборатории.

Университет располагает спортивным комплексом, строится бассейн.

Культурная жизнь сосредоточена в новом Общественно-культурном центре АмГУ.

Иногородним студентам предоставляется общежитие.

Для поступления необходимо сдать ЕГЭ по следующим предметам:

Русский язык; **Литература** (профилирующий предмет); История

Наш адрес: 675027, г.Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, АмГУ,

корпус 7, ауд.407 (кафедра русского языка), ☎: (4162) 394-583

E-mail: slovoamgu@yandex.ru

корпус 8, ауд. 503 (кафедра литературы и мировой художественной культуры)

☎: (4162) 394-582; E-mail: muza207@mail.ru

Сайт университета: www.amursu.ru

*Мы ждем на факультете людей, понимающих и любящих СЛОВО,
верящих в его непреходящую силу,
готовых улучшать мир своими познаниями в области филологии!*

Амурский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка

предлагает обучение по направлению подготовки 031600.68

«РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ»

специализированная программа «ЭКСПЕРТИЗА РЕКЛАМЫ И PR-ПРОДУКТОВ»

Квалификация МАГИСТР

Срок обучения 2 года, очно

➤ Хотите профессионально разбираться в современных технологиях в области рекламы и PR?

➤ Хотите выступать квалифицированным экспертом рекламных и PR-продуктов?

Поступайте к нам в магистратуру!

Вы получите знания и профессиональные навыки в области современной рекламной и PR-коммуникации, что позволит Вам реализовать себя профессионально в этой сфере деятельности, а также выступать квалифицированными экспертами рекламных и PR-продуктов.

Это особенно актуально в современный период, характеризующийся жесткой конкуренцией товаров и услуг, сопровождаемой рекламными кампаниями и PR-акциями, которые даже в этих условиях должны соответствовать правилам цивилизованного общества. Квалифицированная экспертиза такого соответствия с учетом правовых, психологических, языковых и других составляющих – то основное профессиональное умение, которое формируется в процессе освоения нашей магистерской программы.

По завершении обучения вы получите диплом магистра государственного образца, который позволит применить вам свои знания в любом уголке нашей страны и за рубежом.

В магистратуру принимаются лица, имеющие дипломы российских вузов, подтверждающие квалификацию бакалавра или специалиста (*по любой специальности или направлению подготовки*) или дипломы других государств, эквивалентные российским.

Вступительные испытания: *тест по русскому языку с последующим собеседованием.*

Перед тестом проводится консультация. Планируется проведение подготовительных занятий для поступающих в магистратуру.

Обучение в магистратуре предполагает аудиторные занятия (14 часов в неделю в вечернее время) и самостоятельную работу, включая научно-исследовательскую, проектную, производственную практики.

Завершается обучение защитой магистерской диссертации.

Возможно дальнейшее продолжение образования в аспирантуре.

Дисциплины учебного плана магистратуры по специализированной программе подготовки магистров «Экспертиза рекламы и PR продуктов»:

▪ *Теория текста, Теория речевого воздействия, Активные процессы в современном русском языке, Языковая прагматика, Лингвистическая экспертиза рекламы и PR-текстов, Психология массовой коммуникации, Психология рекламы, Психологическая экспертиза рекламы и PR-текстов, Правовая экспертиза рекламы и PR-продуктов, Основы юрислингвистики, Нейролингвистическое программирование, Стилистика и литературное редактирование, Язык рекламы, Основы копирайтинга, Имиджелогия, Конфликтология, Теория и практика PR, Теория и практика рекламы, Коммуникационный менеджмент, Репутационный менеджмент, Теория и практика массовой информации, Экономические основы массовой коммуникации, Организация и проведение кампаний по рекламе и связям с общественностью, Реклама и PR в Интернете, Информационные технологии в рекламе и PR, Семиотика*

социальной коммуникации, Медиапланирование в рекламе и PR, Иностранный язык, Коммуникативно-риторический практикум.

Объектами профессиональной деятельности магистров по направлению подготовки 031600.68 – «Реклама и связи с общественностью» являются государственные структуры, негосударственные общественные организации, коммерческие учреждения, средства массовой информации.

Магистр готовится к следующим видам профессиональной деятельности:

- **организационно-управленческой:** управление коммуникационными службами рекламы и PR фирмы и организации, контроль и оценка эффективности деятельности организации в области рекламы и PR;

- **коммуникационной:** руководство проектированием, подготовкой и реализацией коммуникационных кампаний, создание эффективной коммуникационной инфраструктуры организации;

- **проектной:** разработка стратегических рекламных и PR-концепций и оценка их качества и эффективности;

- **информационно-аналитической:** проведение исследований, анализ и интерпретация первичной и вторичной информации, связанной с рекламой и PR, составление экспертных заключений и аналитических рекомендаций по оптимизации рекламной и PR-деятельности, проведение консультационной работы по вопросам рыночных и социальных отношений в области рекламы и PR;

- **научно-исследовательской и педагогической:** выявление тенденций, динамики процессов и инновационных явлений рекламного характера, определение проблем, подбор методик проведения рыночных и социологических исследований, анализ и интерпретация результатов, подготовка публикаций, прогнозов по результатам выполненных научно-практических исследований в сфере рекламных и PR-коммуникаций.

(Выписка из Федерального государственного стандарта направления подготовки магистра по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью»)

Что для меня магистратура? Я решила поставить перед собой задачу, выполнение которой открыло бы новые грани моих возможностей. Содержание обучения настолько интересно и разнообразно, красота и гармония внутреннего мира преподавателей настолько ощутимы, что уходит ментальная ограниченность, жизнь наполнена новым смыслом, и ценным становится понимание: счастье, что много дней еще впереди! Для меня магистратура - это возвышенное сознание!

Любовь Крачкова, гр. 298-ом

Для меня магистратура – это одна из самых популярных и престижных сегодня форм обучения. За годы обучения в вузе все стало родным и знакомым, поэтому я решила продолжить обучение в магистратуре. Здесь я познакомилась с интересными людьми, приобрела достаточно знаний и навыков, которые мне уже пригодились и, не сомневаюсь, пригодятся еще в будущем. В целом для меня магистратура стала территорией успеха

Регина Шохирева, гр. 298-ом

От преподавателей добавим, что магистратура – это действительно новый, более высокий уровень образования, который, с одной стороны, обязывает нас быть на высоте современных знаний и образовательных технологий, а с другой стороны – дарит действительно счастье от сотворчества с благодарной, знающей и пытливым аудиторией.

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Наш адрес: 675027, Амурская обл., г. Благовещенск, ул. Игнатьевское шоссе, 21.

Тел.факс (4162)39-45-25, тел. (4162)39-46-86.

Сайт АмГУ: www.amursu.ru

Кафедра русского языка: учебный корпус №7, ауд. 407, тел. 8(4162)39-45-83,

e-mail: slovoamgu@yandex.ru

Амурский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка
предлагает обучение по направлению подготовки 032700.68
«ФИЛОЛОГИЯ»

специализированная программа

«РУССКИЙ ЯЗЫК В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ»

Квалификация МАГИСТР

Срок обучения 2 года, очно

- Вы хотите преподавать русский язык иностранцам и делать это на высоком научном и методическом уровне?
- Вы хотите профессионально разбираться и выступать экспертом в вопросах межкультурного и межъязыкового взаимодействия?

Мы поможем Вам в этом в магистратуре Амурского государственного университета по филологии.

Вы получите фундаментальные знания и профессиональные навыки в области современной межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Это особенно актуально на российском Дальнем Востоке и в приграничных странах Азии – в регионах тесного межъязыкового и межкультурного взаимодействия.

Квалификация магистра по указанной программе позволит успешно преподавать русский язык как иностранный в зарубежных странах, занимать руководящие должности в сфере образовательных и культурных международных связей, заниматься научно-исследовательской деятельностью.

В магистратуру принимаются лица, имеющие дипломы российских вузов, подтверждающие квалификацию бакалавра или специалиста (**не обязательно по филологии**), или дипломы других государств, эквивалентные российским.

По завершении обучения вы получите диплом магистра государственного образца, который позволит успешно преподавать русский язык как иностранный в зарубежных странах и в России.

Обучение в магистратуре предполагает аудиторные занятия (14 часов в неделю в вечернее время) и самостоятельную работу, включая научно-исследовательскую, проектную, педагогическую практики

Завершается обучение защитой магистерской диссертации. Возможно дальнейшее продолжение образования в аспирантуре.

Вступительные испытания: *тест по русскому языку с последующим собеседованием*
Перед тестом проводится консультация. Планируется проведение подготовительных занятий для поступающих в магистратуру.

Руководитель магистерской программы Елена Александровна Оглезнева – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Амурского государственного университета, автор книг «Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания» (2007), «Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине)» (2009), в 1998-1999 гг. преподавала русский язык в главном вузе Китая – Пекинском университете.

Дисциплины учебного плана магистратуры по специализированной программе подготовки магистров «Русский язык в межкультурной коммуникации»:

▪ *Филология в системе современного гуманитарного знания, Теория коммуникации, Теория текста, Теория дискурса и основы дискурсивного анализа, Языковая прагматика, Активные процессы в современном русском языке, Межкультурная коммуникация, Этно-*

психология, Информационные технологии, Деловой иностранный язык, Филологический анализ текста в иноязычной аудитории, Методика обучения русскому языку как иностранному (РКИ), Моделирование учебного процесса, Теория и практика лингводидактического тестирования, Практическая стилистика в изучении РКИ, Практикум по произношению и интонированию, Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного, Язык СМИ / Лингвокультурология, Сопоставительное языкознание, Педагогика, Психология коммуникации / Возрастная психология, Лексикографические источники в преподавании РКИ, Имиджелогия в сфере межкультурной коммуникации, Гуманитарная семиотика, Спецкурсы, спецсеминары и мастер-классы.

Практики: научно-исследовательская, педагогическая (в вузах КНР), практика по педагогическому проектированию.

Объектами профессиональной деятельности магистров по направлению подготовки 032700.68 – «филология» являются различные типы текстов – письменных, устных и виртуальных (включая гипертексты и текстовые элементы мультимедийных объектов); устная и письменная коммуникация.

Опыт подготовки магистров на кафедре русского языка Амурского государственного университета показывает высокую заинтересованность магистрантов в получении специализированных знаний, творческий подход к процессу обучения. Это вполне объяснимо: в магистратуру идут осознанно с целью повысить свой профессиональный уровень или получить новые знания дополнительно к имеющемуся базовому образованию.

➤ *Магистратура – это возможность расширить круг знаний и поднять на более высокий уровень свою профессиональную планку. А еще это возможность перенять знания и опыт профессионалов, встречи с интересными людьми и радость общения с коллегами-магистрантами.*

Светлана Калугина, гр. 198-ом

➤ *Обучение в магистратуре – это интересно и перспективно, к тому же очень удобно учиться по очной форме вечером после работы. В магистратуре многое приходится изучать самостоятельно, а это учит мыслить системно, анализировать, ответственно относиться к выполнению заданий, что потом переносится и на работу.*

Ольга Хлебникова, гр. 198-ом

➤ *Для меня магистратура – это любимые преподаватели, захватывающая учёба и возможность снова почувствовать себя студентом.*

Михаил Заремба, гр.198-ом

От преподавателей добавим, что магистратура – это действительно новый, более высокий уровень образования, который, с одной стороны, обязывает нас быть на высоте современных знаний и образовательных технологий, а с другой стороны, – дарит действительно счастье от сотворчества с благодарной, знающей и пытливей аудиторией.

Международные контакты – на новый уровень!

Наш адрес:

Почтовый адрес: Россия, 675027, Амурская обл., г. Благовещенск, ул. Игнатьевское шоссе, 21.

Тел.факс (4162)39-45-25, тел. (4162)39-46-86.

Сайт АмГУ: www.amursu.ru

Кафедра русского языка: учебный корпус №7,

ауд. 407, тел. 8(4162)39-45-83, e-mail: slovoamgu@yandex.ru

Кафедра русского языка
Амурского государственного университета
проводит
**ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ И СТАЖИРОВКИ
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ
для иностранных граждан**

В программу обучения входят лингвистические, лингвострановедческие и культуроведческие дисциплины, а также практические курсы, направленные на формирование и совершенствование всех видов речевой деятельности.

Подготовительные курсы по русскому языку как иностранному,

в том числе для поступления в университет и сертификационного тестирования

Сроки обучения: один год (с 1 сентября 2013 г. по 30 июня 2014 г.)

Стоимость: 75 000 рублей

Правила приема: без экзамена, на основе личного заявления.

Обучение в группе 12 человек

Программа обучения

Разговорная речь	136 ч.
Литература	68 ч.
Грамматика	136 ч.
Аудирование	68 ч.
Лексика	136 ч.
Лингвострановедение	68 ч.
Фонетика	68 ч.
Домашнее чтение	68 ч.
Письменная речь	68 ч.

Всего: 34 учебные недели, 816 аудиторных часов в год

Стажировки по русскому языку как иностранному

Сроки обучения: один год (с 1 сентября 2013 г. по 30 июня 2014 г.)

Стоимость: 75 000 рублей (1 год), 38 000 рублей (1 семестр)

Правила приема: без экзамена, на основе личного заявления

Обучение в группе 12 человек

Программа обучения

Лексикология современного русского языка	102 ч.
Морфология и синтаксис современного русского языка	102 ч.
Фонетический практикум	68 ч.
Разговорная речь	102 ч.
Язык СМИ (радио, телевидение, газета)	68 ч.
Чтение и аудирование	68 ч.

Практический перевод	34 ч .
Письмо и правила деловой переписки	34 ч.
Лингвистическое страноведение	68 ч.
Деловое общение	34 ч.
Стилистика текста	34 ч.
История русской культуры	34 ч.
История русской литературы (классика и современный период)	68 ч.

Всего: 34 учебные недели, 816 аудиторных часов в год
Количество аудиторных часов зависит от срока обучения

По окончании обучения выдается сертификат установленного образца

Культурная среда, живое общение преподавателей и студентов способствуют формированию высокого уровня владения русским языком.

В подготовке стажёров, бакалавров и магистрантов принимают участие 2 профессора, 1 доктор и 7 кандидатов филологических наук.

Иностранцы граждане могут обучаться в **магистратуре** Амурского государственного университета по направлению подготовки «**Филология**» (*специализированная программа подготовки магистров «Русский язык в межкультурной коммуникации»*) и по направлению подготовки «**Реклама и связи с общественностью**» (*специализированная программа подготовки магистров «Экспертиза рекламных и PR-продуктов»*).

Наши координаты

Почтовый адрес: Россия, 675027, Амурская обл., г. Благовещенск, ул. Игнатьевское шоссе, 21.

Тел.факс (4162)39-45-25, тел. (4162)39-46-86.

Сайт АмГУ: www.amursu.ru

Кафедра русского языка: учебный корпус №7, ауд. 407, тел. 8(4162)39-45-83,
e-mail: slovoamgu@yandex.ru.

Координатор – доцент, канд.филол.наук Старыгина Галина Михайловна,
e-mail: starygina36@mail.ru.

*Кафедра русского языка
Амурского государственного университета
проводит*

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

на основании договоров с Головным Центром тестирования иностранных граждан при Министерстве образования РФ.

**Тестирование осуществляется на соответствие
по следующим уровням владения русским языком:**

- *элементарный уровень*
- *базовый уровень*
- *первый сертификационный уровень*
- *второй сертификационный уровень*
- *третий сертификационный уровень*
- *четвертый сертификационный уровень*

✓ **Тестирование по русскому языку для приема в гражданство Российской Федерации**

ЭКЗАМЕН представляет собой тестирование на подтверждение уровня владения русским языком, достаточного для общения в условиях языковой среды. При успешной сдаче экзамена выдается государственный сертификат о прохождении тестирования.

На тестировании необходимо иметь при себе:

1. *Оригинал документа, удостоверяющего личность (паспорт и его перевод, вид на жительство, удостоверение беженца)*
2. *Копию паспорта (страница с фотографией) и его перевода, либо первой страницы вида на жительство*
3. *Квитанцию об оплате тестирования на гражданство*

Для успешной сдачи экзамена необходимо набрать не менее 65% по каждому субтесту. Если по одному из них вы получили менее 65%, вы имеете право еще раз за дополнительную плату (50% стоимости экзамена) пройти повторное тестирование по несданному субтесту. В случае несдачи тестируемому выдается справка о прохождении тестирования, срок действия которой составляет 2 года. В справке указываются результаты всех тестовых экзаменов. Результаты успешно сданных субтестов пересчитываются автоматически при повторной сдаче экзамена.

✓ **Тестирование по русскому языку трудящихся мигрантов**

Трудовые мигранты, которые работают или планируют работать в сфере жилищно-коммунального хозяйства, розничной торговли или бытового обслуживания с 1 декабря 2012 г. в соответствии с Федеральным законом от 12 ноября 2012 г. № 185-ФЗ, должны подтвердить владение русским языком в объеме не ниже базового уровня. Владение русским языком подтверждается одним из следующих документов:

а) сертификатом о прохождении тестирования по русскому языку (в объеме не ниже базового уровня общего владения русским языком), выданным образовательной организацией

(учреждением) на территории Российской Федерации или за рубежом, которой (которому) Министерством образования Российской Федерации разрешено проведение государственного тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку как иностранному языку;

б) документом государственного образца об образовании, выданным образовательным учреждением на территории государства, входившего в состав СССР до 1 сентября 1991 г.;

в) документом об образовании, выданном на территории иностранного государства и имеющим в приложении запись об изучении курса русского языка с нотариально удостоверенным переводом и свидетельством об эквивалентности документа об образовании.

Гражданам стран, в которых русский язык является государственным, подтверждать его знание не требуется.

На тестировании необходимо иметь при себе:

1. Оригинал документа, удостоверяющего личность (паспорт и его перевод, миграционную карту);
2. Копию паспорта (страница с фотографией) и его перевода, копию миграционной карты
3. Квитанцию об оплате тестирования

Для успешной сдачи экзамена необходимо набрать не менее 60% по каждому субтесту. После прохождения теста вы получаете сертификат государственного образца, в котором указан уровень владения русским языком «базовый для трудящихся мигрантов». Предполагается, что данный сертификат будет действовать в течение 5 лет.

Головным центром тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку установлена следующая стоимость тестирования:

- ✓ Тестирование трудящихся мигрантов по русскому языку для осуществления трудовой деятельности на территории Российской Федерации – 3 000 руб.
- ✓ Тестирование для приема в гражданство РФ – 5 330 руб.
- ✓ Элементарный уровень – 5 125 руб.
Базовый уровень – 5 125 руб.
Первый сертификационный уровень – 5 330 руб.
Второй сертификационный уровень – 5 740 руб.
- ✓ Третий, четвертый сертификационные уровни – 6 150 руб.

По всем вопросам обращаться **по телефону**: (8-416-2)394-583, ежедневно (кроме субботы и воскресенья) с 9 до 15.00.

Кафедра русского языка АмГУ расположена по адресу: г. Благовещенск, Игнатъевское шоссе 21. Учебный корпус № 7, 4 этаж, ауд. 407.

**Амурский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка**

Адрес: 675027, Амурская обл., Благовещенск,
Игнатьевское шоссе, 21
Тел.: (4162)394583;
Факс: (4162)394525
E-mail: slovoamgu@yandex.ru

Многоуважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие
во II Международной научной конференции
«Проблемы региональной лингвистики»,
которую проводит Амурский государственный университет
27-29 сентября 2013 г.

Предполагается обсуждение проблем существования региональных форм
национального языка, их динамики и взаимодействия

Направления работы конференции:

- ☞ *Современное языковое бытие региона*
- ☞ *Формы существования современных языков и их динамика*
- ☞ *Региолект как современное и историческое явление*
- ☞ *Территориальные диалекты на рубеже XX - XXI в.*
- ☞ *Межъязыковое взаимодействие в регионах*
- ☞ *Языки малых народов в России*
- ☞ *Русский язык в восточном зарубежье*
- ☞ *Региональная и национальная языковая картина мира*
- ☞ *Особенности языка религиозных конфессиональных сообществ в регионах*
- ☞ *Язык современного города в региональном аспекте*
- ☞ *Региональная лингвоперсонология и жанрология*
- ☞ *Региональная лексикография и источниковедение*

Просим Вас до **01 сентября 2013 г.** прислать заявку на участие в конференции и краткую аннотацию доклада (до 500 знаков) на русском и английском языках по адресу: 675027, Амурская обл., г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, кафедра русского языка или по адресу электронной почты: slovoamgu@yandex.ru

По итогам конференции планируется издание специального выпуска фольклорно-диалектологического альманаха «Слово». **Подписной индекс издания 29127. Издание входит в проект РИНЦ.** Публикация материалов для авторов бесплатная.

Правила оформления – по требованиям альманаха.

*Телефоны для справок: 8(4162)394583 – Наталья Анатольевна Сосина
89622940241 – Елена Александровна Оглезнева*

Образец заявки

1. Фамилия, имя, отчество
2. Место работы (учебы), должность, ученая степень
3. Почтовый адрес, контактные телефоны, адрес электронной почты
4. Необходимость бронирования гостиницы
5. Необходимость официального приглашения для оформления командировки
6. Участие в культурной программе (планируются мероприятия в г. Благовещенске и г.Хэйхэ, КНР)

Уважаемые коллеги!

Предлагаем оформить подписку на фольклорно-диалектологический альманах «Слово».

Подписку на 2013 г. можно оформить через Объединенный каталог «Пресса России» (зеленый; 1 полугодие) – подписной индекс 29127.

Стоимость одного номера – 453-90 руб. (по каталогу).

Подписка может быть оформлена через Сбербанк путем перечисления на счет АмГУ (образец купона прилагается; сумма указана с учетом почтовых расходов).

Копию платежного документа просим **обязательно** отправить письмом на адрес редакции:

675027, Амурская область, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, корпус 7, ауд. 407, АмГУ, редакция альманаха «Слово», Сосиной Наталье Анатольевне.

Альманах будет выслан по адресу подписчика почтой.

Извещение

ФГБОУ ВПО «АмГУ», АмГУ

(наименование получателя платежа)

ИНН 2801027174

(ИНН получателя платежа)

Р/с 40501810500002000001

(номер счета получателя платежа)

УФК по Амурской области (ФГБОУ ВПО «АмГУ», АмГУ)
КПП 280101001 л/с 20236Х50560)

в ГРКЦ ГУ Банка России по Амурской обл. г. Благовещенск

(наименование банка получателя платежа)

БИК 041012001 ОКАТО 10401000000

000000000000000000130 п.1. Доходы, получаемые
структурными подразделениями образовательного
учреждения от оказания платных услуг
(подписка на журнал «Альманах «Слово» вып. 10 на 2013 год)

(наименование платежа)

Сумма платежа четыреста руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. ____ коп.

Кассир

Итого _____ руб. ____ коп.

Квитанция

ФГБОУ ВПО «АмГУ», АмГУ

(наименование получателя платежа)

ИНН 2801027174

(ИНН получателя платежа)

Р/с 40501810500002000001

(номер счета получателя платежа)

УФК по Амурской области (ФГБОУ ВПО «АмГУ», АмГУ)
КПП 280101001 л/с 20236Х50560)

в ГРКЦ ГУ Банка России по Амурской обл. г. Благовещенск

(наименование банка получателя платежа)

БИК 041012001 ОКАТО 10401000000

000000000000000000130 п.1. Доходы, получаемые
структурными подразделениями образовательного
учреждения от оказания платных услуг
(подписка на журнал «Альманах «Слово» вып. 10 на 2013 год)

(наименование платежа)

Сумма платежа четыреста руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. ____ коп.

Кассир

Итого _____ руб. ____ коп.

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

(подпись плательщика)

« _____ » _____ 20 ____ г.

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

(подпись плательщика)

« _____ » _____ 20 ____ г.

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

Для заметок

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Выпуск 10. Научное издание.

Изд-во АмГУ. Подписано к печати 24.04.2013. Формат 60x84/8. Усл.-печ.л. 29,29.

Тираж 1000. Заказ 403.

Отпечатано в типографии АмГУ.